НГО
ТАТ
ТО
•
НГУЕН
КОНГ
ХОАН

НГО ТАТ ТО • НГУЕН КОНГ ХОАН

Нго Тат То

Нгуен Конг Хоан

БИБЛИОТЕКА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Сластененко
Н. Т. Федоренко
Н. И. Никулин
А. А. Клышко
Т. П. Редько
М. Н. Ткачев
И. П. Зимонина

МОСКВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

НГО ТАТ ТО

СОСТЯЗАНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ

Роман

◆

НГУЕН КОНГ ХОАН

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ

Перевод с вьетнамского
Н. НИКУЛИНА

МОСКВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

И (Вьет)
Н 38

Вступительные статьи
Н. НИКУЛИНА

Оформление художника
Л. ЧЕРНЫШЕВА

Н $\frac{4703000000-309}{028(01)-82}$ 178-82

© Вступительная статья и переводы, отмеченные в содержании *. Издательство «Художественная литература», 1982 г.

НГО
ТАТ
ТО

СОСТЯЗАНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ

Роман

Сложный, даже, можно сказать, причудливый путь, который проделала в первой половине XX века вьетнамская интеллигенция, нашел свое отражение в личной судьбе писателя Нго Тат То. Он был выходцем из потомственной, хотя и вконец обедневшей семьи ученых-книжников. Нго Тат То с детства впитывал в себя, как это повелось испокон веков в домах вьетнамского феодального образованного сословия, дух и идеи конфуцианства, считавшиеся на протяжении тысячелетий непогрешимыми. Потом Нго Тат То нашел в себе мужество критически отнестись к ним; он стал писателем, одним из тех, кто создавал современную вьетнамскую прозу, перешел на позиции демократии и свободолюбия, живо воспринимал свежие веяния. А после Августовской революции 1945 года [1], уже будучи деятельным участником антиколониального Сопротивления, вступил в коммунистическую партию и вместе с другими писателями-патриотами немало потрудился для создания новой культуры социалистического Вьетнама.

Творчество Нго Тат То прежде всего связано с вьетнамской деревней, в своих произведениях он правдиво рассказывает о том, что скрывалось за идиллически безмятежной оградой из живого зеленеющего бамбука, которой окружены вьетнамские деревни. Наряду с этим его привлекало историческое прошлое родного народа и его культуры.

Родился Нго Тат То в 1892 году [2] в семье сельского учителя

[1] Августовская революция 1945 года привела к освобождению страны от чужеземного гнета и образованию первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян — Демократической Республики Вьетнам.

[2] По другим сведениям — в 1894 году.

конфуцианской премудрости неподалеку от Ханоя, в провинции Бакнинь, славящейся на весь Вьетнам звонкоголосыми певицами и народными праздниками песни. Его детство и юность протекали в те годы, когда французские колонизаторы, подавив вооруженные выступления вьетнамских патриотов, приступили к «освоению», то есть эксплуатации завоеванной, но не покорившейся страны. Старинная система образования и традиционные экзамены на ученую степень находились накануне окончательной отмены. Нго Тат То принадлежал к последнему поколению ученых-книжников, учившихся в старовьетнамской школе, где главным считалось изучение иероглифики, книг конфуцианского канона. Художественная литература числилась среди «посторонних» книг, недостойных внимания ученых мужей. Однако у них было в обычае, хотя это и не поощрялось школой, интересоваться классической литературой Вьетнама и Китая. Любознательный юноша Нго Тат То искренне увлекался «посторонними» книгами и впоследствии выступал и в качестве литературоведа. Известны его работы «Поэзия и чувство», «Вьетнамская литература периода династии Ли» и другие.

Скорее по инерции и по традиции (его дед был обладателем ученой степени), чем из искреннего стремления стать чиновным господином, Нго Тат То дважды, в 1912 и в 1915 годах, участвовал в межпровинциальных экзаменах. Но ученой степени он не получил — а только она открывала путь к чиновничьей карьере. Правда, на предварительных местных испытаниях в родной провинции Бакнинь Нго Тат То занял первое место. По иронии судьбы эти испытания оказались последними в истории провинции, и земляки в память о том почтительно именовали Нго Тат То первым лауреатом последних экзаменов.

В 1918 году старинная экзаменационная система, просуществовавшая во Вьетнаме восемь с половиной веков, была отменена. Нго Тат То, еще молодой человек, ищет в жизни других путей. Он обращает свой взор к европейской образованности, культуре, литературе — «новому учению», ищет в жизни иных путей. Он пробует (и успешно!) свои силы в журналистике, сменив, как тогда говорили, кисточку и тушь на стальное перо. Он писал о том, что хорошо знал: о сельских жителях, их забитости и темноте. Им двигали просветительские идеи. Работа в столичных журналах не обеспечивала средств к существованию. В поисках заработка он едет в Сайгон. В творчестве писателя появляется новая тема: он пишет историческую повесть «Весны и осени Нго Вьета».

Вьетнамская литература того времени переживала период коренных перемен: формировались современная драматургия,

поэзия, проза. Перемены отнюдь не были только внешними. Писатель теперь творил для иной читательской аудитории — для учащейся молодежи, интеллигенции, уже знакомых с «новым учением». Основные свои произведения дореволюционного периода Нго Тат То создает в 30-е годы.

Начало 30-х годов нашего столетия во Вьетнаме ознаменовалось выступлениями пролетариата и крестьянства под руководством Коммунистической партии Индокитая. Несмотря на жесточайший кровавый террор, попытки колонизаторов задушить национально-освободительное движение вьетнамского народа терпят провал.

Уже в 1935 году под влиянием победы Народного фронта во Франции борьба за создание единого национального фронта под руководством коммунистов развертывается и во Вьетнаме. В 1937 году Нго Тат То печатает в газете «Тыонглай» («Будущее») рассказ «Мрачное небо», посвященный вьетнамскому коммунисту, прожившему короткую, но яркую жизнь.

В это время на волне широкого демократического движения во вьетнамской литературе крепнет направление критического реализма («описания сущего»). Писатели этого направления Нго Тат То, Нгуен Хонг, Ву Чонг Фунг, Нгуен Конг Хоан и другие в своих произведениях обличали колониально-феодальный гнет, преступления и разбой, чинимые колонизаторами и их приспешниками.

Свои замечательные книги о жизни вьетнамской деревни: повесть «Лампа гаснет» (1939) и очерки «Дела деревенские» (1940) — Нго Тат То создает уже в период усилившейся реакции. Но в этих книгах он смело ставит многие острые вопросы своего времени.

«Государев закон отступает перед обычаями деревни»,— гласит вьетнамская народная пословица, которую Нго Тат То взял в качестве эпиграфа к книге «Дела деревенские». И в «Делах деревенских», и в повести «Лампа гаснет» писатель разоблачает дикий произвол помещиков, старост и чиновников, возведенный в священный обычай и высший закон дореволюционной вьетнамской деревни, одновременно он с искренним сочувствием изображает тяжелую жизнь трудового крестьянства, показывает честность, мужество и силу простого человека. Повесть «Лампа гаснет» целиком построена на контрастах. Тут не только бесправие одних и всесилие других, нищета и богатство, но и утверждение морального превосходства человека из народа над своими угнетателями. В центре повести — образ молодой батрачки Зау. Чтобы спасти мужа, брошенного в темницу за недоимку, она решается на страшный шаг — продать свою семилетнюю дочь помещику,

который одновременно и ростовщик, и член марионеточного парламента — «палаты депутатов народа». Выразительна сцена, в которой Зау, доведенная до отчаяния, бросается с кулаками на своих мучителей. Иронические нотки звучат в повести всякий раз, когда Нго Тат То говорит о чиновниках, о деревенской верхушке. Резкость линий, доходящая до гротеска и карикатурности в изображении социальных верхов — помещиков, деревенских старост, чиновных правителей и богатеев, весьма характерна для вьетнамских писателей-реалистов.

В 1940 году французские колонизаторы во Вьетнаме капитулировали перед японскими милитаристами. Страна оказалась под двойным иноземным гнетом. В удушливой атмосфере реакции, которая воцарилась тогда в стране, благодатную почву нашли себе идейки японских милитаристов о «Великой Азии», усиленно насаждался петэновский курс на возрождение феодальных порядков и идеологии. В эти мрачные времена книжный рынок Индокитая наводнили «исторические» сочинения и романы, в которых средневековье выдавалось за некий золотой век, превозносились, вопреки историческим свидетельствам, ум, таланты и другие воображаемые достоинства феодальных правителей. Экзаменационная система, служившая для подготовки чиновников, была объявлена вершиной государственной мудрости и справедливости.

Иной точки зрения придерживался писатель-реалист Нго Тат То, создавший роман «Состязание в императорском дворце», в котором основным объектом изображения и тонкой, продуманной критики становятся экзамены, искалечившие тысячи жизней.

Роман поначалу печатался по частям — «фельетонами» — в газете «Тхёйву» («Время») с марта 1939 года, а в 1941 году вышел отдельной книгой. Действие романа отнесено ко временам правления династии Нгуенов — к середине XIX века, хотя автор лишь косвенно дает намеки на хронологические рамки происходящего, стремясь тем самым придать изображаемому в романе как можно более широкое, обобщающее звучание. Экзаменационная система во времена, о которых говорится в романе, еще держится крепко, но изнутри уже прогнила. Пройдет еще полсотни, а то и меньше лет — и она потерпит полный крах, рассыплется, будет упразднена. А ученые мужи, которые так уповали на свои экзаменационные успехи, разбредутся кто куда: одни станут сельскими учителями, другие «переквалифицируются» в гадателей, храмовых служек и т. п. Еще в 50-е годы на улицах Ханоя можно было видеть расположившихся на циновках пожилых людей в черных халатах и головных повязках, белых штанах и с черными зонтами — словом, в традиционном обличье ученых мужей, кото-

рые занимались гаданием, писали красивым почерком благопожелания.

Главный герой романа — талантливый и образованный юноша Ван Хак критически смотрит и на экзамены, и на всю систему старовьетнамского образования, основанную на зубрежке текстов, зачастую совершенно непонятных учащимся. Бесконечные запреты и правила, вся мертвящая атмосфера экзаменационной системы способствовала воспитанию покорности и искоренению творческого начала, которое считалось признаком гордыни. Вокруг экзаменов строится все повествование в романе, в иных местах рассказ о них становится как бы самоцелью: Нго Тат То дает понять, что его роман является свидетельством очевидца и участника экзаменов, а его герои несут некоторые автобиографические черты. Драма Ван Хака, ставшего жертвой экзаменационной системы, была очень близка писателю. Строгая регламентация во всем, непременное соблюдение всяческих церемоний и субординации (чего только стоят одни унизительные обряды, когда надлежит, пав ниц, отбивать поклоны!) — все это оскорбляло, коверкало души ученых мужей, которые, подобно Ван Хаку и его приятелям, часто бежали в «веселые» кварталы, чтобы в их непринужденной атмосфере забыться, отдохнуть, почувствовать себя свободными.

В предисловии к роману Нго Тат То так формулирует свое отношение к экзаменационной системе: «Эта система способствовала становлению вьетнамской культуры, но она же привела вьетнамское государство к гибели». Писатель видит в системе экзаменов и свое прошлое, свою молодость, видит в ней явление национальной культуры, но от идеализации этой системы он очень далек.

Августовская революция 1945 года застала Нго Тат То в родной деревне. Писатель приветствовал революцию, он был организатором народной власти у себя в родных краях. Когда в 1946 году началась война Сопротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов, Нго Тат То ушел вместе с Народной армией в джунгли, сотрудничал в военной газете, на страницах которой печатались его статьи, стихи, казао — короткие, очень лаконичные песни, похожие на русские частушки.

Работая в труднейших условиях, писатель создает пьесу о героизме тружеников тыла «Ударница Буй Тхи Фак», удостоенную национальной премии литературы за 1952 год. Пьеса написана в жанре тео — традиционной музыкальной народной драмы, в которой сочетаются музыка, пение и декламация. Пьеса имела успех. Ее многократно ставили и на профессиональной, и на самодеятельной сцене.

Нго Тат То проявлял интерес к советской литературе. В начале 50-х годов он переводит «Железный поток» Серафимовича, книгу, которая была удивительно созвучна тогдашней обстановке партизанской войны во Вьетнаме.

Нго Тат То не дожил до победы своего народа, до восстановления мира в Индокитае в июне 1954 года. Он скончался 20 апреля 1954 года в горах Северо-Западного Вьетнама.

Нго Тат То воплощал собою непосредственную преемственность между литературой нового Вьетнама и лучшими демократическими традициями национальной культуры прошлого. Тонкий, наблюдательный художник, он превыше всего ценил правдивость искусства, в этом видел его силу, убедительность, действенность. И в своих произведениях неуклонно следовал самым высоким художественным и нравственным принципам.

Н. Никулин

СОСТЯЗАНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ

Роман

I

Уже с полмесяца, как все обитатели деревни Ванкхоа охвачены радостным оживлением. Их молодой односельчанин Чан Данг Лонг, успешно сдав экзамены в столице, удостоился высшей ученой степени тиенши. И в общинном доме [1], и возле караульных вышек, и у палатки, где торгуют прохладительными напитками, с утра до вечера толкутся почтенные старцы и старушки — уж больно им охота посудачить о столь важном событии, припомнить дела стародавние, побалагурить да заодно покурить лаосское снадобье [2], бетелем [3] попотчеваться.

Ну, а старики, они, всем ведомо, втихомолку не могут — друг дружку перебивают, стучат посохами с железными остриями, препираются,— словом, дым коромыслом стоит. То вдруг один принимается уверять: повезло их земляку оттого, что общинный дом в Ванкхоа построили на благоприятном месте. Другой ему перечит: семейство Чан Данг Лонга спокон веку правильно располагало могилы предков, потому и привалило ему счастье. А какая-нибудь старушка из тех, что побойчей, норовит вставить свое: удача эта ниспослана Буддой досточтимой матушке молодого тиенши в награду за благочестие: не осталось

---

[1] О б щ и н н ы й д о м — помещение, в котором собирались члены деревенской общины для решения важных дел, а также для совершения ритуальных обрядов.

[2] Л а о с с к о е с н а д о б ь е — средство для курения, приготовляемое из листьев растения, родственного табаку.

[3] Б е т е л ь — пряная смесь для жевания, приготовляемая из листьев тропического растения бетеля, орешков арековой пальмы и небольшого количества извести.

ни одного храма в округе, где бы она не побывала с моленьями. Другая старушенция знай себе нахваливает молодую супругу Чан Данг Лонга: и благонравна, мол, и скромна, и разумеет, как держать себя со старшими, а как — с младшими.

Непременно находится среди стариков и такой, кто помянет и о добром предзнаменовании: цветы на хлопковом дереве появились в начале первого месяца по лунному календарю. А разве не к добру и то, что, едва наступило лето, с кровли общинного дома кричал пересмешник?

Разговоры велись вокруг одной-единственной темы, но она, видать, нисколько не приедалась. А сегодня ни свет ни заря подняли сельчан три могучих удара в барабан да отчаянный треск деревянных колотушек.

Сам староста, с дубинкой на плече, помчался к караульной вышке, следом за ним поспешали его помощник и начальник стражи. Все трое перепоясаны алыми шелковыми поясами.

Загудела сигнальная раковина, ей в лад завторили рожки. И со всех концов деревни пошли-потянулись люди к общинному дому. У каждого в руках заступ, мотыга или лом. Вереницей прошествовали мужчины с лопатами да серпами в руках. За ними потянулись женщины с пустыми корзинами на коромыслах. У мужчин штаны закатаны выше колен, у женщин юбки подоткнуты так, что виднеются икры ног. Общинный дом, вся площадь перед ним и караульной вышкой наполнились гомоном. И по мере того как солнце поднималось все выше и выше, общее оживление нарастало.

Солнечные блики, пробившись сквозь заросли бамбука, весело заплясали на черепичной крыше, и даже воробьи своим щебетом приветствовали людей.

И вот уже весь чай из огромного чайника разлит в десятки протянутых чашек, и два ведра сушеных орешков арековой пальмы вмиг разошлись. До чего ж всем не терпится приняться за дело! Наконец, словно воинство, ринувшееся в битву, несколько сотен людей с шумом и гамом хлынуло к деревенским вратам, миновало их и заполонило всю дорогу, вплоть до того места, где кончается принадлежащий деревне участок.

Под бдительным оком старосты, его помощника и начальника стражи народ занялся приведением в порядок дороги: выбоины — заровнять, траву по обочинам — вы-

корчевать и отнести в поле, залитое водой, вырубить кустарник, прилепившийся к деревенской ограде, обрезать бамбуковые ветви, которые слишком низко нависли, а уж о мусоре, что годами копился на деревенской улице и в переулках, и говорить не приходится — уничтожить!

Староста и его подручные неустанно подгоняют людей. То там, то сям раздаются протяжные звуки сигнальной раковины.

Солнце печет все отчаянней, жара становится нестерпимей. На бронзовых лицах людей проступили капельки пота. Но зною первых летних дней не умерить рвения крестьян! Еще далеко до полудня, а разбитый проселок превратился в ровную ленту, засверкавшую в солнечных лучах, словно новехонький шелковый пояс.

Под веселые шутки и смех — ни дать ни взять наступил новогодний праздник — повалил люд обратно к общинному дому. Славно потрудились, не грех и чайку выпить, и бетель пожевать в тенечке. А вот и староста появился на галерее.

— Близится полдень! — громогласно объявляет он.— Отпускаю вас по домам, дабы вы могли совершить омовение и оставить инструмент. Затем всем надлежит собраться у дома господина Чан Данг Лонга. Нам предстоит еще разбить шатры, сколотить топчаны, подготовить блюда, чашки, подносы, котлы. Мешкать никак нельзя, иначе не управимся к сроку!

Толпа стала разбредаться по домам.

Начальник стражи отрядил дозор к деревенским воротам. Староста же в сопровождении помощника и старейшин направился к дому виновника торжества.

В этом доме все, от ворот до самого укромного уголка на кухне, казалось, излучало довольство и радость. Ближайшие родственники были уже в сборе. В центральной зале на кресле, скрестив ноги, восседал сам батюшка новоиспеченного тиенши. На почетном месте рядом расположился глава всего рода, он неторопливо обмахивался веером, ведя степенную беседу о предстоявшей завтра церемонии.

Во дворе суетились матушка и супруга молодого господина, отбирали нужную посуду и при этом то и дело отдавали распоряжения слугам и домочадцам.

Раскланявшись с родителями молодого тиенши, а также с уважаемыми старцами, староста, его помощник и почтенные сельчане уселись в некотором отдалении.

Гости все прибывали, и вскоре в доме стало многолюдно, как на рынке. Старейшины начали отдавать распоряжения, каждому нашлось дело: женщин отрядили либо к соседям за котлами, блюдами и чашками, либо по воду — наполнять огромные кувшины. Мужчин разделили на две артели: одни разбивали шатер, сколачивали топчаны и стулья, расставляли утварь, другие пошли забивать свиней, предназначенных на сегодняшний обед.

Звон посуды и крики временами перекрывались свиным визгом, доносившимся из-за огорода. В очагах запылал огонь, да и от людей, увлеченных работой, так и пышет жаром.

К полудню сварили обед и сладили два огромных шатра. Топчаны и кровати в доме и во дворе застелили длинными циновками, на них расставили блюда с зеленью и аппетитными кусками свинины.

Вот тогда-то и раздался зычный, как у истинного полководца, голос главы рода Чан:

— Прошу вас, уважаемые соседи, отведать угощение! Вы, верно, проголодались. Оставьте на время свои дела, после обеда успеете доделать.

И столько непререкаемой властности слышалось в этом голосе, что люди вмиг оставили работу и распрямили согбенные спины.

Односельчане расселись на циновках: мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, по четыре, по восемь человек, кому как удобно.

Возле одного подноса просили подлить вина, возле другого — подать рису, где-то не хватило похлебки или рыбного соуса. В узких проходах между топчанами так и сновали взад-вперед подавальщики.

Гости усердствовали в еде не менее, чем в работе, и к тому моменту, когда солнце перевалило зенит, чаши и блюда были уже пусты.

Глава рода Чан оказался человеком, знающим, как в его положении надо себя держать, заговорил приличествующим случаю тоном:

— Прошу, уважаемые соседи, угощайтесь бетелем, чаем и возвращайтесь каждый к своему делу. Вижу я, работы у нас еще много. Придется приложить немало стараний, чтобы все закончить ко времени.

Подносы с грязной посудой отнесли в кухню, а на циновках расставили блюда с бетелем и вереницы чайников

с зеленым чаем. Прошло еще с четверть часа, и все шумно поднялись.

Работа закипела вновь. Из-за дома, где мужчины забивали буйволов и быков, доносились мычанье и хрип. В шатрах застучали ножи о кухонные доски — там женщины разделывали мясо. На дворе тем временем рушили рис, и несколько десятков пестов с грохотом опускалось в каменные ступы. Потом клейкий рис сварят с плодами бальзамки, отчего он станет красноватым, и выложат на лакированные подносы вместе со свиной головой или шейной частью, а рядом поставят кувшинчик с вином и блюдо с бетелем.

Как только во двор вынесли несколько подносов с рисом и мясом, облаченный в синий церемониальный халат глава рода Чан от имени батюшки нового тиенши отправился совершить моления в общинном доме, храме Будды, в часовне Конфуция и родовых часовнях.

Стража у деревенских ворот громко ударила в сигнальный барабан. Раздался треск разрывающихся хлопушек, начиненных порохом. Это явились с поздравлениями двое близких друзей хозяина дома. Не меняя горделивого выражения лица, хозяин дома неторопливо опустил ноги на пол, осторожно сунул их в туфли и с важностью выступил навстречу друзьям. Приветив их земным поклоном, он пригласил дорогих гостей на почетные места.

Снова у деревенских ворот гремит барабан. Вслед за тем появляются начальник тонга[1] с помощником и старосты окрестных деревень. Они длинной вереницей проходят в шатер. Впереди их слуги несут подношения — свертки с зеленым чаем, ящик хлопушек, блюдо с персиками.

Радушные родственники хозяина еще только приглашают гостей присесть, а те вежливо уступают друг другу почетные места, как у деревенских ворот вновь грохочет барабан: процессия человек в сорок несет красные шелковые полотнища с начертанными на них благопожеланиями.

С этого момента барабан почти не умолкает, гостей с каждой минутой прибывает все больше и больше. Еще не расселись одни, как входят новые. Родственники хозяина, отряженные принимать гостей, обливаются потом. Сбив-

---

[1] Т о н г — старинная административная единица, объединявшая несколько деревень.

шиеся с ног мальчишки не успевают подносить гостям чай.

На письменном столе и топчанах перед домом горой громоздятся подарки: чай, хлопушки, орешки арековой пальмы. Все стены уже завешаны дарами — шелковыми панно с благопожеланиями.

Суетятся слуги и домочадцы, разнося блюда с рисом, пампушками, тушеной свининой. Гостей усаживают пировать. Во всем соблюдают черед: сперва угощают тех, кто пришел раньше, затем тех, кто явился позже. Вносят в шатры полные подносы, пустые выносят.

Стало смеркаться. Число гостей несколько поуменьшилось. А тут и барабан возвестил, что деревенские ворота пора запирать на ночь; зажглись свечи, фонари, лампадки, подвешенные в плетенках из бамбуковой дранки. На дворе и в шатрах стало светло, как днем.

Глава рода Чан снял с себя синий церемониальный халат и велел его убрать. Затем подозвал старосту с помощником и спросил:

— Все ли готово к завтрашнему дню?

— Разрешите доложить, почтенный,— поспешил его уверить староста,— все приготовлено.

— У двух флагов с изображениями священных животных [1] древоточец, осмелюсь доложить, древко источил, пришлось заменить,— услужливо добавил помощник.

— Кто пойдет в процессии? Выделены ли люди? — осведомился глава рода Чан.

— Да, почтенный, выделены. В процессии пойдет больше сотни человек, все из числа жителей нашей деревни. Родственников уважаемого тиенши Чан Данг Лонга мы участвовать в процессии не назначили.

Глава рода Чан слегка нахмурил брови.

— Об этом и говорить нечего. У вас и права нет назначать в процессию родственников нового тиенши. Вы не забыли предупредить людей, чтобы оделись понаряднее?

— Почтенный! Я приказал всем надеть красные рубахи и подпоясаться зелеными поясами. У кого нет, пусть позаимствуют у соседей.

Глава рода Чан удовлетворенно кивнул:

— Да-да! Все должно быть как можно торжественней.

---

[1] Четыре священных животных: дракон, единорог, черепаха и феникс.

На нас весь тонг, весь уезд смотрит. Никак нельзя лицом в грязь ударить — засмеют.

Вошел стражник, из тех, что стояли в дозоре у ворот, и, сложив руки, приблизился к главе рода Чан.

— Почтенный, явились лицедеи, желают показать представление тео.

Глава рода Чан на мгновенье задумался.

— Прикажи им подождать,— проговорил он.— Когда время приспеет, за ними пошлют. Впрочем...— Он глянул прямо в лицо старосте и его помощнику и, указав рукой в сторону самого большого шатра, сказал: — Распорядитесь, чтобы приготовили место. Пусть покажут представление прямо сейчас.

Староста с помощником возликовали, точно слуги, получившие от господина приятственное поручение, и тотчас понеслись передать деревенским парням распоряжение главы рода Чан.

Утварь и мебель живо переставили, и с десяток лицедеев под барабанный бой втащили в опустевший шатер два длинных тяжелых ящика. Следом за ними в шатер набились зрители. Ребятишек невозможно было унять, да и взрослые расшумелись, как на базаре.

На веревку, натянутую промеж двух столбов, лицедеи набросили несколько халатов. Получилось нечто вроде занавеса. И тотчас они в своем закутке извлекли из ящиков коробки с румянами и пудрой, а на столе разложили шапки, шитые золотом и серебром, чиновничьи шапки с торчащими «ушами» и прочий реквизит.

Шатер со всех сторон обступили люди.

Грянул барабан, затрещали деревянные колотушки, взвизгнули медные тарелки.

Представление началось.

Все стихли и уставились на открывавшего спектакль лицедея. Он с превеликой важностью обмахивался бумажным веером, вдруг резким движением свернул его и, весь подобравшись, напевно произнес:

— Вспомним-ка времена давние, дела старинные. Жил-был некогда юноша, звали его Лыу Бинь...

По толпе пробежал шумок:

— Значит, сегодня представляют «Лыу Бинь и Зыонг Ле».

Обо всем на свете позабыв, люди упивались действом: хлопали в ладоши, топотали, ревели. До слез хохотали, когда шут на сцене вместо слова «переправа» сказал «при-

права». И все от души жалели беднягу Лыу Биня, когда он получил в угощенье от своего лучшего друга Зыонг Ле протухший рис да заплесневелую тыкву.

В полночь представление кончилось. Заключительный удар барабана — и зрители начали расходиться. Глава рода Чан с важностью приказал старосте и его помощнику:

— Уже полночь, завтра в ранний час отправляться в дорогу. Кликните, пусть принесут вина и закусок да угостят тех, кто завтра пойдет в процессии. Час уже поздний.

II

Нешуточным испытаниям подвергает судьба молодую Тхюи. Всего лишь год она замужем, а уж сколько тревог и волнений выпало на ее долю! До сих пор ей памятна ночь накануне свадьбы. Глаз не сомкнула тогда девятнадцатилетняя невеста, все думала и гадала, как сложится жизнь в супружестве. Жениха своего она еще не видела, знала о нем только, что он вышел победителем на местных экзаменах, что величают его Чан Данг Лонгом. И смущенье и робость владели тогда Тхюи. Каким окажется ее суженый? Что следует ей сказать при первой встрече?

А вскоре после свадьбы — новое испытание. Муж получил на экзаменах степень кыняна[1]. Впрочем, титул супруги кыняна не сулил почти ничего необычного, несколько месяцев жизнь молодой женщины текла покойно и счастливо.

Но сегодня... Конечно, если здраво рассудить, то положение супруги тиенши мало чем отличается от положения супруги кыняна, точно так же, как ее прежнее звание почти не разнилось со званием супруги победителя на местных экзаменах. И все-таки... Уж одно то, что ей предстоит принять участие в почетной процессии и быть в центре внимания множества людей, повергает молодую женщину в трепет.

Ну скажите, многим ли ее ровесницам довелось пережить подобное? Как же вести себя, как с людьми говорить,

---

[1] Кынян — вторая ученая степень; она присуждалась победителям межпровинциальных экзаменов.

как сидеть и стоять, чтоб не уронить достоинства? Хоть бы кто подсказал!

Вот трижды пробил сигнальный барабан на караульной вышке, а это значит, что пора собираться в путь. Прибавив огня в лампе, молодая женщина взялась за гребень, распустила волосы. Надо бы причесаться тщательнее обычного. Но известное дело: ежели надо, никогда не получится аккуратная прическа. Один, другой, третий раз попыталась Тхюи сделать ровный пробор посредине. Ничего не выходит! Она начала нервничать, а тут как назло застучали в свой барабан лицедеи в шатре. Вошла свекровь, позвала молодуху завтракать. Пришлось отложить гребень и зеркало.

Не чувствуя от волнения вкуса пищи, Тхюи проглотила самую малость риса и выпила две чашечки чая. Затем перешла в соседнюю комнату, приготовила арековые орешки, бетель, табак, уложила все это в красный лакированный сундучок, не позабыв добавить несколько свежих цветков туберозы.

В других домах деревни тоже покончили с ранним завтраком и потянулись к дому тиенши за флагами, опахалами и паланкинами для процессии.

У Тхюи в ушах отдавались удары собственного сердца. Она дрожащими руками открыла сундук, извлекла оттуда еще ни разу не надеванный наряд. Длинное платье и шаровары оказались ей точно впору, а вот туфли были тесноваты и больно жали. Ну да ничего, можно потерпеть.

В шатре грянули гонги и барабаны, и родители господина тиенши приказали позвать невестку. Потом они втроем вышли на галерею. А во двор уже внесли четыре открытых розовых паланкина с изогнутыми ручками. Когда гонги и барабаны загремели вновь, носильщики опустили на землю три паланкина из четырех; в них уселись родители лауреата и его супруга. Гонги и барабаны загремели в третий раз, а потом размеренно отсчитали еще три удара. Тотчас засветились четыре пары фонарей, указывая путь носильщикам паланкинов, и шествие медленно потянулось к воротам деревни. Впереди несли пустой паланкин, во втором восседал почтенный родитель, в третьем — матушка и в четвертом — супруга господина тиенши. Вслед за ними шли мужчины и юноши с флагами, опахалами, расшитыми шелковыми зонтами.

Когда миновали ворота, гонги и барабаны замолкли, флаги свернули, а зонты сложили. Если бы не гром-

кий говор и не мерцающие фонари, всю эту колонну бредущих куда-то во мраке людей можно было бы принять за военный отряд, пробирающийся к вражескому стану.

Когда процессия подошла к ближайшему перекрестку, то в желтом фонарном свете стало видно, что ей наперерез движется другая колонна. Это шли жители соседних деревень. Несколько человек из встречной процессии низко поклонились родителям и супруге молодого тиенши. Обе процессии соединились и общим потоком устремились далее.

Жителям Ванкхоа впервые выпала честь называться односельчанами тиенши, а потому они почитали себя много выше жителей других деревень того же тонга. Они — хозяева процессии, а остальные, как говорится, сбоку припека.

Близилось утро, и надобность в фонарях отпала. Уже можно было разглядеть одежду и лица всех шествующих на встречу тиенши. Один из парней деревни Ванкхоа — он нес на плече свернутый флаг — обернулся, оглядел мужчин соседних деревень и, улыбаясь, проговорил:

— Ох, права поговорка: «У тиенши весь округ под каблуком». Смотрите-ка, какой почет оказывают нашему Чан Данг Лонгу! Весь тонг ради него на ноги подняли.

Почтенных лет сельчанин с расшитым зонтом в руках тотчас отозвался:

— Сейчас не то что прежде. Вчера я слышал от одного старика: в давние времена, при династии Ле[1] или даже еще раньше, нового тиенши ходили встречать всем тонгом или всем уездом с флагами и опахалами аж до самой столицы! Но при императоре За Лонге[2], когда столицу перенесли из Ханоя в Хюэ, простому люду разрешили встречать новых тиенши в своем уездном центре. Очень уж далеко до Хюэ, особенно из северных провинций.

В разговор вмешался молодой человек с большим зонтом:

— А правду говорят, что в старину тиенши большую власть имели? К примеру, где хотели, там и отрезали себе землю, уезд им новые ворота из камня возводил, а жители тонга — новый дом.

---

[1] Династия Ле правила во Вьетнаме с 1428 по 1789 г.

[2] За Лонг — основатель династии Нгуен, правил с 1802 по 1820 г.

Парень с флагом отозвался:

— Да что там в старину! Месяц назад, когда семейство Чан получило радостное известие из столицы, молодая госпожа позвала меня утром, приказала в доме прибрать, во дворе и в саду, а днем, когда папаша нашего тиенши распустил всех своих учеников, мне велено было побрызгать водой на галерее, рядом с учебным залом. Тут я и слышу, как почтенный родитель рассказывает главе рода Чан: «То место, где теперь деревня Кимлиен, возле большой дороги, неподалеку от реки Дуонг, прежде принадлежало деревне Ван. А потом кто-то из рода Динь — имя запамятовал я — удостоился степени тиенши и забрал тот участок земли себе под усадьбу. Вместе с господином Динем поселились там его слуги и домочадцы. Вот так возникла новая деревня». А вы говорите: кирпичные ворота, новый дом...

Все трое сокрушенно покачали головами, и кто-то добавил:

— Эх, жаль! Кабы тот обычай сохранился до наших дней, мы бы тоже двинулись за молодым тиенши и основали новую деревню Ванкхоа!

Так, за разговорами, и не заметили, как очутились у палаток со сладостями. По знаку почтенного родителя молодого тиенши процессия остановилась.

Люди, покинувшие свои дома еще задолго до рассвета, успели проголодаться. Они потянулись к палаткам, окружили их. У кого были деньги, покупал фрукты, сладости, лепешки, а безденежные развернули свои припасы — сухой рис да соль с кунжутом.

Солнце уже поднялось довольно высоко. Дорогу запрудили не только те, кто шел на рынок, но и толпы праздношатающихся.

Не успели участники процессии сделать по глотку воды и перекусить, как последовал приказ двигаться дальше. Пока что народ шел вольно, не соблюдая особого порядка. Шагали то медленней, то быстрей, флаги, опахала и зонты каждый держал как ему удобней. Одни тащились задрав головы кверху, другие понуро плелись, не отрывая глаз от земли.

К середине дня процессия добралась до главного города провинции. Все жители высыпали на улицу, чтобы полюбоваться редким зрелищем.

В те времена всякий тиенши, только что удостоенный этой степени, сразу же после получения флагов и табли-

чек с надписями отправлялся из столицы прямо в главный город своей провинции и наносил визит губернатору. Останавливался он обычно на постоялом дворе. Туда-то и являлась за ним процессия.

Случилось, однако, так, что губернатором этой провинции был человек, который любил оказывать покровительство ученым. Молодой, блещущий умом тиенши Чан Данг Лонг пришелся ему особенно по нраву, поэтому, вопреки обычаю, он оставил гостя у себя в доме, отправив в уезд соответствующее уведомление.

Именно по его приказу процессия с паланкинами, зонтами, флагами и опахалами была беспрепятственно пропущена в городские врата.

У ворот губернаторского дома родители и супруга Чан Данг Лонга сошли с паланкинов и пошли пешком.

Грозно зарокотал сигнальный барабан. Из дома вышел воин губернаторской охраны и передал ближайшим родственникам приглашение войти. Все остальные уселись на траве за воротами, прислонив флаги, опахала, зонты и паланкины к ограде. Чтобы скоротать время, они жевали бетель, курили.

Миновало полчаса. Все толпились вокруг чайников со свежей заваркой и бамбуковых кальянов с лаосским снадобьем, когда в дверях губернаторского дома показался сам тиенши со своим батюшкой. Все старейшины тотчас застыли в нижайшем почтительном поклоне. Остальные забегали, засуетились, расхватывая каждый что нес.

Тридцать два носильщика, в высоких, с острыми шишаками шляпах, в синих рубахах с красной каймой подхватили паланкины и побежали к воротам. В ожидании тиенши и его родственников они опустили паланкины чуть не до самой земли.

Господин тиенши был как две капли воды похож на тех игрушечных бумажных тиенши, которых продают каждый год в полнолуние восьмого месяца. Обут он был в черные, с загнутыми вверх носками сапоги, одет в длинную синюю юбку, голубой халат и ушастую шапку с вышитыми серебром цветами. Он первый с достоинством занял свое место в паланкине и, опершись рукой о подушку, устроился поудобнее. Вслед за ним расселись в своих паланкинах его родители и супруга.

От радости и смущения щеки Тхюи вспыхнули жарким румянцем. Дождавшись, пока ее повелитель, его отец и мать усядутся, она подобрала обе штанины и, слегка

выдвинув ноги из туфель, опустилась, опираясь на руки, в паланкин.

Носильщики, все тридцать два, вскинули паланкины на плечи, готовясь двинуться в обратный путь.

Участники процессии выстроились вереницей. Порядок теперь был несколько иной. Впереди поставили знаменосца с алым стягом с вытканной на нем надписью: «Тиенши первого разряда». Дальше следовали четыре дюжих парня с желтыми зонтами, которыми они прикрывали темно-красную лакированную дощечку с надписью: «Милость, оказанная самим государем». Дощечка была перевита алой шелковой лентой. За ними — двое носильщиков с огромным барабаном на шестах. Рядом горделиво стоял барабанщик в церемониальном халате и шапке, в широких штанах, заправленных в лиловые сапожки. Барабанную палочку он держал за пазухой.

Далее, как бы квадратом, выстроились четверо мальчишек в алых рубашках, перехваченных зелеными кушаками, и в зеленых обмотках на ногах. Правая рука у них покоилась на бедре, в левой были зажаты небольшие флажки.

За ними располагался барабанщик с маленьким барабаном.

И уж только после них всех высился паланкин чиновного господина тиенши. По обеим сторонам его паланкина тихо колыхались зеленые зонты, украшенные полосками серебряной фольги. Тут же, сбоку, стояли слуга с опахалом из перьев и человек, который нес тяжелый лакированный сундучок черного цвета и бамбуковую трубку с гнутым чубуком.

Позади паланкина тиенши развевались квадратные пятицветные стяги: сияли зеленый, красный, желтый, белый и темно-лиловый цвета. Пять знаменщиков в китайских сапогах, красных шелковых рубахах и головных повязках с торчащими на затылке, будто ласточкин хвост, концами образовывали некое подобие пятерки на игральной кости. Они держали флаги за древко, а нижние концы упирали в особое деревянное гнездо, закрепленное на поясе.

Перед паланкином супруги тиенши находился музыкант с малым гонгом. По бокам стояли две прислужницы в розовых платьях и с повязками на головах. Одна — с опахалом из листьев смоковницы, другая — с красной лакированной шкатулкой, сделанной в форме большого плода.

Паланкин госпожи тоже осеняли два зеленых зонта, но без серебра.

Еще далее помещались паланкины отца и матери чиновного господина. Их должны были сопровождать, полусогнутые в поклонах, старейшины деревни, облаченные в темно-синие рубахи.

Процессия замыкалась флейтами, барабанами, лютнями, свирелями, четырьмя или пятью десятками флагов, с промежутками в несколько тхыоков[1], и, наконец, большим гонгом. Музыкант, игравший на гонге, был одет точно так же, как главный барабанщик, и преисполнен столь же великой важности. В руках у него так и ходила палочка, сделанная из ананасового стебля.

Вдоль колонны с тяжелыми рупорами метались староста Ванкхоа и другие должностные лица тонга. Их обязанностью было следить за порядком.

Трижды пророкотал большой барабан, глухо ударил большой гонг, мелкой дрожью рассыпался маленький барабан, зазвенел малый гонг, затем запели флейты, свирели и лютни, и процессия двинулась в обратный путь.

За городскими воротами барабанщик трижды ударил в большой барабан, давая сигнал к остановке. Затем, положив одну руку на бедро, с палочкой — в другой, он отступил шагов на пять и снова, широко расставив ноги, подошел к барабану.

Едва могучие звуки его барабана замолкли, как мальчики с флажками повернулись лицом друг к другу, взмахнули флажками и перебежали каждый на противоположную сторону улицы. Затем вернулись на прежние места. И наконец сошлись на самой середине дороги. И все это под сигналы барабана.

Вдруг они опустили головы и, резко вскинув флажки, громко прокричали:

— Хы-ы-ы!

И так четырежды. Четыре раза взлетали флажки и раздавался оглушительный клич.

Когда мальчики опять заняли свои места, барабан пробил сигнал к отправлению.

Солнце стояло прямо над головой. Все небо — из края в край — было залито ослепительным золотом его лучей.

---

[1] Тхыок — старинная мера длины, равная примерно сорока сантиметрам.

Флаги безжизненно обвисли. Пот лил градом с участников процессии, лица их раскраснелись.

Мало-помалу зной становился все нестерпимее, люди начали поторапливать друг друга, стремясь как можно быстрее добраться домой. Однако барабанщик не разделял их нетерпения. Время от времени он останавливал процессию с таким же сложным церемониалом, как и в первый раз,— и мальчики снова разыгрывали пантомиму с флажками, а затем издавали свой оглушительный клич.

По обочинам собирались толпы зевак. Рядом с дешевыми островерхими шляпами из пальмовых листьев высились нарядные лакированныеноны[1]. Среди скромно одетых женщин нет-нет да появлялись франтихи в дорогих шелковых платьях, с розовыми лифами. Не в силах пробиться в первые ряды, кой-кто взбирался на высокие ветви баньянов и хлопковых деревьев. Дорога была забита. Процессия то и дело останавливалась, как отступающее войско в густом лесу.

В таких случаях староста Ванкхоа хватался за свой рупор.

— Расступитесь, земляки! Дорогу чиновному господину! — кричал он.

Последнее слово как будто застревало в рупоре, свертывалось, как улитка,— и ни взад, ни вперед. Громовой голос старосты оглушал всех, стоявших рядом, и они спешили заткнуть уши.

Однако те, к кому он взывал, и не думали пропускать процессию.

Вновь и вновь раздувал щеки староста, от натуги глаза у него округлялись, но толку не было ни малейшего.

Тогда за дело принимались стражники, засучивали рукава и бегали вдоль дороги, усиленно работая розгами из индийского тростника.

Толпа колыхалась, подаваясь назад, как отливная волна. Все стремились увернуться от ударов. Не в силах устоять на ногах, слабые старушонки и малые ребятишки валились прямо на обочину.

Тем временем солнце стало уже клониться к западу. По небу побежали легкие облачка. С полей повеяло прохладой. Две трети пути уже было пройдено, и люди облегченно вздохнули. Лихо заплясали стяги и опахала с изоб-

---

[1] Нон — широкополая конусообразная шляпа.

ражениями драконов и фениксов — вот-вот взмоют под небеса вместе с громкими звуками музыки.

— Смотрите — господин тиенши! И его супруга! — послышался вдруг общий крик. Сотни, тысячи взглядов жадно устремились на головную часть процессии, где высились зонты.

Легкие тростниковые занавеси на паланкинах были раздвинуты, чтобы все могли лицезреть господина тиенши и членов его семейства. Почтенные родители господина, увы, вызывали к себе мало интереса, все взоры были обращены на паланкин Тхюи.

Эти взоры и громкие приветственные крики смущали молодую женщину, однако в душе она не могла не ликовать. Стараясь не выдать своего волнения, Тхюи непрерывно жевала бетель. И без конца гляделась в зеркальце, боясь, как бы сок бетеля не окрасил ее губы в алый цвет. Иногда она пристально рассматривала розовые крылья бабочки на опахале. Иногда, стараясь показать живость своего характера, начинала смотреть во все стороны. То любовалась белой цаплей-хохлаткой на лету, то смотрела на буйвола, который пасся на меже между рисовыми полями.

От неудобной позы ноги у нее затекли, но она не смела их вытянуть, так как, в ее понимании, это не приличествовало знатным госпожам.

Жара спала к этому времени, толпы любопытных стали еще гуще.

Едва паланкины тиенши и его супруги миновали перекресток дорог, послышался отчаянный крик:

— Сестрица, что с тобой? Сестрица Нгок, что с тобой? О, небо! Помогите! Спасите мою сестру!

От неожиданности барабанщики перестали колотить в свои барабаны, музыка разом замолкла. Процессия остановилась.

Около пересечения дорог, на лужке, лежала девушка лет двадцати, волосы ее были спутаны, глаза закатились, на губах проступила пена. Рядом с ней, на коленях,— другая девушка, не старше шестнадцати. Она-то и кричала. Из двух больших корзин вывалились в дорожную пыль какие-то узелки и свертки.

Те, кто оказался поблизости, кинулись на помощь. Одни предлагали поднять девушку, другие возражали, считая, что лучше оставить ее в покое. Какие-то старушки спрыскивали ей лицо.

Девушка по-прежнему лежала без чувств. А младшая причитала и молила о помощи.

Супруга и родители тиенши бесстрастно взирали на происходящее. Одного только тиенши, видимо, взволновала эта сцена. Он подозвал старосту Ванкхоа и спросил:

— Не та ли это самая Нгок, что торгует на рынке бумагой и письменными принадлежностями?

— Она самая,— почтительно отвечал староста.

Тиенши указал рукой на баньян, стоявший возле дороги, и молвил:

— Скажите женщинам, чтобы отнесли ее в тень. Нельзя же оставлять ее на солнцепеке.

Громыхнул барабан, зазвенел гонг, вновь заиграла музыка.

Процессия приблизилась к деревне Ванкхоа и вступила на участок дороги, еще накануне тщательно подправленный крестьянами.

III

Начался пятый месяц по лунному календарю. От духоты и зноя не было спасения ни днем, ни ночью.

То и дело Ван Хак перетаскивает циновку и изголовье из одного угла в другой в надежде отыскать прохладу. Увы, какая уж тут прохлада, если на дворе тишь да сушь. Ван Хак вышел на порог дома, оттуда — в сад и наконец расположился на берегу пруда. Но где бы он ни расстилал циновку, где бы ни пытался прилечь, уже через минуту он ощущал горячие токи воздуха, идущие от земли. Опять приходилось подниматься и, словно одержимому, бежать дальше в поисках благословенной прохлады.

Жара немного спала лишь ко времени вторых петухов, над садом и двором даже поплыл легкий туман. Ван Хак вернулся в дом и забылся сном. Проспал он, однако, недолго, скрип отворяемой двери разбудил его.

Рассвело. От цветника доносилось деловитое чириканье воробьев. Сквозь приоткрытую дверь протиснулся малыш, держа за спиной лакированный нон. Шляпа была столь велика, что казалось, не могла иметь никакого отношения к такому маленькому человечку. Малыш осторожно приблизился к письменному столу и с поклоном положил конверт.

— Уважаемый, мой учитель поручил мне передать вам это письмо.

Мальчик попятился к двери, уперся спиной в дверной косяк и замер, почтительно сложив ладошки.

Шумно зевнув, Ван Хак нехотя поднялся и развернул конверт.

«Благоговейно склоняюсь в поклоне пред достопочтенным Дао Ван Хаком.

Не иначе как усерднейшая подготовка к решающим испытаниям вынудила вас, любезный мой друг, предать забвению своих наперсников. Уже месяц миновал, как я не имею счастья лицезреть Вас в своем дому, посему паланкин мой покрывается плесенью, а шахматная доска — пылью. Я жажду встречи с вами в той же мере, в какой иссохшая земля жаждет ливня.

Покинув свое ложе сегодня на рассвете, я вышел в сад и залюбовался распустившимися белыми орхидеями. О, как я сожалел, что в этот миг вас не было рядом со мной!

Нижайше прошу вас поступиться малой толикой своего драгоценного времени, дабы облагодетельствовать мое убогое жилище. Мы вместе наслаждались бы цветением белых орхидей и пеньем птиц в саду, вместе скоротали бы долгий летний день.

Я подметаю опавшие цветы, расчищаю дорожки, ожидая вас, мой любезный друг. Ни о чем ином помыслить не могу, кроме как о встрече с вами. Услаждаю взор свой лотосом на пруду и нижайше кланяюсь вам. О многом предстоит нам побеседовать при встрече.

Писано за пять дней до летнего солнцестояния.

К сему Нгуен Кхак Ман нижайше руку приложил».

Читая сие выспреннее послание, Ван Хак не мог не улыбаться. Наконец он взглянул на маленького письмоношу.

— Беги назад и скажи учителю, пусть отправляет человека за вином и не мешкая готовит закуску. Я иду.

Малыш поклонился и, уже на ходу бросив привычное «повинуюсь», поспешил восвояси.

Ван Хак вышел во двор, зачерпнул в черпак воды и, умываясь, подумал: «Что это на моего приятеля нашло? Очевидно, случилось что-то из ряда вон выходящее. Как

иначе объяснить, что он вдруг заговорил возвышенным слогом? Пожалуй, и впрямь надо к нему поторопиться».

Преодолевая вялость — следствие ночной бессонницы, Ван Хак поплелся в дом одеваться. Маленький слуга поставил перед ним подносик с чашкой и чайником, но не прямо на письменный стол, а на особую деревянную подставку с изогнутой ручкой.

За чаепитием Ван Хак продолжал ломать голову над посланием своего друга. Что за сюрприз готовит ему Кхак Ман? Так ни до чего и не додумавшись, он, прихватив свою шляпу, ступил за ворота.

По обе стороны от дороги трудились крестьяне. Среди полей, залитых водой, выделялись вспаханные участки. Тут и там виднелись буйволиные упряжки. Понукаемые громкими окриками пахарей, медлительные животные тащили бороны.

Не так уж и далеко было до деревни Биньхе, где учительствовал Нгуен Кхак Ман, но солнце успело подняться над верхушками бамбуковых зарослей, пока юноша добрался до нее.

Утренние занятия еще не кончились, ребята разом читали вслух, отчего во всем доме стояло равномерное гудение.

Еще издали завидя своего друга, учитель Кхак Ман поспешил ему навстречу. Гул детских голосов разом стих. Ученики, большие и маленькие, с пучками волос на макушках, дружно повскакали с мест. Сложив руки для приветствия,— это походило на то, что все разом собрались рубить дрова,— мальчишки один за другим начали отбивать поклоны, стараясь при этом как можно громче выкрикнуть:

— Добрый день, почтенный!

Почти два десятка голосов слились в один протяжный вой, в котором невозможно было угадать приветственные слова. Молодой человек безуспешно пытался раскланяться с каждым из учеников. Наконец он замахал руками:

— Садитесь! Довольно! Продолжайте урок.

Ребята уселись, и опять низкий гуд наполнил комнату.

Кхак Ман любезно предложил гостю усесться на самый высокий из всех стоящих в доме топчанов. Все прочие были заняты учениками. Потом приоткрыл плетеную корзину, устланную изнутри стеганой ватой, и извлек оттуда еще пышущий жаром чайник.

Хозяин налил отменно заваренного чая с жасминовым цветом и подвинул чашечку гостю. Приятный аромат защекотал ноздри. И тут Кхак Ман, лукаво поглядывая на своего молодого друга, заговорил:

— Должно статься, вчера вечером вы, достопочтенный господин, старший брат мой, соизволили почтить своим присутствием певичек, а меня, бедного друга своего, почему-то забыли пригласить.

Кхак Ман был старше Ван Хака лет на двадцать, но, будучи однокашниками, они не придавали ни малейшего значения разнице в возрасте. Разговор между собой они всегда вели запросто, без особых церемоний, а потому Ван Хак едва дара речи не лишился от удивления, что с ним беседуют столь высокопарным слогом. Но, притворившись, будто ничего не замечает, он отвечал как можно естественней:

— С чего ты взял, что я ходил развлекаться?

Довольный Кхак Ман не оставлял свою затею:

— Коль скоро вы, достопочтенный господин, старший брат мой, не были вчера у певичек, то почему изволили сегодня почивать до полудня?

Ван Хак потихоньку начал раздражаться: да и кто стерпит, когда над ним столь изощренно насмехаются? Но, стараясь не терять самообладания, он отвечал полушутливо-полусерьезно:

— Послушай, приятель, что за странную манеру изъясняться ты себе взял? Честное слово, если сейчас же не оставишь «достопочтенного господина» и прочую чепуху, я встану и уйду.

— А ты прежде признайся, с кем вчера ходил к певичкам? — едва сдерживаясь от смеха, спросил Кхак Ман.

Ван Хак допил чай.

— Да не был я ни у каких певичек. Вечером и всю ночь стояла такая нестерпимая духота, что я заснул лишь под утро, а потому встал поздно. Хотел бы я посмотреть на глупца, который в этакую жару разгуливает по веселым домам.

— Ах, стало быть, мои подозрения напрасны,— не унимался Кхак Ман.— Выходит, я несправедлив к тебе,— приговаривал он, заливаясь веселым смехом.

Тут с книгой под мышкой поднялся один из учеников. Прислонившись к двери, он проговорил, сильно гнусавя — видать, насморк одолел мальца:

— Уважаемый учитель, можно, я вам прочитаю?

Учитель строго глянул на него:

— Высморкайся сначала. Один-единственный урок не можешь выучить. Сколько раз я тебя уже спрашивал — счету нет. Если опять не выучил как надо — смотри, не миновать тебе порки!

Словно боясь расплескать накопленные знания, если он сделает резкое движение, ученик облегчил нос прямо в рукав рубахи и начал, запинаясь, читать по памяти:

В хаосе первозданном
Слились и земля и небо,
Но вдруг появился Баньгу [1],
И инь отделилось от ян [2].

Благополучно добравшись до конца четверостишия, ученик испытал несказанное облегчение и на радостях отбарабанил в лад:

Вы не найдете, учитель,
В моем ответе изъян.

Мальчишка, ликуя, удалился, а в дверях вырос другой. Вежливо испросив разрешения приступить, он трижды важно откашлялся и начал:

Сын неба ученых любит
И им дела поручает...

Но на этом месте бедняга застрял, раз пять повторил «дела поручает», а что дальше — никак вспомнить не мог. Под строгим взором учителя мальчонка вконец смешался, побледнел и молча застыл, словно одеревенел. Ван Хаку стало жаль паренька, и, желая помочь ему, юноша подсказал:

— Ну-ну, продолжай. «Все на свете...»

Словно лягушонок, заглатывающий цветок люфы, мальчуган радостно заглотнул подсказку, и это придало ему силы.

Все на свете — смерть и тленье,
Вековечно лишь ученье,—

не без торжества закончил он и направился на место.

---

[1] Баньгу — в китайской мифологии первопредок людей.

[2] В древнекитайской мифологии и натурфилософии темное начало (инь) и светлое начало (ян).

«Неизвестно, за какие провинности заставляют детей зазубривать непонятные им слова. Откуда ребенку лет восьми-девяти, к примеру, знать, что такое хаос?»

Мысли Ван Хака прервал громкий окрик учителя:

— Почему до сих пор никто не растер киноварь?

Один из учеников с проворной учтивостью приблизился к письменному столу, взял тушечницу для киновари и выскочил во двор. Там он зачерпнул полблюдца зацветшей воды из-под посудины, в которой рос карликовый фикус, и присел на корточки. Придерживая блюдце сверху большим пальцем правой ноги, а снизу — указательным пальцем левой руки, мальчик, плотно сжав губы, принялся растирать красноватую смесь, пока она не стала клейкой. Мальчик почтительно поставил ее на стол учителю.

Ученики собрали тетради и аккуратной стопкой положили рядом с кистью для туши.

Кхак Ман открыл шкаф и протянул приятелю книгу.

— Почитай-ка! Это очень ценная книга; мне посчастливилось получить ее на время от одного китайца. Займись-ка ею, а я пока проверю тетради. После мы продолжим беседу.

Ван Хак с интересом потянулся к книге, осторожно открыл ее и прочитал заглавие: «Четыре красавицы — Бинь, Шань, Лэн, Янь». Он-то вообразил, будто это и в самом деле что-то новенькое! Юноша разочарованно отложил книгу и оглядел учеников.

— Кому написать прописи? Несите сюда тетради! — громко сказал он.

— А книга? Почему ты не читаешь? — изумился Кхак Ман.— Это же из романов о талантливых юношах! Увлекательнейшее чтение!

Ван Хак улыбнулся:

— Эту книгу я прочитал, когда мне было лет десять. Романчик так себе, средненький...

Кхак Ман смутился:

— В таком случае помоги мне, напиши ребятам прописи.— Он решительно повернулся к ученикам: — Ваши прописи небось уже истрепались? То-то же. Несите-ка сюда бумагу, почтенный гость напишет для вас образцы.

Ученики разделились на две группы. Одни окружили учителя, который проверял тетради, а другие плотным кольцом обступили гостя. К тому времени, когда проверка тетрадей была закончена, Ван Хак управился с прописями-

ми для пяти-шести учеников. Кхак Ман разложил готовые прописи на циновке и залюбовался ими.

— До чего же искусно ты пишешь! — проговорил он, прищелкивая языком.— Линия отчетлива, словно высечена в камне, а штрихи яркие, точно цветы. Этакий знаток ученых сочинений, как ты, к тому же замечательный каллиграф — и до сих пор не преуспел на экзаменах! Уму непостижимо! Не иначе как гордыня тебе мешает. Право же, оставь гордыню — сразу добьешься успеха.

Ван Хак в ответ только засмеялся, откинувшись назад.

Кхак Ман принялся раздавать прописи, приговаривая при этом:

— Берите-ка, берите, да учитесь, как писать следует.

В одно мгновенье разобрав тетради, ученики разбрелись по дому: кто притулился к столбу, кто устроился на ступеньках при входе, несколько мальчиков расположились поближе к учителю, чтобы, в случае нужды, услужить ему. Раздалось нестройное громкое чтение. В доме опять поднялся гомон, словно здесь шла не учеба, а азартная игра в «орлянку».

То один, то другой выкрикивал с места: «А это что за иероглиф, почтенный учитель?» Только успевай поворачиваться. Но отразить град вопросов учитель не успевал, и тогда ему на выручку приходил Ван Хак и тоже давал объяснения ретивым ученикам.

Постепенно, однако, стала сказываться усталость. В общий размеренный шум голосов стали вплетаться выкрики расшалившихся ребят. Ученик с перепачканным лицом приблизился к учительскому столу.

— Уважаемый учитель! Тхэн меня толкает.

— Эй, Тхэн! — крикнул Кхак Ман.— Подойди-ка сюда. Слышишь? Не заставляй себя ждать!

Провинившийся поднялся с места, приблизился к учителю.

— А что он щиплется? — попытался было он отвести от себя опасность.

Но учитель не намерен был вникать в тонкости разбираемого дела, он попросту схватил розгу из индийского тростника, лежавшую всегда наготове, и стал охаживать ею и истца, и обвиняемого. Похоже, что и розге нравилась эта воспитательная процедура, ибо всякий раз, опускаясь на головы или плечи юных преступников, она удовлетворенно шипела: фэс-с, фэс-с. Малыши испуганно затихли,

сжались. В их лицах не осталось ни кровинки, кто-то даже приглушенно застонал. Учитель тем временем закончил порку и назидательно произнес:

— Учиться не учитесь, только задираете друг друга. Горе мне с вами: никак уму-разуму не научу. Ступайте, сидите теперь в разных углах.

Нарушители порядка, всхлипывая, удалились. Тотчас же подскочил еще один ученик и затараторил:

— Почтенный учитель, вчера после уроков на улице Ат подговаривал их...

Кхак Ман, все еще сердитый, угрожающе переспросил:

— На что он их подговаривал?

Ученик испуганно округлил глаза.

— Он... он подговаривал их, чтобы они обругали вас, почтенный учитель!

Ван Хак, не удержавшись, прыснул и спросил:

— Как они должны были обругать учителя? Говори же, учитель должен знать!

Здесь заулыбался и Кхак Ман, но, обернувшись к приятелю, назидательно произнес:

— А это уже ни к чему, шуткам сейчас не место. Только детям дурной пример подаешь.— Учитель оборотился к ябеде: — А ты чтоб не смел больше собирать разные глупости и приносить сюда. Повторится такое еще раз — получишь сто розг.

Под неприязненными взглядами соучеников мальчик боязливо попятился и в смущении затаился в уголке.

— Кто выучил урок, выходи! — распорядился учитель.

Два маленьких ученика шустро подбежали к учителю с книгами наготове. Вслед за ними устремилось еще несколько человек, расталкивая и отпихивая друг друга локтями — каждый норовил оказаться первым.

Началось объяснение значений иероглифов. Тем, кто еще не управился с заданием, пришлось перейти на шепот, а их более смекалистые товарищи возле учительского стола стали громко толковать значение каждого из иероглифов.

Ван Хак поднялся и не спеша вышел в сад — полюбоваться цветами, о которых писал приятель.

Солнечные лучи уже наполовину залили галерею, когда наконец закончилось толкование иероглифов. Кхак Ман, усердно склонившись, проверял тетради с упражне-

ниями в каллиграфии, параллельными фразами[1], сочинениями.

В дверях вдруг показался вернувшийся из сада Ван Хак.

— А где у тебя цветут белые орхидеи? — со смехом начал он.— И куда ты дел опавшие цветы, которые подметал, расчищая дорожки? Скажи на милость, как случилось, что ничего этого я не нашел?

Кхак Ман взглянул на него с нескрываемым удивлением.

— Подумай сам, откуда среди лета взяться белым орхидеям и опавшим цветам?

— Как откуда? Ты же сам приглашал меня полюбоваться белыми орхидеями и писал, что подметаешь опавшие цветы.

— А-а, вон оно что! Но ведь я это только ради красоты слога вставил. Так любили выражаться в старину, и я тоже решил...

— Мне эта манера не по вкусу,— ухмыльнулся Ван Хак.— Если хочешь быть со мной в ладу, оставь свой подражательный стиль, пожалуйста.

И оба дружно рассмеялись.

Уроки закончились. Ученики, надев ноны и прихватив книжки с тетрадками, заторопились домой; каждый из них, стоя уже на пороге, прощался с учителем и гостем почтительным поклоном, не поворачивая к ним лица.

Вошел мальчик-слуга, с трудом неся тяжеленный поднос, поставил его на топчан и тихонько удалился.

Владелец дома, в котором жил учитель, принаряженный по случаю прихода гостя, с кувшином вина в руках показался из гостевой. Он осторожно поставил кувшин рядом с подносом и, задумчиво почесав за ухом, обратился к Ван Хаку:

— Не часто вы удостаиваете своим посещением моего постояльца, господин. Но всякий раз, приходя в мой дом, вы тем самым оказываете мне большую честь. Вы уж не погнушайтесь моим винцом, любезный.

Ван Хак поблагодарил хозяина дома и пригласил по-

---

[1] Параллельные фразы — изречения, состоящие из двух фраз, которые характеризуются смысловым и грамматическим параллелизмом.

сидеть вместе с ними за угощением. Но тот наотрез отказался, сославшись на то, что уже позавтракал.

Хозяин раскланялся и удалился к себе, оставив учителя наедине с другом.

Кхак Ман обычно пил куда меньше своего молодого друга, но сейчас он принимал гостя, а потому, не желая выглядеть неучтивым, то и дело пригубливал чарку. После нескольких чарочек разговор о столичных экзаменах и ученых занятиях иссяк. Тогда Кхак Ман, вдруг посерьезнев, спросил:

— А сколько тебе лет?

Ван Хак догадался, что его друг неспроста задал этот вопрос.

— Двадцать два,— отвечал он.— А почему ты интересуешься этим?

Кхак Ман вновь перешел на цветистый слог:

— Решил ли ты уже, как говорится, в который из ручьев опустишь послание любви на алом листке?

— Нет, об этом я пока не помышляю, приятель.

Кхак Ман наполнил чарку гостя до краев и, радостно улыбаясь, проговорил:

— Тогда позволь мне от души тебя поздравить.

— С чем? — изумился Ван Хак.

Кхак Ман, все так же сияя улыбкой, ответил:

— Конечно, ты знаешь милую Нгок?

— Не та ли это девушка, которая продает бумагу и кисти для письма на рынке Кимбанг?

— Именно та самая.

— Я знаю ее хорошо, ей, должно быть, лет восемнадцать, ее отец — учитель в Ванчине.

— Точно! Согласись, что второй такой красавицы нигде не сыскать.

— Не знаю, может, где-то и есть равная ей по красоте, но, пожалуй, у нас в окру́ге она — первая красавица. Только зачем ты меня о ней расспрашиваешь?

— А потому, что полагаю: будет эта красавица тебе рис готовить, пока ты свои книги будешь читать. Вот я и хочу знать заранее, что ты о ней думаешь.

Ван Хак замахал руками.

— Что за вздор ты, право, болтаешь! Еще ненароком кто услышит! Ведь эта девушка, говорят, была невестой Чан Данг Лонга.

Кхак Ман подлил приятелю вина в чарку.

— Верно, было это. Еще несколько лет назад отец Чан

Данг Лонга сватал девушку за сына. Таково было намерение жениха — жениться на Нгок. Ну, а почтенные его родители вдруг воспротивились. Они полагали, что на долю красавиц всегда выпадает тяжкая судьба. И женитьба на красивой девушке приведет к тому, что на их сына посыплются всяческие несчастья. Вот они и тянули со свадьбой, сколько могли. А тут отыскался какой-то прорицатель и объявил, что у Лонга и Нгок неблагоприятное сочетание времени рождения и им не следует связывать себя брачными узами. Ну, родители и вовсе утвердились в намерении не брать в свой дом Нгок и немедля отправили сватов к другой девушке, к Тхюи. Вот оно как было на самом деле. Теперь сам посуди: какое отношение имеет Нгок к тиенши Лонгу и есть ли тебе смысл отказываться от этой девушки.

— Так-то оно так,— задумчиво отвечал Ван Хак.— Но ведь мы с тиенши Лонгом однокашники, и хотя девушка в конце концов замуж за него не вышла, я не могу считать ее вполне свободной. Не годится нам с тобой шутить на эту тему. Скажи, как я при встрече взгляну в глаза тиенши Лонгу?

— Я и не думаю шутить! — Кхак Ман заговорил со всей искренностью.— Почему ты решил, что жениться на Нгок — значит нарушить долг дружбы перед Лонгом? Ты совершенно неправ. Больше того, я знаю, если ты женишься на Нгок, то Лонг будет тебе благодарен.

Ван Хак вознамерился было возразить, но Кхак Ман заговорил опять:

— Может быть, до тебя дошли разговоры о том, что Нгок лишилась чувств, когда торжественная процессия встречала тиенши Лонга?

— Нет, я ничего об этом не знаю.

Кхак Ман кивнул.

— Я так и думал. Ведь если бы ты знал, то, конечно, от души пожалел бы бедную Нгок.

Ван Хак улыбнулся.

— Никак ты решил стать заправским сватом, чтобы получить от меня в подарок хорошего чаю? Не под силу тебе это дело, приятель! Если б ты знал только, как мне надоели разговоры о женитьбе. Не побеседовать ли нам о чем-нибудь другом?

Кхак Ман не принял шутливого тона друга.

— Не нужен мне твой чай! И в сваты к Нгок я не подряжался. Но я тебе говорю: знай, что Господин Красной

нити[1] уже плетет для тебя и для Нгок шелковые узы. Если даже ты и вознамеришься от них отказаться — ничего у тебя не выйдет! Попомни мои слова!

Несколько озадаченный уверенностью своего друга, но все еще не желая сдаваться, Ван Хак спросил:

— Кто же этот Господин Красной нити?

— Наконец-то заинтересовался! — улыбнулся Кхак Ман.— А я вот не скажу! Куда мне торопиться? Хочешь узнать — оставайся у меня ночевать. Сейчас у нас с тобой одна забота — пить вино. Сегодняшнюю выпивку считай первым моим поздравлением.

Ван Хак опять подступил к приятелю с расспросами. Тогда Кхак Ман ответил очень кратко:

— Наш наставник, второй лауреат из Тиенкиеу, вот кто этот Господин Красной нити. Он, и никто другой.

IV

Нескоро тревога покинула старых супругов — учителя из Ванчиня и его жену.

В прошлом месяце, когда до них дошла весть о том, что бедная Нгок упала без памяти по дороге с рынка, бедные старики перепугались до смерти. Бросив незапертыми сундучок и шкаф, старый учитель схватил склянку с лекарством, а его жена попросила соседей присматривать за домом, и оба они опрометью кинулись к перекрестку, что возле рынка Кимбанг.

К этому времени Нгок перенесли на лужайку и уложили в тени раскидистого баньяна. Лицо ее оставалось землистым, она не подавала признаков жизни, лишь едва уловимая дрожь в груди говорила о том, что девушка жива. Бедная мать в отчаянии зарыдала. Старый учитель передал склянку с лекарством второй дочери — Бикь и попросил ее достать из корзины блюдо для бетеля. Он приготовил целебную смесь, потом, с помощью гребня разжав больной зубы, влил ей в рот лекарство. После этого бедняжке сделали массаж.

Солнце уже близилось к закату, когда Нгок постепенно стала приходить в себя, но у нее страшно кружилась

---

[1] Господин Красной нити — мифический персонаж, который связывает брачными узами жениха и невесту, или просто сват.

голова, она не могла подняться. Когда зной спал, старый учитель нанял двух носильщиков, и девушку доставили домой. В ту ночь и на следующий день Нгок несколько раз впадала в беспамятство и с трудом приходила в себя. Время от времени у нее открывался горячечный бред. Она не узнавала мать, называла ее то почтенной супругой тиенши, то супругой лауреата экзаменов. К больной пригласили с полдюжины лекарей и даже заклинателя, но хворь не отпускала девушку. Лишь после того как старый учитель пригласил из Тиенкиеу второго лауреата и тот, как положено, осмотрел у больной кровеносные сосуды и дал свое лекарство, недуг стал медленно отступать.

Теперь девушка была почти здорова. Хотя лицо ее оставалось бледным, но рассудок уже не был затемнен. А как только Нгок почувствовала себя лучше, она стала проситься у родителей опять торговать на рынке — чтобы не потерять постоянных покупателей. Но родители, опасаясь, как бы недуг не взыграл с прежней силой, решительно воспротивились. Они не разрешили ей даже намочить и отбелить пряжу, чтобы закончить недотканное полотно, потому что возня с водой могла бы повредить ее здоровью.

Девушка не перечила отцу с матерью и всячески береглась. Но кому не станет грустно, если приходится сидеть в четырех стенах, словно под домашним арестом.

Порой она смыкала ресницы и пыталась заснуть, чтобы уйти от навязчивых мыслей. Но, как говорится, от долгого сна и глаза устают — сон не приходил к ней. А мысли, мысли неумолимыми волнами накатывали на нее, мучили, терзали, не давали ни минуты покоя. Все волновало, тревожило; чувства настолько обострились, что даже тоненький писк москита лишал ее сна. Она пробуждалась среди ночи и долго не могла понять, где она и что с ней происходит.

О, как хотелось излить кому-нибудь исстрадавшуюся душу! Но ни у кого из подружек не находилось лишнего часа — ничего не поделаешь, летняя страда. Даже младшая сестрица, поверенная всех тайн Нгок, тоже с раннего утра до позднего вечера была занята: нельзя было запустить торговлю на рынке, да и дома дел хватало. Поэтому и ночью и днем, за исключением тех часов, когда она забывалась сном, девушка чувствовала себя совсем, совсем одинокой. И она потянулась к поэме «Стенания

истерзанной души» [1], пытаясь в ее строках найти успокоение.

Известно, что книга эта любит поддразнить человека, который вздумает погадать по ней: каждый раз Нгок открывала ее или на том месте, где изысканный Ким Чонг впервые встречается с красавицей Тхюи Кьеу, или на той странице, где описывается, как Тхюи Кьеу тайком приходит в дом к Ким Чонгу.

После завтрака Нгок вышла в покои и вдруг увидела, что прямо перед ней сверху упал паук. Она собралась было изловить его и рассмотреть, желтый он или белый, но не тут-то было. Паук раскачался на паутинке и в мгновенье ока оказался высоко на перекладине, под самой крышей.

«Что сулит такая примета? Радость или горе?» — задумалась девушка, пытаясь унять растревожившееся сердце. Она не находила себе покоя. Наконец Нгок извлекла из-под изголовья «Стенания истерзанной души», сложила руки, как при молитве, поднесла книгу краешком ко лбу и горячим шепотом произнесла:

— Молю государя Ты Хая, монахиню Зиак Зюен, фею Тхюи Кьеу. Имя мое Хоанг Тхи Нгок, хочу погадать я...

Девушка умолкла, не зная, что еще сказать, и только безмолвно шевелила губами. Наконец она решилась: наугад раскрыла книгу и прочла:

Я императорской власти должен свой меч поднести?
Разве иного нету пути?
Жирным сановником должен я стать,
Чтобы в парадной одежде голову низко склонять? [2]

Слова эти принадлежали Ты Хаю, и Нгок никак не могла взять в толк, какое отношение они могли бы иметь к ней. Может, она была недостаточно почтительна, и потому Тхюи Кьеу не пожелала отозваться на ее моление? Девушка решила повторить гаданье, вновь поднесла книгу ко лбу и повторила заклятье, опять открыла книгу, на этот раз в том месте, где Кьеу покидает дом и уезжает в дальние края. Вот что она прочла:

---

[1] «Стенания истерзанной души» — поэма классика вьетнамской литературы Нгуен Зу (1765—1820). См. в кн.: Нгуен Зу. Все живое. М., «Художественная литература», 1965.

[2] Здесь и далее стихи Нгуен Зу даны в переводе А. Штейнберга.

Там, позади, остается семья.
А впереди бесконечно вьется дорога-змея.
Мчится повозка в чужие края,
неудержим и стремителен бег.

Щеки девушки вспыхнули, она в сердцах сунула книгу под изголовье. Грудь ее тяжело вздымалась, как у человека, получившего солнечный удар.

И снова в ее воображении возникла картина процессии. Вон колышется под ветром желтый стяг. А там золотом горят в солнечных лучах иероглифы, начертанные на лакированных темно-красных дощечках. Над нею с легкой улыбкой склоняется юноша в желтой расшитой шапке. В паланкине гордо восседает молодая, не очень красивая женщина. Мелькают, сменяя одна другую, навек запечатленные памятью сцены. Их не прогонишь взмахом руки, а стоит закрыть глаза — они становятся еще отчетливее.

«Жизнь моя не удалась... Удача сама шла мне в руки, но оказалась вдруг у другой».

Нгок отгоняла от себя эти мысли, но они навязчиво вертелись в голове, и с этим ничего нельзя было поделать.

Она чувствовала, как жгучее пламя заливает ей все лицо, волна возбуждения захлестнула ее, в глазах помутилось, словно опять накатывалось беспамятство.

— Я иду на рынок, сестрица! — вдруг раздался беспечный голосок из-за двери.— Тебе что-нибудь купить?

Нгок очнулась и широко раскрыла глаза.

Младшая сестрица Бикь, как всегда оживленная, приблизилась к постели.

— Ой, да у тебя опять жар! Щеки так и пылают! — переменившись в лице, воскликнула она.

Нгок села в кровати.

— Не пойму, отчего-то вдруг худо стало... будто вот-вот впаду в беспамятство. Будь добра, принеси мне дождевой водицы.

— Дождевой? — переспросила Бикь.— А не вредно ее пить?

— Нет, не вредно. Видно, у меня жар. Хочется выпить чашку дождевой воды. Поди зачерпни. Да смотри, чтобы батюшка с матушкой не заметили.

Бикь не стала перечить. Через мгновение она на цыпочках вернулась с чашкой воды, прозрачной, как родни-

ковая. Нгок осторожно приняла чашку из рук сестрицы и осушила ее единым духом. И тотчас жар, казалось, отпустил ее.

Бикь подняла на плечо коромысло с корзинами и отправилась на рынок, оставив старшую сестру наедине с ее мыслями в тихой покойной комнате.

Нгок собралась было выйти во двор, чтобы избавиться от своих навязчивых мыслей, но, взглянув на себя в зеркальце и увидев свои пламенеющие щеки, девушка потянулась за книгой и опять раскрыла «Стенания истерзанной души». Но читать не стала, а просто оставила раскрытой у себя на груди, в то время как взгляд ее рассеянно блуждал где-то наверху.

«Выходить замуж — так за человека достойного, а то пропадет зазря моя красота...— подумала девушка и тут же спохватилась: — Что это в голову мне лезут такие мысли? Эх, видно, и мое время пришло... Прибегни хоть к ста уловкам, а от судьбы не уйти. А если не судьба, сколько ни молись — все попусту». Девушка поднялась и в который раз испытующе заглянула в зеркало. В это время за воротами послышалось постукивание посоха. Нгок выглянула в окно и увидела, как в приоткрытые ворота вошел и не спеша прошествовал к дому достопочтенный старец — второй лауреат из Тиенкиеу. Он опирался на бамбуковый посох, а за ним следовал мальчик с расшитой сумкой в руках.

Девушка выскочила во двор, прогнала залаявшего пса и поклонилась старцу:

— Рада приветствовать вас, дядюшка.

Слегка наклонив в ответ свой отменный нон, плетенный из ананасовых листьев, старец приветливо улыбнулся:

— А, это ты, Нгок! Ну как, поправилась? Отец-то дома?

Девушка вежливо отвечала:

— Спасибо, дядюшка, я уже почти здорова. А отец дома.

Лохматая псина так и норовила вцепиться в гостя, и девушка должна была оттащить разъяренного пса в сторонку и утихомирить его.

Между тем старый ванчиньский учитель вышел из дома. Почтенный старец и учитель, сцепив пальцы рук, церемонно раскланивались, затем вместе удалились в покои.

Сняв с головы нон, старец передал его маленькому ученику — повесить на крюк, забитый в стену, а сам, до-

став из расшитой сумки платок, долго утирал пот с лица. Наконец, покончив с этим делом, старец уселся на жесткий топчан, взял веер и, усердно обмахиваясь, заговорил, чеканя каждое слово:

— Жара! Хоть я и постарался выйти с утра пораньше, все одно от пекла не уйти. Окажись путь к вам немного длиннее, ох, боюсь, не дошел бы!

Учитель присел рядом с гостем и веселым тоном возразил:

— Вы, почтенный, на пять лет старше меня, но, смотрю я, по части бодрости куда мне до вас! Когда случается отправиться к вам в гости, то я так быстро устаю, что чуть не под каждым кустом присаживаюсь дух перевести. А через пять лет, пожалуй, нечего мне будет и думать пешком добраться до Тиенкиеу.

Старец рассмеялся:

— Как же, слыхивал я, что вы теперь неохотно пускаетесь в путь. Сегодня с утра я решил послать за вами нарочного. Но, зная, как неохочи вы стали до пешей прогулки, сам отправился к вам.

— Не иначе, как дело большой важности привело вас ко мне,— с некоторой тревогой в голосе сказал хозяин дома.

— М-да, дело довольно важное, но нельзя сказать, что оно необычное,— улыбнулся старец.— Лучше всего сказать: общепринятое дело.

— В чем же оно состоит?

— Хотел бы я, чтобы пожаловали в ваш дом господа второй и третий лауреаты.

Нгок в это время несла мимо чайник с водой. Она услышала слова гостя и до корней волос вспыхнула пламенем. Она скорей передала чайник мальчонке, который пришел вместе с почтенным старцем, и попросила поставить на огонь, а сама кинулась к себе в комнату.

Ванчиньский учитель не сразу уразумел, о чем это старец ведет речь, и простодушно переспросил:

— Кто же они, эти господа лауреаты? И когда они пожалуют ко мне?

Старец громко рассмеялся:

— Погодите, не торопитесь, отложим ненадолго этот разговор. Вот когда нальем в чарки вина да выпьем, тогда и потолкуем. А для начала неплохо бы испить чаю и партию в шахматы сыграть.

Маленький слуга привычным жестом выложил на

письменный стол шахматную доску и мешочек с фигурами.

Ванчиньский учитель перенес доску на топчан, вытряхнул из мешочка фигурки и начал расставлять, напевно декламируя:

За шахматы сядем —
и станет короче день.
Чарки подымем —
печали развеется тень.

Почтенный старец одобрительно закивал головой:

— Замечательно сказано. Право же, стоит только в такой жаркий день, вроде сегодняшнего, сесть за шахматы — и кажется, что зной не так уж и страшен.

Чайник закипел. Маленький слуга на цыпочках вышел ополоснуть чайник для заварки, положил в него чайного листа, залил кипятком, потом плеснул немного заварки в большую чашку и лишь после этого разлил готовый чай в крошечные чашечки. Приготовив все должным образом, мальчик поставил поднос с чайными приборами на письменный стол.

Хозяин и гость смаковали ароматный напиток, от удовольствия причмокивая и покачивая головами.

Торопиться старикам некуда; они и о шахматах-то вспомнили не прежде, чем выпили по три чашечки. Что им за дело до того, что рядышком в комнате истомилась бедняжка Нгок в ожидании, когда гость возобновит прерванный разговор.

На какое это важное дело намекал старец? А как он на нее глянул, едва вошел во двор! Еще и спросить-то ни о чем не успел, а уже посмотрел так, словно видит ее насквозь, со всеми ее тревогами, заботами, страхами. И откуда ему все известно? «Ах, неужто Бикь проболталась, что во время болезни в бреду я себя называла невестой лауреата экзаменов? Но ведь это был бред! Разве можно ему придавать значение? Мало ли кто что в беспамятстве скажет!..» Так уговаривала себя Нгок, но сердечко колотилось в груди, не подвластное доводам рассудка, и почему-то стыд донимал, словно она совершила нечто неподобающее и ее уличили в этом.

Между тем в гостевой шахматная партия достигла своей кульминации, оттуда слышался раскатистый смех и громкий стук фигур о доску. Девушка немного успокои-

лась. Солнце осветило цветник. В доме стало жарко, будто в яме для обжига угля. Нгок собралась выйти в сад, где было прохладнее, но тут она спохватилась, что до сих пор не поднесла гостю бетеля. Девушка торопливо разделила бетель ножом на несколько десятков порций, красиво разложила их на подносе, потом передала с мальчиком-слугой поднос двум увлекшимся шахматистам.

Вернулась с рынка мать. Нгок выбежала ей навстречу — взять из рук тяжелую ношу и предупредить, что в доме гость. Мать засуетилась: надо принять гостя должным образом, приготовить угощение.

В семье считали, что дочери надлежит воздерживаться еще несколько дней от домашних хлопот, но поскольку до обеденного времени оставалось недолго, мать, опасаясь, что одной ей не управиться, позволила Нгок помочь ей на кухне.

В гостевой закончилась вторая шахматная партия. Девушка внесла поднос с вином и закуской, убрала шахматную доску. Мальчонку же позвала в соседнюю комнату покушать.

Когда гость и хозяин налили по первой чарочке, появилась хозяйка — поблагодарить старого и верного друга своего мужа за оказанную честь, долгожданное посещение их дома.

Достопочтенный старец указал на стул, стоявший рядом с топчаном.

— Садитесь, пожалуйста, уважаемая, выпейте с нами чаю. У меня есть разговор и к вам, и к вашему супругу.— Потом старец обратился к ванчиньскому учителю: — А вашей Нгок, должно быть, уже стукнуло девятнадцать?

— Нет, только восемнадцать,— отвечал учитель.

Старец забормотал под нос, что-то высчитывая на пальцах. Уж не сопоставлял ли он какие-то числа?

— Прекрасно! — наконец вымолвил он.— Восемнадцать — это даже лучше, чем девятнадцать.

Осушив чарку, старец продолжил:

— Знаете ли вы Ван Хака, моего бывшего ученика?

— Я только слышал о нем,— покачал головой ванчиньский учитель,— а знать его не знаю. Кажется, полное его имя Дао Ван Хак, не так ли?

— Так оно и есть.

— А откуда он родом?

— Из Куокоая. Он младший сын лауреата местных экзаменов Дао Нгуена. Среди моих учеников способнее и

разумнее его нет никого. А поскольку я хорошо знаю и вашу семью, и его, то хочу посватать вашу Нгок за Ван Хака.— Подлив себе еще немного вина, старец продолжал: — Если вам хочется видеть свою дочь супругой лауреата, то лучшего жениха вам не найти. Не думайте, я не просто хвастаю своим учеником. Сказать по правде, на свете немало людей, достойных отличия на экзаменах, но большинство из них уже в солидном возрасте, они разборчивы и капризны, не то что Ван Хак.

— Теперь-то я вспомнил его,— произнес учитель.— В начале прошлого года во время обсуждения сочинений в вашей школе я читал его работу. Скажу прямо, этот юноша — большой талант. По его сочинению у меня не было никаких нареканий. Но пусть моя жена решает, за кого выдавать дочку замуж.— И, обернувшись к супруге, добавил: — Как ты на это дело смотришь?

— А жив ли Дао Нгуен, батюшка жениха? — спросила учительша.

— Нет, он опочил, когда Ван Хак был еще маленьким.

Женщина с некоторой нерешительностью промолвила:

— В прежние годы почтенный Дао Нгуен был знаменит по всей провинции, это достойная семья. Одно только мне не по душе: вы же знаете, у нас всего-навсего две дочки, вот и хотелось бы отдать замуж Нгок не в далекие края, а поближе, чтобы могли мы почаще наведываться друг к другу.

— Это пусть вас не смущает! — радостно воскликнул старец из Тиенкиеу, он уже предчувствовал, что его сватовство завершится успешно.— От здешних мест до деревни жениха и обратно всего-то полдня пути. Разве это далеко? А если вы, уважаемая, и впрямь сочтете такой путь долгим, я поставлю условие жениху: пусть после свадьбы живут в вашем доме. Можно сказать, в этом деле я всему голова, от меня все зависит. Вижу я, здесь счастливый брак может получиться, а потому и беру на себя роль Господина Красной нити.

Не видя больше оснований для отказа, женщина отвечала:

— Если так, то пусть дочка сама решает. А что до меня, то я буду держаться того же мнения, что и мой супруг.

— Ловко у тебя получается,— насмешливо проговорил учитель, обращаясь к жене.— Я говорю, что последнее слово за тобой, а ты на меня же и сваливаешь ответ-

ственность.— Он подлил вина гостю и продолжал: — Моя дочь и ваш ученик — пара подходящая. Уж коли вы взялись сочетать их красной шелковой нитью — так тому, значит, и быть. Единственное, о чем я прошу, так это пока не торопиться, пусть невеста тоже скажет свое слово.

— Как же, как же, у невесты всенепременно спросим согласие,— широко улыбаясь, промолвил почтенный старец.— Но я думаю, она девушка разумная, доброго слова послушается. Не кликнуть ли нам ее прямо сейчас? Тут же и поговорили бы.

Все это время Нгок тихонько сидела у себя. Но как только услышала, что старец предлагает позвать ее, она тотчас на цыпочках перешла в другую комнату. Мать разыскала ее и мягко попеняла:

— Ну что ты, доченька, дичишься! Ступай в гостевую, тебя кой о чем хотят спросить.

От смущения девушка покраснела до слез.

— Нет, нет, не надо, я не пойду,— пролепетала она.

— Старец хочет тебя посватать,— с улыбкой проговорила мать.— За Ван Хака, своего ученика. Если ты не против, то выйди и объяви о своем согласии старцу.

Нгок зарылась головой в подушку и тихонько прошептала:

— Пусть будет по-вашему, как пожелаете вы с батюшкой. Я же ничего-ничегошеньки не знаю.

Она поднялась и в смущении ушла к соседям. Супруга учителя вернулась в гостевую.

— Не знаю уж, как тут и быть, почтенный,— обратилась она к старцу,— дочка так сконфузилась, что не посмела выйти.

Старец снова с довольным видом рассмеялся:

— Вот и прекрасно! Если стыдится, значит, согласна. Не остается ничего другого, как передать жениху ваше согласие.

На том и порешили. Женщина распростилась с гостем и ушла к себе, а два ученых мужа долго еще сидели и потягивали вино. Невеста же все не возвращалась от соседей. Посуду пришлось убрать и перемыть мальчонке, которого привел с собой гость.

Солнце уже клонилось к закату, когда гость собрался восвояси. На прощанье он сказал хозяину:

— Через пару деньков я к вам наведаюсь опять.

V

Протяжное ку-ка-ре-ку заставило Ван Хака встрепенуться. Он помотал головой, отгоняя дремоту. В лампе почти иссякло масло, огонек отчаянно трепетал крылышками на кончике фитиля. Не желая тревожить спавшего слугу, Ван Хак поднялся, сам подлил масла в лампу, снял нагар. Потом отворил дверь и вышел во двор.

До утра было еще далеко. Караульщики только что пробили четвертую стражу[1]. Над соседними домами нависла тишина и покой.

Золотистые лунные лучи ниспадали на решетку, увитую цветами индийского жасмина и кирказона, плети которого добирались до самой галереи. На стене дома проступали неясные, размытые пятна, словно писанные акварелью.

Юноша собрался было вернуться в дом, чтобы немного поспать, но вспомнил, что наутро назначено обсуждение сочинений. А потому надлежало пораньше явиться в школу. Если он сейчас уснет, то, чего доброго, проспит и не поспеет к нужному часу. Он умылся и не спеша стал прогуливаться по саду.

Временами набегал прохладный предутренний ветерок, и тогда листва на деревьях радостно трепетала. Юноше вспомнилась сцена из «Западного флигеля»[2], в которой студент Чжан ожидает свидания с девушкой Инин.

Ожидал восхода луны
в западном флигеле я.
Отворял окно,
чтоб меня освежил ветерок.
Невесомее ветерка
прошуршали за стенкой шаги.
Это, чудится мне,
красавица Яшма идет.

И в воображении юноши возникла Нгок — Яшма. Славное имя дал своей дочке ванчиньский учитель. Белокожая, с нежным овалом лица, стройная и грациозная — девушка, право же, достойна называться Яшмой. Ох, не

---

[1] Ночное время в старину делилось на пять страж, примерно по два часа каждая.

[2] «Западный флигель» — пьеса китайского драматурга Ван Шифу (ум. около 1330 г.).

зря он всегда засматривался на нее, когда случалось проходить по рынку Кимбанг! Нгок всегда такая милая, такая приветливая, от нее словно исходило сияние свежести и чистоты. Ван Хаку никогда не нравились горожанки с их раскованностью, точнее — развязностью в движениях. А сдержанной грацией этой девушки он не мог не восхищаться.

Ван Хаку подумалось, что их брак будет совсем как в романе — союзом талантливого юноши и красавицы. И все же его не оставляли сомнения: ведь когда-то девушка была обещана в жены Чан Данг Лонгу, его другу. Не посмеются ли над ним, не осудят? Лишь одно утешало: не он сам вздумал взять Нгок в жены, его уговаривает почтенный старец, второй лауреат. Столь высоконравственный человек, к тому же любящий своего ученика, не станет склонять его на дурной поступок. Но опять-таки Ван Хак не мог понять, для чего понадобилось достопочтенному старцу устраивать этот брак и почему, уговаривая Ван Хака жениться на Нгок, он уверял, что эта женитьба спасет девушку и принесет благо Чан Данг Лонгу. Уж не вышло ли у нее с Лонгом какого греха? И только подумал так юноша, как тут же устыдился: разве можно быть так несправедливым к девушке? Ведь она из хорошего дома, и не может быть, чтобы сделала что-то дурное.

Луна укуталась в облачные пелены, небо стало матовым. Юноша нехотя повернул к дому. Он шел и разговаривал сам с собой. Наверное, небом предначертано ему вступить в этот брак. Раньше он хотя и знал Нгок, но никогда мысли о ней не овладевали им с такой настойчивостью. Но вот Кхак Ман завел с ним речь об этой девушке, затем — старец из Тиенкиеу, и теперь он каждую минуту только о ней и думает. Просто диву даешься, как это получилось! А она, думает ли о нем она? Наверное, тоже. А то как же: он вспоминает о ней, а она о нем, если, конечно, достопочтенный старец и ей поведал о том, что замыслил.

Рассвело. Когда Ван Хак, держа под мышкой шляпу, подошел к воротам школы, первый, с кем он столкнулся там, был Кхак Ман. Локоть к локтю приятели вошли в здание.

Среди тогдашних кузниц, в которых выковывались таланты, особенно славилась школа второго лауреата из Тиенкиеу. Не считая трех десятков маленьких учеников — детей, внуков и племянников самого почтенного старца, в

школе было только два класса — среднего и высшего разряда. Студенты среднего разряда должны были каждый день являться в школу и слушать чтение книг, а раз в десять дней писать сочинение. Студенты высшего разряда дважды в месяц представляли свои сочинения. Всего студентов обоих разрядов в школе насчитывалось человек триста.

Ван Хак и Кхак Ман пришли в школу как раз к началу занятий у студентов среднего разряда.

Повесив на стену свои лакированные ноны, студенты чинно рассаживались по своим местам.

Достопочтенный второй лауреат еще пребывал у себя во внутренних покоях и не выходил к ученикам.

Вдруг к Ван Хаку подбежал один из маленьких учеников и зашептал ему на ухо:

— Учитель велел, чтобы по окончании занятий вы не уходили, он хочет вам что-то сказать.

Один за другим являлись и студенты высшего разряда. Обширное помещение, разделенное на пять частей, постепенно заполнилось, стало тесно: повсюду группами сидели и стояли студенты, они заняли весь дом и галереи.

Грянули подряд три громовых раската огромного барабана.

Все студенты, расположившиеся на топчанах и скамейках, посерьезнели и притихли.

Два маленьких мальчика с трудом принесли и взгромоздили на письменный стол большой кальян, шкатулку, корзину с чайником и поднос с чашечками.

В доме воцарилась благоговейная тишина.

Из внутренних покоев появился наставник из Тиенкиеу, облаченный в строгое одеяние. Студенты встали. С торжественной медлительностью наставник прошел к креслу за письменным столом, степенно открыл шкатулку и взял щепоть табаку. Тогда студенты шумно опустились на свои места. К письменному столу подскочил мальчик, он, учтиво поклонившись, взял кремний и огниво и вышел на галерею. Там он несколько раз ударил кремнем об огниво, а когда начал тлеть трут, ловко перенес огонь на свернутую бумажку, подул, чтобы пламя разгорелось, поджег фитиль и уже с горящим фитилем приблизился к наставнику. Прикурив от фитиля, старец подал знак, что пора приступить к чтению.

Один из студентов среднего разряда почтительно поднес и положил на письменный стол стопку книг.

Другой студент, вежливо испросив у наставника разрешения, открыл книгу и стал читать. Голос у чтеца был чистый и звонкий.

Все студенты тоже открыли книги и стали внимательно следить за текстом. Как было заведено, читались книги конфуцианского канона: что-либо из Пятикнижия [1], Четверокнижия [2] или династийных историй.

Сегодня занятия начали чтением «Книги перемен», потом перешли к «Учению о середине и постоянстве» и закончили «Историей Сунской династии».

После чтения каждого раздела этих книг в зале воцарялась тишина, словно в храме. Никто не отрывал глаз от книг, никто не осмеливался нарушить тишину.

Чеканным голосом, звучавшим словно набат бронзового колокола, наставник доходчиво истолковывал прямой и сокровенный смысл прочитанного, объяснял, какие комментарии достойны доверия, а какие — нет и почему.

Когда дошел черед до «Книги перемен», старец вдруг спросил:

— Не заметили вы ничего особенного в прочитанном отрывке?

Никто из студентов не ответил, потому что никто не догадался, о чем спрашивал наставник.

А тот, бросив взгляд в книгу, громко прочитал:

В себе нести прекраснейшее надо.
Добро творить — за то нам и награда.

И опять никто не нарушил тишины. Тогда учитель задал наводящий вопрос:

— Не кажется ли вам, что эти строки напоминают своим размером люкбат [3] наших народных песен? — Он сделал затяжку и продолжил: — В канонических книгах и династийных историях нет-нет да попадаются строки вроде этих. А не припомните ли вы чего-либо похожего из Пятикнижия?

---

[1] Конфуцианское Пятикнижие состоит из следующих древних классических книг: «Книги песен», «Книги истории», «Книги перемен», летописи «Вёсны и осени» и «Книги об этике».

[2] В конфуцианское Четверокнижие входят «Беседы и суждения», приписываемые Конфуцию, трактат философа Мэнцзы, трактаты «Великое Учение» и «Учение о середине и постоянстве».

[3] Люкбат — вьетнамский народно-песенный и стихотворный размер; он характеризуется чередованием разноразмерных (шести- и восьмисложных строк).

Студенты напрягали память, но никто так и не смог припомнить. Видя это, старец, с довольным видом поглаживая седую бороду, прочел нараспев:

Для чаши из кокоса есть мерило,
Но кто измерит алчность крокодила?

Не правда ли, это строки из «Учения о середине и постоянстве», из того самого отрывка, который мы с вами читали вчера? Отчего вы так быстро забыли? Ведь ежели милостью неба вы преуспеете на экзаменах и вас пошлют с посольством в Китай, то как бы вам не уронить честь государя нашего, когда станете вести беседу с тамошними сановниками!

Студенты опустили головы, явно пристыженные. Они молча восхищались удивительной памятью своего наставника. А старец между тем извлек из корзины чайник, плеснул себе в чашечку чаю и отхлебнул.

— Иные люди, ссылаясь на такие вот строки,— продолжал он,— с давних времен утверждают, что наш люкбат берет истоки в канонических книгах и династийных историях. Но говорить так, по нашему мнению,— значит, делать очень уж большую натяжку. Небо распорядилось так, что в каждой стране — свой язык, а потому у каждого народа — свои песни. Если верно, что наш люкбат пошел из канонических книг и династийных историй, то отчего же в Китае не знают люкбата? Над этим вопросом надо еще подумать, не следует делать поспешных выводов.

Разговор, затеянный для того, чтобы немного отвлечь студентов, на этом закончился. Второй студент, сменив предыдущего, принялся читать «Учение о середине и постоянстве», а третий — отрывок из «Истории Сунской династии».

Солнце уже поднялось высоко, когда наконец закончилось чтение книг студентами среднего разряда. К этому времени собрались все студенты высшего разряда. В зале стало душно и жарко. Наставник объявил перерыв. Студенты вышли во двор.

Кхак Ман вместе с Ван Хаком и другими однокашниками расположился в тени раскидистого дерева пян. Приятели просили Ван Хака прочитать им сочинение, которое было назначено на сегодняшнее обсуждение.

Один из студентов, многозначительно ухмыляясь, приблизился к их компании.

Ван Хак сразу догадался, что эта ухмылка относится к нему: не иначе, как парень проведал что-то о его личных делах, а потому первым завел разговор:

— Ты что это улыбаешься, Кунг?

— Завтра я преподнесу тебе стихи собственного сочинения,— не переставая улыбаться, отвечал тот.

Ван Хак тоже заулыбался:

— Знать, уверен ты в своем таланте. А вдруг стихи получатся неудачные? Ох, и всыплю же я тебе десятка три ударов бамбуковой палкой!

От ворот донеслись оживленные голоса и веселый смех. Это явились на обсуждение сочинений почтенные старцы, удостоенные степеней тиенши и кынянов, ближайшие друзья наставника из Тиенкиеу. Они-то и составляли авторитетную комиссию по оценке сочинений. Все старцы носили на головах блестящие ноны из ананасовых листьев с белыми шелковыми лентами.

Наставник поспешно поднялся, встречая гостей. Низко поклонившись вошедшим, он проводил их на возвышение и бодро вымолвил:

— Такая жара стоит! Может, вам надо было двинуться в путь пораньше?

Старый тиенши из Куиньлама, кивнув в сторону кыняна из Лиенчи, отвечал:

— Если б не я, сей почтенный старец по сю пору сидел бы перед кувшином, полным вина. Он, видите ли, и не собирался идти.

Кынян из Лиенчи, улыбаясь, продекламировал:

Если по чарочке в день осушать,
Больше трех сотен за год наберется.
Коли лет сто так себя ублажать,
Тридцать шесть тысяч выпить придется.

Старцы чинно уселись. Каждый из них старательно обмахивался веером, но никто ничего не снимал из одежды, даже головных повязок. Наставник из Тиенкиеу приказал двум мальчикам встать с опахалами по обе стороны от возвышения.

Тем временем студенты опять заполнили зал. Наставник порылся в кипе сочинений и отобрал те, что назначены на обсуждение. Их было около десяти. Сегодня предстоял разбор сочинений двух разновидностей: воззвания государя к подданным и прошения подданного к государю. Только сочинение Ван Хака, на котором стояли пред-

варительные оценки «превосходно», а общая почему-то «посредственно», и пять других сочинений с оценками «посредственно» намечалось зачитать вслух целиком. Другие же сочинения с пометками «очень посредственно» или «весьма посредственно» зачитывались не целиком, а лишь отдельными отрывками, которые были заранее отмечены особым знаком — «гусиным глазом». Приготовив все это, наставник передал своим друзьям сочинения.

— Взгляните, достопочтенные, если вы сочтете, что какое-либо из них не стоит сегодня зачитывать, мы отложим его.

Старцы развернули сочинения, бегло их проглядели.

— Читать можно все,— изрекли они наконец.— Все хороши.

Тиенши из Куиньлама, показав на тетрадь Дао Ван Хака, спросил:

— За это сочинение мы поставили «превосходно», отчего же вы снизили оценку до «посредственно»?

Наставник из Тиенкиеу ответил:

— «Посредственно» — справедливая оценка. Ваши «превосходно», пожалуй, следует считать завышенной наградой. К тому же студент этот еще молод и должен много трудиться над собой. Если все время ставить ему только «превосходно», возомнит себя высокоученым[1], забросит учебу, а это совсем ни к чему.

Наставник, обратив взор к студентам, сидевшим поближе, вымолвил:

— Приступим к делу. Кто из вас возьмется читать сочинения?

Кхак Ман поднялся с места и приблизился к письменному столу. Тиенши из Куиньлама протянул ему сочинение Дао Ван Хака.

— Читайте это сначала.

С тетрадью в руке Кхак Ман воротился на прежнее место, растер тушь, обмакнул в нее кисть. С кистью в руке он стал читать воззвание государя к подданным. Все студенты приготовили по стопке бумаги для заметок. Они старались записать сочинение целиком, ничего не пропуская. Скорописные иероглифы ложились на бумагу волнистыми линиями, напоминавшими спутанную цепь, за которую привязан сторожевой пес.

---

[1] Высокоученый — лауреат, занявший первое место на дворцовом состязании.

Кхак Ман читал, четко выговаривая слова и отделяя паузами одну часть воззвания от другой. Голос чтеца то взлетал, то опускался, придавая особую ритмичность каждой фразе.

Все это время в зале, вмещавшем более трех сотен человек, царило напряженное внимание. Кроме голоса Кхак Мана и редкого шелеста бумажных листов, не было слышно ни единого звука.

Когда чтец завершил первую часть сочинения, кынян из Лиенчи и тиенши из Куиньлама не могли удержаться от похвал. Кхак Ман читал, одновременно делая кистью пометки на полях; в эти минуты он походил на лицедея, который поет и сам себе аккомпанирует.

Когда сочинение Ван Хака было прочитано, наставник объявил перерыв, чтобы студенты могли выпить чаю и выкурить по трубке лаосского снадобья. Те, кто не успел записать сочинение, попросили тетрадь Дао Ван Хака, чтобы заполнить пропуски. Забыв о жаре и зное, вокруг тетради сгрудилось больше десятка человек, они буквально впились глазами в сочинение.

Тиенши из Куиньлама велел рядом с собой поставить стул, подозвал Ван Хака, усадил его и собственноручно налил ему чашечку чая.

— У вас замечательный слог,— сказал старец, прищелкнув языком.— Быть вам в числе избранных. Вы должны постараться занять первое место на межпровинциальных экзаменах, а потом выйти победителем и на состязаниях в императорском дворце. У вас впереди большая дорога. Я очень, очень рад за вас.

Тиенши повернулся к наставнику из Тиенкиеу:

— Хоть и нет уже на свете почтенного Дао Нгуена, но как отрадно видеть, что сын продолжает его дело.

Наставник из Тиенкиеу в ответ с сомнением покачал головой.

— Я не склонен разделять ваше мнение. Слог у Ван Хака и в самом деле неплох, но не хватает ему той высшей простоты, которая свидетельствует об отточенном мастерстве, да и слишком часто идет он вразрез с общепринятыми правилами. Если ему повезет и сочинение попадет к экзаменатору не слишком взыскательному, то отметку получит высокую; если же экзаменатор проявит строгость, то юноша наверняка провалится. Нет, что ни говорите, ему надлежит еще много над собой работать.

Затем наставник обратился к студентам:

— Что вы скажете о сочинении Ван Хака? Заметили ли вы в нем недостатки?

Зал ответил молчанием. Старец продолжал:

— Пишет он недурно, но попадаются в его сочинении такие фразы, которые упрямо идут против всех и всяческих правил и установлений. А в экзаменационных сочинениях, особенно в воззваниях и прошениях, нет ошибки непростительней, чем эта.

Кынян из Лиенчи закивал головой.

— Правильно! Ведь надо иметь в виду, что господа экзаменаторы проверяют сочинения второпях — ни дать ни взять грабители, за которыми гонятся; за какие-нибудь четверть часа надо проверить не один десяток сочинений. Им некогда вчитываться да вдумываться. А потому зачастую что поставит чиновный господин из предварительной экспертизы, то же самое выставят и чиновник второй экспертизы, и главный экзаменатор. Напишет ли студент пустую фразу, вставит ли мысль дельную и глубокую, второпях чиновник предварительной экспертизы не уразумеет, да и поставит отметку «скверно». Следующие проверщики уже вникать в суть не станут и подтвердят: «скверно», «скверно». А на тетради с тремя «скверно» вряд ли главный экзаменатор осмелится написать «посредственно», тем более «превосходно». Так и проваливаются на экзаменах.

Тиенши из Куиньлама поддержал своего старого друга:

— Достопочтенный Нгуен Конг Хоан в старину из-за этого самого пристрастия к чрезмерной сложности всю жизнь проваливался на экзаменах.

Оборотившись, он спросил студентов:

— А вы слышали, как достопочтенный Нгуен Конг Хоан поколотил сына из-за одной фразы в своем сочинении? — И, не дожидаясь ответа, старец начал свой рассказ: — Нгуен Конг Хоан был знаменитым ученым во времена династии Ле, но был у него порок — любил он мудреные фразы. Сын его, Нгуен Конг Лан, познания имел куда более скудные, чем отец, но писал бойко, доходчивым языком и потому к двадцати годам уже стал кыняном, а вскоре добился и степени тиенши. Однажды на экзаменах, не помню, в каком это случилось году, господин Лан назначен был главным экзаменатором. На этих испытаниях — в который уже раз! — участвовал почтенный Хоан и опять провалился.

Здесь тиенши остановился, не спеша глотнул чаю и продолжал:

— Покончив все дела с экзаменами, господин Лан отправился проведать отца. Первым делом почтенный Хоан спросил сына:

«Много ли было на сей раз отменно написанных сочинений?»

«Было одно такое,—честно ответствовал сын.— Но в нем оказалась лишенная смысла фраза, а потому мы вынуждены были поставить «скверно».

«Что же это за место? Может, ты вспомнишь?» — попросил отец.

Сын отвечал, что помнит, и продекламировал:

Лишь ты опора государя. Запад,
Юг, север и восток ему не верят.
Вкруг Хао все ему покорны земли.

И далее чиновный сын добавил:

«Если здесь немного изменить интонацию, то, пожалуй, все будет в порядке».

Старый Хоан, не ожидая, пока сын-экзаменатор выговорится до конца, схватил палку и давай охаживать свое чадо! Старик вошел в раж, скрежетал зубами и неистово ругался. Он обозвал сына круглым невеждой, которому нельзя доверять решение людских судеб.

Тиенши лукаво взглянул на студентов и спросил:

— Догадались ли вы, отчего почтенный Хоан отколотил главного экзаменатора?

Студенты задумались, но старец не стал ждать ответа.

— Да ведь автором того самого сочинения был не кто иной, как сам почтенный Хоан! Отрывок же, не понятый сыном, следовало читать так:

Лишь ты опора государя, Запад!
Юг, север и восток ему не верят.
Вкруг Хао все ему покорны земли.

Студенты обрадованно зашумели.

— Если бы экзаменатор дал себе труд чуточку поразмыслить,— вступил здесь кынян из Лиенчи,— то он бы сразу уразумел истину. Не мог он не знать, что при династии Чжоу[1] был совершен переход с Запада на Восток, и столицей Чжоуского царства стал Хао. Вот к каким не-

---

[1] Династия Чжоу в Китае правила с 1122 по 247 г. до н. э.

доразумениям иной раз приводит желание блеснуть. Вам об этом надлежит постоянно помнить.

Не успел почтенный кынян закончить свой рассказ, как появились мальчики со свежим чаем.

Обсуждение сочинений опять пошло своим чередом.

Следующей читали тетрадь Буй Док Кунга, того самого, который недавно под деревом нян пытался насмешничать над Ван Хаком.

Слог Док Кунга не был столь блестящим, как у Ван Хака, но все же отличался ровностью, свежестью, звучностью и заслужил похвалы у взыскательных старцев.

Около полудня обсуждение сочинений закончилось.

Наставник брал одну за другой тетради, оставшиеся на столе, называл имя студента и передавал владельцу.

У каждого студента, когда ему вручали тетрадь, на лице появлялось такое выражение, по которому тотчас можно было догадаться о полученной оценке. Один откровенно был рад незавидному «очень посредственно». Другой торопливо засовывал в сумку тетрадь с оценкой «скверно».

Стопка тетрадей вскоре была роздана, и студенты, прихватив свои шляпы, отправились восвояси. Один лишь Ван Хак остался.

Мальчики тем временем принесли большую бадью с водой и, побрызгав пол, стали подметать, убирать пыль, пепел от лаосского снадобья, обгорелые лучинки. В школе, словно в глухой пещере, воцарилась тишина. Густолиственные няны и решетки, увитые зеленью, надежно преграждали путь солнечным лучам. Духота постепенно спала, ей на смену пришла приятная прохлада.

В зале появился повар с огромным подносом на голове.

Наставник из Тиенкиеу пригласил своих друзей отведать вина, а Ван Хаку велел придвинуть стул к главному фану [1] и сесть рядом.

Кынян из Лиенчи насмешливо вымолвил:

Так испокон веков заведено:
С наставником дели заботы и вино.

С этими словами он передал Ван Хаку кувшин с вином, чтобы тот налил себе чарку, но юноша робел в присутствии столь почтенных старцев и потому никак не решался

---

[1] Фан — высокий деревянный топчан.

пригубить вино. Тиенши из Куиньлама наставительно произнес:

— Досточтимый Конфуций учил: «В деле праведном даже учителю не уступай». Если мысль сия справедлива относительно праведных дел, то тем более верна, когда речь идет о такой малости, как чарка вина. Пейте же, милый юноша. С вашим талантом следует сочетать решительность. Стыдливость и кротость красят только девиц.

Кынян из Лиенчи улыбнулся:

— Да они только притворяются скромниками, эти ученые юноши. Уверен, что в своей компании они не один кувшин с вином осушают.

Ван Хак потупился, но не столько от смущения, сколько пытаясь скрыть невольную улыбку. Потом он взял чарку и, вежливо испросив разрешения, слегка пригубил ее.

Наставник из Тиенкиеу завел речь о предстоящей женитьбе Ван Хака.

— Я потому взялся устроить этот брак, что очень уж мне жаль ванчиньского учителя, его супругу и дочку их Нгок. Дело в том, что прежде эта девушка дала согласие выйти за Чан Данг Лонга, но по какой-то причине свадьба расстроилась. В тот день, когда состоялась торжественная встреча тиенши Лонга, Нгок увидела, какие ему и его супруге воздаются почести, и это зрелище настолько потрясло бедняжку, что она впала в беспамятство. Я вылечил ее, дав больше десяти доз лекарства. Но если сейчас она не выйдет замуж, то выздоровление окажется только временным, да и вообще как бы она рассудком не помешалась. У ванчиньского учителя и его жены всего-то две дочери, Нгок — старшая. Если с ней приключится беда, сами подумайте, какая горькая старость ожидает ее родителей.

Старцы на все лады принялись расхваливать невесту и посоветовали Ван Хаку не мешкать со свадьбой. Но наставник из Тиенкиеу прервал их:

— Ну, это уж моя забота! — И, взглянув на Ван Хака, добавил: — Вчера я посетил Ванчинь и переговорил с родителями невесты; они согласны. Так что дело решенное. Завтра тебе следует пойти и рассказать обо всем своей матери и старшим братьям.

Ван Хак изо всех сил старался не выдать волнения, которое его охватило, он лишь временами кивал в знак согласия.

Наставник обернулся к юноше.

— Но после свадьбы тебе придется поселиться у родителей невесты, потому что мать Нгок не хочет расставаться с дочерью. Из-за этого она даже хотела отказать.

Тиенши из Куиньлама сострил:

— Вы, дорогой мой жених, столь же удачливы, как государь Шунь [1]. Но вам предстоит следовать примеру Шуня только наполовину, потому как для младшей дочки ванчиньский учитель подыщет другого мужа.

Старцы весело загоготали, а Ван Хак зарделся от смущения. Прошло немало времени, пока наставник опять не обернулся в сторону Ван Хака.

— Еще об одном я хотел бы тебя предупредить до свадьбы,— промолвил он.— Учти, что Нгок — девушка честолюбивая, она хочет, чтобы ее муж стал вторым или третьим лауреатом, не меньше. Когда она впала в беспамятство, то все называла себя супругой тиенши или кыняна. Подумай об этом и смотри не разочаровывай девушку.

Старцы опять засмеялись.

VI

По шуму, донесшемуся из внешних покоев, Нгок поняла: гости закончили карточную игру «гнездо креветок» и поднимались с мест. Они на ходу распределяли между собой обязанности. Мужчинам предстояло заняться убоем свиней, женщинам — готовкой пищи. Ванчиньский учитель с супругой тоже поднялись: надо проследить за тем, чтобы мальчишки нагрели воду и подмели пол, а старушек попросить, чтобы приготовили бетель.

Нгок не покидала своей комнатки. Как ни странно, волнение последних дней отпустило девушку, теперь всем ее существом владело томительное ожидание перемен.

С того самого момента, когда отец и мать ответили согласием наставнику из Тиенкиеу, мысли о Ван Хаке не оставляли Нгок. И чем больше она размышляла, тем больше привлекательных качеств находила в нем. Но ни за что на свете она не призналась бы в этом вслух. Надув губки, жаловалась она подружкам, что вот нашли ей же-

---

[1] Шунь — легендарный государь древности, был женат на двух сестрах и поселился в доме родителей своих жен.

ниха и собой неприглядного, и со скудным достатком. Ах, какая печальная участь ей уготована! Уж лучше уйти в монастырь! На самом же деле Нгок полагала, что лучшего жениха ей не найти и даже тиепши Лонг не может с ним сравниться.

Особенно привлекали девушку серьезность и скромность юноши. Терпеть она не могла самоуверенных тупиц. А этот и собой хорош, и взгляд у него такой открытый, бесхитростный. Волей-неволей она присматривалась к молодым людям, которые обычно компаниями проходили по рынку Кимбанг, особенно к студентам. До чего ж развязно держали себя многие из них! А какие взгляды бросали на нее! Ну точь-в-точь вóроны на крыше свинарника, завидевшие лакомый кусок. Один только Ван Хак всегда был сдержан и почтителен, а если уж обращался к ней, то говорил очень мило и складно. Но более всего привлекали девушку слухи о его необычайных способностях — слава о них шла по всей Ханойской провинции.

Все только и говорили о том, что за свои сочинения Ван Хак еще ни разу не получил оценки «очень посредственно». Среди трех или четырех сотен учеников наставника из Тиенкиеу первым был Ван Хак, и никто не мог с ним сравниться. Из разговоров старших Нгок знала, что этому юноше сулят будущее второго или по крайней мере третьего лауреата и будто бы тиенши Лонгу далеко до него.

Всем хорош оказался жених! И сердечко Нгок громко билось от счастья. Ничего, скоро и она, подобно этой Тхюи, будет с важностью восседать в разубранном паланкине, а жители всего тонга станут воздавать ей почести. Об одном лишь сожалела Нгок: ведь и вторым и третьим лауреатам присваиваются всего лишь степени тиенши, и ей не удастся обставить эту противную гордячку Тхюи.

Временами на девушку накатывала непреодолимая грусть. Она вспоминала, как несколько лет назад некий прорицатель предсказал ей немалые беды в замужестве. Тогда-то семья Лонга и отменила свадьбу. Знает ли об этом наставник из Тиенкиеу? Не случится ли опять что-нибудь непредвиденное? Впрочем, наставник из Тиенкиеу — человек слова, и если он взялся уладить дело со свадьбой, значит, так оно и будет.

При случайных встречах с Ван Хаком на рынке Нгок старательно делала вид, будто он ее нисколько не интересует, отворачивалась, заводила разговор с подружками,

хотя нестерпимо хотелось внимательно осмотреть его всего. Девушки подтрунивали над Нгок, она же заливалась краской смущения, сердилась и на себя, и на них, а как-то раз даже вспылила. Но, как ни странно, разговоры эти и поддразнивания вызывали какое-то приятное волнение, без них сразу стало бы скучно и неинтересно.

А в какое смятение ввергло девушку сообщение о том, что старец из Тиенкиеу просил родных невесты назначить день для поднесения бетеля! Это первый и, пожалуй, наиболее важный из предсвадебных обрядов. Нгок не решилась спросить, какой же день был выбран и не отказали ли вдруг. Хоть бы мама сама рассказала подробней!

Время тянулось для Нгок невообразимо долго. Казалось, со дня первого визита свата прошла целая вечность. Тридцать дней, что миновали с конца шестого лунного месяца до начала восьмого, показались ей тридцатью годами. По вечерам Нгок облегченно вздыхала: слава богу, еще один день миновал. Ночами, когда гремели короткие грозы и крупные капли стучали по навесу, или в предвечерние часы, когда прохладный ветерок вдруг, шутя, поглаживал девушку по щеке, а неясные тени прятались в буйной листве, ей становилось особенно не по себе.

Время текло медленно, как вода из треснувшего сосуда. И вот осталась самая малость на донышке. Близился момент, когда жених с родней явятся за невестой. Осталось всего несколько часов. Нгок слышала, как родители просили соседей помочь в приготовлениях к свадьбе, а те то и дело справлялись о самочувствии невесты.

Не то чтобы девушка смущалась от этих вопросов, в которых улавливала насмешку (уже больше месяца все кругом подтрунивали над ней, и она притерпелась), просто само по себе это слово — «невеста» — заставляло ее сердце сжиматься.

Всю минувшую ночь она почти не смыкала глаз, под утро вздремнула на каких-нибудь полчаса. Звуки шагов, громкие голоса людей, шумные приготовления к торжеству мешали уснуть, но пуще всего тревожили мысли о следующей ночи.

«В полдень мы тронемся из дома,— размышляла девушка,— и не раньше сумерек доберемся до деревни Даонгуен. Последний обряд состоится поздним вечером. Что ж, тем лучше, буду меньше смущаться». Сейчас Нгок сожалела, что была недостаточно внимательна на других

свадьбах. Она никак не могла припомнить, должна или нет невеста пить вино, сидя рядом с женихом и во время трапезы в честь Господина Красной нити. Если должна, то сколько чарок? Потом она задумалась, как ей следует обращаться к жениху: на «вы» или «ты»? Девушка стала размышлять, как ей вообще себя держать, когда она выйдет к гостям уже не как невеста, а как жена. Следует ли ей сменить наряд или остаться в прежнем? Десятки, сотни вопросов одолевали девушку. Но прозаический звук — истошный визг свиньи, предназначенной на убой,— вывел ее из состояния восторженной задумчивости.

Какая-то родственница, пробегая мимо дверей, бросила на ходу:

— Ой! А невеста еще и не встала. Видать, отсыпается впрок.

Нгок не успела ничего ответить, а уж другая соседка, откинув бамбуковый занавес, заглянула к ней в комнату.

— Полно. Будет тебе спать-то. Солнце уже высоко. Вставай да покажи, где рис, мы варить станем.

Нгок ответила, позевывая:

— Я собралась проспать до полудня, но если вы меня просите, пожалуй, поднимусь сейчас.

И с притворной ленцой поднялась.

Сегодня Нгок не стала причесываться, а только наскоро покрыла голову платком и, вздохнув всей грудью, вышла за дверь.

Тотчас послышались насмешливые голоса молоденьких родственниц:

— Смотрите, сестрица наконец изволила встать!

— Почему бы тебе не поспать еще немножко?

Улыбаясь, Нгок им ответила:

— А куда мне спешить? Все равно всю работу сделаете вы. Мне же надо выспаться, хорошенько отдохнуть к ночи. Вы еще глупенькие, не понимаете. Но ничего, ваш черед тоже придет.

Неторопливо прошествовала она к воде, собралась было зачерпнуть черпаком, чтобы умыться. Но, занятая своими мыслями, она, так и не умывшись, вылила воду из черпака и пошла вниз, на кухню, где разделывали мясо, рубили зелень и варили рис. Несколько десятков подносов разной снеди должны были приготовить женщины.

Отборные плоды и лучшие яства установили на алтаре предков, а свиную голову отправили в общинный дом. Гости и родня невесты сели пировать, потому что вскоре

надо было начинать готовить угощение для родственников жениха.

У Нгок совершенно не было аппетита, безо всякой охоты она отведала немного рису, потом примостилась среди девушек и женщин; она сидела, то прислонившись спиной к одной из них, то уткнувшись в плечо другой, пытаясь спрятать лицо, чтобы никто не мог по нему прочесть, какие чувства владеют ею.

Около полудня, запыхавшись, примчался мальчонка, ученик ванчиньского учителя, с вестью, что вдали показался жених со своими родственниками. В доме начался переполох.

Нескольким мальчикам было велено раздувать веерами огонь, чтобы вода для чая поскорей закипела. Другим поручили стряхнуть пыль с циновок, украшенных красивой красной каймой. Двух девушек попросили вынести к перекрестку бетель.

А Нгок тем временем все сидела в кухне и всеми силами старалась не выдать своего беспокойства.

Вскоре за воротами послышались голоса, радостный смех и звонкий мальчишеский выкрик:

— Жених прибыл!

Девушки подглядывали из-за стены, увитой цветами,— раньше времени не положено им выходить, а жениха увидеть очень уж хочется. Только в этот миг невеста торопливо удалилась в свои покои. Все высыпали к воротам, дом сразу же опустел. Нгок в дверную щелку подсматривала за тем, что делается во дворе. Она видела, как ватага детей расступилась, потом все, сложив руки и сцепив пальцы, поклонились.

— Приветствуем вас, достопочтенный!

— Кланяемся вам!

Впереди, с пучком курящихся благовоний в руке, в длинных и просторных синих одеждах, шествовал второй лауреат из Тиенкиеу, следом за ним — кынян из Лиенчи. А далее — еще несколько ученых старцев. За ними небольшой стайкой шли девушки, потом — юноши и уж затем — мальчишки, которые несли шкатулки и кальяны, принадлежавшие старцам. Замыкали шествие слуги с паланкинами. Нгок старалась разглядеть все подробно, особенно одежду Ван Хака, но ей это никак не удавалось — его плотно обступили со всех сторон юноши с высокими шляпами на головах. Вся родня жениха сгрудилась во дворе.

Вдруг разорвалась хлопушка, следом за ней — другая, третья. Бумажные обрывки разлетались по сторонам, все заволокло темным удушливым дымом, едкий запах пороха проник в дом. Щеки невесты еще ярче запылали, она не находила себе места, наконец, совершенно потерянная, подошла к кровати и села.

Родственники жениха шумно входили в дом. Им навстречу вышли достопочтенные господа: тиенши из Куиньлама, кынян из Майдиня и другие старые друзья ванчиньского учителя.

Старцы обменялись церемонными поклонами. Кынян из Майдиня, поглядывая на второго лауреата и кыняна из Лиенчи, проговорил:

— Оказывается, нам с вами сегодня придется разделиться. Вы будете пировать в доме жениха, ну, а нам уж придется здесь, в доме невесты.

Кынян из Лиенчи улыбнулся:

— Уж вы не промахнетесь, всегда выберете, что получше.

Кынян из Майдиня весело отвечал:

— Я еще не сошел с ума, чтобы присоединиться, как вы, к такой нестоящей стороне, как женихова!

Здесь свое слово вставил второй лауреат из Тиенкиеу:

— Друзья, не обрывайте руки статуе Будды в ночь полнолуния, они еще пригодятся. Вы только взгляните: какое угощение нам приготовлено!

Шутливая перепалка старцев закончилась всеобщим смехом, гости и хозяева расселись по местам. Выпили по чашечке чая. Второй лауреат велел родне невесты проводить жениха к часовне и алтарю предков для свершения должных церемоний.

Маленький слуга открыл шкатулку, извлек из нее халат и передал Ван Хаку.

На жениха устремились десятки пар глаз.

Хотя Ван Хак и был не из робкого десятка, он все же немного смутился, когда ему пришлось облачиться в широкий халат и в сопровождении дружек направиться к часовне.

Девушки, разглядевшие наконец жениха, принялись перемывать ему косточки: одни утверждали, что он слишком самоуверен, другие, наоборот, говорили, что он держит себя как настоящий мужчина.

Мать невесты, волнуясь, напомнила девушкам, что им

надо привести себя в порядок, поскольку предстоят проводы невесты.

Вскоре возвратился жених с дружками.

Мать жениха поднялась с места и обратилась с просьбой к второму лауреату, чтобы тот пригласил ванчиньского учителя и его супругу сесть: жениху предстояло отвесить низкие поклоны будущим тестю и теще. Родители невесты наотрез отказывались от этой церемонии. Мать жениха продолжала настаивать. Взаимные уговоры продолжались долго, пока не внесли подносы с угощением и кувшины с вином.

После нескольких приветственных тостов родня невесты и жениха всерьез занялась угощением; ванчиньский учитель удалился в школу, а его жена пошла распорядиться, чтобы принесли угощенье для тех, кто будет участвовать в проводах невесты к дому жениха. Она велела Нгок сесть и поесть вместе с девушками.

Когда солнце стало сильно припекать, пир закончился.

Господин второй лауреат послал за хозяевами дома, поскольку настало время проводов невесты.

Те, кому надлежало нести паланкины, кальяны для лаосского снадобья и шкатулки, стали готовиться в путь. Старушки из невестиной родни пошли поторопить девушку с переодеванием.

Но бедняжкой вдруг овладела неодолимая робость, она сидела в кругу своих подружек, не в состоянии двинуться с места. Озабоченные старушки стали настойчиво уговаривать невесту; в конце концов, поддавшись на их уговоры, она встала и вышла во двор. Зачерпнув воды и кое-как умывшись, она вернулась к себе, открыла сундук, извлекла свой свадебный убор и разложила его на кровати. Отогнув край циновки, девушка достала зеркальце, но остановилась в нерешительности. Невесту окружили подруги: кто занялся головной повязью, кто расчесывал волосы, потом на голову невесте надели только что купленную шелковую повязь. Все это время невеста не проронила ни слова.

Со двора опять донесся грохот хлопушек. Родня и гости со стороны жениха выпили по последней чашке чая и взяли по последней порции бетеля. Мать жениха и второй лауреат из Тиенкиеу произнесли принятые в таких случаях прощальные слова. Все шумно поднялись, поклонились ванчиньскому учителю и его жене, высыпали во

двор. Тиенши из Куиньлама, кынян из Майдиня и прочие старики, вместе с родней жениха участвовавшие в процессии, вышли за ворота.

А Нгок сидела и все никак не могла набраться сил и надеть новый наряд.

Старые родственницы уже сердито ворчали:

— Это тебе не забава! Долго будешь сидеть, надувши губки? Неужели не знаешь, что значит благоприятный для свадьбы день? В целом году бывает только один такой день. А благоприятный час? Смотри, упустишь — тогда пеняй на себя! Если бы можно было в любое время совершать свадебный обряд, то кто бы стал ждать благоприятного дня и часа?

А Нгок отвечала печальным голосом:

— Дорогие, зря вы меня ругаете. Ни на кого я не дуюсь, не капризничаю. Просто я...

Она не договорила, рывком поднялась с места, сбросила с себя старое одеяние и надела новое. Потом поглядела в зеркальце и встретилась взглядом с юной красавицей, красоту которой лишь подчеркивал роскошный шелк нового платья. Она сдержала довольную улыбку.

— Хороша, хороша! — в один голос закричали подружки.— Вполне годишься в жены второму или третьему лауреату. Полно тебе, пора отправляться. Всему свое время: у ночи бывает поздний час, у дня — заря.

Невеста не отвечала. Выглянув за дверь, она попросила свою сестренку Бикь постлать на галерее циновку. Потом попросила отца и мать сесть на топчан, а сама, приблизившись на цыпочках к циновке, упала на колени и низко поклонилась сначала отцу, затем матери. Старый учитель сохранял полное самообладание, но мать расчувствовалась, из ее глаз закапали слезы. Утерев их, женщина, стараясь казаться веселой, проговорила:

— Отправляйся, дочка, уже пора! Тебя ждут. С господином вторым лауреатом и матерью жениха я обо всем договорилась. Завтра утром выпьете чаю, отведаете рису — и вернетесь обратно сюда.

У Нгок по щекам потекли слезинки. Она вяло поднялась, сунула ноги в туфли с загнутыми вверх носами и с отрешенным видом направилась было к себе в комнату. Но подружкам уже надоело ждать, они закричали:

— Пойдем! Жених небось совсем заждался.

Все так же вяло невеста надела на голову нон, который ей подали девушки, и спустилась вниз, окруженная

толпой подружек. Низко надвинутый широкополый нон скрывал ее пылавшие щеки.

Процессия медленно шла, то и дело останавливаясь, чтобы отставшие могли подтянуться.

Миновав ворота деревни, невеста и жених, старики и старушки уселись в паланкины. Девушки и юноши двинулись следом пешком.

Знойное солнце опаляло зеленеющие рисовые поля и как бы подгоняло шествие.

Сидя в паланкине и глядя вперед, Нгок вспомнила о своем гаданье, и в ее памяти всплыли строки, которые тогда предсказали ей будущее:

Там, позади, остается семья.
А впереди бесконечно вьется дорога-змея.
Мчится повозка в чужие края,
неудержим и стремителен бег.

Она улыбнулась: кажется, пророчество сбывается. Потом ей припомнились другие строки, которые сначала выпали при гадании,— про жирного сановника. Что же пророчат они?

VII

Девятый месяц по лунному календарю... По утрам легкий туман укутывает землю. Рассеянный свет солнца разрывает туманную пелену, и тогда все вокруг искрится и играет.

Под порывами ветерка поля зрелого риса кажутся волнующимся золотистым морем.

Ночная роса еще сверкает на листьях и на траве.

По высокой дамбе, помахивая сумочкой, шагает Нгок. Она так и лучится довольством и счастьем. Более всего радует молодую женщину, что вскоре после свадьбы ее муж вышел победителем на местных испытаниях. Время от времени она оборачивается в сторону деревни — не вышел ли муж за нею следом.

Но тот что-то медлит. Нгок не спеша приблизилась к баньяну, который рос неподалеку от дамбы. Положив на траву свой нон серебряным навершием книзу, она пристроила свою сумочку на лакированном обруче, служившем для того, чтобы шляпа крепче держалась на голове.

Потом, аккуратно расправив юбку, уселась на могучем корне баньяна, вынула из сумочки иголку, нитки, кусок шелка и принялась, в ожидании мужа, за шитье.

Уже второй раз после свадьбы молодожены направляются в родную деревню Ван Хака — проведать его семью.

Вскоре после свершения свадебных обрядов Ван Хак послал слугу за своими книгами и пожитками. Как и было обговорено, он поселился в доме ванчиньского учителя. Нгок была счастлива, что никуда ей не пришлось переезжать, что она осталась жить с отцом и матерью.

Но ванчиньский учитель и его супруга внимательно следили за тем, чтобы их дочь исправно выполняла долг невестки. Поэтому через несколько дней они уговорили Ван Хака навестить матушку и прочих родственников в деревне Даонгуен. Молодые провели в Даонгуене всего один день и две ночи, а потом свекровь велела им скорее возвращаться в Ванчинь. Дело в том, что на этот год, по случаю радостных событий в императорской семье, были назначены внеочередные экзамены, а потому мать Ван Хака боялась, как бы ее сын, замешкавшись под родным кровом, не забросил учебу. Послушавшись матери, Ван Хак тотчас вернулся в дом тестя.

Для Ван Хака и Нгок были отведены пять гостевых комнат, в которых они изведали все радости первых недель супружества. Днем Нгок отправлялась на рынок, а по вечерам ткала. Комнатка, где стоял ее ткацкий станок, находилась прямо против той, где со своими книгами расположился ее муж.

В поздние часы, когда дом затихал и ясный лунный свет заливал галерею, он обычно сидел, склонившись над книгами, а она — за своим ткацким станком. Его голос сливался со стуком снующего челнока, и молодой женщине казалось, что счастливей ее нет никого на свете.

Но слишком честолюбива была Нгок, ее не могло удовлетворить такое неприхотливое и безмятежное счастье.

Приближались экзамены. Через пять дней Ван Хаку предстояло отправиться в путь. Потому-то ванчиньский учитель и его жена велели молодым сходить в Даонгуен и совершить положенные обряды. Хотя это было Ван Хаку не по душе, он согласился, не желая вступать в пререкания с тестем.

Сегодня молодые позавтракали раньше обычного. Конечно, им следовало бы выйти из дома вместе, но Нгок

еще стеснялась появляться на людях рядом с молодым мужем, она болезненно переносила в общем-то безобидные насмешки подружек и потому попросила Ван Хака замешкаться в доме, а сама в одиночку миновала деревенскую улицу и вышла за ворота.

Сейчас, сидя в прохладной тени под раскидистым баньяном и углубившись в шитье, она поджидала супруга. Вдруг ей припомнилось пророчество, которое не так давно она услышала от прорицателя.

«Говорят, он точно угадывает все, что случится с человеком,— думала она.— Он сказал, что в этом месяце я получу радостное известие. Наверно, Ван Хак успешно сдаст экзамен. К тому же и второй лауреат из Тиенкиеу, и тиенши из Куиньлама, и другие ученые старцы в один голос утверждают, что он непременно преуспеет. Какая жалость, что прошло слишком мало времени после свадьбы. Теперь все скажут, что в его успехе нет моей заслуги. Вот если бы он сначала провалился и лишь потом добился успеха, тогда...— Но молодая женщина, устыдившись, тотчас отогнала эту мысль.— Какие глупости лезут мне в голову! Как бы то ни было, чем раньше муж вернется с экзаменов победителем, тем лучше. Ведь для начала ему предстоят межпровинциальные испытания, а дальше — состязания в столице. Невелика радость сидеть в паланкине почета, окруженной детьми мал-мала меньше».

Она уже почти закончила шитье, а Ван Хак все не появлялся. Она чуть было не собралась вернуться домой, как в деревенских вратах мелькнул лакированный нон из ананасовых листьев.

По легкой быстрой походке Нгок угадала, что это ее муж, и как ни в чем не бывало опять уселась под баньяном со своим шитьем.

Солнце поднималось все выше, и тень от дерева все укорачивалась. Ветерок беспечно порхал над рисовыми полями. Налитые колосья клонились под ветром, и золотые волны то и дело проносились по полю.

Песня жниц, то звеня, то затихая, неслась над простором.

Нгок невольно залюбовалась беспредельной ширью полей, взгляд ее мечтательно устремился к далекому горизонту.

— О чем это задумалась моя женушка? — Голос раздался совсем рядом.

Нгок вздрогнула и обернулась. Ван Хак, улыбаясь, стоял позади.

— Небось заждалась меня,— продолжал он.

— Ни капельки,— кокетливо улыбнулась она.— Только вот подумала, не пора ли мне вернуться домой. Больно ты долго выбирал себе наряд.

Она уложила в сумочку рукоделье и неторопливо поднялась.

Молодожены пошли рядышком, болтая о всяких пустяках. Путь им предстоял неблизкий, но дальние прогулки обоим были привычны: Нгок каждый день ходила на рынок, а Ван Хак часто навещал однокашников, да и занятия в школе не забросил. Дорога их не утомила.

Солнце уже достигло первой горной вершины, когда вдалеке показались ворота деревни Даонгуен. Нгок, соблюдая обычай, хотела отступить на несколько шагов и почтительно пропустить мужа вперед, но он велел ей идти рядом и не разводить лишних церемоний.

Не успели они вступить во двор, как им навстречу с криком высыпала малышня.

— Дядя и тетя пришли!

Наспех отвесив положенные поклоны, малыши схватили дядю за рукав, а тетю — за полу платья. И так, окруженные ребятней, молодые весело двинулись к дому. Там их радостно встречала хозяйка. Ван Хак и Нгок учтиво поклонились ей.

— Вот вы и пришли, дети мои,— приговаривала матушка, улыбаясь.— А уж я так вас ждала, так ждала. Если б вы не пришли сегодня, то завтра сама послала б за вами.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Ван Хак.

— Нет, все хорошо,— поспешно ответила мать.— Заходите, отдохните. Небось устали, жара такая стоит.

— Нет, мама, сейчас не очень жарко,— вежливо отвечала Нгок.— И прохладный ветерок все время дует.

Потом Нгок вышла на галерею и попросила мальчонку постарше принести блюдо, на которое она выложила гостинец для свекрови — сладкие рисовые пироги к чаю, а ребят угостила сладостями. Невестки Ван Хака, прослышав, что явились гости, прибежали поздороваться с ними. В доме стало весело и многолюдно, словно в канун праздника.

Кончив расспросы о здоровье, Ван Хак поднялся, медленно прошелся по дому и проговорил:

— Почему не видно старшего брата? Дома ли второй брат и тот, что удостоен степени тутая? [1]

— Набольший уехал сегодня утром. А второй и тутай целый месяц как в отъезде. Вчера они с оказией просили передать, чтобы ты совершил должные обряды. Они же вряд ли успеют до экзаменов наведаться домой. Вот почему я так ждала вас обоих,— ответила мать.

— Я ведь тоже не собирался сюда. Но жена и теща покоя не давали, решил я их уважить. Хотя пользы от этих обрядов мало: совершай их, не совершай — все равно провалишься. Нет, не помогают мне духи предков. С какой же стати им молиться?

С этими словами Ван Хак уселся на стул, взял кальян и приказал мальчишке подать огня. Мать, огорченная словами сына, укоризненно заговорила:

— Ну что ты такое болтаешь! Человек должен чтить духов. Мы молимся им вовсе не потому, что ждем помощи. У кого ума нет, тот и проваливается на экзаменах. При чем тут духи? Если б одних молитв было достаточно, чтобы преуспеть на экзамене, к чему тогда учиться?

Нгок поддержала свекровь:

— И дома он вот так же упрямится. Уж как мы его уговаривали, пока согласился пойти сюда.

Ван Хак заулыбался:

— Если считаете это обязательным, что ж, устраивайте моление. Разве я мешаю? Только, мама, ведь полагается это сделать завтра утром, не так ли?

Матушка ответила:

— Я уже все заготовила — и кур, и рис. Но придется подождать до утра. Моление не следует совершать после полудня.

Маленькая девчушка, пыхтя от усердия, притащила из кухни чайник с кипятком. Нгок подбежала к ней и приняла чайник, после чего стала ополаскивать чайничек для заварки, мыть чашки. Затем она налила несколько чашечек чаю и придвинула свекрови. Та взяла стопку сладких рисовых пирогов и протянула их Нгок:

— Возьми, попотчуй невестушек. Вместе почаевничаем.

Жена тутая поспешила на помощь Нгок:

— Разреши, я возьму, ты еще не знаешь, где у нас посуда.

---

[1] Тутай — низшая ученая степень в старом Вьетнаме.

Она удалилась. Хозяйка велела остальным невесткам сесть и выпить чаю с пирогами. Мать Ван Хака была лишь наложницей у его отца, но поскольку старшая и вторая жена уже умерли, то хозяйкой в доме теперь считалась она. Лаской, умом, благонравием она снискала любовь и уважение невесток, которые относились к ней как к родной матери. Они настолько почитали ее, что не осмеливались сесть рядом с нею, и даже после того, как она их пригласила, еще долго отказывались.

— Извините, не обращайте на нас внимания! — говорили они.

Жена тутая опять внесла пироги, красиво разложенные на блюде, и, приблизившись на цыпочках, поставила их перед свекровью. Та снова стала угощать невесток чаем и пирогами. Чтобы не обидеть свекровь повторным отказом, одна из невесток взяла пирог и присела на краешек топчана. Свекровь кликнула детей, те окружили ее, она отламывала по кусочку пирога и угощала каждого.

Раздача этого немудреного угощения происходила так весело и радушно, что Нгок от души порадовалась добродетели, процветающей в доме мужа. И сразу же ей стало грустно при мысли о своем оставленном доме.

Напившись чаю, невестки разошлись — у каждой было множество дел. Нгок взялась помогать жене тутая варить обед.

Когда солнце стало клониться к закату, Нгок попросила у свекрови разрешения пойти вместе с малышами проведать родственниц. Они долго переходили из одного дома в другой, а когда вернулись, уже стемнело.

В доме полным-полно было гостей: это родня, прослышав, что явился Ван Хак, поспешила с ним повидаться и поговорить о предстоящих экзаменах.

Пока муж принимал гостей, Нгок с невестками коротали вечер за беседой.

Вскоре гости разошлись. А вместе с ними ушел и Ван Хак. Свекровь позвала невесток к себе. Она велела Нгок зажечь лампу и читать по памяти поэму о святой Куан Ам [1]. Ей давно хотелось послушать эту поэму, но никто ее наизусть не знал. К тому же она слыхала, что Нгок

---

[1] Поэма «Куан Ам Тхи Кинь» — классическое произведение вьетнамской литературы XVIII — начала XIX в. Куан Ам (Авалокетешвара) — буддийская богиня, считалась покровительницей материнства.

обучена грамоте, но не очень-то верила этому и сейчас захотела убедиться, правду ли говорят люди.

Она очень обрадовалась, услышав, как декламирует Нгок — свободно, красиво, делая правильные ударения и соблюдая паузы, нигде не запинаясь.

Жена второго брата с удивлением смотрела на молодую женщину, пораженная ее искусством. Наконец она, не удержавшись, спросила:

— Скажи, сколько лет ты училась?

Нгок, быстро сосчитав по пальцам, ответила:

— Восемь. Начала я учиться с шести лет. У отца с матерью нас было только двое — я да сестра. В детстве мне не стали прокалывать уши для серег, а к шести годам сделали стрижку, как у мальчиков, нарядили в белые штанишки, и я стала учиться в одном классе с мальчишками. Так я и училась до четырнадцати лет, а потом пришлось ходить на рынок вместе с матерью, присматривать за товарами, мое учение и кончилось.

Жена старшего брата спросила с улыбкой:

— По каким же книгам ты училась?

— По тем же, что и мальчики,— ответила Нгок.— Начала я учение с «Троесловия» и доучилась до «Бесед и суждений» высокомудрого Конфуция. Когда мне исполнилось десять лет, отец стал учить меня «Книге церемоний», но я одолела только две главы. Потом пришлось каждый день писать прописи и выучивать по нескольку стихотворений из поэтов Танской эпохи, к тому же я стала учиться ткацкому ремеслу.

Старшая невестка задумчиво проговорила:

— В детстве я тоже училась, как и ты, но скоро бросила. Теперь ни единого иероглифа не помню. Неспособная я, видно.

Время уже было позднее, свекровь пожаловалась на усталость, и чтение пришлось прервать. Невестки разошлись, а малышня весь вечер оспаривала друг у друга право спать в одной комнате с Нгок. Ван Хак все еще не возвращался, и свекровь велела Нгок вместе с малышами разместиться у нее в покоях.

И оттого, что пришлось спать на новом месте, и оттого, что она не знала, где загулял ее муженек, Нгок лишь после третьей стражи забылась сном, но ненадолго. За домом, шумно хлопая крыльями, пропели петухи, и Нгок проснулась. Со двора доносился звон посуды, слышно было, как пересыпали рис. Это уже принялись за дело стар-

шие невестки. Нгок тоже встала. Боясь разбудить свекровь, она на цыпочках прокралась к двери и вместе с другими невестками принялась варить рис и кипятить воду.

Только тогда наконец явился домой Ван Хак.

Ах, как хотелось Нгок порасспросить у него, где это он околачивался всю ночь, но она побоялась выглядеть в глазах старших невесток ревнивой и непочтительной. Поэтому промолчала.

На небе заалела заря. Петушиный крик разносился по всей округе. Встала свекровь и пришла на кухню, чтобы проверить, все ли в порядке.

Когда совсем рассвело, рис, куры и похлебка были готовы. Часть риса и похлебку по приказанию свекрови оставили дома для совершения положенного обряда, а кур с остальным рисом надлежало отнести для моления в общинный дом и родовую часовню. Всю эту снедь разложили на двух больших подносах, и свекровь велела Нгок поставить на них еще вино и бетель, сорвать две розы для украшения. Потом приказано было домочадцам эти подносы вынести из дома.

Поскольку старший из братьев находился в отсутствии, Ван Хак, надев головную повязь и нарядившись в халат для церемоний, возжег лампаду и благовония на алтаре предков[1]. После этого он вслед за домочадцами, которые несли два подноса, отправился совершить моления в общинном доме и родовой часовне.

Матушка напутствовала Ван Хака:

— Не забудь сказать смотрителю и главе рода, чтобы сотворили моление и за второго из братьев, и за брата-тутая.

Ван Хак не удержался от улыбки:

— Хорошо, матушка, это я запомнил. Не пойму только, должен ли я совершать моление только за себя или же еще и за старших братьев?

Матушка нахмурила брови.

— Что за неуместный тон! Моление духам — дело нешуточное.

---

[1] Алтарь предков — столик с ритуальными предметами, и прежде всего с табличками, на которые занесены имена умерших предков. На такие алтари в дни поминовения и праздники ставились блюда с угощением. После ритуального моления эти кушанья обычно съедались.

Ван Хак молча направился к воротам, а матушка почтительно приблизилась к алтарю предков, села на топчан, украшенный инкрустацией, потом приблизилась к столику с благовониями, стоявшему перед алтарем. Старая женщина осторожно потянула свой головной платок и, держа его перед глазами, стала молить покойного мужа, дабы он оказал покровительство сыновьям на предстоящих экзаменах. Свое моление она заключила тремя земными поклонами. Затем, с тем же серьезным видом, повернулась к невесткам, велела им разбудить малышей и вместе с ними совершить обряд.

У ворот залаяла собака. Все выглянули из окна. С посохом в руке и с двумя связками мелких монет на плече к дому, согнувшись, подходил почтенный Нам, дядюшка Ван Хака по матери.

Жена второго брата тотчас выбежала во двор, чтобы отогнать собаку и встретить гостя.

— Куда это ты деньги несешь? — приветливо сказала она.— Не иначе как в подарок племяннику.

— Угадала, милая,— ответил старик.— Недаром же я прихожусь ему дядюшкой.

Он положил связки монет на подставку для книг, стоявшую между двумя креслами, и промолвил:

— А где же сам уважаемый племянник? Помолилась ли ты?

— Племянник пошел в общинный дом совершить обряд, а я уже помолилась.

Старый Нам с трудом поднялся, приблизился к алтарю и сказал:

— Кланяюсь тебе, почтенный. Устал я совсем с дороги, не могу справить обряд, как положено.

С этими словами, сложив ладони и низко склонив голову, старик отбил пять поклонов.

Вернувшийся Ван Хак усадил дядюшку в кресло, налил чашечку чая, поставил ее перед стариком, а сам стал рядышком. Попивая чай, старый Нам спросил:

— Когда ты отправляешься на экзамены?

— Двадцать пятого числа, дядюшка.

— Первого числа уже должен прибыть на место экзаменов, а отправляешься только двадцать пятого. Не слишком ли поздно? Надо бы пораньше, чтобы успеть устроиться, обжиться. Неплохо отдохнуть денек-другой, чтобы собраться с силами, ведь экзамены — дело нелегкое.

— Дядюшка, вещи мои все уже собраны. В городе я остановлюсь там же, где останавливаюсь всегда. Так что искать не придется. Двадцать пятого отправлюсь и как раз поспею к сроку.

— Коли так, то все в порядке,— отвечал старик и добавил, указывая на связки монет: — Вот принес тебе, пригодятся в дороге, да и в городе расходам нет конца...

— Балуешь ты его, братец,— вздохнула старуха.

— Ну, это уж ты чересчур,— улыбнулся старый Нам.— Но ведь и то сказать, как его не побаловать? — И, обернувшись к Ван Хаку, промолвил: — Развлечения развлечениями, но все мысли у тебя должны быть прежде всего об экзаменах. Я уже стар стал, вся надежда теперь на тебя и на твоих братьев. Вы люди молодые, полные сил, вам и стоять за семейную честь, не берите с меня пример. Встретишь в городе братьев, передай им мои слова.

Ван Хак с благодарностью поклонился и положил связки монет на топчан.

У ворот показались новые гости, и старшая невестка поспешила им навстречу. Во двор вошли тетушки Ван Хака. Поприветствовав хозяйку дома, старого Нама, они присели на топчан и стали доставать из свертков связки медных монет.

— Узнали мы, что ты в город на экзамены собрался,— говорили они Ван Хаку,— решили помочь, чтоб было чем за переправу расплатиться.

Не успел Ван Хак и рта раскрыть, чтобы поблагодарить их, как подоспели еще пять-шесть родственников со стороны отца и матери.

Они тоже принесли денег для Ван Хака, кто пару связок, а кто пять — семь медяков. Ван Хак благодарил всех от души. Не удержался и от шутки:

— Если я стану каждый месяц вот так сдавать экзамены, не пройдет и года, как я наберу столько денег, что хоть женись еще раз.

В это время вернулись домочадцы, которые носили подносы с угощением для совершения обряда в общинном доме. Хозяйка дома велела невесткам приготовить вина и закусок для собравшихся. Сославшись на то, что они сыты, гостьи не притронулись к еде, зато мужчины не отказались выпить чарочку-другую.

Часа через два гости начали расходиться, каждый из них, прощаясь, желал Ван Хаку успеха. Из всех денег, которые пожертвовали родственники, его матушка велела

Нгок составить две большие связки. Старушка посоветовала сыну и невестке возвратиться поскорее в Ванчинь, чтобы совершить и там положенные обряды.

VIII

Ночь выдалась безлунная. Улицы Ханоя, как и небеса над ними, окутаны непроницаемой мглой. И кажется, вся жизнь в городе сосредоточилась на узком пространстве, где пылают девяносто огромных факелов, каждый — величиной с корзину для хранения риса. Только здесь царит необычное оживление.

В Палате десяти заповедей, крытой черепицей, при свете фонарей мелькают фигуры в чиновничьих шапках и халатах.

Со сторожевых вышек, вознесшихся высоко в небо, слышатся громкие торжественные удары больших барабанов и гонгов.

За высокой бамбуковой изгородью, похожей на стену кре́пости, ощетинившейся бесчисленным множеством копий, ходит дозором стража во главе со своим начальником. Звуки шагов, сливающиеся с грозным рокотом боевого барабана, нагоняют страх на всех, кто их слышит.

Над передними воротами укреплено деревянное панно с чуть наклонной надписью. Панно очень большое — величиной с пирогу. Под легким ветром колышется шелковая вышивка с крупным лотосом посредине и огромными шелковыми кистями по краям. Надпись состоит из четырех расположенных в один ряд знаков. Сделанная золотом по темно-красному полю, она соперничает с блеском окружающих огней. «Великая церемония времен процветания»,— гласит она.

И вот все четверо ворот широко распахнулись. Тогда стали видны таблицы с именами нескольких тысяч экзаменуемых.

У всех ворот с неприступным видом стояли суровые стражники в красных с зеленой каймой рубахах, с лакированными нонами на головах. Шелковые кисти их палок, инкрустированных перламутром, спускались до самого пояса.

В конце третьей стражи послышался гул — все нарастающий и приближающийся. Словно из-под земли вынырнула процессия с фонарями и факелами. Это шли уча-

стники экзаменов, собравшиеся в Ханой из разных провинций страны.

Дул пронизывающий северный ветер. По-прежнему ярко пылали громадные факелы, освещавшие площадь.

Тех, кто пришел сдавать экзамены, было неисчислимое множество. Возраста они были самого разного — от глубоких стариков до совсем молоденьких юношей. Многие, даже не пытаясь скрыть свою бедность, зябко кутались в легкие одежды. Другие — те, что побогаче,— напялили на себя по несколько стеганых халатов, но и это не спасало их от холода. У кого хватало сил, с тяжелой поклажей на плечах проталкивались к воротам. Кое-кто, измучившись, положил свернутую палатку и циновку на землю. Те, кто присутствовал здесь впервые, стояли со спокойным, даже самоуверенным видом. У завсегдатаев же, если позволительно так выразиться, на морщинистых лбах лежала явственная печать заботы.

Людей становилось все больше и больше. Их уже собрались многие тысячи. И все с одинаковой поклажей: с одной стороны — бамбуковый топчан и каркас для палатки, с другой — накидка из листьев пальмы и свернутое полотнище палатки либо тростниковая циновка. На шее тыква-горлянка и круглый бамбуковый футляр для бумажного свитка. Пониже сундучок или шкатулка. Все эти вещи, большие и маленькие, длинные и короткие, тяжелым грузом давили на хилые плечи и шеи студентов. По воле неба будущим ученым, прежде чем вступить на стезю почета и славы, предстояло побыть в шкуре носильщиков.

Людское море шумно колыхалось. Громкий говор, крики и брань создавали впечатление густой рыночной толпы.

К началу четвертой стражи большие факелы, которые освещали площадь, сгорели более чем наполовину. Порывы северного ветра разбрасывали во все стороны искры и пепел. Эти искры и пепел опускались иногда на головы людей, иногда же уносились куда-нибудь вдаль.

Вдруг в Палате десяти заповедей трижды прогремели гонг и большой барабан. Разом всколыхнулся свет фонарей. Словно на сцене классического театра туонг[1], появились фигуры людей, облаченных в голубые халаты и шап-

[1] Туонг — жанр традиционного музыкального сценического искусства во Вьетнаме.

ки с ушами. После того как четыре чиновных смотрителя вместе с помощниками заняли места на четырех сторожевых вышках, экзаменаторы разделились, и каждый направился к своим воротам: оба распорядителя — к левым и правым воротам; помощник главного экзаменатора — перед ним несли табличку «по повелению государя» — к задним воротам, тогда как главный экзаменатор — перед ним несли флаг с надписью «уполномочен самим государем» — к передним воротам.

С благоговейным трепетом взирали все на главного экзаменатора. На груди его красовалась табличка с изображением павлина, пояс отливал золотом, на подоле халата голубели морские волны, на голенищах черных сапог переливались вышитые серебром бабочки. Все это облачение вкупе с жезлом и высокой шапкой с ушами делало его похожим на распространенный персонаж представления тео, вот только длинная борода отсутствовала.

Когда процессия приблизилась к воротам, стражник медленно подошел к креслу, стоявшему на помосте, и закрепил в особом гнезде флаг. Главный экзаменатор переложил жезл в левую руку и, поднимаясь по ступенькам, держался освободившейся правой рукой за ножку кресла. Прежде чем сесть, он тщательно оправил свое облачение, а когда сел, снова выставил жезл вперед, придерживая его пухлыми руками в широких раструбах рукавов. Все шесть человек с зонтами поднялись следом за ним на помост. Синие зонты покачивались над головой главного экзаменатора, желтые — над его флагом.

Возле ворот тотчас же установилась тишина. Тысячи пар глаз устремились на сановника, возглавлявшего экзаменационную комиссию.

Неожиданно, словно с небес, обрушился громоподобный голос:

— Пусть первыми войдут те, кто согрешил в прошлых перерождениях. Затем — те, кто не согрешил в прошлых перерождениях. Входите, не спеша входите.

Устрашающий бас вносил порядок во всеобщую суматоху. Когда он замолк, служитель, стоявший подле кресла главного экзаменатора, вслед за письмоводителем выкрикнул в рупор имя и фамилию первого из экзаменующихся.

— Слушаюсь! — послышался отклик из толпы. И к креслу главного экзаменатора с громоздким грузом на плечах стал протискиваться совсем еще юный студент.

Стражники перетрясли его накидку и свернутое полотнище для палатки. Осмотрели бамбуковый топчан, особенно тщательно — ножки. Заглянули в футляр для свитка и в тыкву-горлянку. Прощупали пояс, обшлага халата и штанов, разобрали каркас для палатки и пошарили в лакированной шкатулке, висевшей на животе. В ней лежали коробочка с сухой тушью, несколько кистей, свечек, шило для сшивания тетрадей, стопка чистой бумаги, лепешки, сухой рис, мясные катышки да кусок вяленого мяса. Стражники так и не нашли ничего подозрительного.

Подойдя к письмоводителю, юноша получил тетрадь для экзаменационного сочинения, сунул ее в бамбуковый футляр и тяжелой поступью, сгибаясь под грузом, направился в ворота.

Стражники принялись обыскивать следующего. У этого тоже не было с собой ничего предосудительного. Не было у него и шкатулки — всю мелочь он сложил в сундучок. Кроме листов бумаги, туши, шила, кистей, мяса, риса и лепешек, там лежал и кальян для курения опиума.

— Нашел, что взять с собой на экзамены,— скривились стражники.— Коли будешь курить, то когда сочинение напишешь?

— Когда накурюсь, тогда и пишется легче,— со вздохом ответил студент.— Без опиума у меня ничего не получается.

Он взял у письмоводителя тетрадь и тоже направился к воротам.

В рупор объявили имя третьего. В его вещах тоже все было в порядке. Стражники только удивились, наткнувшись на совочек.

— Это еще зачем? — спросили они.

— Видите ли, уважаемые, я маюсь животом.

Стражники изумились еще сильнее.

— Ну и что?

— Сочинение писать — дело долгое, всякое может случиться,— смущенно объяснил владелец совка.— Тогда я вырою ямку, а потом присыплю.

Стражники милостиво пропустили этого соискателя.

— Дао Ван Хак из деревни Даонгуен провинции Шонтэй! — послышалось в рупор.

Ван Хак, хотя и услышал свое имя, так и не смог протолкнуться сквозь толпу. Трижды выкрикнув имя Дао Ван Хака, служитель отложил его экзаменационную тетрадь и позвал следующего.

— Слушаюсь! — громко ответил дюжий, крепко сколоченный мужчина и стал изо всех сил пробиваться к воротам. Стражники приступили к обычному досмотру. Поклажа у него была почти такая же, как у предыдущих. Только вместо тыквы-горлянки заполненный водой фаянсовый кувшин с широким горлом. Один из стражников пошарил на дне прутиком, и со дна тотчас же всплыло что-то круглое. Оказалось, что это бумага, испещренная мелкими, как следы муравьев, иероглифами. Чтобы она не намокла, студент тщательно обмазал ее воском.

Запрещенный предмет тотчас же отобрали, а самому соискателю дали по шее, потом крепко связали.

Вызвали очередного студента. К воротам подошел пожилой человек с испуганно бегающими глазами. Заподозрив, что тут дело нечисто, стражники принялись обыскивать его с особым рвением. Не найдя ничего недозволенного, они хотели уже было его пропустить, как вдруг один из стражников заметил затычку на ножке топчана. Он тут же поддел ее острым ножом и извлек две маленькие книжечки — «Пособие для сочинителей». И этого злоумышленника связали, чтобы передать впоследствии на суд губернатора.

К половине пятой стражи небо подернулось туманом. Факелы, догорая, искрились и тлели. Наконец заблистал золотой рассвет.

Бóльшая часть толпы уже вошла в заветные ворота, оставалось всего две-три сотни человек, ожидавших своей очереди. Гомон постепенно стихал.

Наконец наступил черед тех, кого выкликали повторно. Экзаменационная тетрадь Ван Хака лежала в самом низу стопки, поэтому его вызвали последним.

Ворота за ним были тотчас же заперты. Главный экзаменатор с сопровождавшими его лицами вернулся в Палату десяти заповедей.

К тому времени экзаменуемые уже успели разбить свои палатки. Все места около Палаты десяти заповедей оказались занятыми. Ван Хак хотел расположиться возле передних ворот, но оказалось, что там нечто вроде отхожего места. Пришлось устраиваться где-нибудь подальше.

Неподалеку от правых ворот его вдруг окликнули:

— Дао Ван Хак? Кого ты разыскиваешь?

Ван Хак оглянулся и узнал своего приятеля Кхак Мана.

— Никого,— ответил он,— просто ищу, где бы приткнуться со своей палаткой.

— Тогда иди ко мне.

Обрадованный Ван Хак направился к приятелю, который помог ему сгрузить вещи, вбил шесть кольев для палатки, а Ван Хак скрепил их поперечинами. Потом один натянул полотнище, а другой набросил лиственные накидки. Кхак Ман вбил колышки для расчалок. Ван Хак втащил внутрь свой топчан, и приятели отправились перекусить в палатку Кхак Мана.

Вдруг из соседней палатки клубами повалил дым. Ван Хак выскочил наружу, думая, что начинается пожар. Оказалось, однако, что сосед жжет ритуальные деньги. Видимо, опасался, как бы его не стала преследовать неприкаянная душа какого-нибудь предка, и решил ее заранее умилостивить.

Со сторожевой вышки послышался гулкий удар большого барабана. Все вокруг загомонили.

— Не иначе как сейчас объявят темы,— сказал из своей палатки Кхак Ман.

— Вероятно,— кивнул Ван Хак. Он открыл свою шкатулку, достал кисть с тушью и отправился к небольшому крытому дранкой домику, стоявшему около Палаты десяти заповедей.

В сопровождении двух слуг с синими зонтами и двух — с обнаженными саблями вышел главный смотритель. Студенты расступались перед ним, как вода перед носом большого корабля, образуя широкий проход. Главный смотритель величественно проплыл к домику, крытому дранкой, и передал список служителю, который тотчас же наклеил его на специальную доску. Затем смотритель удалился в Палату десяти заповедей.

Вокруг доски столпились сотни студентов, одни читали вслух, другие списывали темы.

На этих экзаменах впервые вводились некоторые новшества. В частности, в первом туре задавались восьмичастные сочинения. Из Четверокнижия были две темы. Одна, из «Бесед и суждений», называлась «Кого же избрать?», другая, из «Мэнцзы»,— «Выбираем достойнейшего». Пять тем были из Пятикнижия. Из «Книги перемен» — «Славно найти бы хороший корень»; из «Книги истории» — «Не всякий человек годится в кормчие»; из «Книги песен» — «Есть храм в горах Юга»; из «Книги обрядов» — «Избрать человека достославного и даровитого»;

из «Вёсен и осеней» — «Встретить человека из княжества Ци, а присягнуть на верность княжеству У».

Ван Хак не стал переписывать темы, только повторил их про себя, стараясь запомнить, и вернулся к себе в палатку. Оробевшие, озабоченные студенты разбредались по своим местам.

На сторожевой вышке усиленно замахал широкими рукавами халата чиновный смотритель. Он что-то сказал служителю в рубахе с оторочкой, и тот громко выкрикнул в рупор:

— Всем быть в своих палатках. Переходить с места на место строжайше запрещается.

Однако беготня прекратилась не сразу. Наконец все экзаменуемые уселись по своим палаткам, и воцарилась полная тишина. Ван Хак записал по памяти названия тем. Затем, обхватив колени руками, задумался: написать ли ему все семь сочинений или ограничиться двумя? Согласно правилам, все семь пишут лишь особо одаренные студенты, претендующие на первые места. Но можно написать и всего два: одно по Четверокнижию, а другое по Пятикнижию. Можно и так: написать сперва два, а потом и еще, сколько получится. Экзаменаторы с особой снисходительностью относятся к соискателям, которые успевают охватить весь круг тем. Ван Хак глубже всего изучил «Книгу песен». «Книгу перемен» он знал не так досконально, но предлагавшиеся темы были не столь уж сложны, и он решил написать все семь сочинений. Его только мучило опасение, что не хватит времени.

— А ведь темы, пожалуй, неплохие,— послышался голос Кхак Мана.— Почти все — о выборе достойных людей на должности.

— Верно. Справедливы слова: каков храм, таков и храмовый праздник. Эти темы как нельзя лучше подходят к сегодняшней ситуации.

— Какую же ты выбрал тему по Четверокнижию?

— Пока еще не знаю, на чем остановиться.

— Такому способному человеку, как ты, сам бог велел взять тему из «Бесед и суждений», чтобы показать себя во всем блеске. Но мне лучше не браться за эту тему.

— И все же она легче, чем «Есть храм в горах Юга». Эта, сдается мне, с подвохом.

— Тогда какую же тему ты возьмешь?

— Скорее всего обе.

— Ну и ну! — воскликнул удивленный Кхак Ман.— Ты что, решил первого места добиться?

— Сам еще не знаю,— улыбнулся Ван Хак.— Я хочу получить четыре «превосходно». А ты за какие темы берешься?

— Конечно же, «Избрать человека достославного и даровитого». Хорошим слогом я никогда не блистал. Вот и буду писать по «Книге обрядов». Куда уж мне замахиваться на темы по «Книге песен» или по «Книге перемен»! Лучше уж четыре «посредственно», чем хорошие оценки вперемежку с плохими. Ты вот нацелился на четыре «превосходно», а с меня хватит и четырех «посредственно». И еще неизвестно, кому из нас присудят ученую степень.

— Пора приниматься за дело,— остановил приятеля Ван Хак.— А то и до вечера не успеем.

За воротами грохотал отлитый из бронзы военный барабан, слышался цокот копыт.

Со сторожевой вышки у левых ворот раздались громкие крики. Оказалось, какой-то студент по рассеянности вышел из палатки, и смотритель приказал сделать ему строгое внушение.

Ван Хак принялся за работу. Писал он, как и в школе, прямо набело, без черновиков.

К тому времени, как солнце показалось из-за высокого бамбукового забора, он уже успел написать две части первого сочинения. Барабан возвестил середину дня, это означало, что всем необходимо отметиться.

Подождав, пока высохнет тушь, Ван Хак бережно скатал свиток и положил его в бамбуковый футляр.

— Пошли. Пусть нам поставят печать середины дня,— сказал он своему приятелю.

— Ты иди, а я еще ничего не написал, свиток пустой,— в замешательстве пробормотал Кхак Ман.

— Не беда,— подбодрил его Ван Хак,— времени еще много. Не спеши, а то в спешке можно все испортить.

Ван Хак убрал кисти и письменный прибор, повесил на шею бамбуковый футляр и направился к Палате десяти заповедей.

За изгородью сновало множество служителей и стражников. На циновках с синей каймой бесстрастно восседали письмоводители, перед каждым — шкатулка с печатями и коробка с киноварью. Ван Хак оказался первым, и ему не пришлось тратить много времени на ожидание. Через отверстие в бамбуковой изгороди он передал свою эк-

заменационную тетрадь служителю, тот отнес ее письмоводителю, который тут же, чуть ниже последней строки, оттиснул на свитке красную печать.

На обратном пути Ван Хак встретил еще нескольких студентов, спешивших отметить свои сочинения.

К полудню он закончил все темы по «Беседам и суждениям» и «Книге песен» и был близок к завершению темы по «Книге перемен». Кхак Ман окончательно притих.

— Уже полдень. Ступай отметься, а то позже много времени потеряешь,— поторопил его Ван Хак.

— Я написал чуть больше одной строки. Поставят ли мне печать? — отозвался тот.

— Нет, не поставят. Надо, чтоб было по крайней мере две с половиной строки.

— Они уже и так поставили печать соединения листов, которая стоит наполовину на одной, наполовину на другой странице. К чему же еще эта дневная печать?

— Неужели не понятно? — улыбнулся Ван Хак.— Печать соединения страниц ставится для того, чтобы их нельзя было подменить. А дневная печать служит подтверждением, что сочинение написано не заранее, а прямо здесь, на месте. Ну, полно, пиши, нечего терять время на разговоры.

Кхак Ман опять уткнулся в свое сочинение, тщательно подсчитывая количество черточек в каждом иероглифе, медленно, с большими перерывами выводя каждый новый знак. Через полчаса он написал еще полторы строки, торопливо сунул свиток в футляр и ушел.

Ван Хак уже закончил сочинение по «Книге перемен» и две средние части темы по «Мэнцзы», когда прибежал запыхавшийся, весь багровый Кхак Ман.

— Столько времени потерял на эту дурацкую печать! — посетовал он.— А ты уже которую тему закончил?

— Третью.

Кхак Ман всполошился.

— Неужели третью? А я только самое начало первой написал.

— Еще не поздно,— успокоил его Ван Хак, глянув на небо.— Не надо отчаиваться.

После долгого молчания Кхак Ман спросил:

— Скажи, Хак, можно ли писать поверх печати соединения страниц?

— Можно и нужно,— ответил Ван Хак, не поднимая головы от работы.

Кхак Ман в сердцах ударил кулаком по топчану.

— Тогда я погиб! Что мне делать, что мне теперь делать?

— А что случилось-то? — спросил Ван Хак.

— Оказывается, я делал все наоборот. Оставлял пустое место там, где печать соединения листов. Нельзя ли перенести нижние иероглифы наверх, а потом подчистить?

— Помилуй, неужели ты правил экзаменационных не знаешь? Рядом с печатями и в конце строк запрещено подчищать, оставлять пробелы, вносить исправления.

Кхак Ман схватился за голову.

— Как же мне быть? О, силы небесные! К чему эти запреты? Только чтобы людей мучить?

— Нет,— ответил Ван Хак,— это все меры, принимаемые против нечестных людей. Власти опасаются, как бы студент не сговорился с экзаменатором и не поставил тайный знак на своем сочинении. Но это, конечно, ерунда. Если кто-нибудь и впрямь стакнется с экзаменатором, он найдет место, где поставить условный знак. А теперь поменяй свиток и попроси, чтобы тебе заново поставили печать.

Кхак Ман страшно разволновался. Он достал из шкатулки стопку отличной бумаги, торопливо отделил с десяток листов и ножом отрезал два куска крепкого шнура. Тщательно сложив стопку на крышке шкатулки, он достал образец, чтобы правильно проделать четыре отверстия для шнуров.

— Экзаменационную тетрадь сшивают по строгим правилам,— сказал Ван Хак.— В ширину должно умещаться шесть строк, пространство в одну строку служит для сгиба.

— Хорошо, что предупредил,— испуганно выдохнул Кхак Ман.— Я чуть было не сделал ширину в семь строк.

Покончив с брошюровкой, Кхак Ман снял с испорченной тетради лицевой лист, где были обозначены его имя, фамилия, день, месяц, год и место рождения, а также стояла надпись: «Объявляю перед лицом предков...» Все это он тщательно, стараясь не сделать ошибки, переписал в новую тетрадь, положил ее в бамбуковый футляр и отправился к Палате десяти заповедей, чтобы попросить письмоводителей поставить ему печать соединения листов.

Там собралось уже множество студентов. Большинство явилось для того, чтобы им оттиснули дневную печать, но человек шесть принесли новые тетради. Кхак Ман про-

ждал добрые полчаса, прежде чем получил свою тетрадь с печатями. Он бросился к своей палатке, торопливо списал начало своего сочинения и поспешил обратно к письмоводителю, чтобы ему поставили дневную печать.

Ван Хак заканчивал уже пятое сочинение. Но Кхак Ману, чтобы тот окончательно не пал духом, сказал, будто пишет четвертое.

Солнце уже клонилось к закату, когда Кхак Ман завершил наконец сочинение по «Мэнцзы», исписав весь второй лист. Теперь, в случае ошибки, он мог сам заменять листы. Он перечитал написанное и, не обнаружив никаких погрешностей, обрадованно воскликнул:

— Ну вот, два листа заполнены.

— Прекрасно,— откликнулся Ван Хак,— но надо спешить, скоро вечер.

Дописав последние слова первого сочинения, Кхак Ман достал бамбуковый кальян, щепотку лаосского снадобья и, покуривая, задумался над следующей темой — по Пятикнижию. Вдруг почувствовал ужасный приступ голода.

— Ты уже поел? — спросил он Ван Хака.

— Разумеется. Работаю и ем. Голодному мне и мысли на ум не идут.

— А я так заработался, что забыл поесть,— признался Кхак Ман. Он извлек из шкатулки сухой рис, лепешки, вяленое мясо, мясные катышки и, набив рот, стал жевать, глядя прямо перед собой округлившимися глазами.

Солнце уже перешло на западную сторону изгороди, когда Кхак Ман добрался до средней части второго сочинения.

На сторожевой башне часто забил барабан. Кое-кто уже стал разбирать свои палатки.

Ван Хак занимался подсчетом вписок, подчисток, поправок, пробелов,— чтобы потом обозначить их число в соответствующей записи — «Всего в данной тетради имеется...».

Вдруг он услышал голос Кхак Мана:

— Это уже сигнал для сдачи сочинений?

— Да, конечно.

— Почему так рано?

— Какое там рано! Вот-вот солнце сядет.

— И ты уже все закончил?

— Все. А ты?

— Второе сочинение еще не дописано. Знаешь что? Подскажи мне заключение и несколько вводных фраз. Помоги, не то я покончу с собой. Клянусь, покончу! Для чего мне жить, если я провалюсь!

— Но я не так уж хорошо знаю «Книгу обрядов». Подскажу что-нибудь не так, и ты провалишься. А виноватым окажусь я.

— Подскажи хоть что-нибудь, лишь бы заполнить страницу,— взволнованно молил Кхак Ман.

— Ну, если так...— нерешительно протянул Ван Хак.— Только покажи мне то, что ты уже написал. Иначе не будет связи.

Подняв голову, Кхак Ман посмотрел на ближайшую сторожевую вышку. Воспользовавшись тем, что стражник отвернулся, он скатал свой черновик и бросил в палатку к приятелю. Ван Хак пробежал его глазами и тут же вернул.

Барабан бил все настойчивей, цокот копыт за оградой становился все звонче, а палаток оставалось все меньше и меньше. Кхак Ман, будто палимый огнем, торопливо списывал иероглифы со своего черновика.

Первый сигнал был уже близок к окончанию. Взвалив на плечи палатки и топчаны, многие соискатели потянулись к воротам. В этой суматохе Ван Хак метнулся в палатку друга и передал ему набросок последней части сочинения.

Уже смеркалось, трудно было видеть черточки, выведенные кистью на бумаге. Кхак Ман протянул своему приятелю кремень и огниво и попросил:

— Огонька! Ради сил небесных, огонька!

Он сделал из заостренной щепочки бамбука нечто вроде подсвечника, насадил на него свечу и запалил ее.

Кхак Ман переписал лишь начало второго сочинения, когда первый сигнал закончился. Теперь, в промежутке между двумя сигналами, слышались лишь редкие одиночные барабанные удары. Как быстро летит время! Словно стрела из лука! Немного погодя снова забил барабан. Неожиданный порыв ветра загасил свечу. Зажигая ее, Кхак Ман испуганно спросил:

— Второй сигнал короче первого?

— Нет, точно такой же.

— А вдруг они ошибутся? Откуда им знать точное время? Разве у них есть какое-нибудь мерило?

— Представь себе, что есть. Семнадцать медных мо-

нет времен императора За Лонга[1]. После каждого удара барабана стражник по одной выкладывает семнадцать монет рядышком, затем собирает их. В следующий раз стражник откладывает одну монету в сторону, и все начинается сначала. Так продолжается до тех пор, пока стражник не отложит десять монет.

При свете свечи Кхак Ман лихорадочно переписывал шпаргалку, подсунутую ему приятелем.

В ожидании, пока Кхак Ман напишет заключительную строку — «Всего в данной тетради имеется...», Ван Хак принялся разбирать палатку и укладывать вещи.

Зазвучал третий сигнал. Кхак Ман закончил всю работу, и Ван Хак помог ему собраться.

К Палате десяти заповедей они подошли как раз в тот момент, когда письмоводитель уже собирался захлопнуть крышку сундука со сданными сочинениями. Друзья поспешили вручить свои экзаменационные тетради. Как только смолк последний удар барабана, письмоводитель запер сундук. В тот же миг подбежал какой-то запыхавшийся старик. Но сундук был уже не только заперт, но и опечатан. Старик, рыдая, умолял письмоводителя принять его тетрадь, но тот, хоть и было ему жаль опоздавшего, наотрез отказался это сделать.

— Видно, не суждено вам, почтенный, получить ученую степень,— сказал он.— Смиритесь с волей судьбы. Если я подложу вашу тетрадь в сундук, меня упрячут в тюрьму, наденут на шею деревянную колодку.

Стражники подняли сундук и унесли во внутренние покои Палаты десяти заповедей.

Старик, продолжая рыдать, бросился к чиновным господам. Но и там наткнулся на отказ. Господа бросили ему несколько снисходительно-утешительных фраз и велели вывести его из Палаты десяти заповедей.

— Горе мне! — воскликнул старик.— В десятый раз уже сдаю экзамены. Ради этого продал и дом и землю. В последний раз попытал удачи — и вот на́ тебе, опоздал!

— Еще минута, и я из-за тебя оказался бы точно в таком же положении,— сказал Ван Хак, глянув на Кхак Мана.

Тот невесело улыбнулся. Оба приятеля двинулись на постоялый двор.

---

[1] За Лонг — вьетнамский император, правивший с 1802 по 1820 г.

IX

Пробившись сквозь щелку в ставне, солнечный луч рассек полумрак в комнате. И тотчас стала заметна веселая пляска пылинок.

Тихонько вошла служанка, быстро подмела пол веником, затем, ступая на цыпочках, подобрала потухший кальян и унесла поднос с вином.

Ван Хак продолжал спокойно почивать в обнимку с певицей Фыонг — Фениксом. Их укрывало красное шелковое одеяло.

Неподалеку, под таким же одеялом, спали Буй Док Кунг и певица Кук — Хризантема.

В комнате было тихо, как в затерянном в горах древнем храме, отчетливо слышалось дыхание спящих.

В ожидании, пока выставят доски с результатами экзаменов — а это делалось только на одиннадцатый день,— Ван Хак коротал время в веселых домах. Так уж получилось. То его затащат туда друзья, то он затащит друзей. Целых шесть ночей он провел на улице Бамбуковых верш, в том самом злачном месте, которое известно под названием «Роща девиц». Водятся в этой рощице, как все знают, напудренные и нарумяненные девы, с которыми приятно отвлечься от повседневных забот и хлопот.

Ничего серьезного в этом не было, надо же как-то убить время. Ван Хак не слишком увлекался певичками, с не меньшим, пожалуй, удовольствием он вкушал подогретое вино и сытные мясные блюда, однако мимоходом покорил сердца многих красоток. Им восторгались за ум и способности, за умение складно поговорить. Девицам нравилось его тонкое ухаживание, они были в восторге от его хитроумных комплиментов.

С Фыонг он встретился уже в самом конце своих похождений, но она привязалась к нему больше всех. Встретились они два дня тому назад, и с тех пор Фыонг, прибегая к всевозможным профессиональным уловкам, ни на миг не отпускала юношу.

Она знала, что он недавно женился, что жена его хороша собой и благонравна, и не надеялась, что сумеет оторвать его от нее. Но она слышала о его способностях, о том, что он может занять первое или второе место на экзаменах. Видела, как ему неизменно везет в тотом [1], и была уверена, что ему предстоит блистательная карьера.

[1] Т о т о м — карточная игра.

Есть старинное поверье, что веселый дом, где бывает победитель экзаменов, так же, как и постоялый двор, где он останавливается, непременно разбогатеет. В другие разы участники экзаменов будут стараться попасть именно на этот постоялый двор и именно в этот веселый дом.

Вот почему Фыонг так ублажала Ван Хака. А он, довольный таким обхождением, не спешил отправиться на поиски новых услад. Уже три дня и три ночи он не возвращался на свой постоялый двор. Две предыдущие ночи они с Док Кунгом предавались обильным возлияниям под звон струн и пение певиц. Но в эту ночь, поскольку им предстояло наутро пойти узнать результаты первого тура, Ван Хак уговорил своего друга улечься пораньше. Оба заснули мертвым сном и, не шевелясь, проспали до самого утра.

Служанка вымыла чарки и бесшумно спустилась вниз. Вдруг перед домом так громко закричала торговка рисом, расхваливая свой товар, что Док Кунг тотчас проснулся. Он отбросил одеяло, сел на постели. Протер глаза, выглянул в окно и встревоженно произнес:

— Который час, хотел бы я знать?

Певица Хризантема, томно потянувшись, сказала:

— Еще такая рань. Куда вам спешить?

— Какая там рань! Солнце бьет прямо в глаза,— сладко позевывая, проговорил Док Кунг.— Уж не проспали ли мы до самого полудня?

Не теряя времени, он стянул одеяло с Ван Хака.

— Вставай, соня!

Открыв глаза, Ван Хак заворчал:

— Что за наглость! Поздно — так поздно. Но зачем же одеяло стаскивать?

— Пора на постоялый двор — собрать вещички и по домам, к женам,— поддразнил его Док Кунг.

— Неужто я провалился? — вдруг промолвил Ван Хак.

— Если уж такие, как ты, провалились, кто тогда сумел сдать экзамены?

— То же самое можно сказать и о тебе.

Ван Хак вытащил правую руку из-под головы Фыонг и поднялся.

Фыонг тоже встала и велела служанке принести таз с водой для умывания.

Наскоро выпив чаю, Ван Хак и Док Кунг оправили халаты, головные повязки и собрались идти. Фыонг и Кук

предложили сначала поесть рисового супа, но друзья покачали головами.

— Вы уж не обессудьте, мы пойдем. Сегодня выставляют доски с результатами экзаменов. Как бы нам не влетело, если мы опоздаем!

Однако девицы не отпускали молодых людей:

— Ну что вы заладили: поздно да поздно. После обеда успеете посмотреть доски с результатами. Никуда они не денутся, так и будут там стоять. Если уж вы потерпели неудачу, значит, вообще никто не смог сдать экзамены. Не спешите же!

Девицы держали друзей мертвой хваткой. Стащили с них головные повязки, халаты и затянули на топчаны.

Служанка внесла большой кувшин вина и убрала оба шелковых одеяла. Тяжело ступая, появился повар с вареной курицей на огромном фарфоровом блюде. Повар и служанки расставили чашки и чарки, разложили палочки для еды, ложки.

— Милости просим! Обычно мы не пьем вина, но сегодня день особенный, и мы сделаем исключение.— И Фыонг попросила певицу Кук: — Налей-ка и нам. Выпить хочется.

Ван Хак улыбнулся:

— Ну что ж, дело хорошее.— И, оборотясь к приятелю, добавил: — Кабы нас каждый день так услаждали, пожалуй, не было б необходимости сдавать экзамены!

Юноши уселись на топчан. Кук, вымыв руки, принялась ловко разделывать курицу. Фыонг из большого кувшина плеснула вина в чашу на подносе, а потом зачерпнула из нее полную фарфоровую ложку и обратилась к Кук:

— Разрешаешь угостить винцом твоего ухажера?

— Ни в коем случае! — замахала на нее руками Кук.— Никакой он не ухажер, а муженек. Уж не вздумала ли ты отбить его у меня?

Фыонг засмеялась.

— А почему бы и нет? Вот возьму и отобью. Наверно это очень приятно — иметь сразу двух мужей!

И она с ложкой в руке приблизилась к Док Кунгу, собираясь напоить его вином из своей ложки.

— Прошу вас, муженек, испейте!

Док Кунг отстранил ее руку.

— Я не согласен быть вторым мужем.

Фыонг не унималась.

— А, понятно,— хохотала она,— вы храните верность своей прежней супруге. Ладно! Тогда и я возвращаюсь к своему прежнему мужу.

Она вылила вино обратно в чашку и, зачерпнув оттуда другой ложкой, подступила к Ван Хаку:

— Ну-ка, милый, выпей винца!

Ван Хак, притворно сердясь, отвечал:

— Моя жена любезничает с чужим парнем, а я должен пить вино из ее рук?! Ну, нет, ни за что!

Фыонг лукаво улыбнулась.

— Зыонг Ле велел жене жить с другом целых три года, чтобы она ухаживала за ним, и то ничего. А я захотела самую малость поухаживать за твоим приятелем, ты уж и сердишься. Смени гнев на милость, мой повелитель.

Ван Хак не успел ничего ответить, как по лестнице, ведущей к ним на второй этаж, послышались торопливые шаги, и в дверях появилась испуганная служанка. Она кинулась к Фыонг:

— Хозяйка! Там внизу два господина. Они срочно требуют уважаемого Ван Хака.

— А каковы они из себя, эти двое? — поинтересовался Ван Хак.

— Оба в халатах из редкотканого шелка, лица белые; одному лет тридцать пять, а другому двадцать семь — двадцать восемь.

Док Кунг глянул на Ван Хака.

— Плохи твои дела! Прячься скорей! А я останусь здесь, за тебя постою, если что.

Ван Хак шмыгнул в соседнюю комнату и заперся там.

— Иди вниз и объяви тем господам, что у нас нет и не было никакого Ван Хака,— приказала Фыонг служанке.

Едва та спустилась, как снизу послышались решительные мужские шаги.

Это были Дао Тием Хонг и Дао Доан Банг — старшие братья Ван Хака.

Рассерженные, они ворвались в комнату, где угощался Док Кунг с певицами. При появлении посторонних они вежливо встали. Док Кунг приветливо заулыбался:

— Ну и ну, глазам своим не верю: два таких почтенных человека, отцы семейства, явились в сей дом в поисках услад. Не иначе как одержали победу на экзаменах.

Доан Банг, изображая на лице беспечную улыбку, сказал:

— Тоже мне умник нашелся! Можно подумать, он один поразвлечься любит, а мы — деревяшки бесчувственные.

Док Кунг улыбнулся в ответ, но промолчал. Фыонг и Кук наперебой начали приглашать нежданных гостей сесть и испить по чашке чая.

Но Тием Хонг по-прежнему смотрел на Док Кунга исподлобья.

— Скажи, куда девался Ван Хак? — спросил он сердито.

— Как я могу знать, ежели его здесь не было? — притворно удивился Док Кунг.— Я слышал вчера, что он отправился к себе в деревню и вернется только нынче вечером.

Доан Банг прыснул.

— Полно водить нас за нос! Не умеешь ты притворяться. Ручаюсь, что брат прячется где-то здесь.— И, указывая на поднос с вином и закусками, проговорил: — Разве это не его чашка, не его палочки для еды? Скажи-ка, пожалуйста, почему вас трое, а столовые приборы приготовлены на четверых?

Но Док Кунга не так легко было сбить с толку.

— То-то и мы удивились — с чего это повару вздумалось накрыть стол на четверых? Не иначе как провидение нам знак подавало, что вы с братцем нагрянете в гости. А посему прошу вас разделить с нами трапезу.

Фыонг и Кук и так и этак улещивали нежданных гостей:

— В кои-то веки вы к нам пожаловали, почтенные. Просим вас, садитесь да отведайте вина за компанию с господином Кунгом. А мы вам будем прислуживать.

Тием Хонг вспылил:

— Делать нам больше нечего, как вино с вами распивать! Или вы нас приняли за пьянчужек, которые не в силах отказаться от лишней чарочки? И нечего нам глазки строить! Тоже мне красавицы нашлись! Может, и посидели бы в вашей компании, да боязно: чего доброго, тот, кто прячется под вашим топчаном, задохнется. И есть у меня основания полагать, что покойником окажется не кто иной, как Ван Хак.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы пить с вами, а

чтобы посмотреть, как вы в разгул ударились,— вставил Доан Банг.

— Передай, пожалуйста, Ван Хаку: жить ему еще долго, будет время повеселиться. А сейчас пусть отправляется к экзаменационному полю, там доски с именами выставили. Пусть поинтересуется,— проговорил Тием Хонг.

С этими словами братья простились и зашагали вниз по лестнице.

Доан Банг, уходя, бросил девицам через плечо:

— Отпустите лучше на сегодняшний день вот этого гуляку,— он кивнул на Док Кунга,— и нашего Ван Хака. Потерпите до завтрашнего вечера, а там опять можете брать их в плен.

Но те крепко держались своего:

— Зря вы нас, честных девушек, обижаете. Истину вам говорим, господин, отродясь в нашем доме не было гостя по имени Ван Хак.

— Я же не собираюсь вас в чем-либо обвинять,— улыбнулся Доан Банг.

Братья покинули дом и направились к Южным воротам.

Док Кунг и певицы, проводившие братьев до дверей, выждали, пока те не скрылись из виду, и поднялись обратно на второй этаж. Все трое весело хохотали.

К ним присоединился Ван Хак, выбравшийся из своего убежища.

— Ужас, что за комната, ни дать ни взять — царство москитов! Еще немножко — заели бы меня до смерти. А куда отправились мои два братца? — обратился он к Фьонг.

Та, пританцовывая, ответила:

— Они уже далеко. Никого не бойтесь, пожалуйте к вину и закускам.

— А твои братцы, видно, люди доброй души,— добавила певица Кук.— Сначала я как глянула: лица злые, Док Кунга бранят, ну, думаю, сейчас дверь вышибут и доберутся до Ван Хака.

— А если бы твои братья и впрямь нашли тебя в той комнате, под кроватью,— спросил Док Кунг,— что бы ты стал делать?

Ван Хак рассмеялся:

— Смотри, дождешься у меня! Скоро нам к экзаменационному полю идти, а потому давайте бросим эти шу-

точки. Всем известно, что лежать надо на кровати, а не под кроватью.— Ван Хак уселся на топчан и продолжал: — Если бы братья меня нашли, ничего не поделаешь, пришлось бы идти с ними. Что говорить, не повезло нам. Обругали нас, хотя и поделом. Кто же это в день объявления результатов экзамена станет развлекаться с певицами?

Док Кунг притворился, будто не слышит слов приятеля. Он сидел, задумчиво глядя в пол и тихо улыбаясь.

Фыонг зачерпнула ложку вина и преподнесла Ван Хаку.

— Во всей сегодняшней истории одна я виновата,— проговорила она.— Прошу, извините меня и отведайте винца из моих рук.

Ван Хак взял у нее из рук ложку.

— Ни к чему это! — помрачнев, сказал он.— Пусть каждый пьет, как хочет. Я просто ненавижу эти штучки — угощенье вином из ложки.

И только Ван Хак собрался выпить вино, как вдруг Док Кунг взглянул на Фыонг и заговорщически улыбнулся.

— Будь добра, попроси Ван Хака, чтобы позволил мне прочесть несколько шутливых строк о нем, которые я только что сочинил.

— Вот здорово! — весело подхватила Фыонг.— Ван Хак, миленький, разрешите.

Док Кунг начал:

Птица хак [1], быстрокрылый журавль,
В поднебесье парит горделиво.

Ван Хак был польщен этими словами.

— Совсем недурно! Ты, видать, не без дарования. Читай дальше.

И Док Кунг с явным удовольствием продекламировал заключительные строки:

Но по воле злой силы наш Хак
Загнан был под кровать. То-то диво!

Ван Хак поперхнулся вином и, указывая пальцем на Док Кунга, вскрикнул:

— Каков паршивец! Ох, покарают тебя небеса!

---

[1] Птица хак — журавль, символ долголетия и больших чинов, а также одиночества. Здесь — игра слов.

Док Кунг, радостно хохоча, проговорил, обращаясь к Фыонг:

— Будет с него! Он свое получил. Теперь я прочитаю еще четыре строки и спою песенку.

— Пожалуй, так будет лучше,— отвечал Ван Хак, тоже смеясь.

— Пускай себе забавляется,— вставила Фыонг.

— Да-да, пусть лучше здесь выскажется,— подхватил Ван Хак,— а не то по пути на экзаменационное поле он станет каждому встречному рассказывать свои байки. Иные и впрямь подумают, что я сидел под кроватью.

— Ладно,— сквозь смех проговорил Док Кунг,— не буду больше. Жаль мне тебя, беднягу, ведь если твоя любезная супружница услышит мою песенку, со свету сживет тебя, непутевого.

И пока не иссякло вино в большой чаше и не был съеден рисовый суп, не умолкали шутки и смех.

Покончив с угощением, молодые искатели степеней надели головные повязки, халаты и собрались идти к экзаменационному полю.

Фыонг и Кук вознамерились было увязаться с ними, но Ван Хак не позволил.

— Подумайте сами,— рассудительно промолвил он,— если нам по пути попадутся мои братья, то где мне прикажете прятаться?

Но девицы не отступались:

— Вы уж только позвольте нам пойти с вами. А у входа на экзаменационное поле мы отойдем в сторонку.

— Миленькие, пощадите его,— вмешался Док Кунг,— не ходите с ним. Не то его благоверная проведает, что он был с вами, и устроит ему веселенькую жизнь.

Юноши распростились с певицами и направились к экзаменационному полю.

Там уже выставили доски с начертанными именами. Вокруг шумела огромная толпа.

— Знаешь, давай сначала посмотрим, что за имена попали на малую, позорную доску,— вдруг предложил Ван Хаку Док Кунг.

— Тебе кажется, что ты употребил запрещенные иероглифы, поэтому хочешь взглянуть на позорную доску? — спросил Ван Хак.

— Нет, запретных знаков я не писал, но мне чудится, что в сочинении по «Книге песен», ну, помнишь,— «Есть храм в горах Юга» — я в знаке «долголетие» не дописал

одну черту, такая ошибка, да еще в отношении царствующего лица, может быть истолкована как пожелание короткой жизни. Сам знаешь, какие могут выйти неприятности...

— Сколько ты написал черт?

Док Кунг на ходу стал чертить в воздухе иероглиф.

— Четырнадцать,— ответил он.

— Все верно, иероглиф «долголетие» имеет всего четырнадцать черт — ни больше, ни меньше,— успокоил друга Ван Хак.

К этому времени они подошли к малой доске. Она висела на уровне человеческого роста, и ее обступила густая толпа соискателей.

— Попробуй протиснуться,— сказал Ван Хак,— и взгляни заодно, нет ли на доске имени Нгуен Кхак Мана. Он дописывал свое сочинение в такой спешке, что не удивительно, если наделал кучу ошибок. Боюсь, как бы не было у него нарушения правил, а то и запретных знаков, не говоря уж о лишних или недописанных иероглифах. У него в сочинении все может быть.

— Ладно,— кивнул Док Кунг и, усиленно работая локтями, стал протискиваться сквозь толпу.

На малой доске порицания было проставлено десятка два имен и фамилий: тот написал слишком коротко, тем самым проявив непочтительность к экзаменаторам, этот совершил ошибку, не дописав одну черту в иероглифе «великий», были и такие, которые сделали свыше десятка приписок, вставок, пропусков и исправлений. Словом, проступки за ними числились разные, но результат был один — провал на экзамене.

Некоторое время спустя Док Кунг вернулся.

— Неизвестно, прошел ли Кхак Ман первый тур экзамена, но на позорную доску он не попал.

Друзья отправились к большой почетной доске у передних ворот. Первым они заметили имя Дао Тием Хонга, и Ван Хак порадовался за брата. Дочитав список до конца, друзья не нашли своих имен и побрели к задним воротам. Здесь на доске они обнаружили имена Нгуен Кхак Мана и Дао Доан Банга.

— Если уж этот Кхак Ман с твоими братцами успешно прошли первое испытание, то не может быть, чтобы мы с тобой провалились. Мы же справляемся даже с восьмичастными сочинениями,— скрывая досаду, проговорил Док Кунг.

И они двинулись к воротам правой стороны. Здесь на почетной доске оказалось имя Док Кунга, но имени Ван Хака опять не было.

— Плохи твои дела! — начал поддразнивать приятеля Док Кунг.

Но Ван Хак не поддался:

— Если уж Кхак Ман и ты не провалились, так я и подавно.

Так, за разговором, они добрели до левых ворот, внимательно прочитали весь список на доске и опять не нашли имени Ван Хака. Юноша малость приуныл.

— Неужели у чиновных экзаменаторов глаз нет? — с досадой сказал он.

Вдруг Док Кунг, тыча пальцем в конец списка, проговорил:

— А ты, как я посмотрю, совсем слеп, мой дружок. Если это не твое имя, то чье же?

Ван Хак посмотрел туда, куда указывал приятель, и увидел свое имя, под которым более мелкими знаками было проставлено: «Из Даонгуена провинции Шонтэй».

— А-а, ну да, ну конечно! — делая равнодушное лицо, протянул Ван Хак.— Право сказать, если бы я провалился, то, спрашивается, есть ли на земле и в небесах справедливость?

Повеселев, Ван Хак и Док Кунг отправились побродить, надеясь встретить в толпе кого-нибудь из знакомых, но так никого и не повстречали и решили вернуться на постоялый двор.

— Явлюсь я сейчас, а старшие братья начнут меня бранить, на путь истинный наставлять,— невесело сказал Ван Хак.

— Не бойся,— подбодрил его Док Кунг.— Я смотрю, твои братья люди неплохие. Ну, пожурят немного, посердятся, не без того. Но ты еще не знаешь, как обычно измываются старшие братья над младшими. К тому же я тебя в обиду не дам. Со мной-то им придется считаться.

Ван Хак пробормотал под нос:

— Кто же это им наябедничал, что я в доме у Фыонг? Разве что Кхак Ман. У этого типа всегда было пристрастие к доносительству.

— Ты, наверное, прав. Вот подожди, мы его расспросим. Если и вправду это он тебе удружил, то мы его так проучим, что он навсегда излечится от дурных замашек.

Не успел Док Кунг кончить свою тираду, как вдруг, словно из-под земли, прямо перед ними выросли человек пять-шесть, которые с наглым видом стали напирать на наших приятелей. Эти безобразники шли, взявшись за руки, с явным намерением занять всю улицу. Один из них, изрыгая винные пары, закричал, грозно выпучив глаза:

— Вы что, ослепли?! Видите, по улице идут порядочные люди, а вы кидаетесь наперерез, толкаетесь, пристаете!

Нетрудно было догадаться, что эти герои — из тех, кто не обнаружил своих имен на почетных досках, и теперь они искали, на ком бы сорвать досаду. С такими лучше не связываться, и друзья, отступив на обочину, пропустили пьяную компанию.

Пройдя еще немалую часть пути, они завидели Кхак Мана, который понуро брел обочь дороги.

— Куда это вы направились, любезный?

Кхак Ман остановился, но, не желая отвечать, даже не поднял головы. Док Кунг, не представляя, что могло повергнуть этого человека в столь тягостное уныние, продолжал:

— В чем дело? Да вы на себя непохожи стали. Сидели бы лучше на постоялом дворе, готовились к завтрашнему экзамену.

Лицо Кхак Мана перекосилось от злобы.

— Да что вы передо мной нос задираете? Подумаешь, прошли один тур из четырех — и уже возгордились,— выпалил он.

Ван Хак и Док Кунг недоуменно переглянулись.

— Слушай, Кхак Ман, — удивленно спросил Ван Хак,— не тронулся ли ты умом? Ни с того ни с сего начинаешь задираться.

При этих словах Кхак Ман смягчился и наконец заговорил:

— Спасибо тебе за сочувствие. Ты добрый человек, и я признателен тебе за то, что ты помог мне написать сочинение. Хорошо, что не случилось худшего и я не написал запретных знаков, не то сидел бы сейчас под стражей.

Он повернулся и все так же понуро, не разбирая пути, побрел куда-то.

Ван Хак прыснул со смеху.

— Оставь его. Что с ним поделаешь! Если он решил свести счеты с жизнью — пусть, похороним, и дело с концом,— сказал он.

Пройдя несколько десятков шагов, однокашники обернулись: Кхак Ман был уже далеко.

— Как ты думаешь, что это на него нашло? — спросил Ван Хак.

— Наверно, решил, что провалился на экзамене и ты в этом отчасти виной.

— Не иначе. Мне тоже так показалось, но я нарочно не приставал к нему с расспросами. Пусть-ка помучается пару часиков, авось отучится ябедничать.

— Пусть, пусть...— одобрительно кивнул Док Кунг.

Они опять оглянулись и увидели, что Кхак Ман поворачивает к реке.

— Слушай, похоже, он и впрямь собирается утопиться,— испуганно проговорил Док Кунг.

— Как же! — усмехнулся Ван Хак.— Храбрости у него не хватит. Оставим лучше его в покое.

— Знаешь, а все-таки страшновато: он уверен, что потерпел полный крах, и сейчас от него всего можно ожидать. Забредет еще бог весть куда, где тогда его искать?

— Пожалуй, ты прав. Если не сказать ему, что у него все в порядке, боюсь, отчается совсем и не явится на завтрашний экзамен.

Друзья кинулись вдогонку с криком:

— Кхак Ман! Кхак Ман! Не вздумайте топиться, зря на тот свет пойдете!

Кхак Ман обернулся и проговорил печально:

— Я и не думаю топиться... С чего это вам взбрело в голову? И вообще не смейтесь надо мной. Тоже мне, шутники нашлись!

Молодые люди расхохотались:

— Ишь, огрызается, собака! И чего он злится? Шел бы лучше к экзаменационному полю да полюбовался своим именем в почетном списке.

Бедняга прибавил шагу и выкрикнул:

— Вот и любовались бы своими именами! Еще меня собакой называют! Сами-то кто? Один — пес из деревни Даонгуен, а второй — щенок из деревни Чуклам.

Приятелей обидела грубость Кхак Мана, однако, догнав его, они перешли на серьезный тон.

— Откуда вы взяли, почтенный, что провалились на экзамене?

Кхак Ман даже не удостоил студентов ответом. А те не отступались.

— Вы своими глазами видели списки у экзаменационного поля или знаете об этом со слов других людей?

Кхак Ман наконец остановился.

— Я сам трижды проверял списки!

— Какую доску вы смотрели? У каких ворот?

— У всех четырех.

— И так и не видели своего имени?

Кхак Ман не ответил и опять торопливо зашагал прочь. Приятели все не отставали.

— Совсем слепеньким стал наш Кхак Ман. На почетной доске у задних ворот огромными знаками, право, величиной с корзину каждый, выведено имя Нгуен Кхак Мана. Как ты умудрился не заметить? — произнес Ван Хак.

— Правду вы говорите или смеетесь надо мной? — с сомнением вымолвил Кхак Ман.

— Правду, правду! Разве такими вещами шутят? Пойдемте и сами взгляните.

Но бедняга отказывался верить.

— Как же! Пойду я еще раз списки проверять ради того только, чтобы на обман двух молокососов поддаться!

Ван Хак уж и не знал, как заставить своего старшего друга поверить, что тот преуспел на экзамене. А Док Кунг сказал примирительно:

— Что вы? Мы вовсе не хотели морочить вам голову. Мы и впрямь видели ваше имя на почетной доске. Не верите — пойдем вместе и посмотрим, и не мешкая, ведь пора собираться на завтрашний экзамен.

Тогда Кхак Ман с некоторым недоверием спросил:

— А вдруг на доске так и не окажется моего имени?

Ван Хак, не моргнув глазом, поклялся:

— Если на доске не будет твоего имени, то мы обязуемся всю жизнь вместо слуг носить за тобой твою шкатулку.

С минуту поколебавшись, Кхак Ман проговорил сквозь зубы:

— Стоит жить на свете, если при мне, знатоке восьмичастных сочинений, будут состоять в услужении два эдаких шалопая.

И они втроем направились к экзаменационному полю. У ворот слонялось всего несколько человек. Ван Хак и Док Кунг подвели Кхак Мана к задним воротам и, указав на доску, спросили:

— Вон там чье имя?

Кхак Ман глянул и почувствовал, что жизнь вновь возвращается к нему. Он плакал и смеялся одновременно.

— Вот странно-то! Вот чудеса! Как же это я, а? Ведь перечитывал список раза три или четыре. Или что-то застило мне глаза?

— Собака тебе глаза застила,— сердито буркнул Ван Хак.— Вот что я скажу: чересчур ты собой занят, своими успехами и неудачами, потому перед глазами у тебя одни цветные круги, да и только. Жалкий ты человечишко! С таким дружбу водить — себя позорить.

— Некогда, в старые времена, один негодяй на людном рынке выхватил у какого-то человека слиток золота,— назидательно проговорил Док Кунг.— Наверно, тот вор при виде золота, как и вы, перестал соображать, что с ним делается. Итак, условились: после второго тура выгоняем Кхак Мана с нашего постоялого двора. С таким противно под одним кровом находиться.

— Ругайте меня, поносите,— смеялся Кхак Ман,— мне теперь все нипочем.

Друзья двинулись восвояси.

Солнце стояло над головой, насыщая воздух мягким теплом. По улицам бродили разносчики и громко расхваливали свой товар.

Обоим студентам еще не надоело потешаться над бедным учителем, и они принялись за старое.

— Теперь, Кхак Ман, вы нам дадите отчет за один свой проступок.

— Что вы имеете в виду? — недоуменно спросил учитель.— Говорите начистоту!

— Зачем вы наябедничали Тием Хонгу и Доан Бангу, что мы наведались к певице Фыонг? Ведь эти двое явились туда за нами.

— Это я-то ябедничал? Да кто вам сказал?

— Мы сами знаем. Кроме вас, докладывать было некому.

— Нечего развлекаться с девушками,— буркнул Кхак Ман.— Сегодня день объявления результатов, а вы и в ус не дуете.

— Веселиться или грустить — наше личное дело. Вам-то что? Ладно, на сей раз прощаем. Но смотрите, повторится такое — язык отрежем.

Не успели Ван Хак с Док Кунгом переступить порог постоялого двора, как раздался язвительный голос Доан Банга:

— Наконец-то явились не запылились господа почтенные!

Ван Хак промолчал, не смея дерзить старшим братьям. А Док Кунг не удержался:

— Сами изволите видеть, высокородный господин. А что это вы сегодня так строги?

Тием Хонг нахмурился:

— Разве мы строги? Смотрю я на вас и никак в толк не возьму: собираетесь вы завтра на экзамен или нет?

Недолгая перебранка завершилась тем, что Док Кунг засмеялся, а Ван Хак, сделав вид, что у него срочные дела, пошел вниз распорядиться, чтобы слуга уложил вещи, да попросить хозяина разбудить их пораньше и приготовить еду, которую можно было бы захватить с собой.

X

В соседних дворах пропели первые петухи, когда хозяин постоялого двора поднялся наверх разбудить своих гостей, приехавших на экзамены.

Ван Хак, Док Кунг и Кхак Ман разом вскочили, отбросив одеяла. В свете потрескивающего факела, сделанного из расщепленного сухого бамбука, который держал в руках хозяин, они долго потягивались, протирали глаза, выглядывали во двор. Было еще совсем темно. Под порывами холодного северного ветра громко хлопали листья банановых пальм за домом. Холод и сырость пронизывали до костей.

Хозяин зажег фитили у оплетенных фонарей, подвешенных к стропилам, и, довольный, сошел вниз по лестнице.

Маленький слуга живо притащил две жаровни с раскаленными углями и поставил их на топчан. Вслед за ним другой слуга принес поднос с чашечками и горячий чайник.

Ван Хак, накинув на себя одеяло, стал заваривать чай.

На улице завывал ветер, время от времени крупные редкие капли стучали по банановым листьям.

Опять пропели петухи. Чаепитие закончилось. На смену чаю появились поднос с едой и кувшинчик с вином.

— Господа, — обратился хозяин к своим постояльцам,— сегодня у вас второй тур экзаменов. Хотя вы не за-

казывали вина, я от всей души подношу вам этот кувшинчик — пусть вино прибавит вам вдохновения.

Тием Хонг любезно поблагодарил хозяина и пригласил вместе с ними выпить вина, но тот отказался, не осмеливаясь сесть рядом с такими достойными господами.

Ван Хак, Док Кунг и другие налили себе вина, взялись за палочки для еды. Им всем еще очень хотелось спать, потому ели и пили они безо всякой охоты, однако застолье проходило весело. Один только Кхак Ман ограничился тем, что отхлебнул самую малость вина, и сразу же велел слуге подать рис. Не церемонясь, сельский учитель с аппетитом налег на рис и мигом расправился с четырьмя или пятью чашками. Поев, он резко поднялся, прополоскал рот, выпил воды и занялся сбором вещей.

А между тем ветер завывал с прежней свирепостью. Дождь усиливался. Небо оставалось черным, как тушь. Кхак Ман начал приставать к Ван Хаку и его друзьям, чтобы те торопились. Но они и не думали спешить и медленно, с видимым удовольствием потягивали вино.

Снедаемый нетерпением, Кхак Ман велел слуге сопровождать его с факелом, а сам облачился в накидку из сухих пальмовых листьев и подхватил обычное снаряжение экзаменующегося: палатку, топчан, циновку, сундучок, флягу из сушеной тыквы. С крайне озабоченным видом он обратился к сидящим:

— Вы, видно, совсем не торопитесь. Ну а мне некогда тут рассиживаться.

— Зачем же себя без нужды мучить? — улыбнулся Док Кунг.— Чиновные экзаменаторы небось еще почивать изволят. Вряд ли они откроют ворота ради вас одного. Рано еще. Вконец продрогнете, только и всего.

Кхак Ман промолчал, он решительно направился к двери и исчез за ней. Вслед раздались короткие смешки. Но через мгновенье учитель вернулся.

— То-то же, правильно сделали, что раздумали идти,— обрадовались друзья.— Или, может, что-нибудь забыли?

Не обращая ни малейшего внимания на эти реплики, Кхак Ман подошел прямо к Тием Хонгу.

— Я займу место возле Палаты десяти заповедей. Приходите туда, пожалуйста, я вас буду ждать.

Тием Хонг кивнул, и Кхак Ман поспешно удалился.

— Дурная голова ногам покою не дает. Вот вам живой пример,— смеясь, проговорил Док Кунг.

— До чего ж человек жаждет почестей! Посидеть спокойно не может,— подхватил Ван Хак.— Но ведь он не настолько глуп, чтобы не знать: экзаменаторы еще не покинули своих покоев. Тем не менее идет к воротам и будет там ждать.

Дул ледяной ветер. Дождь немного утих. Стала заниматься слабая заря. Кувшинчик с вином опустел. Постояльцы принялись за еду.

С улицы донеслись шаги и шум голосов. Тием Хонг велел слугам принести палатки, циновки, сундучки, шкатулки, чтобы каждый мог проверить, не забыто ли что-нибудь в спешке.

Доан Банг выглянул во двор.

— Дождь опять так и хлещет, экзаменационное поле превратится в сплошное месиво. Эх, не удастся пройти, не запачкав ноги!

— М-да, если с грязными ногами на топчан заберешься, то недолго и экзаменационный свиток испачкать.

— Придется кожаные носки надеть,— предложил Ван Хак.— В них и пойдем по грязи. А когда установим палатки, носки можно будет снять.

— Дельно говоришь,— похвалил брата Тием Хонг.

Все четверо надели ноны, обули поверх сапог кожаные носки и накинули на плечи накидки, затем с грузом на плечах пошли со двора.

— Нечего сказать, умные головушки в нашем государстве! — в сердцах сказал Ван Хак.— Ведь через экзаменационные испытания прошли все важные сановники, все вельможи, можно сказать, столпы отечества, а до сих пор никто не догадался построить особый дом для экзаменов с десятком-другим залов.

— Не скажи! Об этом еще в старое время задумывались почтенные старцы,— промолвил Доан Банг.— Но дело в том, что для таких экзаменов, как наш, никак нельзя построить особые дома: очень уж много народу принимает в них участие. Приготовь даже несколько десятков залов — места всем не хватит. К тому же под открытым небом смотрители могут без помех наблюдать за нами со своих сторожевых вышек.

— Будто не могут, сидя в зале, делать свое дело,— прервал Док Кунг.— Так уж непременно им надо торчать на вышках?

— Непременно! — вмешался Тием Хонг.— Все они — люди ученые. Допусти их в залы — кто поручится, что они

не станут подсказывать? Чтобы ничего такого не случилось, объявлять темы сочинений отряжают других служителей, как правило, необразованных, темных, иные ни единого письменного знака не знают. Подсказки от таких не жди.

Разговор приятелей был прерван чьим-то громким криком у них за спиной. Обернувшись, они увидели седовласого старика, который распростерся посреди дороги. На плечах у него было пристроено свернутое полотнище для палатки и топчан. Он судорожно прижимал к груди перевернутую кверху дном шкатулку.

Старик, очевидно, поскользнулся и не смог удержать равновесия — слишком стар и слаб он был, а ноша его — слишком громоздка.

Все четверо поспешили на помощь бедолаге, один подхватил топчан, другой помог подняться. Старика била крупная дрожь, лицо его совсем посерело, поначалу он не мог вымолвить ни слова. Ван Хак осторожно поддерживал старика под руку, а сам бормотал себе под нос:

— Вот несчастье-то! Совсем дряхленький старичок — и туда же, на экзамены!

Док Кунг сокрушенно покачал головой.

— В этакое ненастье не добрести ему до поля. А ежели и доберется туда, разве сумеет хоть что-нибудь написать? Да в нем же едва жизнь теплится! Давайте отведем его лучше в ближайший дом и уложим отдыхать — пусть отогреется.

Старик, который тем временем немного пришел в себя, сразу встрепенулся, замахал руками и проговорил дрожащим голосом:

— Уважаемые... Пожалуйста... Окажите мне такую милость. Помогите дойти до экзаменационного поля. Я ведь уже шесть раз пытался сдать экзамены и каждый раз в первом же туре проваливался. И вот наконец счастье привалило: милостью неба ко второму туру допустили. Не обессудьте, мне непременно надобно попасть на экзамены.

— Помилуйте, почтенный,— Ван Хак попытался образумить старца,— на улице дождь, холод, не ровен час расхвораетесь.

— Я согласен даже умереть на экзаменационном поле,— сокрушенно вздохнув, проговорил старичок.

— Через какие ворота вы пойдете? — спросил старика Тием Хонг, видя, что уговоры бесполезны.

— Через левые,— ответил тот слабым голосом.

— Тогда идите со мной,— вмешался Ван Хак.— Я тоже иду через те же ворота.

Все, не сговариваясь, решили помочь старику. Один взял его сундучок, другой — палатку и топчан, а еще двое подхватили старика под руки.

В это время раздался громкий барабанный бой, возвещавший о скором появлении экзаменаторов.

У передних ворот толпились соискатели, но теперь их стало заметно меньше — примерно две трети отсеялось после первого тура.

У ворот с левой стороны друзья разошлись, остались лишь Ван Хак и старик. В это время служитель с рупором, стоящий рядом с креслом экзаменатора, начал выкликать имена.

Ветер лютовал пуще прежнего. Он пригнал откуда-то из-за горизонта полчища черных туч. Вдруг ослепительные зигзаги молний вспороли зловещую темноту, окутавшую экзаменационное поле. По всему небосводу заметались обезумевшие золотые змеи. Оглушительные, точно обвалы, раскаты грома не умолкали ни на мгновенье. С севера на юг и с запада на восток прокатывались сокрушительные валы громового эха. Небесный свод, казалось, содрогался в отчаянных попытках удержаться и не рухнуть на землю.

Редкие, но тяжелые, как зрелые плоды гуайявы, дождевые капли застучали по земле, шляпам и накидкам. Они отскакивали от синего зонта экзаменатора, восседавшего в кресле, обдавая мелкими брызгами полы его голубого халата, шапку, табличку из слоновой кости, знак чиновничьего достоинства в руках.

На сей раз дело шло куда быстрей, чем в первый. Служитель с рупором без устали выкликал имена, причем каждое повторял не более двух раз, даже если в толпе никто не отзывался. Стражники к своему делу тоже относились спустя рукава. Безо всякого рвения они осматривали снаряжение экзаменующихся и, если с первого взгляда не замечали ничего подозрительного, тотчас прекращали досмотр.

Низко нависшие тучи грозились еще большим ненастьем. Было похоже на то, что небо в конце концов низвергнет на землю неудержимые потоки ледяной воды, и тогда люди окажутся совершенно беспомощными перед стихией. Чиновные экзаменаторы, служители, стражники и несчастные соискатели степеней со страхом посматривали

наверх. Люди готовились противостоять только холоду, но не ливню. Больше всего страдали студенты из бедняков. Их рубашки и штаны из легкой ткани не могли защитить от пронизывающего холода. Руки у них сводило, и многие оказались не в силах держать даже почти невесомые каркасы для палаток. Люди походили на утопленников: лица стали синюшного цвета, губы посерели.

Ван Хак никогда не мог похвастаться особой крепостью здоровья и сейчас дрожал так, что зубы выбивали громкую дробь, хотя он и напялил на себя несколько стеганых халатов. Очень долго ему не удавалось натянуть полотнище на каркас. За это время можно было бы успеть сварить рис. Налетавший шальной ветер то и дело вырывал у него из рук ткань. К счастью, он догадался прихватить четыре маленьких колышка и молоток, а потому сумел забить колышки почти вровень с землей и в конце концов закрепить четыре угла палатки. Убежище оказалось относительно устойчивым — бешеным порывам ветра не удавалось опрокинуть его.

По бокам Ван Хак прикрыл палатку двумя накидками из сухих пальмовых листьев. Покончив с этим делом, Ван Хак внес топчан и собрался было снять кожаные носки, но вспомнил, что вскоре придется идти узнавать темы. Он так и присел на топчан, не залезая на него с ногами и не снимая носков, и начал высекать огонь, чтобы закурить. Жирная грязь густо облепила кожаные носки, от холода и утомления ноги сводило судорогой.

На сторожевой вышке возле Палаты десяти заповедей загремел большой барабан. Экзаменаторы вручили главному смотрителю, его помощнику и двум письмоводителям бумаги с темами сегодняшних сочинений, и те чинно двинулись к доскам, выставленным в четырех местах экзаменационного поля. Согласно новым правилам, на экзаменах второго тура надо было сочинить стихотворение и произведение в жанре фу [1].

Стихотворение предлагалось написать семисложником, на тему: «Отечество свет излучает», рифмовка обычная [2], а фу требовалось сочинить на тему: «Ученый муж, по своей воле при дворе обретающийся».

---

[1] Фу — произведение, написанное ритмической и рифмованной прозой.

[2] Экзаменационные стихотворения строились на одной рифме — монориме.

Ван Хак взглянул на выставленные для обозрения темы и поспешил обратно в палатку. Там он сбросил кожаные носки, отшвырнул их в угол, вытащил из бамбукового футляра свиток, вывел заглавие и, обхватив колени, принялся обдумывать композицию из восьми стихотворных строк.

Вновь налетел свирепый ветер. Сверкали молнии, грохотал гром. Огрузшие тучи наконец прорвало, и проливной дождь обрушился на землю. Хотя полотнище палатки Ван Хака было хорошо закреплено, оно все же ходило ходуном всякий раз, когда налетал очередной шквал. Время от времени юноше приходилось плотно прижимать раму к земле, чтобы палатку не раздувало.

Ближе к обеду непогода разыгралась пуще прежнего. Ручейки превратились в широкие потоки, которые стремительно несли свои мутные, пенистые воды. Вскоре вода стала затекать в палатки и под топчаны.

Ван Хак, углубившийся в свои стихи, вдруг заметил, что топчан ни с того ни с сего стал оседать, его четыре ножки целиком ушли в землю и снизу сквозь дырочки в плетенном из бамбуковой дранки сиденье выступила грязная жижа.

Как же это могло случиться? Дело в том, что место, которое выделили под экзаменационное поле, еще пару месяцев назад было самым настоящим заливным рисовым полем. Урожай с него убрали незадолго до экзаменов, а потом пригнали буйволов, запряженных в плуги, поле перепахали и проборонили, разбили высокие грядки, как для посевов батата,— для того чтобы студентам сподручнее было ставить палатки. Когда проходил первый тур экзаменов, стояла сухая солнечная погода, и хотя ступать босыми ногами по пересохшей комковатой почве было не очень приятно, но, по крайней мере, на грязь нельзя было пожаловаться. Теперь же грядки, напитавшись водой, стали разъезжаться, и поле превратилось в топкое болото.

Ван Хак, как и прочие участники конкурса, вроде и был защищен от ливня палаткой, но промок и продрог не меньше, чем под открытым небом. Северный ветер, злобствуя, без конца зашвыривал в щелки капли дождя. Боясь, чтобы они не попали на экзаменационную тетрадь, юноша бережно защищал собой драгоценный свиток. Но ему трудно было противостоять дождю и ветру; сырость пропитала стеганые халаты и рубахи. Во всем теле Ван Хак чувствовал покалывания, будто его поразила отравленная стре-

ла. Он не издавал ни звука, ни стона, руки его дрожали, с превеликим трудом ему удалось записать стихотворение и начальные части фу. Необходимость идти к Палате десяти заповедей, чтобы проставить печать середины дня, приводила беднягу в отчаяние. Он вывел в своем экзаменационном свитке три с половиной строки, это означало, что, пока не поставят печать дня, нельзя продолжать работу. В солнечный день и то не очень весело стоять в очереди и просить служителей, терять понапрасну уйму времени, а в такое ненастье, когда пронизывает ледяной ветер, вообще неизвестно, как добраться до Палаты десяти заповедей и не замочить экзаменационную тетрадь.

«Не бросить ли все это? — мелькнула у Ван Хака мысль,— и освободиться на всю жизнь. Такие экзамены, как сегодня,— сплошное унижение. Даже если получишь высокие звания и должности — все равно не стоят они того, чтобы так мучиться».

Юноша схватил экзаменационную тетрадь и собрался было в сердцах разорвать ее в клочья. Но в тот же миг с досадою вспомнил, что студента, не сдавшего экзаменационную тетрадь, хотя бы совершенно чистую, отсюда не выпустят стражники. Тот, у кого нет тетради, будет схвачен по подозрению в том, что он проник на экзаменационное поле, дабы подсказывать другим. И такое заварится — беда... Если же вернуть тетрадь, написав всего лишь несколько строк, то попадешь в позорные списки как человек, не сумевший сочинить необходимое число страниц, и ославишься на всю жизнь.

И Ван Хак, закусив губу, принялся обдумывать заключительные части фу.

Тем временем ветер приутих, да и дождь стал совсем мелким. Вдруг прямо над вершиной горы стыдливо проглянуло затуманенное солнце; оно будто бы считало себя повинным в ненастье.

Ван Хак схватил бамбуковый футляр с сочинением и направился прямо к Палате десяти заповедей.

По экзаменационному полю забегали, засуетились люди, больше похожие на беженцев, спасающихся от какой-то напасти, нежели на соискателей высоких титулов. Лица у всех были покрыты смертельной бледностью, а одежда настолько перепачкана, что казалось, они вылезли из-под земли.

В глинистом месиве, в канавах, наполненных водой, там и сям валялись каркасы и полотнища от палаток, на-

кидки из листьев, циновки, бумага и кисти. Словом, экзаменационное поле напоминало рынок, над которым пронесся всесокрушающий тайфун.

Оказывается, многие палатки опрокинуло ветром и унесло, и немало студентов, не выдержав холода и дождя, не будучи в состоянии сосредоточиться, когда бушует стихия, вынуждены были сдать чистые тетради.

В самой Палате десяти заповедей, будто на какое-нибудь представление, набилось полным-полно народа. Кроме экзаменаторов, письмоводителей, служителей и стражи, там пристроились и старики из числа экзаменующихся, которые, уповая на снисхождение к их престарелому возрасту, попросились сюда.

Ван Хак протянул свой футляр с тетрадью через особое отверстие в изгороди служителю, который бегом отнес его письмоводителю. Ненастная погода, оказывается, имела свои преимущества — заставляла двигаться быстрее: футляр не лежал на месте ни минуты. Письмоводитель ловко извлек тетрадь, пришлепнул печать и тут же передал служителю, который поспешно вернул футляр владельцу.

Так очень быстро и уладилось это дело: печать середины дня была проставлена.

К тому времени все экзаменационное поле оказалось залитым водой. Вода блестела в огромных лужах, в канавах, плескалась вокруг палатки. Осторожно выбирая путь, Ван Хак добрался до входа в палатку и залез с ногами на топчан, который наполовину утонул в трясине, но поскольку юноша не забывал обтирать свои одежды от грязи, он не был слишком перепачкан.

Ван Хак сел, скрестив ноги, и вынул лист бумаги, чтобы протереть верх шкатулки, служившей ему письменным столом. Голод уже давал о себе знать, и он, взяв лепешку, слегка закусил и вернулся к сочинению. Сначала закоченевшие пальцы не слушались — кисть не желала выводить ровные линии, но стоило Ван Хаку написать несколько строк, как почерк вновь обрел уверенность и изящество.

Время приближалось к вечеру, юноша неутомимо работал. Небо опять потемнело, вновь засвистел ветер, вспыхнули молнии, загремел гром, пошел дождь. Стало еще холодней, чем было утром. Ван Хак почувствовал, как ему за шиворот стекают капли дождевой воды. Это было особенно неприятно, так как одежда успела высохнуть. Собрав всю свою волю, юноша наконец дописал сочинение, прочитал всю тетрадь от начала до конца, сосчитал все

подчистки, вставки, приписки, исправления и указал их число в конце тетради. Дело было сделано.

Ван Хак без сожаления бросил посреди топкого поля палатку вместе со всеми своими пожитками. Надел на голову нон, на плечи набросил накидку и вышел с футляром в руке.

Еще барабан не известил о том, что пришло время сдавать сочинения, но дверь Палаты десяти заповедей была приоткрыта. Ван Хак пришел со своей тетрадью как раз в тот момент, когда главный экзаменатор со скучающим видом подошел к письмоводителю, принимавшему возле большого сундука экзаменационные тетради. Главный экзаменатор соизволил самолично взять у Ван Хака свиток. Он развернул тетрадь, пробежал глазами несколько строк, удовлетворенно закивал головой и вымолвил:

— Недурственно! В этакое ненастье суметь написать примечательные строки — сие достойно высшей похвалы. Не исключено, что имя этого соискателя на сей раз будет красоваться во главе списка лауреатов.

Оказалось, Ван Хак был в тот день первым, кто принес законченную работу. Студенты, которые, не вынеся дождя и ветра, сдали чистые тетради, конечно, в счет не шли. А потому главный экзаменатор и удостоил Ван Хака своим высоким вниманием. Ответив учтивым поклоном на похвалу чиновного господина, юноша удалился через главные ворота.

Ему показалось, что за воротами еще холодней, чем в поле. Дорога стала вязкой и скользкой, как растопленное сало, каждый шаг стоил больших усилий. Ледяные капли дождя, подгоняемые ветром, будто острия стрел, больно впивались в лицо. Вдруг Ван Хак услышал чей-то голос:

— Вы уже возвращаетесь, господин?

Но Ван Хак не ответил, будучи уверенным, что вопрос обращен не к нему.

— Господин Хак! — пытаясь перекричать вой ветра, звал встречный.— Где ваши топчан и палатка?

Молодой человек с превеликим трудом угадал в незнакомце с низко надвинутым на лицо ноном повара, работавшего на постоялом дворе.

— Ты куда это направился? — спросил студент.

Тот приблизился к Ван Хаку и взял его за руку.

— Хозяин послал меня, чтобы я пособил вам и вашим друзьям поднести палатки и топчаны, помог добраться до постоялого двора. Неужто вы оставили свои вещи?

— Какого дьявола я стану тащить на себе все это барахло! Так и побросал на экзаменационном поле.

— Может, помочь вам дойти до постоялого двора?

— Нет, ты лучше подожди здесь моих друзей. Если они прихватят с собой палатки и топчаны, пособи им. А я уж как-нибудь доберусь сам.

— Пока еще не было сигнала к сдаче сочинений, поэтому те господа еще не скоро покажутся из ворот. Время есть, позвольте мне все-таки проводить вас, а потом я успею еще вернуться.

Юноша едва держался на ногах, последние силы оставляли его, и он не стал больше отказываться от услуг повара, который предлагал их от всего сердца.

С трудом вытаскивая босые ноги из вязкой грязи и едва не падая в жидкое месиво, Ван Хак наконец добрел до постоялого двора, поддерживаемый сильным, выносливым слугой. Уже почти совсем стемнело, у ворот стоял встревоженный хозяин. Завидев юношу, он побежал к нему навстречу.

— Холодина-то какая! Ужас! И не припомню эдаких холодов во время экзаменов. Заходите скорее в дом, отогрейтесь, смените одежду.

— Ладно! — только и мог ответить юноша радушному хозяину и, весь дрожа, вошел в дом.

В средней зале жарко пылал огонь в очаге, там и здесь были расставлены низенькие скамеечки. Не имея даже сил обмыть ноги, Ван Хак снял нон, сбросил накидку у самого порога и без сил опустился на скамеечку, стоявшую ближе прочих у двери.

Примерно час спустя вернулся Док Кунг, следом за ним — Тием Хонг и Доан Банг. Они были бледны и измождены до крайности, а одежда их стала грязна, как шкура у буйвола, на котором весь день работали в поле, залитом водой. Позже всех вернулся Кхак Ман. Домовитый сельский учитель, конечно, не забыл прихватить с собой весь свой громоздкий скарб.

XI

Вот уже два дня Нгок некогда присесть за ткацкий станок. Приготовленные загодя шелковые нити пожелтели и пересохли, над ними кружились рои мух. И пряжа в большом кувшине давно уже вымокла. Но у Нгок ни до

чего руки не доходили: целый день ей приходилось чай кипятить, готовить бетель, словом, обхаживать гостей, осаждавших дом.

Едва в окрестных деревнях прослышали о возвращении Ван Хака, прошедшего два тура испытаний из четырех, как от гостей не стало отбоя: являлась родня и соседи, чтобы обо всем расспросить, все разузнать.

Гости дружно сокрушались, когда Ван Хак рассказывал о лютом холоде, ветре и дожде. И конечно, все очень жалели старичка, который так и скончался на ветру и холоде в своей палатке.

Но ни сочувствие к чужому горю, ни острая жалость к никому не ведомому старцу не могли умерить радости по поводу успехов Ван Хака.

Среди многочисленной родни Ван Хака было всего-навсего несколько человек, понимавших толк в экзаменационных сочинениях, но, услышав робкие похвалы ванчиньского учителя, со вниманием прочитавшего стихи и произведения в жанре фу, написанные Ван Хаком, все единодушно решили, что юношу ждет блестящий успех.

Тетушки и дядюшки наперебой рассказывали свои сны, предвещавшие большую радость. Один старичок заверял, что видел во сне горящий дом, а уж вернее этой благоприятной приметы не бывает; другой рассказывал, что во сне поборол буйвола. А какой-то родственнице приснилась процессия с паланкинами и зонтами — не иначе как сон в руку! Шутники и балагуры величали Нгок супругой кыняна.

Принимая поздравления и благопожелания родни, Нгок сохраняла смущенно-смиренное выражение лица и одновременно вежливо сдерживала слишком рьяных.

— Дорогие мои,— мягко корила тех, кто величал ее госпожой супругой кыняна,— нехорошо насмешничать надо мной. Кто может знать, что нам уготовано в будущем? Потому прошу вас: немного погодите, давайте лучше дождемся радостных вестей.

Но хоть речи ее и были скромны, сердце громко билось в предчувствии счастья. «Разве я недостойна того, чтобы стать госпожой супругой кыняна? — думала она.— Для многих называться так — несбыточная мечта. Для меня это тоже пока мечта, но не столь уж несбыточная. Да и честь носить титул супруги кыняна для меня еще не предел. Я хочу того же, что выпало на долю жене Чан Данг Лонга».

Вот какие мысли лишили Нгок минувшей ночью сна, в то время как муж ее, словно ни в чем не бывало, сладко посапывал рядышком.

Сегодня утром, поскольку близился день третьего тура экзаменов и надо было собирать мужа в Ханой, Нгок встала пораньше.

Когда Ван Хак проснулся, уже был заварен чай. Тесть с тещей еще изволили почивать. Бикь и кое-кто из слуг готовили завтрак. В комнате оставались только Ван Хак и Нгок. Подавая мужу чашечку чая, молодая женщина улыбнулась и ласково проговорила:

— Как ты решил — двинешься в путь сейчас или после полудня?

На лице мужа появилось игривое выражение.

— Можно сейчас, можно после полудня. Когда ты скажешь, тогда и отправлюсь.

— Ты у меня молодец, знаешь, как себя держать. А если я попрошу тебя остаться дома до завтрашнего утра, что ты на это скажешь?

Отхлебнув немного чаю, Ван Хак усмехнулся:

— Прикажи мне вовсе не ходить на экзамены, и я буду рад подчиниться. Собственно говоря, я добиваюсь титула только ради тебя, чтобы ты могла именоваться супругой господина кыняна. Мне-то самому это ни к чему. Как вспомню про дождь и холод в день экзамена, всякое желание добиваться ученых степеней пропадает. Это тебе хочется почестей. Вот и получается, что я прохожу испытания вместо тебя.

Нгок быстро выпила свой чай и добавила заварки в чашку мужа.

— И как это, милый, тебя до сих пор в тюрьму не посадили?

Ван Хак чуть не поперхнулся от неожиданности.

— Как это в тюрьму? За что в тюрьму? — пролепетал он.

Нгок вылила себе остатки заварки и захохотала:

— Как за что? Ты же сам сказал, что вместо меня экзамены держишь. Разве это не мошенничество, за которое полагается тюрьма?

Ван Хак громко рассмеялся вслед за женой.

— Я не кривлю душой, я правду говорю. Только потому и на экзамены хожу, чтобы тебя величали супругой господина кыняна...

— Всего-навсего кыняна? — прервала Нгок мужа.

— Ах да, сосем забыл! Чтобы тебя величали супругой третьего лауреата,— торопливо добавил он.— Ну, конечно, именно третьего лауреата. Но как бы ни были велики твои притязания, для осуществления их прежде всего нужны деньги. Сколько связок монет ты мне пожалуешь сегодня?

— Муженек, ты, смотрю, просишь плату вперед за товар, которого еще не имеешь. Впрочем, так и быть, я покупаю. Но поскольку товара еще нет, тебе придется сбавить цену.

— Скажи пожалуйста! Только дешевле, чем за пятьдесят куанов[1], я никак не уступлю. Два десятка плати сейчас, а остальные тридцать, так и быть,— в день последнего экзамена.

Нгок подлила кипятку в чайник и хитро заулыбалась.

— Назови, муженек, какую-нибудь разумную цену. А то говоришь такое, что и всерьез торговаться неудобно.

— Сколько же ты мне хочешь дать?

— Пять куанов.

— Небесный властитель! Неужто цена титула супруги кыняна и вправду такая бросовая? Нет, я уже подумываю, не продать ли мне этот титул повыгодней какой-нибудь другой женщине.

— Ах, продать другой! Попробуй только! Уж не этим ли красоткам с улицы Бамбуковых верш?.. За тобой, я знаю, большой грешок водится.

Из соседних покоев послышалось старческое покашливание. Проснулись ванчиньский учитель и его жена. Нгок, легким поклоном простившись с мужем, отправилась помогать сестре.

Золотая листва дерева быой[2], которое росло во дворе, затрепетала в солнечных лучах. Птицы встретили появление солнца звонким радостным пеньем. В воздухе медленно разливалось тепло.

Ванчиньский учитель медленными шагами направился в гостевую.

— Холодно-то как по утрам нынче! Нечего и думать раньше полудня отправляться в дорогу,— проговорил он бодро, обращаясь к зятю.

Учитель степенно уселся рядом с Ван Хаком на топчан.

— Доски с именами прошедших второй тур выставят только завтра. Никакого смысла нет маяться в пути!

---

[1] Куан — старинная денежная единица, равная десяти тиенам.

[2] Быой — пампельмусовое дерево, род цитрусовых.

Ван Хак поспешил подняться и, налив чашку чая, поставил ее перед тестем.

— Да, пожалуй, сейчас в пути холодновато,— проговорил он.— Но дело в том, что меня в Ханое ждут братья. Я уговорился с ними, что пойду в город сегодня ранним утром.

Учитель глотнул чаю.

— Ладно. Ступай, но все-таки немного попозже. Братья волноваться не станут. Догадаются, что ты захотел дождаться полуденного тепла.

Теща, входя в гостевую, приветливо заговорила:

— Вот я еще что скажу: тебе непременно надо задержаться, я приготовила все необходимое для моления. Пойдешь в общинный дом, помолишься святым покровителям.

Выходит, что в отсутствие Ван Хака тесть и теща частенько взывали к духам, прося их не оставить своей милостью ученого зятя. В дни ответственных испытаний они готовили курицу и блюдо с рисом, шли в общинный дом молиться высшим силам о ниспослании милости. Ценя столь доброжелательное к себе отношение, Ван Хак не мог противиться воле родителей жены.

Маленький слуга принес полный чайник с кипятком. Юноша сам занялся заваркой чая, а закончив, почтительно поставил поднос с чашечками перед тестем, а сам сел рядом на стуле.

Учитель, опершись одной рукой о топчан, взяв в другую чашечку, неспешно прихлебывал ароматный напиток, следя за тем, чтобы не капнуть на одежду.

— Воистину сказано, что о мире духов мы не ведаем ничего,— промолвил он наставительно. — Если реально смотреть на вещи, то никто не станет отрицать, что успех на экзамене зависит от знаний и способностей человека. Уж коли он силен в науке, то и без моления духам преуспеет. А тупица или лентяй, пусть хоть всю жизнь молится и обряды справляет, не добьется ничего. И однако ж, представь себе, что лично мне известен человек, который сдал экзамены с помощью потусторонней силы. Ну, не диво ли это?

Сделав паузу, чтобы допить чашечку чая, учитель обернулся к жене:

— Ты, наверное, помнишь господина кыняна Ми?

— А как же! — с готовностью отвечала она.— Ведь он родной брат тиенши Чиня с северной стороны. Кажется, кынян Ми потом служил в каком-то уезде инспектором училищ.

— Вот-вот! Именно ему-то и помогли потусторонние силы, написали за него экзаменационное сочинение на степень кыняна.— И учитель спросил Ван Хака: — А ты знаешь эту историю?

Ван Хак, который разливал заварку в маленькие чашечки, стоявшие на подносе, ответил:

— Нет, не доводилось слышать.

Учитель неторопливо выбрал свернутый лист табака, чтобы сделать себе цигарку, и начал рассказ:

— От людей я слышал, что в тот год, когда Ми был удостоен степени кыняна, его успехи в учебе были весьма и весьма слабыми, а потому даже на отборочных испытаниях он провалился. Однако ж прорицатель нагадал Ми, что в этом году он обязательно преуспеет на экзаменах. Ми, конечно, не удержался и сказал прорицателю, что тот просто лжец, потому что тем, кто не прошел отборочных испытаний, сдавать экзамены не разрешают, и надежды на успех в этом году у него не может быть никакой. Но прорицатель твердо стоял на своем и ручался, что на этот раз Ми непременно увенчают ученой степенью. Если же такого не случится, то, говорил прорицатель, пусть Ми придет к нему и выбросит шкатулку со всеми принадлежностями для гадания.

Свернув цигарку, старик кликнул слугу, чтобы принес огонька прикурить, и продолжал:

— Видя, что прорицатель твердо стоит на своем, Ми тоже отчасти поверил в свою счастливую звезду. Он явился к себе в деревню и сразу же бросился к своему брату — тиенши Чиню, и стал упрашивать его, чтобы тот отправился в главный город провинции к начальнику учения, который вправе допустить Ми к экзамену. Сначала тиенши только смеялся. «Куда тебе, такому неучу, на экзамены идти,— говорил Чинь брату,— ты даже на отборочных испытаниях провалился. Конечно, мне нетрудно выпросить для тебя поблажку, добиться разрешения. Но ведь ты наверняка что-нибудь натворишь: экзаменационную тетрадь не сумеешь полностью исписать толкнет тебя нелегкая вставить запретный знак, позорную ошибку допустишь. Ведь тогда не только тебе, но и мне придется ответ держать».

Ми унижался и просил, не умолчал и о предсказании прорицателя. Но тиенши был неумолим. Наконец Ми впал в крайнее отчаяние и пригрозил, что утопится в реке. Тогда тиенши испугался, как бы младший брат и в самом деле

не свершил над собой что-нибудь, и скрепя сердце отправился с нижайшей просьбой к начальнику учения в главный город провинции.

Слуга, посланный за огоньком, вошел с лучиной и подал ее учителю, тот закурил, сделал затяжку и неспешно продолжал:

— Приспело время экзаменов. Ми отправился в Ханой, а у тиенши, который остался дома, на душе кошки скребли. Шутка ли, если родной брат на экзамене оскандалится, упекут его в тюрьму. Что станется тогда с добрым именем тиенши Чиня?

Между тем Ми, едва только увидел темы сочинений, сразу понял, что попал впросак. Вернулся в палатку, горюет. Вдруг видит — старенький-престаренький старичок, седенький такой, с посохом, входит к нему и говорит: «Давай мне бумагу, я за тебя сочинение писать буду». И начал этот старичок бойко так, ловко писать, да что ни напишет — все на редкость замечательно. В считанные мгновенья закончил несколько стихотворений. А Ми оставалось только переписать их с черновика в экзаменационную тетрадь.

Старый учитель помолчал, задумчиво покуривая табак. Учительша и Ван Хак, приумолкнув, терпеливо ждали продолжения истории. Рассказчик, выдохнув дым, с видимым удовольствием принялся снова за свою историю:

— В день второго тура экзаменов смотрит Ми — опять знакомый старичок появляется. Третий тур наступает — то же самое. В день последнего тура Ми решился наконец спросить у старца его имя, чтобы после экзаменов разыскать и отблагодарить. Старичок назвал себя. В день оглашения имен лауреатов среди первых в списке удостоенных степени кыняна оказалось имя Ми. В прошлом году мне довелось слышать, как сам кынян Ми читал свои экзаменационные сочинения. Они были очень неплохи. Но я, конечно, ничего не запомнил, кроме строк из стихотворения «Каждый год хороши урожаи».— И старый учитель напевно продекламировал:

При повелителях Чжоу
цветами обилен был край.
При повелителях шаньских [1]
снимали тройной урожай.

[1] Эпоха Шань-Инь в Китае — 1766—1122 гг. до н. э.

Старик с удовольствием сделал еще одну затяжку и проговорил:

— С точки зрения экзаменационных правил такие стихи считаются удачными, потому что тут отчетливы параллелизмы, а кроме того, в стихах говорится о древности, и написаны они точно на заданную тему. Вот почему экзаменаторы за такое сочинение поставили высшую оценку.

— Ну а потом-то узнали, кто этот старец и откуда? — с простодушным любопытством спросила супруга учителя.

Муж ее, погасив окурок об тушечницу, ответил не без торжества:

— То-то и оно! Преуспев на экзамене, кынян Ми по совету своего благодетеля отправился к нему на родину, дабы выказать свою признательность. И что же? Благодетель-то оказался жившим в давние времена предком одного знатного рода в Ханойской провинции!

Теща тотчас обернулась к Ван Хаку:

— Вот видишь? А ты никогда не верил, говоришь, мол, все это байки насчет чудес на экзаменах.

Ван Хак в ответ только заулыбался, а старик продолжал:

— Но потом этот самый кынян пошел по дурной дорожке, все достоинство ученого растерял. Однажды Ми связался с женой начальника деревенской стражи, муж их подкараулил и застукал, можно сказать, на месте преступления. И знаете, как поступил обманутый супруг! Он раздел догола прелюбодеев и привязал их к топчану, затем приказал стражникам носить по улицам, выставив на всеобщий позор. Впереди топчана стражник нес табличку из пальмового листа, побеленного известью, с надписью: «Вот козел без хвоста, собака без точки». А ведь остроумно-то как! Написание имени Ми напоминает иероглиф «козел», если его вывести без хвостика, и иероглиф «собака», если не проставить точку. Окажись на месте Ми кто-нибудь другой, пришлось бы ему совсем худо: наверняка звание кыняна отобрали бы, да еще за грешки как следует спросили, а может, и в тюрьму посадили. Но с этого Ми как с гуся вода: ведь у него братец тиенши! Пошел братец, поговорил с губернатором — на том дело и кончилось. Ну, ославили этого Ми на всю округу — и только.

Чайник опустел. Супруга учителя поднялась и отправилась в кухню поторопить дочерей с приготовлением яств для совершения церемонии. Вскоре все было готово. Ван

Хак тщательно причесался, оделся и пошел в общинный дом.

Солнечные лучи залили уже половину галереи, когда в доме кончили завтракать и Бикь с коромыслом на плече поспешила на рынок. Мать открыла свою шкатулку; достала пять куанов и протянула их Нгок.

— Это вот деньги на экзамены твоему мужу. Добавь еще из своих денег пятнадцать куанов, пусть будет двадцать. Хочешь быть большой госпожой — приходится выкладывать денежки.

Захватив блюдо с рисом и кусками курятины, пожилая женщина пошла угощать соседских ребятишек.

К этому времени в зале для учения уже собрались ученики. Ванчиньскому учителю пришлось выйти к ним и заняться чтением.

Когда вернулся супруг, Нгок с пятью куанами в руках подошла к нему и, положив деньги на топчан, насмешливо проговорила:

— Так сколько тебе понадобится денег? Если к этим пяти я добавлю еще пять куанов, надеюсь, хватит?

Ван Хак не отвечал. Все его внимание было приковано к человеку, который в сопровождении маленького слуги в это время шагал от ворот к дому. То был гонец. Подойдя к галерее, он остановился, вынул из сумки письмо и передал его слуге, чтобы тот вручил господину.

Ван Хак скользнул небрежным взглядом по конверту и улыбнулся.

— Подумать только, какая честь! Письмо от самого тиенши Чан Данг Лонга. Что бы это значило?

Нгок торопливо подошла к письменному столу, за которым сидел Ван Хак. Она внимательно следила, как муж вскрыл конверт, вынул лист бумаги с цветочным орнаментом. Письмо было писано старинным витиеватым слогом.

«Старший брат мой из Даонгуена, почтительно склоняю главу свою пред вами.

Полмесяца прошло с тех пор, как возвратился я в родные края. Прошу простить меня за то, что не написал вам тотчас по прибытии. Дело в том, что все это время я был занят приемом многочисленных гостей.

Минул уже год со дня нашей с вами последней встречи. Несколько месяцев провел я в стольном граде Хюэ, приучаясь к делу в государевой Палате ученых-книжников. Весенняя краса большого императорского града плените-

льна, но она не заслонила для меня милые картины родных краев: туманы у порога, светящееся до утра оконце; ночами, когда дует прохладный ветерок и сияет светлая луна, стою я, бывало, на берегу реки Ароматной, что несет свои воды через стольный град Хюэ, смотрю в северную сторону и вижу седые облака, сгустившиеся над священной горой Танвиен, и кажется мне, что ваш голос и ваш смех звучат в моих ушах».

Ван Хак прервал чтение и обратился к жене:

— Скажи пожалуйста, ну не чудесное ли поистине зрение у господина тиенши? Стоит на берегу Ароматной, а видит гору Танвиен, до которой не одна сотня замов[1]. Чего только не придумают эти ученые господа ради красного словца!

В ответ Нгок проговорила с простодушным видом:

— Так-то оно так, а все же Чан Данг Лонг, а не кто-то другой стал тиенши.

Пропустив эти слова мимо ушей, Ван Хак продолжил чтение.

«В то время, когда сидел я, погрузившись в думы о вас, господин старший брат мой, получил я весть о вашем счастливом браке с барышней из ванчиньского дома Ле и обрадовался несказанно.

Наверное, мне не следует упоминать об этом, но мы с вами настолько близкие друзья, что могли бы считаться родственниками, и мне не пристало скрывать от вас то, что у меня на сердце.

Конечно, вам хорошо известно, что барышня из ванчиньского рода Ле некогда была моей невестой, и мне нет надобности пересказывать эту историю.

Признаюсь, что тогда, в пятом месяце, когда меня встречали с почестями, я испытал волнение и боль, увидев, как упала без памяти барышня Ле».

Ван Хак остановился и, отвлекшись от письма, посмотрел на жену:

— Ну, как тебе это нравится?

— Полно тебе,— с натянутой улыбкой отвечала Нгок. — Оставь свою ревность и разные там намеки. Читай дальше.

Ван Хак опять склонился над листком бумаги.

«Вот тогда я поклялся перед небесами и землей, добры-

---

[1] Зам — старинная мера длины, равная примерно четыремстам тридцати двум метрам.

ми духами и нечистой силой, что сосватаю ей достойного жениха. По здравом размышлении я решил, что нет более подходящего человека, чем вы. Я поделился своими мыслями с нашим уважаемым наставником и просил его уладить это дело».

Ван Хак рассмеялся:

— Не иначе как этот Чан Данг Лонг хочет, чтобы я оценил его заслуги. Я же никакой признательности не испытываю. Ведь он хотел устроить судьбу своей бывшей невесты, а не мою.

Нгок метнула в мужа испепеляющий взгляд, от такого взгляда мог бы заняться пламенем весь дом. Но Ван Хак даже бровью не повел и спокойно принялся дочитывать письмо.

«По счастью, наставник проникся горячим сочувствием к моим заботам и принял на себя роль Господина Красной нити. Жаль только, что через несколько дней, согласно приказу, я вынужден был отправляться по делам службы в стольный град и не имел возможности самолично явиться к вашему дому с орхидеями, дабы воспеть в стихах, как говорится в «Книге песен», нежный персик — юную жену, приезжающую в дом мужа, дабы лицезреть гармонию и счастье молодых. Я сожалею об этом до сих пор.

Жена благонравная сочеталась с мужем высокоученым, по этому случаю радостно подняли чарки все ваши друзья и родные. Талантливый юноша и красавица — чудная пара! Так оседлайте же удачу, будто дракона! Редкостный этот брак достоин того, чтобы быть занесенным в скрижали. Так свершились мои мечтания о счастье вашем и барышни Ле.

Сегодня надлежало бы мне явиться в ваши палаты и поднять чарку радости, пожелать сто лет благоденствия, но я получил приказ о назначении меня правителем округа Тхуантхань и вынужден срочно отбыть к месту службы. Потому я лишен возможности самолично навестить вас. К тому же расцвели цветы софоры, а это значит, что все ваши помыслы направлены на экзамены, и я не смею отвлекать вас, устремленного к небесным высям. Потому желаю вам попутного весеннего ветра, блистательных успехов, пусть удастся вам достичь лунного дворца и набрать там корицы. Пусть всегда на экзамене сопутствует вам удача, а потом пусть откроется перед вами путь служения государю и народу. Я буду бесконечно рад принять

вас, если после экзаменов вы соблаговолите посетить мой бедный дом. Для меня это — высокая честь.

Сии строки я написал, дабы выразить искренность моих чувств. Если где-то я выразился неловко, прошу великодушно извинить.

Писано во время цветения абрикоса.

С нижайшим почтением
младший брат ваш Чан Данг Лонг».

Ван Хак отложил письмо.

— Вон оно что! Оказывается, его назначили правителем округа. Удача выпала ему, ничего не скажешь.

— Выходит, эта Тхюи отныне — супруга окружного правителя,— с нескрываемой завистью проговорила Нгок.— Вот уж кому повезло так повезло!

Она ушла во внутренние покои. Ван Хак взял кисть и бумагу, написал ответное письмо Чан Данг Лонгу, велел позвать гонца и вручил ему конверт. Закончив уроки с маленькими учениками, из залы вернулся старый учитель.

— Где дочка? — спросил он.— Собрала ли она все, что надо? Приготовлены ли деньги?

— Да-да, батюшка! — раздался из внутренних покоев веселый голос дочери.— Скоро, скоро все закончим.

Нгок бодро вошла, держа в руках несколько куанов, и велела маленькому слуге положить их вместе с деньгами, которые пожаловала зятю теща, и связать в две связки.

— Сколько денег ты добавила к моим? — спросила мать, появляясь со двора.

— Пять куанов, да твои пять куанов. Значит, всего десять,— улыбаясь, ответила Нгок.

Мать тоже улыбнулась.

— Маловато. Ты должна дать не меньше десяти куанов, чтобы вместе с моими стало пятнадцать. А десяти ему на расходы не хватит.

— Мне, матушка, денег не жаль, я боюсь только, что с набитой мошной он только и будет делать, что дневать и ночевать в домах у певичек.

Нгок с этими словами пошла к себе, вынула из шкатулки еще два куана и передала их слуге.

— Двенадцати куанов ему хватит,— проговорила она, едва сдерживая смех и искоса поглядывая на мужа.— Если он попадет на последний тур, мне и нескольких сотен будет не жаль.

Ван Хак молча улыбнулся. Деньги и вещи уже были уложены. Учитель с супругой приказали слуге с коромыслом сопровождать зятя до самого Ханоя.

XII

В предрассветной тишине вдруг, надрывая сердце, завыл пронзительный ветер. Из низких серых туч упали первые, пока еще редкие дождевые капли. Все, кому предстояло сегодня идти на экзаменационное поле, с тоскою подумали, что сегодня будет такое же ненастье, как в день предыдущего тура экзаменов. Должно быть, коварный властитель небес только и дожидался дня новых экзаменов, чтобы разверзнуть хляби небесные и излить потоки воды на головы бедных соискателей степеней.

Но, к счастью, ничего подобного не случилось. Шел первый месяц по лунному календарю, и властитель небес ограничился одними угрозами. Не успели молодые люди покончить с завтраком, как дождь прекратился, ветер затих, небо посветлело, и на востоке сквозь разрывы в облаках проглянуло солнце.

Хозяин постоялого двора на этот раз был еще любезней со своими гостями. В каждый сундучок и в каждую шкатулку, кроме необходимых письменных принадлежностей и еды, он положил бетель и табак. И еще, с позволения гостей, хозяин нанял где-то четырех дюжих парней, которые должны были отнести их поклажу к воротам экзаменационного поля.

Молодые люди от души были признательны доброму хозяину.

Приказав приготовить к вечеру хорошую выпивку, участники конкурса один за другим покинули постоялый двор. Ван Хак шел следом за Док Кунгом.

— Как-то нехорошо, что Кхак Ман провалился,— слегка взволнованно проговорил Ван Хак.— Без него кажется, что чего-то не хватает.

Док Кунг ответил, не поворачиваясь:

— Когда он трясся над своими пожитками, мы все, признаться, на него сердились. Но как подумаешь, что мы четверо выдержали два тура, один он провалился, становится не по себе. Вчера в полдень, когда он так жалостно попрощался с нами и потащился со своей поклажей восво-

яси, я и печалился за него, и смеялся про себя, но громко засмеяться не посмел.

— Разве можно! Да если б кто-нибудь посмел засмеяться, он, пожалуй, в драку полез бы. Но, по совести говоря, ему повезло, что провалился не в первом туре. Он ведь в четвертый раз участвует в экзаменах и трижды вылетал после первого же тура, а на этот раз повезло — успешно преодолел первый этап и даже пытался преодолеть второй. При его-то знаниях и это неплохо. Если бы он был с нами сегодня, то наверняка кому-то из нас пришлось бы тяжко: тебе, или мне, или моим братьям. Словом, за кем бы он ни увязался, тому и пришлось бы скверно. В первый день экзаменов вытаскивать его пришлось мне, во второй — моему старшему брату...

Ван Хак приблизился почти вплотную к Док Кунгу и вполголоса спросил:

— А вон тот, пожалуй, еще слабее Кхак Мана, не так ли?

Порыв северного ветра вдруг с силой обрушился на них, оба друга передернули плечами от холода. Док Кунг взял Ван Хака под руку, чтобы стало теплей, и спросил:

— Кого ты имеешь в виду?

— Ну вот этого.

— Чан Дык Тиня, что ли? Нет, до Кхак Мана ему еще очень далеко. По своим знаниям он вряд ли равен студенту среднего разряда. Вот уж в толк не возьму: что это ему вздумалось экзаменоваться. Наверное, просто надо поддержать славу знатного образованного семейства, потому и пришел. Ведь сам знаешь, если отпрыск такого семейства, тем более когда ему за тридцать, не ходит на экзамены, то это считается позором для достопочтенных родичей.

— Он так и ищет, кто бы мог написать за него работу. Но сегодня самый трудный экзамен, вряд ли кому удастся успеть и за себя и за него.

— Я так и сказал ему: на третьем этапе для него же будет лучше, если он провалится. Потому что на заключительном экзамене стражники просто звереют, следят неусыпно, и никто ему помочь уже не сможет. Да и потом, известно, что успешно прошедшие три тура испытаний и допущенные к заключительному считают себя на девять десятых обладателями ученой степени. Они не станут отвлекаться и за деньги помогать этаким балбесам. Так что договор у нас такой: ты садишься в своей палатке и тщательно пишешь только свое сочинение, а ему кое-как на-

бросаешь самое основное. Ему не до красот стиля. Более того, я тебе скажу: если ты напишешь хорошо и его допустят к заключительному экзамену, то ему это хуже смерти.

— На таких условиях я согласен. Идти на экзамен с намерением провалиться — для этого большого ума не надо. И зачем ты его вытягивал во втором туре? Я думаю, он был бы рад вовсе не идти сегодня на экзамен.

— Да разве я нарочно? — засмеялся Док Кунг.— Ты вспомни: холод, дождь, хуже погоды вообразить нельзя, свое-то сочинение я писал кое-как, а чужое тем более. В его тетради, признаюсь, полную бессмыслицу городил. Когда я миновал ворота экзаменационного поля, то подумал, что если кто и провалится на экзамене, то, конечно, Дык Тинь. И вот вам пожалуйста! Да если бы он провалился во втором туре, то и тем был бы доволен. Ведь подумать только: этакая дубина, а о нем будут почтительно говорить как о преуспевшем в двух турах. Я и вообразить не мог, что, на беду, он проскочит в третий тур! Обычно, когда свое имя увидишь на почетной доске, радость охватывает. А он прочитал — побледнел, чуть в обморок не упал.

Сзади послышались чьи-то шаги. Док Кунг обернулся и увидел небольшую группу в четыре-пять человек, которая догоняла их. Док Кунг отступил в сторону, пропустил поспешающих и продолжал:

— Правду тебе говорю! Ни чуточки не привираю. Прочитал он свое имя на доске и просто умом тронулся. Потом узнал он, что на следующий экзамен мы с ним входим через разные ворота и будем сидеть в разных местах, прибежал ко мне и давай умолять, чтобы я нашел кого-нибудь, кто мог бы за деньги написать сочинение. Он готов заплатить сорок куанов.

— А сколько дал он тебе за предыдущий экзамен? — усмехнулся Ван Хак.

— Три десятка куанов! А в первом туре на него работал какой-то парень из провинции Бакнинь, вроде бы за ту же цену.

— Так почему на этот раз Дык Тинь готов заплатить сорок?

— Куда же ему деваться? Он и восемьдесят заплатит, лишь бы его выручили. Ведь он и нескольких иероглифов не напишет. Не сдавать же пустую тетрадь. Я хотел было

запросить с него тридцать куанов за одно то, что ищу ему человека, но потом пожалел.

— Надеюсь, ты ничего не говорил моим старшим братьям.

— Ты что, меня за глупца принимаешь? — замотал головой Док Кунг.— Разве о таком болтают?

— Если они проведают о чем-нибудь, то мне худо придется. Они люди очень строгих правил. Если на нынешних экзаменах я получу ученую степень, тогда еще сойдет мне с рук, а случись провалиться — всю жизнь грызть будут.

Друзья были уже близки к цели своего пути. Еще издалека они заслышали гул голосов.

Чиновные господа еще не являлись. Ворота были крепко заперты. Соискателей собралось немного: после второго тура их осталось примерно одна треть, а по сравнению с первым туром — не более десятой части. Седовласых старцев и совсем юных почти не было, преобладали мужчины лет сорока. Несмотря на скверную погоду, все были бодры. Еще бы! Дойти до третьего тура — это значило получить семь шансов из десяти удостоиться звания кыняна, на худой конец — тутая. Даже в случае провала все равно о тебе пойдет слава как о человеке, одолевшем два тура экзаменов. Потому-то даже самые робкие не скрывали самодовольства. То и дело доносились фразы, в которых слышались скрытая гордость и кокетство:

— На прошлом экзамене я вроде бы околесицу нес в сочинении, вот уж не ожидал, что буду допущен к третьему туру.

— А я так в последнее время совсем учебу забросил. Ох, боюсь, придется чистую тетрадь сдавать!

Вдруг над шумливой толпой разнесся грохот большого барабана. Ворота распахнулись. Главный экзаменатор и его помощник, сопровождаемые огромной свитой, появились из Палаты десяти заповедей.

Поскольку на сей раз соискателей было немного, левые и правые ворота вовсе не стали открывать. Ван Хак пошел к задним воротам, а Тием Хонг, Доан Банг и Док Кунг — к передним. Ван Хак и Док Кунг решили немного прогуляться, поскольку вызвать их должны были в числе последних по списку. Не успели они сделать и нескольких шагов, как услышали чей-то громкий крик:

— Почтенный Док Кунг! Подождите меня!

Друзья обернулись. К ним, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, бежал Чан Дык Тинь. Рот у него был от-

крыт, глаза выпучены. За ним едва поспевал служитель в рубахе, обшитой зеленой каймой, который тащил топчан и палатку.

— Ой, а я думал, что вы где-нибудь у передних ворот! Искал вас, искал, с ног сбился!

— Вон оно что! — усмехнулся Док Кунг.— Мы тоже искали вас.

Познакомив Дык Тиня с Ван Хаком, Док Кунг церемонно произнес:

— Не стесняйтесь, друзья, займитесь приятной беседой. Я не буду вам мешать.

И он направил шаги к передним воротам.

— Ваше имя на доске стояло выше моего? — начал разговор Ван Хак.

Дык Тинь, который никак не мог отдышаться, отвечал:

— Да, уважаемый Ван Хак! Мое имя значилось примерно на сорок имен выше вашего.

— Сегодня стража будет куда бдительнее и строже, чем прежде. Поэтому, как только вас выкликнут и вы минуете ворота, выбирайте место подальше от Палаты десяти заповедей. Но смотрите: чтобы кругом было людно! Ни в коем случае не вздумайте разбивать палатку у забора, где она будет как на ладони. Я сам вас разыщу.

Барабанный бой звучал все настойчивей и призывней и наконец оборвался тремя громовыми ударами.

К воротам приблизился помощник главного экзаменатора. Перед ним несли особую лакированную табличку, над ним — два зонта, желтого и зеленого цвета. Он величаво опустился в кресло и повелел письмоводителю принять пачку экзаменационных тетрадей. Стражники заняли свои места у ворот, служитель взял в руки рупор.

Поскольку народу было немного, все вызываемые могли беспрепятственно проходить через ворота.

Только служитель поднес рупор к губам, чтобы выкликнуть имя стоящего первым в списке, как где-то позади толпы загрохотал барабан.

Все недоуменно переглянулись, потом разом обернулись назад. Толпа подалась в стороны, образовав широкий проход. Под четырьмя зелеными зонтами, украшенными серебром, выступал согбенный старец, лет шестидесяти, облаченный в халат из трехцветной парчи, белые шелковые штаны и расшитые туфли. Его седая борода развевалась по ветру, нарядный нон из перьев был прихвачен белой

шелковой лентой. Его приближенные и слуги в красных с зеленой оторочкой рубахах несли шкатулки, кальян, сабли, дубинки. По всему было видно, что прибыл высокопоставленный сановник.

По левую руку от помощника главного экзаменатора были приготовлены низкий столик черного дерева и кресло, в которое и опустился с превеликим достоинством важный сановный господин. Свита почтительно расположилась позади. И здесь оказалось, что нет никакой надобности в четырех зонтах, вполне хватило двух, а два пришлось пристроить сбоку.

С привычным видом слуга, который нес кальян, опустил свою ношу на столик и стал готовить порцию лаосского снадобья. Другой достал из корзинки уголь, раздул огонь и зажег фитиль.

Господин с видимым удовольствием принял кальян, убедился, что его содержимое тлеет ровно, и только тогда сделал глубокую затяжку. Северный ветер подхватил клубы дыма и мгновенно рассеял их. Потом господин сделал какое-то замечание, скосив взгляд в сторону помощника главного экзаменатора, и тотчас два желтых зонта над особой табличкой взлетели на такую высоту, на какую только было возможно.

Студенты из дальних провинций зашушукались:

— Кто этот господин? Откуда он?

— Да это же губернатор Ханойской провинции! — объяснили им.

Организация и проведение экзаменов не входили в круг обязанностей губернатора, просто он изволил пожаловать, дабы лицезреть церемонию выкликания имен соискателей степеней. Скверная погода помешала ему явиться на первые два тура.

Господин губернатор был великим знатоком церемониального ритуала, а посему тотчас углядел нарушение правил: зонты надлежало держать выше не над помощником главного экзаменатора, а над табличкой, которая являлась собственностью императора,— она представляет собой бо́льшую ценность, чем сам господин помощник, всего лишь исполнитель государевой воли. А эти невежественные стражники — подумать только! — осмелились держать зонты над табличкой на целый тхыок ниже, чем над помощником главного экзаменатора. Губернатор воспользовался своей властью и навел должный порядок, после чего он встал и, степенно раскланявшись с помощником экза-

менатора, удалился, окруженный свитой и осененный своими зелеными с серебром зонтами.

Наконец служитель с рупором мог приступить к делу. После того, как было оглашено около двухсот имен, наконец дошла очередь и до Чан Дык Тиня. Громко крикнув: «Слушаюсь», он двинулся к воротам, сопровождаемый своим носильщиком с поклажей. Красная рубаха служителя, обшитая зеленой каймой, явно свидетельствовала о том, что его господин принадлежит к одному из знатных семейств, каковые только и имели право так наряжать своих слуг. К тому же лишь сыновьям из знатных родов позволялось пользоваться услугами носильщиков на экзаменационном поле. Это все и заставило помощника главного экзаменатора потребовать тетрадь Чан Дык Тиня у письмоводителя: по именам предков можно было узнать, к какому из знатных родов принадлежал этот юноша. Привратная стража наскоро осмотрела поклажу Дык Тиня, и господин помощник через писца передал студенту экзаменационную тетрадь. Стражникам было приказано опять завязать ношу и внести ее на экзаменационное поле.

В рупор выкликали все новые и новые имена. Дело продвигалось значительно быстрее, чем перед первыми двумя экзаменами. Хотя имя Дао Ван Хака числилось почти в самом конце списка, но и он миновал ворота к тому времени, когда солнце только выглянуло из-за верхушек бамбука.

Дык Тинь, разбив палатку, прохаживался неподалеку от ворот.

Следуя за ним, Ван Хак вскоре оказался у его палатки. Место расположения тот выбрал исключительно удачное: палатки здесь стояли не тесно и не редко, а главное, до вышки смотрителя было далеко.

Дык Тинь принялся услужливо помогать Ван Хаку, вбил колышки, развязал и натянул полотнище, внес в палатку бамбуковый топчан.

Прогрохотал барабанный сигнал, известивший о том, что объявлены темы. Оба юноши, захватив бумагу, кисти, тушечницы, тотчас вышли из палаток.

— Вот это да! — почесывали в затылках искатели.

От одного беглого взгляда на доску брала оторопь. Сверху донизу она была испещрена иероглифами. На сей раз основной целью экзамена было выяснить, насколько хорошо экзаменуемый помнит канонические книги и каковы его способности в литературном сочинительстве. Прочи-

тав все, что было написано на доске, начиная со слов «вопрошаем следующее» и кончая словами «о своем учении да расскажешь нам», Ван Хак тихо сказал Дык Тиню:

— Ты, пожалуй, держи тушечницу, а я буду списывать с доски.

— А разве мне не надо списывать? — растерянно пробормотал Дык Тинь.

— Я это лучше сделаю,— рассудительно отвечал Ван Хак.— Потом в палатке вместе перечитаем, а сейчас нечего тратить время попусту.

Дык Тинь не стал возражать и послушно принял на себя роль подставки для тушечницы.

Ван Хак, то и дело поглядывая на доску и придерживая левой рукой стопку бумаги, которую он положил на согнутую спину нового приятеля, исписывал лист за листом стремительной скорописью. Покончив с одним листом, он передавал его Дык Тиню и тотчас принимался за следующий. Дык Тинь лишь испуганно таращился на эти записи.

— Я ни единого знака не разберу! Сделайте милость, пишите разборчивее.

Ван Хака этот невежда начинал раздражать, но он отвечал сдержанно:

— Да ты не беспокойся, если что-нибудь не разберешь, я тебе прочитаю.

И он продолжал строчить. Понадобилось три листа бумаги большого формата, чтобы списать темы сочинений. Проверив, не пропустил ли чего, Ван Хак, сопровождаемый Дык Тинем, возвратился на свое место. К этому времени большинство студентов успели списать с доски только половину, а то и одну треть.

«Веселенькая история! — размышлял по дороге Ван Хак.— Этот оболтус, оказывается, не знает скорописи, да, видно, и с обычной иероглификой не очень в ладу. Значит, придется для него тщательно выводить все, до последней черточки. На это уйдет уйма времени. Эх, добровольно повесил я себе на шею камень!»

Придя в палатку, Ван Хак сразу же развернул листы с тёмами и стал выискивать скрытые в вопросах подвохи. Сочинение, которое предстояло написать, оказалось не из легких. Надо было подробно ответить на тридцать вопросов по древним и новым книгам, не считая множества мелких вопросов. К счастью, Ван Хак твердо помнил нужные отрывки из книг. Он взял листок бумаги и набросал для Дык Тиня вводную часть к сочинению.

— Напишешь три с половиной строки, остановись и сходи, чтобы тебе поставили печать.

— А темы? — скуксился Дык Тинь.— Дайте мне листы с темами, я перепишу их в тетрадь.

Ван Хак улыбнулся:

— Похоже, тебе не приходилось в таких сочинениях упражняться. Так знай: вопросы переписывать в тетрадь не положено.

— Как не приходилось упражняться? — обиделся Дык Тинь.— Еще как приходилось! Но я думал, только в школе не положено переписывать вопросы, а на экзамене надо.

И он умолк, углубившись в работу. Только тогда Ван Хак задумался о своем собственном сочинении. Но вскоре к нему в палатку опять заскочил Дык Тинь. Он с церемонным поклоном протянул тетрадку Ван Хаку и проговорил:

— Будьте добры, сделайте такую милость, проверьте, может, я иероглифы неправильно написал.

Взглянув на первую же строку, Ван Хак нахмурился:

— Посмотри-ка, что может быть проще иероглифа «деятель», но ты и его умудрился с ошибкой написать.— А про себя подумал: «Видно, этот тупица послан мне в наказание за грехи мои». И стал терпеливо объяснять:— Первая фраза — «Слушайте меня, почтенные». Понял? Вторая — «Выпало мне счастье родиться во времена процветания...».

— Вот оно что! Выходит, я все не так написал... Как же теперь быть?

— Надо пойти и заменить экзаменационную тетрадь, только и всего.

Дык Тинь схватил новую тетрадь, надписал ее и сказал:

— Присмотрите, пожалуйста, за моей палаткой.

— Ладно! Ты иди, не беспокойся. Никуда твоя палатка не денется,— сердито ответил Ван Хак, возвращаясь к своему сочинению. На этот раз он был осмотрительнее, не писал сразу на беловик, в экзаменационную тетрадь, а сначала делал черновые наброски. Когда он целиком ответил на первый вопрос, а также на вопросы о Яо и Шуне [1], только тогда он стал аккуратно переносить записи в тетрадь. Но Дык Тинь все не возвращался.

В Палате десяти заповедей загремел барабан, возвещая

---

[1] Яо и Шунь — легендарные правители Древнего Китая, время их правления считалось «золотым веком».

середину дня, солнце уже высоко поднялось в небе, и, не дождавшись Дык Тиня, Ван Хак отправился поставить печать.

Возле Палаты стояла небольшая группа студентов. Среди них был и побледневший, осунувшийся Дык Тинь, тщетно ожидавший, когда ему вынесут новую тетрадь. Ван Хак через отверстие передал служителю экзаменационную работу. И вдруг невежественный отпрыск знатного рода Чан заныл:

— Сделайте милость, попросите служителей, чтобы поскорей вынесли мне тетрадь.

— Если они тебя не послушались, то мне незачем и соваться,— насмешливо ответил Ван Хак.— А вообще-то здесь такой порядок: торопи не торопи — все равно. Остается терпеливо ждать. Сам увидишь, скоро вынесут.

— Это ты, Ван Хак? — послышался веселый голос Док Кунга.— Ты пришел проставить печать или заменить тетрадь?

— Сколько я ни сдавал экзаменов,— с гордостью ответил Ван Хак,— не было случая, чтобы я просил новую тетрадь.

— А вопросы нам сегодня достались труднехонькие, правда? Ты помнишь все нужные цитаты из книг?

Не успел Ван Хак ответить, как с вышки раздался ворчливый окрик. Молодые люди поняли, что это относится к ним, и тотчас прекратили разговор.

Из Палаты десяти заповедей выбежал стражник в рубахе с каймой, держа в руке тетрадь.

— Кто здесь будет Чан Дык Тинь?

— Это я,— промямлил отпрыск знатного рода.

— Почему так рано явился заменять тетрадь? Сколько еще раз намерен их менять?

Стражник протянул тетрадь через ограду, строго глядя на провинившегося. Тот, ничего не отвечая, схватил тетрадь и, сразу же воспрянув духом, насмешливо обратился к Ван Хаку:

— Теперь вы здесь постойте, подождите, а я, с вашего позволения, вернусь в палатку.

— Возвращайся, да поживее,— не остался в долгу Ван Хак,— тебе ведь предстоит прогуляться сюда еще раз, чтобы проставить печать середины дня. И вот еще что: будь при переписке внимательней, чтобы опять не пришлось менять тетрадку. На этот обмен, право, уходит слишком много времени.

Дык Тинь сник и поспешно удалился.

Народу возле Палаты десяти заповедей становилось все больше. Наконец Ван Хаку вернули его работу, и он смог возвратиться в палатку.

Еще издалека он увидел, что Дык Тинь с нетерпением ждет его.

— Сколько черт в иероглифе «незаконно»?— набросился тупица на Ван Хака.

Тот сначала устроился в палатке и только тогда, неспешно повернув голову, ответил вопросом:

— Неужели ты не знаешь других значений этого слова?

— Почему же, знаю. Это все равно что «воровски». Я дошел до места, где сказано: «воровски занять должность», и не понял. Так сколько же черт в иероглифе «воровски»?

— Ну, в данном тексте «воровски» — это значит: «незаконно», а в этом иероглифе двадцать две черты.

— Ах, вот оно как! Я чуть было не написал двадцать одну.

Ван Хак замахал руками:

— За такое положено наказание, такую ошибку никак допускать нельзя!

Затем студенты склонились каждый над своей работой. Дык Тинь, читая черновик и пересчитывая количество черт в каждом иероглифе, все шевелил губами, как предсказатель, который ошибся при гадании и никак не найдет, где же спряталась ошибка. Прошло немало времени, прежде чем он переписал три с половиной строки и дал проверить переписанное. Ван Хак быстро вернул ему тетрадь, чтобы тот успел проставить печать середины дня, и велел передать черновики, чтобы набросать еще несколько фраз.

Ван Хак успел написать в свою тетрадь только полторы страницы и в черновик для Дык Тиня — две страницы, как тот вернулся, довольный, что удалось быстро поставить печать.

— Уже полдень, надо писать побыстрее, чтобы успеть до вечера,— такими словами встретил его Ван Хак и, свернув в комок черновик, перекинул ему в палатку.

Расправив бумагу, Дык Тинь стал разбирать по складам записку. Он напустил на себя побольше важности, что, по его мнению, должно было свидетельствовать о его высокоучености.

— А как случилось, любезный, что вы непочтительно отзываетесь об императоре Ханьской династии Вэньди [1] и императоре Танской династии Тайцзуне? [2] — спросил он.— Разве это правильно?

Ван Хак давно понял, что его новый приятель ничего не смыслит в сочинениях, а пристает с вопросами, только чтобы показать, что и он не круглый дурак.

— Вот именно, только так и правильно! — начал спокойно объяснять Ван Хак.— При ответе на вопросы надо оспаривать предлагаемые формулировки. Если в вопросе звучит нотка осуждения, значит, наша задача — восхвалять, если в вопросе похвала — нужно хулить. И вообще о людях древности следует отзываться только положительно, а о людях более поздних времен — отрицательно. Потому-то в старину ученые-книжники сложили такие шутливые стихи:

Древним правителям
Воздайте дань,
А для Тан и Ханъ
Не скупитесь на брань.

Вэньди и Тайцзун — люди сравнительно поздних времен, можно их побранить. Иначе мы нарушим важное правило.

Дык Тинь умолк, опять склонившись над тетрадью; он прилежно считал черточки в иероглифах, перенося их с черновика в беловик. Когда он исписал три листа, Ван Хак перекинул ему еще комок бумаги — новый черновик. Тот сначала несколько раз перечитал текст, выясняя, нет ли знаков, которых он не умеет писать, а потом начал выводить иероглифы по одной черточке, как ученик младшего разряда, только-только обучающийся писать. Вдруг он опять подал голос:

— Разве иероглиф «фонарь» так пишется? Ошиблись вы, любезный.

Увлеченный работой, Ван Хак с неудовольствием проговорил:

— Ты что, разве не видел перед воротами доску, на которой начертаны запрещенные знаки?

---

[1] Ханьская династия правила в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э., а император Вэньди — с 179 по 156 г. до н. э.

[2] Танская династия правила в Китае с 618 по 907 г., а император Тайцзун — с 627 по 650 г.

— Да видел же я, видел! — простодушно отвечал Дык Тинь.— Но там, по-моему, иероглиф «фонарь» не значится.

— Не знаю, как ты смотрел, видно, солнце тебе глаза слепило. В самом начале красуется этот иероглиф. Его употребление не считается тяжким проступком, но требуется его видоизменить. Теперь-то ясно?

— Я-ясно,— протянул Дык Тинь и испуганно добавил:— А я уже написал по-старому. Можно стереть?

— Ни в коем случае! Все запрещенные знаки обозначают имена императоров и членов императорской фамилии. Строгий запрет наложен на те знаки, которыми пишутся имена императоров, неполный — на имена их бабушек, матушек и далеких предков. Государственным законом запрещено не только писать, но и читать эти знаки. Одно то, что ты написал, а потом стер, считается проступком.

— А может быть, подчистить поаккуратнее, чтобы никто не заметил?

— Это вовсе может иметь скверные последствия. Потому что, согласно экзаменационным правилам, подчищать следует так, чтобы экзаменатор мог прочесть подчищенный знак. В противном случае считается ошибкой.

Дык Тиня подбросило на месте.

— Ой, что же теперь делать? Еще раз заменять тетрадь? Я же ничего не успею переписать.

— На какой странице у тебя этот «фонарь»? — уже сочувственно спросил Ван Хак.

— На третьей...

Ван Хак засмеялся:

— И ты еще чего-то боишься! Вырви лист да перепиши — и дело с концом!

Дык Тинь обрадовался, как малое дитя.

— Правда! Ведь третий-то лист можно вырвать, не нарушая печати, связи листов. И как я сам не додумался? Совсем переутомился, видать.

И он принялся за дело. Но время от времени поднимал голову и докучал Ван Хаку вопросами:

— Вот вы написали: «Желаем, чтобы государь и народ жили, как во времена Яо и Шуня и чтобы свет исходил от И Иня [1]». А я помню, что в книге «Мэнцзы» сказано что-то вроде: «...и чтобы на службе был И Инь».

Ван Хак рассердился не на шутку:

---

[1] И Инь — мудрый советник государей династии Чжоу.

— Выходит, что ты совсем не занимался запрещенными знаками и совсем их не знаешь! Скажу по совести: я просто восхищен твоей смелостью — идешь на экзамен и ведать не ведаешь запрещенных иероглифов. Не будем тратить ценные минуты на пустые разговоры. Теперь у тебя одна задача: списывай с черновиков правильно — и все! И не отвлекай меня больше! Боюсь, что я сам из-за тебя не успею закончить сочинение.

Дык Тиню стало совестно, и он надолго умолк.

Солнце стало клониться к западу, северный ветер вновь завыл с прежней свирепостью. Стало холодно. Дык Тинь переписал все, что дал ему Ван Хак, и с нетерпением ждал продолжения, но, боясь, что его опять обругают, не смел подать голоса. Наконец отпрыск знатного рода решился:

— Господин Ван Хак, я уже все черновики переписал!

В этот момент Ван Хак, увлеченный работой, наконец нашел нужные слова для ответа Чжан Фэя полководцу Чжугэ Ляну [1]. Поэтому он ответил:

— Подожди немного, я сейчас никак не могу отвлекаться от сочинения.

Дык Тиню ничего не оставалось другого, как согласиться. Он вынул кусок вяленого мяса, соус и сухой рис с лепешкой.

Пожевав немного, Дык Тинь почувствовал жажду и, открыв тыквенную бутыль, отпил несколько глотков холодного чая. Потом потянулся к табаку, высек огонь и с удовольствием закурил.

В руках у Дык Тиня уже оставался небольшой окурок, а Ван Хак все не передавал новые листы черновика. Неуч не на шутку встревожился. Выждав момент, когда смотритель на вышке повернулся к нему спиной, Дык Тинь со всех ног кинулся к палатке Ван Хака.

Услышав топот ног и увидев вбежавшего, Ван Хак вскочил с места.

— Ты с ума сошел! Зачем сюда явился? Заметят — тогда обоим несдобровать.

Дык Тинь порылся за поясом и вытащил два слитка серебра — двадцать куанов, положил их на сундучок Ван Хака и молитвенно сложил руки.

---

[1] Чжан Фэй и Чжугэ Лян — известные деятели эпохи Троецарствия (220—280 гг.) в Китае, герои романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (XIV в.).

— Господин, вчера я уже передал два слитка господину Док Кунгу в задаток, а вы извольте принять остальные два. Только напишите до конца мой черновик.

Оказывается, Дык Тинь вообразил, что Ван Хак задерживает следующие листы, потому что ждет платы. Ван Хаку даже стало немного жаль беднягу, но одновременно его душил смех. Овладев собой, он взялся за новые два листа черновика и быстро дописал недостававшую строку.

— Ты знаешь, как надо правильно писать ответы на вопросы о современности? — спросил он, передавая Дык Тиню листы.

— Я что-то слышал, но в точности не помню. Прошу вас, расскажите мне.

Ван Хак показал разлинованные на клеточки страницы своей тетради и начал ровным голосом, как школьный учитель:

— Смотри. Это — самая крайняя строка, следующая считается первой, затем — вторая, а вон та — третья. Когда в ответах о современности тебе попадутся слова «небо», «земля», «храм», их пишут в самой крайней строке, слова «император», «государь-батюшка», «осененный драконом» и другие слова, обозначающие императора, заносятся в первую. Если же тебе встретятся слова, коими определяют добродетели и деянья государевы, пиши их во второй строке, остальные знаки — в третьей. Запомнил?

Дык Тинь растерянно заморгал глазами.

— Ничего не понял. Не знаю, что это за слова, коими определяют добродетели и деянья государевы. Будьте добры, растолкуйте.

Ван Хак взял лист черновика из рук Дык Тиня и ткнул пальцем в одну из фраз.

— Прочитай-ка вот это.

— Что вы, что вы! — испуганно замотал головой Дык Тинь.— Прочитайте лучше вы, пожалуйста.

Ван Хак прочитал:

— «Поистине ныне государь-батюшка мудрость возвел в закон, радость сделал повседневной».— И объяснил:— Понятно, что мудрость и радость суть исходящие от государя добродетели, а посему пишутся эти слова во второй строке. Слово «государь» заносится в первую. Запомни, что тот, кто занес не по правилам слово в строку, считается только лишь провалившимся, а тот, кто не занес в соответствующую строку особое слово, пропустил его, считается совершившим проступок.

Дык Тинь сложил черновик, сунул в карман, осторожно коснулся серебра, лежавшего на сундучке, уже смелее посмотрел на Ван Хака.

— Примите, господин, мое скромное подношение, не откажите.

Ван Хак ухмыльнулся, поблагодарил и велел Дык Тиню скорей отправляться восвояси и приступить к делу.

Когда тот удалился, Ван Хак взял деньги, убрал их за пояс и подумал про себя: «Чего доброго, этот невежественный отпрыск знатного рода станет тутаем, и тогда еще неизвестно, как сложится его судьба».

Он раскрыл тетрадь и погрузился в работу. Теперь дело пошло быстрее. С вопросами о конфуцианских святых мудрецах, о правителях Древнего Китая он успешно справился. Оставалось только ответить на вопросы, касающиеся современности. По правилам экзаменов, в них речь должна была идти о животрепещущих событиях в родной стране, а на самом деле все ограничивалось повторением заученных с детства фраз. Следовало только, сообразуясь с вопросом, изменить кое-что в этих фразах. Сложности это никакой не представляло. Просмотрев и проверив еще раз все свое сочинение, Ван Хак остался доволен обкатанными фразами, а главное — тем, что нигде не забыл привести цитаты из конфуцианских канонических книг. Довольный собой, он высек огонь, закурил и приступил к заключительной части работы.

Солнце уже скрылось за изгородью. Загрохотал барабан, возвещая, что пора сдавать экзаменационные тетради. Ван Хак подсчитал подчистки, исправления, пропуски и заглянул в палатку к Дык Тиню.

— Ну, как у тебя дела? Скоро кончишь?

— Всего три строки осталось,— похвалился тот.— Вы тоже заканчиваете?

— Я уже почти закончил.

— Тогда, пожалуйста, подождите меня, пойдем вместе.

Барабан гремел все настойчивей. За оградой слышался цокот конских копыт и топот слонов — это разъезжал дозор. На землю упали короткие зимние сумерки. К Палате десяти заповедей потянулись экзаменуемые, кое-кто начал уже сворачивать свои палатки.

Ван Хак сложил в сундучок бумагу, кисти, тушь.

— Беда! Беда! Я погиб! — услышал он вдруг горестные причитания своего подопечного.

Оказывается, во фразе: «Ныне здравствующий госу-

дарь наш мудр, прекрасен и воплощает в себе силы небесные»,— последние четыре слова бедный неуч повторил дважды.

— Может, я сотру лишние четыре слова и напишу вместо них другие? — спросил он.

— Вырви лучше всю страницу. У тебя и так слишком много подчисток и исправлений. За это недолго в тюрьму угодить. Потому что могут подумать, будто ты сделал их нарочно, чтобы таким способом подать знак какому-нибудь экзаменатору.

Ван Хак быстро переметнулся из своей палатки в палатку соседа.

— Дай-ка я посмотрю, где ты ошибся.

К счастью, дело было поправимо. Ван Хак велел Дык Тиню вырвать испорченный лист, на котором тот успел написать всего неполных пять строк, а потом, взяв в руки черновик, успокоил растерянного собрата:

— Я буду тебе диктовать. Главное — не спеши! Сейчас подали только первый сигнал к сдаче работ. Осталось еще два. Совсем стемнеет — зажжем свечу. Не бойся. Слышишь?

Дык Тинь немного успокоился и принялся прилежно выводить знаки под диктовку Ван Хака.

Становилось все темней, и наконец на экзаменационное поле опустилась полная темнота. Ван Хак велел Дык Тиню высечь огонь и зажечь свечу. Держа в одной руке свечу, в другой — черновик, он диктовал своему горе-напарнику, внимательно при этом следя, чтобы тот не наделал еще ошибок. Ван Хак не начинал нового слова, не убедившись, что предыдущее написано верно. Особо трудные места он пояснял.

Загремел второй сигнал. Дык Тинь вывел слово «слушайте» и собрался писать дальше, но Ван Хак схватил его за руку и проговорил встревоженным шепотом:

— Какой ты невнимательный! Это «слушайте» надо было вынести во вторую строку.

— Как? Зачем? — всполошился Дык Тинь.— В других-то случаях мы не выносили, например, в самом начале. Там ведь тоже было «слушайте».

— Ах, неужели не видишь разницы?! В начале сочинения это слово относилось к ученым мужам, а здесь — к государю, потому, если не вынести этот знак во вторую строку, тебя могут обвинить в недостатке почтительности к императору. За такое крепко бьют.

— И чего только не выдумают!

Вынеся слово «слушайте» во вторую строку, Дык Тинь перелистал тетрадь, сосчитал подчистки, исправления, зачеркнутые места и в точности указал их количество.

Наконец он мог с облегчением перевести дух и принялся разбирать палатку, привязывать топчан. Ван Хак решил бросить свои пожитки, он прихватил только сундучок и бамбуковый футляр со свитком.

Сдав в Палате десяти заповедей тетрадь, Ван Хак легким шагом направился к постоялому двору. На душе у него было так радостно, словно ему удалось избежать какой-то смертельной опасности.

XIII

Всю прошлую ночь Ван Хак и Док Кунг отсыпались всласть.

После целого дня, проведенного на экзаменационном поле, после всех треволнений и тягот молодые люди дали хороший отдых глазам и проснулись лишь в полдень. Доан Банг и Тием Хонг собрались в родную деревню — порадовать родных своими успехами на экзамене, а Ван Хак и Док Кунг, вспомнив о четырех слитках серебра, которые им преподнес Чан Дык Тинь, поспешили на улицу Бамбуковых верш.

Здесь, в красных теремах, как и на постоялом дворе, к ним, прошедшим три тура экзаменов, относились куда с большим почтением, чем накануне первого тура. Их радостно приветствовали старые знакомые — певички Фыонг и Кук, две красотки, одна лучше другой. Их встреча после двадцатидневной разлуки была еще горячей, чем первая, когда они только-только познакомились.

Еще по пути на улицу Бамбуковых верш Ван Хак дал обещание, что они вернутся на постоялый двор сразу после первой стражи. Однако, очарованные нежностью своих подруг, юноши не нашли в себе сил противиться соблазну. Они и не заметили, как пролетело семь дней и ночей в приятных забавах и развлечениях. Самыми приятными были, пожалуй, вечер и ночь со второго на третий день.

В ту ночь небо было безоблачным, в холодном воздухе разливался ясный свет полной луны, выплывшей на востоке. Док Кунг, вдохновившись удачной шуткой Ван Хака, велел Фыонг, Кук, еще нескольким девушкам и одному

музыканту захватить лютни, барабан, трещотки. Потом всей компанией они направились к берегу реки. К ним присоединилось еще несколько учеников наставника из Тиенкиеу. У паромной переправы они наняли на всю ночь две большие лодки. Ван Хак и Док Кунг послали лодочников в лавку за вином и закусками, уложили снедь в лодки, потом отчалили и поплыли вниз по течению в сторону Донтхюи. Лодки мерно покачивались на ласковых волнах, отливавших серебром в лунном сиянии. Воды неглубокой реки до самого дна высвечивались призрачным светом, и сидевшим в лодках казалось, что они плывут по безбрежному золотистому морю. Зазвенели струны лютен, защелкали веселые трещотки, полилось пение певиц. Временами пение прерывалось взрывами смеха. Док Кунг был в ударе, он читал стихи, качая в такт головой.

Вода — словно одна полоса шелка,
Земля эта — то же ровное небо.
Что, если б, пользуясь светлой луною,
Взор — в цветы, сесть в ладью, где вино [1].

— Не правда ли, друзья,— проговорил Док Кунг,— нынешняя ночь напоминает ту, о которой писал славный поэт Ли Бо [2]? Очевидно, он, как и мы, был большим любителем погулять.

Юноши и девушки в лодке повторяли строки из стихотворения, а потом упросили Ван Хака и Док Кунга сочинить песню. Ван Хак начал:

Сплав реки и неба — синий-синий цвет,
Мне не различить их — перехода нет.
Посреди просторов плавает луна —
Светом озаряет лодочки она.
А волнам навстречу лютня шлет привет...

Док Кунг подхватил:

И напев прекрасный слышится в ответ.

Ван Хак перебил его:

Раз гулять охота, знай себе гуляй,
Жизнь промчится мигом, друг мой, поспешай.

Оба студента еще раз прочитали певицам Фыонг и Кук

---

[1] Перевод стихов акад. В. М. Алексеева.
[2] Ли Бо (701—762) — китайский поэт.

слова вновь сочиненной песни, потом повторили с ними и попросили спеть. Вина было вдоволь, песни взмывали ввысь в лад звукам лютни и трещоток. Чем больше песен звучало, тем чаще приходилось наполнять чарки.

На улицы города спустилась сонная тишина. Спокойно катила свои воды река. Вдоль берегов лодки и плоты застыли, словно спящие утки. Ван Хак, сидя под навесом и поглядывая то на темные берега, то на искрящиеся воды, предавался блаженному покою. Ему казалось, что во всей вселенной только они да полная луна не ведают сна.

В этот момент Фыонг кончила напевать оду Су Ши «Красная стена» [1] и сразу же завела песню «Пипа́» на слова Бо Цзюйи [2]. Док Кунгу это очень понравилось, и он произнес восхищенно:

— Слушать в лодке эти две песни — особое наслаждение! Не знаю, испытывал ли его кто-нибудь до нас.

— Легко догадаться, что мы не первые,— промолвил Ван Хак.— В доброе старое время певицы не имели своих теремов, как теперь, и те, кто хотел насладиться их пеньем, но не мог почему-либо пригласить их к себе в дом, по большей части пускались вместе с ними в плаванье на лодках. Именно на реке, наслаждаясь пеньем певиц, ученые мужи поняли, что нет лучших песен для такого случая, чем «Пипа́» и ода «Красная стена». Они перевели эти произведения с китайского и положили на музыку. Впоследствии певцы и певицы с дурным вкусом стали исполнять эти песни в своих теремах, не понимая истинной их красоты. Сами посудите, можно ли во всей глубине ощутить прелесть таких вот строк, если ты слушаешь их, сидя не в лодке, а в доме:

Но нам не приносит веселья хмель:
гнетет нас близость разлуки.
В минуту прощанья бескрайней волной
река луну затопила.

Или:

И в лодках недвижных, в одной и в другой,
царит тишина немая...
Мы видим, как в лоне осенней реки
белеет луны сиянье [3].

---

[1] Су Ши (1036—1101) — китайский поэт.
[2] Бо Цзюйи (772—846) — китайский поэт.
[3] Перевод Л. З. Эйдлина.

Близился рассвет. Высоко поднялась в небе луна. Ее свет, озарявший речное дно, сиял ярко, подобно солнечному. Все захмелели, но без устали продолжали подливать друг другу вина. Наконец, совсем опьянев, вся компания улеглась вповалку и заснула мертвым сном прямо в лодках.

Утром Ван Хак проснулся первым. Он глянул на своих товарищей, спавших в обнимку среди опрокинутых блюд и чарок, и понял, что вчерашняя попойка удалась на славу. Вид на реку утром был далеко не так прелестен, как ночью. С недоумением оглядевшись, юноша сквозь густой туман узнал все-таки окрестные места: их отнесло почти до самой пристани Батчанг.

Лодочники и певицы все еще сладко спали. Ван Хак растолкал кормчего и велел грести обратно, к паромной переправе в городе.

Когда наконец они добрались до места, солнце уже высоко стояло над головой. Ван Хак хотел было вернуться на постоялый двор, но певицы наотрез отказались отпускать его, да и Док Кунг с друзьями тоже горячо его уговаривали. И пришлось Ван Хаку опять отправиться на улицу Бамбуковых верш. А там ликовало молодое разгулье. Ночью бодрствовали, днем спали. Пожалуй, если б не страх перед братьями, которые наверняка уже вернулись из деревни, Ван Хак и Док Кунг еще неизвестно сколько оставались бы в доме у певичек.

К счастью, наши повесы успели прийти на постоялый двор незадолго до возвращения старших братьев Ван Хака. Доан Банг и Тием Хонг подозрительно косились на их осунувшиеся лица и припухшие глаза — свидетельства бурно проведенных бессонных ночей, но сделали вид, что ничего не замечают.

Весь день Док Кунг и Ван Хак чувствовали себя разбитыми, но они стоически боролись со сном, даже всячески старались показать старшим братьям, что они бодры, споровисты, веселы. Зато едва стемнело, они повалились в постель и заснули мертвым сном.

Солнце уже ярко сияло, Доан Банг и Тием Хонг успели выпить целый чайник китайского чая, а двое молодых гуляк все еще сладко почивали, уютно свернувшись калачиком под ватными одеялами. Слышалось их равномерное дыхание.

Тием Хонга этакая беспечность выводила из себя, и он собрался было стянуть с двух молодцов одеяла, но Доан Банг предостерегающе замахал руками:

— Пусть отоспятся. Видно, в наше отсутствие немало ночей провели без сна. Если они не выспятся сегодня и не восстановят силы, завтра на экзамене им придется скверно.

И братья от нечего делать опять занялись чаепитием.

Солнечные лучи заиграли на коньке крыши соседнего дома. Ван Хак повернулся на бок и пробудился. Свет бил ему прямо в глаза, он понял, что время позднее, отбросил одеяло и растолкал Док Кунга.

Хотя Доан Банг и Тием Хонг ничем не выражали своего неудовольствия, Ван Хак чувствовал некоторое смущение. Он вышел на галерею и приказал слуге, чтоб подал воду для умыванья. Док Кунг, неловко пытаясь оправдаться, пошутил:

— О! Оказывается, еще совсем рано. А я-то думал, что полдень скоро.

Доан Банг усмехнулся:

— Да, такая рань! Солнце только поднялось над вершиной горы. Подремали б еще малость, уважаемые. Куда вам торопиться?

Но Док Кунга не так-то просто сбить с толку, и он ответил строгому брату своего друга стихами:

И люди не могут жить в тишине,
А жить им немного лет[1].

Затем неспешно обулся и умылся теплой водой, которую принес слуга.

Сегодня был день объявления результатов предпоследнего тура экзаменов. По этому случаю на постоялом дворе завтрак подали раньше обычного, чтобы у гостей было время для бесед друг с другом.

На сей раз хозяин превзошел самого себя — всю душу вложил в поварское мастерство: завтрак удался на славу и не шел ни в какое сравнение с тем, что подавалось после первого и второго тура экзаменов. Хозяин старался добиться расположения постояльцев, показывая чудеса кулинарного искусства.

Разлили вино. Доан Банг, перед тем как поднять чарку, подсказал тему для беседы:

— Вот мы пьем, гуляем — словом, не знаем никаких забот, а ведомо ли вам, как трудно приходится сейчас

---

[1] Перевод стихов Ли Бо А. Гитовича.

господам экзаменаторам, в особенности из предварительной и повторной экспертизы?

Док Кунг, поднимая чарку, спросил:

— Почему это?

Доан Банг, пригубив вино, ответил:

— У господ экзаменаторов незавидная участь. Согласно правилам, в Ханое, например, для принятия экзаменов назначают главного экзаменатора и помощника, двух цензоров, двух распорядителей и, кроме того, десять чиновников второй экспертизы и двадцать чиновников предварительной. Жалованье им платят не помесячное, а только за время экзаменов. От начала до завершения всех дел главный экзаменатор получает пятьдесят куанов деньгами и десять фыонгов[1] белого риса, помощник — столько же риса и сорок пять куанов деньгами. Цензорам положено по тридцати пяти куанов и по восемь фыонгов риса, чиновникам второй экспертизы — по двадцать пять куанов и по пять фыонгов риса. Самые бедные из них — чиновники предварительной экспертизы: им дают по двадцать куанов и по четыре фыонга риса.

— Ученые мужи на траты обычно скупятся,— прервал Док Кунг.— Двадцати куанов вполне достаточно на срок немногим более, чем месяц.

Доан Банг покачал головой:

— Деньги-то они получают, но, пока идут экзамены, потратить не могут ни единой монеты. Почему, спросите? Да потому, что перед началом экзаменов строят дом, крытый пальмовыми листьями, где для каждого экзаменатора выделена отдельная комната. При ней есть кухня, огромный кувшин с водой, котелки — словом, вся необходимая утварь. Комнаты между собой не сообщаются, с четырех сторон — глухие стены и изгороди. Когда начинаются экзамены, всех чиновников предварительной и второй экспертизы, а также цензоров помещают в эти покои, снаружи запирают двери на замок, а ключи передают главному смотрителю. Лишь по окончании экзаменов двери отпирают и выпускают чиновных господ на волю. Вот потому я и говорю, что денег они тратить не могут.

— А откуда ж эти чиновники берут пищу? Что они едят? — опять спросил Док Кунг.

---

[1] Фыонг — старинная мера сыпучих тел, около двадцати литров.

— Наверное, их кормят по распоряжению губернатора. Как же иначе,— проговорил Тием Хонг.

— Правильно! — кивнул Доан Банг.— Все, что надо из провианта для господ экзаменаторов, доставляют по губернаторскому приказу из местных хранилищ и за счет казны. Не знаю, как живется начальникам, но мелкая сошка отнюдь не роскошествует. Младшие чиновники ежедневно получают либо по два ланга [1] свинины, либо по две креветки. Раз в три дня им выдается склянка с рыбным соусом и малость соли. Рассудите сами, будешь ли сыт от такой скудной пищи, а тут еще — сочинения проверяй. Приятного мало. Набирают их из числа учителей. В прежние времена мой учитель, кынян, попал в такую вот передрягу, его призвали на экзамены чиновником второй экспертизы. Отправлялся он из родных мест крепким, румяным — одним словом, был мужчина в теле, а вернулся бледный, изможденный. Да и в самом деле, если месяц с лишним жить впроголодь, не то что с тела спадешь, еще чахотку нажить можно.

Док Кунг зацокал языком, так ему стало жаль бедных чиновников, а Доан Банг, отхлебнув еще добрый глоток, продолжал:

— И скудная пища — это еще не самое страшное! — Он взял трубку, набил ее табаком и закурил.— Беда вот в чем: мелкие чиновники сидят, как арестанты, в своих комнатках. Притащит водонос воды, нальет в большой кувшин — опять на запор. В изгороди вокруг дома есть крошечные окошки: по утрам служитель из свиты главного смотрителя через них подает продукты повару, который и готовит для экзаменаторов.

Тиен Хонг добавил:

— Того, кто вздумает поживиться за счет этого пайка, ждет строгое наказание. Наставник мой рассказывал, что в тот год, когда его призвали на экзамены, случилось так, что при раздаче пайков одна креветка оказалась лишней. Служитель пожадничал да и съел ее. Об этом тут же кто-то доложил начальству, и бедняге всыпали три десятка палок. Сурово расправились — ничего не скажешь. Но тяжелей всего приходится мелким чиновникам после третьего и четвертого тура. Пока идет первый тур, второй, им скучать не приходится. Животы подводит от голода — это да, но не

---

[1] Ланг — старинная мера веса, равная тридцати семи граммам.

скучно. Студентов много, экзаменационных работ — тоже, сиди себе и делом занимайся. Когда же идет третий и четвертый тур, то экзаменационных тетрадей поступает мало, час-другой поработал — и делать нечего. А попробуй только выйти из своей комнаты! Со скуки чиновники не знают, куда себя девать. Один, говорят, играл со своим слугой в чехарду.

Ван Хак опустил чарку с вином на поднос.

— Если случится, что меня определят в экзаменаторы, я велю своей жене переодеться слугой...

— Мне наставник мой рассказывал,— опять заговорил Доан Банг,— как нечто подобное учинил в прежние времена один чиновник из второй цензуры. Он нанял певичку, нарядил в мужское платье, приказал взять в руку кальян, шкатулку и под видом слуги сопровождать его. Не знаю как, но об этом прознало начальство. Наказали, конечно, сластолюбца сурово. Его, кажется, судили за обман монарха.

В это время в комнату вошел хозяин постоялого двора.

— Почтенные господа,— спросил он,— а для чего некоторые искатели на экзаменах пускаются на обман и приписывают себе чужих предков? Я так разумею: хоть мои предки ничем и не были замечательны, но они мои. Для чего же отрекаться от них?

Доан Банг пригласил хозяина присесть и выпить с ними чаю, а сам начал рассказ:

— На такую крайность, как приписывание себе чужих предков, люди пускаются в редчайших случаях. По законам нашего государя, те, кто служил чиновником у тэйшонов[1], или разбойничал, или был замешан в мятежах, конечно, несут тяжелое наказание. Но даже после их смерти считается, что преступление свое они еще не искупили сполна. Их кровным братьям, а также трем поколениям потомков запрещено участвовать в экзаменах. А как, допустим, быть юноше, преуспевшему в учении, если его предки замешаны были в каких-то темных делах? Вот он и решается приписать себе чужих предков и идет сдавать экзамены. Теперь эти случаи не так уж часты, а вот в старые времена, вскоре после восстания тэйшонов, такое случалось нередко.

---

[1] Тэйшоны — участники крупнейшей крестьянской войны во Вьетнаме (1771—1802).

— Да,— сказал Ван Хак,— в детстве мне доводилось слышать одну любопытную историю. Сейчас я не помню имени того несчастного, знаю только, что жил он в одной из северных провинций. Поскольку дед его когда-то служил чиновником у тэйшонов, сдавать экзамены ему было запрещено. А был этот юноша умен, талантлив и образован, мечтал о том, чтобы верой и правдой служить государю и народу. Вот и стал он добиваться ученой степени и права поступить на государственную службу. Случись тому бедолаге провалиться на экзаменах — его дерзкий проступок сошел бы ему с рук. Но сумел он в честной борьбе выйти победителем и получил степень кыняна. И представьте себе, нашлись такие подлые людишки, из его же деревни, которые из зависти, видать, настрочили донос в главный город провинции. Хотя провинциальные чины, знавшие ум и образованность молодого кыняна, высоко ценили его, но дело стало явным, и пришлось дать ему ход.

Ван Хак остановился, хлебнул вина из чаши и продолжал:

— Губернатор арестовал доносчиков, а папку с делом о присвоении чужих предков отправил в столицу, написав сопроводительную бумагу, в которой просил двор о великой милости и снисхождении к талантливому простолюдину. Вскорости это дело вернулось с резолюцией, начертанной важными персонами государства: «Присвоение себе чужих предков ради допуска на экзамены есть нарушение сыновней почтительности и верности государю, а человек, изобличенный в отсутствии сих великих добродетелей, не может претендовать на государственную должность».

Ван Хак хотел еще что-то добавить к своему рассказу, но тут в ворота вбежал запыхавшийся мальчик-слуга.

— Почтенный господин! — выкрикнул он.— Я сам, своими глазами видел, что у ворот экзаменационного поля выставили доску с именами!

— А видел ли ты на доске наши имена? — спросил Доан Банг.

— Господа, простите, но я не знаю грамоты,— с трудом переводя дух, ответил мальчик.

Хозяин постоялого двора с довольным видом проговорил:

— Прошу вас, господа, продолжайте спокойно пить вино. Я сам сейчас сбегаю, посмотрю. Уверен, что вы все

четверо допущены к четвертому туру. Готов поручиться за это.

С этими словами он резво выбежал за ворота. Компания в ожидании новостей продолжала свое застолье.

Спустя примерно полчаса, тяжело отдуваясь, возвратился хозяин.

— Ну, кто из нас прошел в заключительный тур? — с нетерпеньем спросил Ван Хак.

Хозяин радостно улыбнулся:

— Я был прав, господа! Как я предсказывал, так оно почти и вышло. Все три старших господина сдали третий экзамен. Только вот господин Кунг...

— А что Кунг? Что случилось? — насторожился Ван Хак.— Неужели оказался на позорной доске?

Хозяин замялся и замолчал. После настойчивых расспросов он наконец нерешительно произнес:

— Да, на малой доске я видел имя Буй Док Кунга. Но я не уверен, наш ли это господин Кунг, потому что очень торопился и не разобрал, из какой провинции родом тот Кунг.

Ван Хак решил, что не следует раньше времени впадать в отчаяние, и перешел на шутливый тон:

— Какой же еще может быть Кунг, кроме тебя? За все время экзаменов я вроде видел на доске только одного Буй Док Кунга.

Он посмотрел в лицо приятелю.

— Выходит, доигрался. Допрыгался до почетной степени гордеца и упрямца. Но два тура прошел — тоже неплохо. А на самом ли деле ты провалился, мы еще посмотрим. Ой, боюсь, полетит твоя головушка с плеч!

Док Кунг принял этот шутливый тон.

— Да ты на себя лучше погляди. По-моему, ты заносчивей меня в два раза. Если уж моей голове суждено покатиться с плеч, то и твоя на месте не останется.

Доан Банг недовольно нахмурил брови, Тием Хонг сурово обронил:

— Подобные речи подобают невежественным простолюдинам. Нам же, ученым и книжникам, знатокам церемоний, должно выражаться изысканнее.

Ван Хак и Док Кунг умолкли, а потом перевели разговор на другое. Доан Банг, видимо, расстроенный новостью, которую принес хозяин постоялого двора, попросил Док Кунга почитать сочинение, чтобы найти ошибку, которая могла коварно прокрасться. Док Кунг поставил чарку на

поднос, достал из шкатулки черновик и приступил к чтению. Все хвалили слог и смысл, и никто не находил в сочинении ничего подозрительного. Все решили, что хозяин просто ошибся. Но это мало успокаивало Док Кунга, его мучила тревога.

— Не волнуйтесь,— успокаивал его Тием Хонг.— За такое сочинение вам не могли не поставить «превосходно». По-моему, в сочинении нет ни одного предосудительного иероглифа.

Дон Кунг ответил с напускной бравадой:

— Если даже я и провалился, то, по крайней мере, за свою свободу могу не опасаться.

Компания просидела за вином еще с полчаса, все четверо захмелели. Доан Банг первый отставил чарку. Его примеру последовали остальные. К этому времени солнце высоко поднялось над крышей соседнего дома. Хозяин принес блюдо поджаренных тыквенных семечек и поставил рядом с подносом для чайных чашек.

— Позвольте пригласить вас, господа, испить чаю. Конечно, вы все четверо получите ученые степени. Это редкостная удача для моего заведения. Ни одному постоялому двору еще не выпадало такое счастье.

— Давайте не будем опережать события,— прервал его осторожный Доан Банг.— Дождемся лучше результатов последнего тура.

— Ну конечно же, конечно,— поспешно согласился хозяин.— Я просто полагаю, что коль скоро вы допущены до четвертого тура, то успех обеспечен.

Доан Банг отрицательно покачал головой.

— Скажи вы такое в прежние годы, пожалуй, были бы правы. Экзаменуемые во время последнего тура писали всего лишь одно стихотворение. Это делалось только для сравнения почерка: чтобы установить, написаны ли предыдущие сочинения той же самой рукой. Раньше число соискателей степеней, допущенных к заключительному туру, почти соответствовало числу лауреатов. Например, на экзаменах в Ханое разрешалось присвоить степень кыняна двадцати пяти соискателям, а посему к четвертому туру допускалось человек тридцать, не больше. Это превышение на пять человек делалось в надежде на особое дозволение государя. Вы, конечно, знаете, что сверх положенных двадцати пяти государь мог позволить наградить степенью кыняна еще двух-трех человек. Поэтому все, кому удалось успешно пройти три испытания, считали, что ученая сте-

пень если не кыняна, то по крайней мере тутая им обеспечена. Старцы рассказывают, что некоторые, явившись на последний экзамен, так одуревали от счастья, что не могли написать ни слова, а ведь надо было сочинить целое стихотворение на тему, предложенную главным экзаменатором. Тогда им подсказывали сами чиновники из экзаменационной комиссии. И таких студентов тоже увенчивали учеными степенями. Проваливались только те, кого угораздило написать запрещенные иероглифы.

— А разве сейчас не так? — спросил хозяин постоялого двора.

Доан Банг сделал затяжку и ответил:

— Теперь, увы, все не так. С предыдущих экзаменов порядок совершенно изменился. Заключительный тур стал таким же, как все остальные. Любой студент, который на каждом из трех туров получил оценку «посредственно с внешней стороны», участвует в конкурсе. К примеру, в этом году на экзаменах в Ханое двадцать четыре человека должны получить степень кыняна, но по окончании трех туров пятьсот человек имеют оценку «посредственно с внешней стороны», значит, все они тоже будут участвовать в последнем туре.

— А что это за странная такая оценка: «посредственно с внешней стороны»? — недоуменно спросил хозяин постоялого двора.

Тием Хонг принялся объяснять:

— «Посредственно с внешней стороны» — это оценка, которая выставляется главным экзаменатором, или его помощником, или распорядителями. Согласно установлениям династии Нгуенов, экзаменационная комиссия делится на две части: чиновники предварительной и второй экспертизы, а также цензоры — это «внутренняя» часть комиссии; а распорядители, главный экзаменатор и его помощник — «внешняя». Вы спрашиваете, почему части называются «внутренняя» и «внешняя»? Очень просто: «внутренняя» часть комиссии живет прямо на территории экзаменационного поля, а «внешняя» — вне его. Только и всего. На каждой экзаменационной тетради должно стоять четыре печати. Сначала ее смотрит чиновник предварительной экспертизы, потом — второй экспертизы, а затем — цензор. После этого тетрадь передается во «внешнюю» часть. При этом тетради делятся на два разряда: с отметками «превосходно», «посредственно» и «очень посредственно» попадают к главному экзаменатору или его помощнику, а с от-

метками «скверно» — к распорядителям для окончательного решения. Но понятно, что окончательное решение зависит от «внешней» части комиссии. Их отметки являются главными, на них только и обращают внимание. Потому считается, что в заключительный тур никто не попадает, если он не получил хотя бы одного «посредственно с внешней стороны» или, еще лучше — «превосходно с внешней стороны». Без таких оценок никакие «превосходно», поставленные «внутренней» частью комиссии, не помогут.

— Я слышал, что в одной из северных провинций какой-то тутай погиб из-за того, что ему не хватило единственного «посредственно с внешней стороны». Не правда ли, ужасно? — воскликнул Ван Хак.

Помолчав немного, Ван Хак продолжал:

— Тутай этот славился умом и образованностью, степени добился в двадцать лет. Учился он в Ханое, и многие здесь знали его и восхищались его талантом. В тот год он сдавал экзамены и на трех первых турах помогал писать сочинения одному своему земляку, который в учении не очень-то был силен. Но получилось так, что земляка допустили к заключительному туру, а молодого тутая — нет. В день оглашения имен лауреатов выяснилось, что земляку присвоили степень кыняна, правда, он был последним в списке, а талантливый юноша стал вторично тутаем. Он был седьмым по списку, то есть опередил многих из тех, кто был допущен к заключительному туру. Когда экзамены закончились, какой-то служитель из любезности показал нашему тутаю его сочинения. Оказалось, что на всех трех сочинениях «внутренние» оценки были хорошие, а «внешняя» часть комиссии их неизменно занижала. Потому-то юношу и не допустили к заключительному туру. А когда устанавливали порядок имен в списке, то получившие больше хороших оценок заняли первые места. Ведь большинство преуспевших имели всего одну-две оценки «посредственно», а остальные — «очень посредственно», у нашего же тутая оценок «посредственно» было девять, поэтому он и оказался в списке на одном из первых мест. Увидев свои тетради, юноша так опечалился, что его одолела тоска, пустился он в разгул, пил днями и ночами да играл в тотом. Четыре месяца длился этот загул, бедняга все худел и бледнел, пока не начал харкать кровью. Вскоре он умер. Все очень его жалели.

— Вот и посудите сами,— сказал, обращаясь к хозяи-

ну, Доан Банг,— можно ли быть уверенным в успехе, идя на четвертый тур?

Солнечные лучи осветили середину галереи. На кирпичном полу засияла золотая дорожка.

Ближе к полудню, надев головные повязки и принарядившись, Док Кунг, Ван Хак и его братья отправились к экзаменационному полю. А хозяин постоялого двора побежал раздобыть вина для вечерней трапезы.

XIV

Солнечный свет струился сквозь переливчатую зелень крон. То гурьбой, то в одиночку шли по улицам Ханоя искатели ученых степеней. Одни возвращались с экзаменационного поля, другие деловито направлялись туда. Ван Хак с братьями и его друг Док Кунг влились в общий поток. Поскольку все они уверились в том, что произошло какое-то недоразумение, то поначалу даже не стали подходить к малой позорной доске, а пошли к задним воротам, где на сей раз был выставлен только один список победителей. Хотя оставался всего лишь один тур, но к нему допустили более сотни студентов. Первое, что бросилось в глаза,— это имя Доан Банга — оно возглавляло список. Все четверо от радости захлопали в ладоши. Несколько ниже стояло имя Ван Хака и почти в самом конце — Тием Хонга. Имени Док Кунга в списке не оказалось, хотя молодые люди несколько раз все внимательно просмотрели. Теперь бедняге по-настоящему стало не по себе. Вся компания сникла.

— Не иначе как я попал на позорную доску,— стараясь не выдать огорчения, проговорил Док Кунг.

— Не может быть. Этого не могло случиться! — запротестовал Доан Банг.

Ван Хак и в этой ситуации не удержался от того, чтобы не поддеть друга:

— Как не могло случиться? Нет ничего легче, как попасть на позорную доску: чуть ошибся — и все.

Компания, не сговариваясь, двинулась к доске.

До чего же она была неказистой, эта позорная доска! Она представляла собой какой-то обломок плетня, неровно побеленный известью и похожий на кровлю надгробья. В ширину немногим более трех пядей, а в длину — три

тхьюка, она висела под низеньким навесом на уровне головы.

Едва взглянув на эту неприглядную доску, Ван Хак воскликнул дрогнувшим голосом:

— И впрямь беда! Вон имя Док Кунга!

Все, пораженные, уставились на доску. Там значилось десять с лишним имен. Одни были наказаны за употребление запрещенных иероглифов, другие заполнили в экзаменационной тетради слишком мало листов. Словом, за каждым числился свой проступок. Имя Док Кунга было проставлено в самом центре доски, и внизу мелкими письменами указывалось: «родом из деревни Чуклам Ханойской провинции», а также значилось примечание: «Допустил запрещенное сочетание иероглифов».

При виде этого все четверо побледнели.

— Наверное, ты все же нарушил в сочинении какие-то правила,— тихо произнес Ван Хак.— Может, употребил знаки, которые совпадают с обозначениями государевых дворцов или усыпальниц. Порой и такое случается.

— Быть не может! —с уверенностью проговорил Док Кунг.— Я несколько раз перечитывал черновик.

— А не допустил ты оплошности при переписке с черновика? — высказал догадку Ван Хак.

— Нет,— решительно ответил Док Кунг.— Беловик не отличается от черновика ни единым иероглифом. Черновик я писал разве что немного быстрее — вот и все различие. Даже манера письма одинаковая — и тут и там — «лапки феникса».

— Коли так,— вставил свое слово Тием Хонг,— то надо, не откладывая, писать жалобу и просить господ экзаменаторов разобраться.

— Нет, жаловаться я не люблю,— протянул Док Кунг.— В этот раз засыпался, зато на следующих экзаменах повезет.

— Конечно, вы по-своему правы,— вымолвил Доан Банг.— Но учтите, репутация соискателя, которого угораздило попасть на малую доску, может и пострадать. Иногда случается, что из-за этого попадает начальнику учения в округе. Потому я и думаю, что надо бы написать жалобу и избавиться от незаслуженных упреков.

— Правильно! — вмешался Ван Хак.— Но давайте-ка прежде еще раз внимательнее посмотрим черновик, чтобы быть совершенно уверенными в своей правоте.

Тием Хонг согласился, и все четверо отправились об-

ратно на постоялый двор. По дороге им повстречалось несколько знакомых, которые уже прослышали о неприятности, постигшей Док Кунга. Всем не терпелось узнать о подробностях, но каждый их вопрос был подобен для юноши удару копьем. И он, не зная, как отвечать, лишь улыбался.

На постоялом дворе Доан Банг сразу же взял черновик у Док Кунга и принялся его перечитывать. Все четверо поочередно склонялись над черновиком, но не находили ни одного серьезного промаха. Когда очередь дошла до Ван Хака, он тоже сначала не увидел ошибки, но на всякий случай перечитал еще раз. И, ткнув пальцем в одну из строк на четвертой странице, воскликнул:

— Вот, полюбуйтесь-ка. Нарушение правил! Запрещенное сочетание знаков!

Все уставились на место, которое указывал Ван Хак. Там значилось: «Правление династии Тан продолжалось триста лет! Благолепие!» Только сейчас все заметили в этой строке нарушение правил. Док Кунг нервно забарабанил пальцами по топчану.

— Эх! Скверное мое дело! — вырвалось у него.— Мы вчетвером с самого утра искали ошибку и едва сумели найти ее. А экзаменаторы, проверяющие работы второпях, сразу же углядели. Чудеса! Хоть и провалился я на экзаменах, но экзаменаторами, право же, от души восхищаюсь.

— Ничего, не горюйте,— попытался утешить его Доан Банг.— Вы еще молоды, полны сил. Не в этот раз, так в следующий вы добьетесь ученой степени. Самое главное — не падать духом.

— Я нисколечко не горюю,— хорохорился Док Кунг.— Я слышал, что Лян Сяо в восемьдесят два года стал первым лауреатом, а мне всего-навсего двадцать один. Еще все впереди. Правда, при нынешней династии Нгуенов[1] звание первого лауреата дворцовых экзаменов отменено.

— Я думаю, что тебе еще улыбнется удача, если, конечно, знаниями ты не уступишь другим студентам,— слегка подколол друга Ван Хак.

— Тебе еще самому предстоит добиться успеха,— отпарировал Док Кунг.— Неизвестно, может, именно ты окажешься слабее других.

---

[1] Династия Нгуенов правила во Вьетнаме с 1802 по 1945 г.

Ван Хак не успел ответить задиристому приятелю, как в дверях показался хозяин постоялого двора.

— Я занят был, хлопотал на кухне,— вежливо обратился он к студентам,— не успел вас порасспросить. Скажите, пожалуйста, какие вы принесли новости? Конечно, все вы прошли в заключительный тур?

Док Кунг, указав на Ван Хака и его братьев, ответил:

— Этих трех господ можно поздравить. А я... я срезался. Правильно вы утром сказали: я попал на позорную доску.

Хозяин задумался, отыскивая слова утешения для Док Кунга, но они как-то не сразу пришли ему на ум. Тем временем за воротами раздался громкий голос:

— Здесь ли остановился многоуважаемый наставник Буй Док Кунг?

— Кто может меня так спрашивать? Издевается он, что ли? — пробормотал Док Кунг.— Видно, этот тип думает, что я, узнав о провале, поспешил убраться восвояси.— И он громко добавил: — Да, да, многоуважаемый наставник еще здесь. Можете смело войти.

Хозяин постоялого двора поспешил навстречу гостю. Это был не кто иной, как наш старый знакомый Чан Дык Тинь.

Отпрыск знатного рода, преисполненный важности и самодовольства, вошел в дом. В нем не осталось и следа от былой робости и сознания собственного невежества. Доан Банг и Тием Хонг удивленно уставились на горделивого гостя.

Все поднялись и поклонились ему. После того как Док Кунг представил ему присутствующих, Доан Банг пригласил Дык Тиня сесть.

— Как твои дела? Ты прошел в заключительный тур? — тихонько спросил Ван Хак нежданного гостя:

— Я провалился! — ответил Дык Тинь, не скрывая своего счастья.

Потом он обернулся к Док Кунгу.

— А у вас, я слышал, приключилась беда. Как такое могло случиться? Я видел ваше имя на позорной доске.

Док Кунг кисло усмехнулся:

— Ничего странного в этом нет: стоило чуть ослабить внимание — и сразу ошибка.

— Какая ошибка? Запрещенный знак?

— Нет, не запрещенный знак, а запрещенное сочетание

иероглифов,— удрученно произнес Док Кунг.— Надо же мне было написать такую фразу: «Правление династии Тан продолжалось триста лет! Благолепие!»

— Что же в этом предосудительного? Отчего вы попали на эту противную доску? — удивленно воскликнул хозяин постоялого двора.

— Не может быть, чтобы неприятности произошли из-за такой безобидной фразы. Наверное, причина в чем-то другом,— проговорил ему в лад Дык Тинь.

Док Кунг в ответ криво усмехнулся, а Доан Банг объяснил:

— Увы, именно из-за этой фразы, а не из-за чего-нибудь другого господин Док Кунг угодил на малую доску. Согласно указу императоров династии Нгуенов, участникам экзаменов запрещено использовать не только иероглифы, обозначающие имена государей, но и названия дворцов и усыпальниц в нынешней столице и ее окрестностях. К примеру, есть усыпальница Цепь небес, значит, такое сочетание знаков нельзя употреблять в сочинениях. Но это правило распространяется только на сочинения о древности.

Дык Тинь сделал вид, что он дока в экзаменационных делах.

— Это я, разумеется, знаю, но все же где нарушение правил во фразе, написанной многоуважаемым Док Кунгом?

— Вы не догадываетесь? В иероглифах «лет» и «благолепие»,— охотно разъяснил Доан Банг.

— Выходит, эти знаки тоже запрещенные? — спросил любопытный хозяин постоялого двора.

— Нет,— покачал головой Доан Банг,— не в том дело. «Лет благолепие» — это название какого-то дворца, кажется, того, в коем обитает престарелая матушка императора.

— Странно как-то,— с недоверием произнес Дык Тинь.— В этой фразе многоуважаемого Док Кунга сочетания слов «лет благолепие» я не заметил.

— А ты попробуй прочитай сам,— усмехнувшись, проговорил Ван Хак.

Дык Тинь прочитал, напряженно шевеля губами, и вдруг хлопнул себя по бокам:

— А! Вон оно что! Правда, есть! Но «лет» стоит в отдельной фразе, а «благолепие» — в особом восклицании. Я-то думал, что нарушением правил считается лишь

употребление сочетаний, а здесь знаки просто стоят рядом.

— Вот именно: стоят рядом! — вставил слово Тием Хонг.— В этом все и дело. Не стояли бы рядом — не было бы нарушения правил.

Хозяин с почтительным страхом щелкнул языком:

— О небо! Зачем же вводить такие сложности? Ведь избегать употребления сотен запрещенных иероглифов — одно это непомерная забота. О, я преклоняюсь перед теми, кто умудрился благополучно миновать все подводные камни.

— Это еще что! — прервал его Док Кунг.— Пожалуй, самым коварным является правило «особого почтения».

Дык Тинь и хозяин устремили взгляды на Док Кунга, ожидая интересного рассказа, а тот спросил у хозяина:

— Вы, конечно, знаете, что такое нарушение правила «особого почтения»? — И, не дождавшись ответа, продолжал:— Согласно этому правилу, все слова с неблагоприятным значением, ну, к примеру, такие как «свирепый», «темный», «ударять», «убивать», нельзя ставить перед знаками, которые обозначают государя, вроде «император», «властитель», «правитель», «монарх». Ведь в противном случае получаются словосочетания вроде «убивать монарха», «свирепый властитель». И хотя при этом студент не имеет в виду какого-то конкретного государя или говорит о беспутных китайских правителях, ему все равно засчитывается нарушение правила «особого почтения».

— И что же полагается за такое нарушение? — спросил хозяин.

Ван Хак с улыбкой взглянул на Док Кунга и ответил:

— Нарушившего ждет наказание более мягкое, чем того, кто употребил запрещенное сочетание знаков. Его не допустят к очередному туру — и все, но не станут выносить на позорную доску, как нашего почтенного Док Кунга.

Тием Хонгу не по вкусу пришлась эта насмешка в адрес товарища, и он постарался загладить неловкость брата.

— В прежние времена один тутай из Восточной провинции, близкий друг моего старшего брата, чуть было не пострадал за нарушение правила «особого почтения»,— начал рассказывать Тием Хонг.— Не помню уж, на каких экзаменах, в каком году это было, только дело дошло до

третьего тура. И в своем сочинении тот самый тутай написал: «Весна дает жизнь, осень убирает, императора деяния соответствуют воле небес». Господа экзаменаторы усмотрели крамолу в этой фразе. А цензор за тяжесть проступка потребовал строго взыскать с виновного; тот факт, что он имеет уже степень тутая, лишь усугублял вину. Хорошо, что главный экзаменатор оказался человеком великодушным, и дело ограничилось тем, что незадачливого тутая просто не допустили к четвертому туру.

Дык Тинь, который так и не уразумел, в чем же была провинность тутая, подступил с расспросами:

— В чем же он провинился? Где здесь нарушение правил?

— Неужели непонятно? «Убирает императора»! Вроде бы само по себе слово «убирает» никакого плохого значения не имеет, но в таком сочетании знаков каждый поймет в том смысле, что с императором поступают непочтительно.

Услышав это, хозяин постоялого двора вскочил с места и, сцепив пальцы рук, низко стал кланяться во все стороны:

— О небеса! Благодаренье предкам! Какое счастье, что я сызмальства был туп к ученью и пришлось мне бросить школу да заняться делом. Учись я малость получше, да взбреди мне в голову добиваться чиновных степеней, я бы всю жизнь только и делал, что нарушал правила да получал наказания! Слушаю я вас, господа, и прямо оторопь берет. Извините, я лучше на кухню пойду, потороплю с обедом.

Хозяин удалился. Док Кунг, которому, видно, надоели досужие разговоры, обернулся к Дык Тиню:

— Ты зашел просто проведать меня или дело у тебя есть ко мне?

Дык Тинь многозначительно улыбнулся:

— Я хотел пригласить вас где-нибудь весело провести ночку и развеять печаль. Ведь мы с вами теперь ровня — провалившиеся студенты.

— Много тебе признателен за доброту,— улыбнулся Док Кунг,— но мне сейчас совсем не до гульбы. Оставим до другого случая. Думаю, мы с тобой не в последний раз видимся.

Но Дык Тинь не отступал:

— Конечно, кому приятно срезаться на экзамене, тем более после трех успешно сданных туров. Мне тоже не по

себе. Может, настроение у меня еще хуже, чем у вас. Поэтому и надо, полагаю я, разгуляться да развеять тоску.

— Нет,— решительно отказался Док Кунг.— Я скверно себя чувствую. Еще одна бессонная ночь — и я с ног свалюсь. Ты меня извини...

Дык Тинь еще разок-другой попытался уговорить Док Кунга, но, увидев, что это бесполезно, встал и раскланялся с компанией.

Пришел слуга и, почтительно испросив разрешения, поставил поднос с вином и чарками на топчан.

Как и утром, явился хозяин, чтобы предложить гостям выпивку, и так же вежливо отклонил приглашение разделить трапезу.

Все четверо сменили платье, а уж потом сели к вину.

За чаркой Ван Хак время от времени вставлял веселую шутку, и хотя Док Кунг не скрывал своего огорчения, общая атмосфера застолья напоминала праздничную.

Солнце уже склонилось к западу. Обед завершился несколькими чашечками чая и бетелем. Наконец Док Кунг поднялся, убрал черновики в шкатулку, как бы нехотя положил на циновку нарядный халат и головную повязку.

Доан Банг всполошился:

— Вы же решили остаться. Куда вам сейчас идти?

— Да, я остаюсь,— ответил Док Кунг.— Может, я даже дождусь дня оглашения имен лауреатов. Ведь провалился только я один, а у вас всех есть шансы преуспеть, и это для меня радость. Я останусь, чтобы поздравить вас с успехом. Только вот одно: завтра вы пойдете на экзамен, а я останусь один и умру с тоски. Поэтому...— он остановился и выжал из себя улыбку,— поэтому разрешите мне эту ночь провести в теремах на улице Бамбуковых верш. Не осуждайте меня...

Он наклонил голову, желая скрыть непрошеные слезы.

— Ты что, плачешь? — изумился Ван Хак.

— Не вздумай насмешничать! — одернул его Доан Банг и растроганно посмотрел на Док Кунга.— Не смею сегодня вас отговаривать. Но к вечеру ждите нас на постоялом дворе, мы составим вам компанию.

— Почему же ты не пошел с Чан Дык Тинем? — удивленно спросил Ван Хак.

— Велика радость гулять с тупицей! — отвечал Док Кунг.— И он еще смеет ставить себя на одну доску со

мной. Мол, оба провалились. Да, провалились, но по-разному! Не имеет он права говорить, что мы ровня! Тоже мне приятель нашелся!

— Так-то оно так,— не унимался друг,— но для любого непосвященного вы оба — равные участники третьего тура и оба срезавшиеся. Более того, он еще имеет шансы, когда начнут подбивать итоги, получить степень тутая!

Тием Хонг с сомнением покачал головой:

— Едва ли. Хотя всякое случается... Но на этих экзаменах в Ханое будет присвоено звание кыняна всего лишь двадцати четырем студентам, а тутаев будет в три раза больше, то есть семьдесят два. Стало быть, всего удостоенных степени — девяносто шесть человек. Если поступит особое повеление императора, то их число увеличат самое большее до ста. А на заключительный тур, сами видели список, допущено больше сотни человек.

Док Кунг добавил:

— Вот именно! Если такие, как Дык Тинь, станут лауреатами, то тем хуже для этих самых экзаменов.

Продолжая беседу с друзьями, Док Кунг умывался, причесывался, и все это с сосредоточенным видом занятого человека. Приведя себя в порядок, он улыбнулся:

— Ну, что ж, желаю, чтобы вам писалось легко, а я пошел. Вернусь завтра к вечеру или послезавтра утром.

Братья сочувственно смотрели приятелю вслед, но ничего не сказали на прощание, чтобы не бередить его рану.

Вечерело. С улицы время от времени доносились крики торговцев, расхваливавших на все лады свои товары.

Торопливо вошел хозяин постоялого двора и попросил гостей поручить его заботам все необходимое для завтрашнего экзамена. Поскольку в последнем туре участвовало мало народу, то полагалось еще с вечера доставить на экзаменационное поле топчаны и палатки. Служители устанавливали их, а экзаменуемым оставалось только утром занять свои места. Хозяин обо всем этом был хорошо осведомлен.

Ван Хак проверил вещи старших братьев, а для себя взял топчан и палатку Док Кунга. К каждой вещи он привесил бирку с именем владельца и передал всю поклажу слуге, который и отнес ее к воротам экзаменационного поля. Там все это принимал специально отряженный служитель.

Над городом рассыпалась барабанная дробь, донесся перезвон колоколов из далеких буддийских храмов.

Смеркалось. Братья занялись подготовкой футляров, туши, бумаги, кистей и прочих необходимых для завтрашнего дня вещей.

XV

В полночь погода испортилась: задул северный ветер и стылая морось повисла в воздухе. Въедливая влага проникала сквозь одежду, забивалась под одеяла, и людям стало казаться, будто лежат они не в постелях, а в лужах воды. Но пропели первые петухи, и ветер неожиданно переменился, стал дуть с южной стороны, оттесняя холод в горы северо-запада. Ханой, почуяв тепло, стал постепенно сбрасывать с себя ночное оцепенение.

На востоке выплыл огненно-багровый шар и мгновенно развеял плотную пелену тумана; небо посветлело и прояснилось. Хотя год только начинался, но все кругом засияло прелестью весеннего утра.

Сразу после завтрака братья начали одеваться, чтобы идти к экзаменационному полю. На сей раз плечи их были свободны от груза, но на шее по-прежнему болтались футляр для тетради, тыквенная фляжка с водой, шкатулка или сундучок, которые при ходьбе больно ударяли в грудь и живот.

Сбор участников заключительного тура был назначен у задних ворот экзаменационного поля. Хотя число допущенных к экзамену лишь немногим превышало сотню, перед воротами собралась большая толпа. Кроме самих экзаменуемых, явились члены их семей — отцы, старшие братья, прочая родня. Все они полагали, что прошедшие в последний тур — уже без пяти минут обладатели ученых степеней, и хотели присутствовать при триумфе своих родных.

В Палате десяти заповедей смолк барабан, ворота распахнулись: зонты, флаги и опахала покачивались над табличкой, дарованной императором, и над главным экзаменатором, который важно шествовал к своему креслу. Служитель с рупором и стража приступили к делу.

На сей раз никому не приходилось толкаться, как перед первыми турами экзаменов. Тот, кого выкликали в рупор, свободно проходил к воротам. Но зато стражникам

прибавилось дел. Теперь после досмотра они должны были провожать каждого экзаменуемого к рядам палаток, разбитых заранее.

Через полчаса церемония закончилась. И на самом экзаменационном поле порядка на этот раз прибавилось. Палатки были поставлены десятью — двенадцатью рядами, которые тянулись от Палаты десяти заповедей к высокой изгороди. Один ряд от другого отстоял на пять-шесть тхыоков. Между рядами пролегали тропинки. В каждом ряду было ровно десять палаток, отстоявших одна от другой не меньше, чем на пять тхыоков. Для того, чтобы студенты из своих палаток не могли видеть друг друга, палатки смотрели в разные стороны.

Палатка Ван Хака была под тридцать первым номером и находилась в самом начале четвертого ряда, неподалеку от изгороди, окружавшей Палату десяти заповедей. Когда стражники проводили его к палатке и указали на надпись с его именем, прикрепленную над входом, Ван Хак попытался было рассмотреть, где палатка Доан Банга, миновавшего ворота несколько раньше. Но так и не обнаружив брата, молодой человек расположился, достал из шкатулки все необходимое, потом высек огонь и закурил. Вдруг он вспомнил о Док Кунге, сердце у него заныло. Он считал своего друга большим мастером писать сочинения и предрекал ему блестящий успех на экзаменах. Какая жалость, что из-за какой-то нелепой случайности он попал на позорную доску.

«Выходит, можно великолепно писать сочинения, обладать большими познаниями, но так и не добиться успеха на экзамене. Слишком многое зависит от прихотей судьбы»,— размышлял Ван Хак. Его мысли были прерваны настойчивыми ударами в барабан. Решив, что это сигнал к объявлению тем, Ван Хак собрался, прихватив бумагу и тушь, направиться к доске, но с вышки раздался зычный голос, усиленный рупором:

— Ученых мужей просим оставаться на своих местах! Темы для сочинений вы получите прямо в палатках!

Вслед за этим из Палаты десяти заповедей вышел распорядитель в сопровождении десятка стражников, каждый из которых держал в руках по стопке бумаги. Стражники разделились и пошли между рядами, оставляя в каждой из палаток по листу бумаги, испещренному письменами.

На этот раз испытуемых оставалось не так уж много, а

потому письмоводителям было велено переписать названия тем на листы, для того чтобы каждому вручить прямо в палатке.

Ван Хак сидел с самого краю и получил лист с темами раньше других. Тем было всего три: предстояло написать восьмичастное сочинение, сочинение в жанре фу и ответить на несколько вопросов. При этом только восьмичастное сочинение следовало написать полно, а требования к остальным заданиям были пониженными. Так, вопросов, на которые надлежало ответить, насчитывалось всего пять или шесть.

Таковы были новые правила. Заключительный тур на межпровинциальных экзаменах служил как бы дополнительной проверкой соискателей, поэтому включал в себя три вида работ, чтобы экзаменаторы могли объективно судить о способностях и знаниях каждого испытуемого. Для большинства участников конкурса каждое из заданий в отдельности не представляло трудностей, но в целом, из-за их разнообразия, экзамены оказывались тяжелыми. Ван Хак же чувствовал себя как рыба в воде. Он и раньше, в школе, имел репутацию студента, который силен во всех видах сочинений, и с ним никто из однокашников не мог сравниться. Поэтому, мельком просмотрев темы, Ван Хак сразу же приступил к работе.

Когда он написал несколько первых строк в экзаменационной тетрадке и отправился за печатью середины дня, то успел к этому времени продумать и план восьмичастного сочинения, и фу, и ответы на вопросы. Памятуя о неудаче своего друга Док Кунга, юноша тщательно заполнял сначала черновик и внимательно, знак за знаком, черту за чертой, проверял написанное. Только когда убеждался, что в черновике нет никаких ошибок, он переносил записи в экзаменационную тетрадь.

Время едва перевалило за полдень, когда юноша, покончив с двумя первыми заданиями и видя, что времени осталось в избытке, решил еще раз вернуться к ним и как следует проработать. Перечитав сочинения дважды, он убедился, что написаны они отменно и не нуждаются ни в каких поправках. И Ван Хак занялся третьим заданием.

Потом, просмотрев тетрадь, он не увидел никаких помарок, исправлений, подтирок,— значит, не надо было указывать, как обычно, в конце: «Всего в сей тетради имеется...»

Время еще оставалось. Можно было покурить.

Вскоре на вышке загремел барабан — сигнал к сдаче тетрадей. Ван Хак сунул свиток в бамбуковый футляр, сложил свои вещи в шкатулку. Он, пожалуй, и на этот раз оставил бы на поле палатку и топчан, но это были не его вещи, а потому он разобрал их, связал, как положено, взвалил на плечи и направился к Палате десяти заповедей. Солнце еще не село, и все экзаменующиеся сидели над своими сочинениями.

Около ворот Ван Хак увидел поджидавшего его слугу с постоялого двора и охотно отдал ему свою поклажу, а сам не спеша двинулся следом. Вдруг он заслышал чьи-то громкие голоса и вроде бы брань. Из-за поворота вывалилась компания человек в десять. Все они были явно взбудоражены чем-то. За ними двигалась толпа любопытных. С первого взгляда стало заметно, что вся компания пьяна. Шедшие впереди выступали нетвердой походкой, лица у них были красны, как восходящее солнце. Да и остальных качало из стороны в сторону. Буйная десятка подкатила к воротам экзаменационного поля.

— Глаз у них нет! — вопили одни.— Такие превосходные сочинения, как у нас, и вот, пожалуйста,— завалили!

— Если вы невежественны, не беритесь сочинения проверять! — присоединились к ним другие.— Сидели бы дома со своими женами! Нечего изображать из себя экзаменаторов.

Нетрудно было догадаться, что сии господа принадлежали к числу тех, кто провалился в третьем туре. И сейчас, будучи под изрядным хмельком, искали, на ком бы сорвать досаду. Они толкались, наседали друг на друга, выкрикивали пьяную брань. Затем, подхватив друг друга под руки и заняв всю дорогу, побрели прочь. Временами кто-нибудь из них валился прямо в пыль, и тогда остальные с трудом ставили его на ноги и волочили дальше. Некоторые, не стыдясь любопытных глаз, плакали навзрыд.

— О небо! Чем я провинился пред тобой, что нет мне удачи на экзаменах?! Как я теперь вернусь в родные места! Не сосчитать, сколько раз пытался я сдать эти проклятые испытания. На этот раз вроде бы повезло — попал в третий тур! И надо же — опять меня срезали! Пошли прахом и труды мои, и ученье. Нет мне счастья!

Сопровождавшие их шумной ватагой ребятишки потешались над ними, словно над умалишенными. Смех, похо-

же, немного отрезвлял неудачников, они разгоняли толпу и кричали:

— Над кем смеетесь? Думаете, мы неучи?

Вдруг все эти неудачники, набрав кучу камней и обломков кирпичей, решительно двинулись к воротам экзаменационного поля.

Ван Хак, уразумев, что сейчас разразится большой скандал, поспешил своей дорогой. Он шел один по пустынной улице и думал: «Кто бы мог подумать, что среди ученых-книжников найдутся этакие сумасброды! Из какой они только провинции, откуда такие выискались?»

Пока Ван Хак, не торопясь, добрался до Шелковой улицы, спустились сумерки. И тут впереди показалась еще одна шальная ватага. Решив, что это опять шествуют незадачливые герои экзаменационной эпопеи, юноша собрался было свернуть в переулок, как вдруг до его ушей донеслись крики:

— Это позор для ученых мужей города Ханоя! Если мы на сей раз проглотим обиду, то уроним в глазах всех людей честь ханойских ученых-книжников!

— И не только ханойских! — подхватил кто-то.— Других провинций тоже. Каждый, кто читал книги совершенномудрых, знает, что такое долг и верность. Разве можно молча терпеть?

— Вот именно! — раздался еще один голос. — Когда оскорбляют одного ученого мужа — значит, оскорбляют всех остальных. Если бьют одного — значит, бьют всех. Мы должны стоять все за одного. Призываю пойти к дому этого нечестивца и наказать его! Смерть ему и его семейству! Пусть я буду за все в ответе!

И толпа двинулась в сторону улицы Нганг.

«Что же такое стряслось? — подумал Ван Хак и собрался последовать за толпой, но вовремя одумался:— Конечно, если речь идет о правом деле, то мне следует быть вместе с ними. Но если что-то затевается по злобе, то бежать за взъярившейся толпой — сущее сумасбродство. Пожалуй, надо сперва разузнать, в чем дело». И он благоразумно вернулся на постоялый двор, но не застал ни хозяина, ни слуг. Только во дворе резвились ребятишки, а на галерее лежала поклажа — топчан и палатка Ван Хака.

Он вошел в дом, снял головную повязку, халат, принес воды и стал умываться.

Вскоре появился слуга, который, кряхтя, с трудом тащил сразу два топчана и две палатки. Он весело глянул на Ван Хака, собираясь, видно, что-то сказать, но не успел и рта раскрыть, как с улицы донеслись торопливые шаги Доан Банга и Тием Хонга. Оба были чем-то недовольны и озабочены.

Ван Хак поздоровался с братьями. Увидев его, братья явно повеселели.

— А, ты уже вернулся? Как хорошо!

— Да, я чуточку опередил вас,— скромно ответил Ван Хак.

Все трое пошли наверх, переодеться. Доан Банг поинтересовался:

— Тебе не попалась навстречу толпа пьяных у ворот экзаменационного поля?

— Попалась.

— Кто бы мог подумать, что среди ученых мужей найдутся такие беспутные. Учиться, как должно, не учатся, а провалившись, затевают скандалы. Как прикажете назвать таких людей?

— Это еще не все,— ответил Ван Хак.— Я видел еще одну толпу на улице Нганг.

— Этих мы не встречали,— ответил Тием Хонг.— Много их нынче бродит. В третьем туре срезалось больше двухсот человек. Вот они и сходят с ума, ищут, на ком выместить зло. Где они соберутся, там скандалы, склоки, драки.

— А мне показалось, что на улице Нганг дело обстоит серьезней. Там не было разговора о провале на экзаменах, они толковали о чести, о том, что нанесено оскорбление ученому-книжнику,— проговорил Ван Хак.

— Странно! — пробормотал Доан Банг.— Что ж там могло приключиться?

В это время вернулся содержатель постоялого двора. Он поспешил во внутренние покои и, едва переводя дух, затараторил:

— Сегодня вы, господа, рано вернулись. Хотел вас встретить, да опоздал. Вы уж не сердитесь на меня. Мне тут еще одно дело помешало: позвали соседи с Бумажной улицы, а там такое стряслось, такое!.. Беда! Ученые мужи в такой раж вошли, что чуть-чуть не разнесли в щепы дом почтенного господина К.

Услышав это, Ван Хак догадался, что толпа, которую он видел на углу Шелковой улицы и улицы Нганг, напра-

вилась к дому того самого господина К., о котором говорит хозяин.

— В чем же там дело? — спросил он.

Тот сначала выглянул во двор, крикнул слугу и велел зажечь фонари и поживее подавать ужин. Потом, усевшись на топчан, с видимым удовольствием приступил к рассказу.

— С чего все началось? Всего-навсего с безобидной шутки. Вы, наверное, знаете, что многоуважаемый К.— человек богатый. Поскольку соседи то в долг товар у него возьмут, то прибегают занять деньжонок, понятно, уважение к нему большое. Есть у него дочка, зовут ее, кажется, Ким, лет двадцати от роду, хороша собой — чудо, еще не замужем. Целыми днями сидит в лавке, торгует. Девицы из богатых ханойских домов в большинстве своем привыкли в выражениях не стесняться, а уж эта самая Ким и вовсе уродилась с норовом, ей все нипочем. О том, что она за словом не постоит, ежели ей кто из слуг или домочадцев не угодит, об этом и говорить не приходится. Но она и покупателям спуску не дает, и вовсе посторонним. Такой уж у нее характер. Потому вся улица ее боялась. И вдруг сегодня в полдень...

Хозяин прервал рассказ, чтобы послать человека заварить чай.

— Так что же случилось в полдень? — нетерпеливо спросил Ван Хак.

Хозяин закурил и продолжил:

— Сегодня в полдень в лавку зашел студент купить бумаги и кистей. Народ говорит, что это был совсем молодой человек. Откуда он родом — неизвестно. Знаю только, что провалился он на экзаменах в третьем туре и остался в Ханое ждать, когда объявят имена удостоенных степени тутая. Выбрал студент товар, начал торговаться. И тут возьми да и отпусти шуточку в адрес хорошенькой лавочницы. Ну что в том особенного? Как говорится, цветок благоуханный — каждому понюхать охота.

Все улыбнулись, а хозяин продолжал:

— Но эта Ким сама на язык остра. Такая промолчит — как же! Отчитала парня за здорово живешь. Ему бы сдержаться и вовсе уйти, так нет, затеял перепалку. Слово за слово, Ким волю рукам и дала, парень — ей сдачи. Тут домочадцы примчались, схватили юношу и отделали хорошенько, халат на нем шелковый был, так они его в клочья изорвали, и головную повязку тоже. Бедняге и стыдно, и

обидно, но одному с такой оравой не справиться. Пришлось убраться восвояси, на постоялый двор. Там он рассказал все своим приятелям и попросил отомстить за него. На том постоялом дворе жило больше десятка студентов. Уж как они возмутились, как разъярились! Кинулись к дому богача К. и потребовали, чтобы тот возместил пострадавшему стоимость изорванных шелкового халата и головной повязки. Если бы богач К. приличия ради извинился, пожалуй, на том и поладили бы. Однако не на такого напали! Богатей этот стал читать студентам мораль и нести всякую белиберду. Словом, повел себя как последний глупец.

В это время в комнату вошел слуга со свежезаваренным чаем, хозяин принял у него поднос с чашками и поставил на стул. Ван Хак, слушая рассказ, начал разливать чай. Тием Хонг спросил:

— Что же этот богач наговорил?

— Сначала этот К. стал клеветать на юношу, будто тот зашел в лавку, чтобы чего-нибудь стащить. Потом обозвал всех неучами и невеждами, жалкими неудачниками, а их наставников никчемными типами.

— Ну и ну! — вскипел от гнева Тием Хонг.— За такое и убить можно.

Ван Хак подал хозяину постоялого двора чашечку с чаем и проговорил:

— Отведайте, прошу вас.

Тот принял чашечку, но пить не стал, а поставил на край стула охладиться и продолжил рассказ:

— Молодые люди, само собою, осерчали, собрались ворваться в дом и устроить грубияну К. хорошую выволочку. Но этот хитрец убежал во внутренние покои, а навстречу студентам высыпали гурьбой слуги и домочадцы с дубинками в руках. Слуги у него здоровущие, как слоны. Вытолкали студентов взашей, иных поколотили, да так, что те не сразу поднялись на ноги.

Чай остыл, хозяин отхлебнул глоток, чтобы промочить горло, и вернулся к своему рассказу:

— Потом этот К. велел своим людям сторожить у дверей, а каждого, кто посмеет приблизиться, бить смертным боем.

Студенты пуще прежнего взъярились, но их было мало, и со слугами богача связываться не имело резона. Поэтому половина из них осталась возле дома, а остальные побежали по улицам созывать товарищей. Через полчаса

собралась грозная толпа, все жаждут расправы с дерзким богачом. А лавочник К., как только уразумел, что дело плохо, приказал слугам покрепче запереть двери. И все, кто был в доме, укрылись наверху. Толпа запрудила улицу, лица у всех как у разгневанных драконов. Я-то думал, что они начнут в дом ломиться. Ан нет. Они просто требовали, чтобы К. открыл двери и спокойно поговорил о том, что произошло. Но богач и слушать не хотел о каких-либо переговорах. Тогда терпение у студентов лопнуло, и они решили отправиться за топорами и молотами, чтобы разнести вдребезги дверь. Как раз в этот момент подоспел отряд стражи — человек десять. Оказывается, хозяин велел слуге перепрыгнуть через забор позади дома и бежать с доносом к губернатору. Чиновные господа рассудили, что речь идет об обычном озорстве, и не приняли события всерьез. Губернатор выслал только небольшой отряд стражи во избежание пролития крови, но не приказал разогнать собравшуюся толпу. Появление стражи не успокоило людей, напротив, лишь подлило масла в огонь. Студенты решили разнести в щепы дом, в котором было нанесено оскорбление их товарищу, а потом уж пойти к губернатору с повинной. Студентов все прибывало, и на углу Сахарной улицы я видел несколько десятков человек, наверняка они шли к тому злополучному дому,— закончил свой рассказ хозяин.

— Поделом этому негодяю! — проговорил Тием Хонг.— Эти богатеи в большинстве своем подлы и коварны. Проучат его — может, уймется.

— В таком случае,— горячо заговорил Ван Хак,— речь идет о восстановлении попранной справедливости. Пойду-ка и я туда. Ведь недаром говорится: «Увидел несправедливое — свершил, не свершил — значит, убоялся».

— Ты не прав,— оборвал младшего брата Доан Банг.— Доброе имя создают только праведные дела. А здесь что? Некий молодец решил приударить за девицей, а у него ничего не вышло. Повесу могут и обругать, могут и одежду на нем порвать,— вряд ли кто за такого станет заступаться. Девушка, в конце концов, свою честь отстаивала. И если она дала отпор наглецу — никто ее не осудит. А приятели этого парня, вместо того чтобы вразумить его, учинили скандал.

— Да, но этот богатей держит себя чересчур нахально,— возразил Ван Хак.

— Что верно, то верно! Он, видать, тот еще фрукт! Но нельзя всю вину на него валить. Справедливо было бы хорошенько спросить с него за дерзкие речи! Но бесчинствовать никак нельзя. Подумайте сами: заступаясь за своего собрата, который решил приударить за девицей, огромная толпа собирается возле дома ее отца и грозит ему. Разве это правое дело? Что будут говорить о нас люди? Если бы ты хотел пойти туда, чтобы образумить безобразников,— обратился он к Ван Хаку,—это было бы похвально, но присоединяться к ним — в высшей степени недостойно.

— Вот это правильно! — одобрительно закивал хозяин.— Вы только что с экзаменов, устали. Зачем же куда-то идти? Прошу вас к ужину, я сам сейчас сбегаю, разузнаю новости и вам доложу. Тогда вы, господа, и обсудите, как лучше поступить.

На том и согласились. Хозяин приказал слугам подавать ужин, а сам помчался на Бумажную улицу.

Поужинали братья быстро и стали с нетерпением ждать его прихода.

Молодой месяц спрятался за облака, сделалось совсем темно. Наконец, освещая себе путь факелом, явился хозяин и, радостно улыбаясь, рассказал:

— Смилостивилось небо над богачом! Дело уладилось миром. Все хорошо, люди разошлись по домам.

Доан Банг пригласил хозяина сесть на стул и рассказать по порядку.

— Благодаренье господину начальнику учения, — это он уладил дело как нельзя лучше. Слушайте, господа. Подхожу я к Бумажной улице — там факелы пылают, светло как днем. Откуда, спрашиваю, факелы? Оказывается, студенты накупили связок бамбука и запалили. Стоят, никто не расходится. Но никакого оружия или чего-нибудь там еще у них нет. Я прислушиваюсь к разговорам, присматриваюсь. Вдруг гляжу: шествует служитель с фонарем, освещает путь легкому паланкину, который несут двое. В паланкине восседает почтенный седой старец. Толпа расступилась. В свете факелов все тотчас узнали господина начальника учения Ханойской провинции. Оказывается,— мне это потом рассказали,— когда студенты решили снести дом обидчика, то один из стражников побежал к губернатору с доносом, что дело худо. Тотчас губернатор призвал к себе начальника учения и послал на место происшествия. Надо признать, однако, что смутьяны повели

себя весьма достойно. Они приветствовали начальника учения почтительными поклонами и смолкли: ни дать ни взять — войско, ждущее приказа полководца.

— Ничего в том удивительного нет,— перебил Тием Хонг.— Сей чиновный господин надзирает за школами целой провинции, и поэтому все учащиеся почитают его как своего учителя. К тому же он великий знаток книжной премудрости, словом, уважаемый человек.

— Что же произошло дальше? — поторопил Ван Хак рассказчика.

— Чиновный старец повелел студентам стать по обе стороны улицы и слушать его. Сначала он похвалил студентов за благородный порыв и стремление заступиться за честь собрата. Потом спросил, кого из них оскорбила дочь господина К. Из толпы выступил молодой человек. Старец велел ему стать в сторонке. Затем выяснил, какие студенты прибежали первыми к дому богача, и повелел им тоже стать в стороне. Потом, указав пальцем на студента, из-за которого поднялась вся буча, вопросил:

«Это ты волочился за дочкой уважаемого К.?»

«Я не волочился!» — вспыхнул парень.

«Мне все доподлинно известно, не отнекивайся,— проговорил чиновный господин.— Ты, находясь в чужом доме, вздумал поухаживать за дочерью порядочного человека. Стало быть, ты совершил проступок против нравственности».

Потом начальник учения обернулся к студентам, прибежавшим первыми:

«А вы, видя, что приятель ваш бесчинствует, должны были остановить его. Вместо того вы взбаламутили народ, решили, видите ли, заступиться за повесу. Разве этим вы не оказали скверную услугу приятелю и не запятнали честь и славу, доброе имя ученых мужей?»

Студенты приуныли. Тогда старец приказал страже привести К. и его дочку. Те явились перепуганные, в лице ни кровинки, глаз поднять не смеют. Сперва чиновный старец отчитал девицу:

«Ты — дочь почтенного человека, а не базарная торговка. Сказал тебе кто-то не так — умей ответить резонно и вежливо. Кто позволил тебе кричать и браниться, кто разрешил твоим слугам распускать руки? Ты знаешь, что полагается за такое оскорбление?»

«А ты,— обратился начальник учения к хозяину дома,— посмел дразнить и подстрекать разгневанных людей!

Ты кричал, что ничего они с тобой поделать не смогут. Я наставник этих студентов, я тебя спрашиваю».

Богач, сцепив пальцы рук, все кланялся и кланялся, теперь он уже выглядел смешным. Указывая ему в лицо, старец гневно проговорил:

«Вместо того чтобы урезонить дочь, ты не признал, что она виновата, защищать стал, поступил несправедливо, обидел всех ученых мужей. Поистине они будут правы, если разрушат твой дом».

Богач бухнулся на колени и стал биться головой об землю, умоляя о пощаде.

Несколько утомившись от рассказа, хозяин постоялого двора сделал затяжку из кальяна с лаосским снадобьем.

— И чем же все кончилось? — поторопил его Доан Банг.

Хозяин с трудом собрался с мыслями.

— Так вот. Чиновный господин заставил богача попросить прощения у всех студентов, а дочь его — у обиженного ею молодого человека. Кроме того, богачу К. и молодому человеку было приказано явиться наутро в конфуцианский храм литературы для искупительного моления и отбытия наказания. Обоим назначено по десять палок. Зачинщики тоже должны прийти на искупительное моление. Старец повелел служителю записать имена провинившихся, дабы те не вздумали уклониться от наказания. Затем пригласил всех желающих присутствовать завтра в храме литературы. А уж до чего потешно этот богач кланялся студентам и извинялся! Жалконький такой стал, смирненький, ни за что не скажешь, что это он совсем недавно орал на всех и дерзил.

— Умно рассудил начальник учения! — воскликнули братья.— Будет завтра время — непременно пойдем в храм литературы.

XVI

Ван Хак опять отправился на экзамены. Для него участие в них стало делом столь же обыденным, как для его жены — хождение на рынок. Он уже трижды проваливался. Срезался он и в тот, последний раз, когда, казалось, все сулило удачу. Дело в том, что при императорском дворе рассудили, что хотя Ван Хак и достоин возглавить

список лауреатов, но он еще слишком молод и в его сочинениях слишком чувствуется манерность и кичливость, а потому, если пожаловать ему ученую степень, юноша может возгордиться, занестись. Императорский двор поэтому, желая взлелеять юный талант и не дать ему погибнуть, решил считать Ван Хака провалившимся, дабы мог его дар развиться и возмужать. На следующих же экзаменах дозволено будет увенчать его ученой степенью. Два его брата стали уже тутаями, один из них — даже дважды. Звание тутая, хотя и почетное, было все-таки замаскированным и смягченным отказом — оно не открывало пути к столичным экзаменам и высшим должностям.

Ван Хак, трижды провалившийся искатель, не чувствовал в новых сборах никакой торжественности, хотя накануне, по обычаю, опять собирались родственники, приносили деньги, желали счастья. Но теперь он со стыдом принимал эти знаки внимания.

Более всего ему становилось неловко от забот жены. Она приготовила и деньги, и одежду, и разную всячину, вплоть до лекарства от простуды на случай перемены погоды. Своими руками Нгок связала в единую поклажу полотнище, каркас для палатки и топчан, проверила, на месте ли кисти, тушь и бумага. Он был тронут ее заботами и сокрушенно думал: «Видно, очень хочется этой женщине удовлетворить свое честолюбие. О небо! Если я и на сей раз срежусь на экзамене, какой это будет для нее удар!» Поразмыслив, Ван Хак отказался от денег, которыми хотела его снабдить родня. Захватив все приготовленное женой, он нехотя отправился в путь. Уставший от экзаменов Доан Банг и приболевший Тием Хонг на этот раз остались дома. На постоялом дворе в Ханое остановились только втроем: Ван Хак, Док Кунг и Кхак Ман. Хозяин был по-прежнему приветлив, исполнен почтения, но никому не было весело.

Ван Хак провел в городе два месяца, ни разу не отлучившись в родную деревню.

Раньше после каждого тура экзаменов он выходил из ворот, твердо уверенный в удаче, теперь же он сомневался, мучился, был не уверен, что пройдет в следующий тур.

Три тура, к счастью, все трое миновали благополучно. В заключительном туре Кхак Ману не повезло. Друзья ему молча соболезновали и уговорили не торопиться в деревню, а дождаться, пока не выставят список новых тутаев.

Док Кунг и Кхак Ман много раз пускались в разгул и звали Ван Хака, но тот наотрез отказывался. В минуты тоски и одиночества, перебирая в уме свои экзаменационные сочинения и вспоминая о похвалах, которых он удостоился, Ван Хак говорил себе: «Нет, не может быть, чтобы я опять провалился». Но эта уверенность быстро развеивалась, а чувство тревоги не оставляло юношу ни днем, ни ночью. И дело было вовсе не в том, что его одолевали честолюбивые мысли. Успех на экзамене для него теперь значил мало. Но жена его была бы счастлива в случае успеха. И он упорно к нему стремился, страшился провала.

Прежде Ван Хак верил в свои способности. Если ты упорно занимаешься, если ты талантлив, то тебя непременно ожидает заслуженная награда,— так когда-то думал он. Но после неудачи на последнем экзамене он понял, что ни упорство, ни талант не гарантируют успеха, и стал верить в предопределенность судьбы. Да, все зависит от удачи, иначе еще в прошлом году он стал бы кынянoм. Хотя в прошлогоднем решении двора это и было обещано, но ведь в том году был один главный экзаменатор, в этом году — другой. Кто напомнит ему об обещании?

Словом, юноша чувствовал себя так же, как птица, которая, пострадав не однажды от лука и стрел, начинает бояться любой изогнутой ветви. Поэтому даже во время шумного застолья Ван Хак лишь делал вид, что веселится вместе со всеми, на самом же деле кошки скребли у него на душе.

Особенно дурно юноша провел ночь накануне дня оглашения имен лауреатов. После четвертой стражи ему совсем не дремалось. По соседству ворочался Док Кунг: его одолевали те же тревоги.

Заголосил петух в переулке. Постояльцы услышали, как поднялся хозяин и, растолкав слугу, велел вскипятить воду. Яркие лучи утреннего солнца заглянули в дом. Пора было вставать.

Северный ветер пытался сорвать орешки с арековых пальм. Серый туман вползал в дом через все щели. Холодно было всем, но казалось, что Ван Хак и Док Кунг стали чувствительней других к непогоде. Их била крупная дрожь, хотя они не сбрасывали с плеч теплые одеяла.

Хозяин постоялого двора принес чайник и поднос с чашечками, поставил все это на топчан.

Заря раскинула свои алые крылья на полнеба. Барабанная дробь возвестила конец пятой стражи. Послышались хрипловатые со сна голоса уличных торговок. Ван Хаку и Док Кунгу стало еще больше не по себе.

В лучах утреннего солнца, заглянувшего в комнату, особенно неприглядно выглядели неприбранные постели, разбросанные в беспорядке вещи.

Двое старших братьев, Доан Банг и Хай Эу, приехали в город к заключительному туру. Они единственные из всех оставались невозмутимыми. Кхак Ман был мрачен, будто укушенный саранчой. Ван Хак и Док Кунг даже не пытались скрыть смятение. Остальные же обитатели постоялого двора, малолетний Кыонг Фыонг, Тыонг Лоан и другие, были веселы, шутили как ни в чем не бывало.

Когда все выпили по первой чашке чая, Хай Эу сказал Ван Хаку и Док Кунгу:

— Не тревожьтесь, я уверен, что у вас все в порядке. Думаю, нет в жизни счастливее мига, как тот, когда узнаешь, что преуспел на экзамене. Ведь для соискателя это все равно что начало новой жизни.

— Отчего же ты сам не сдаешь экзамены? — улыбнулся Док Кунг.

— Эту честь я уступаю вам,— съязвил Хай Эу.

С улицы донеслись шаги и голоса прохожих. Торопливо вошел хозяин.

— Господа, ворота экзаменационного поля уже открыты. Служители вынесли два кресла, и погонщики вывели из стойла двух старых слонов.— Хозяин обернулся и крикнул вниз: — Живо несите завтрак! Пусть господа новые лауреаты отведают вина, сегодня им пожалуют халаты и шапки!

Док Кунг прыснул:

— Хозяин уверен, что нас с Ван Хаком ожидает триумф. С чего он это взял?

Хозяин добавил:

— Да, господа, я абсолютно уверен, что двое из вас сегодня получат степень кыняна и один — тутая. Почему? Пару месяцев назад мне приснилось, что мое заведение трижды горело: дважды пожар был большой, а один раз — маленький. Это очень верная примета! И вы меня не разуверите в том.

Слова этого доброжелательного человека не могли рассеять тревог Ван Хака, но на душе у него стало легче от

того, что кто-то принимает столь теплое участие в его судьбе. Однако сердце так громко стучало в груди, что ему казалось, будто удары его слышны даже на большом расстоянии.

Тьюнг Лоан, Кыонг Фыонг, приехавшие родственники Док Кунга и Кхак Мана стали оживленно собираться, намереваясь направиться к воротам экзаменационного поля.

День вступал в свои права, и близился час оглашения имен победителей. Ван Хак и Док Кунг так и не набрались смелости, чтобы, как все, пойти к воротам экзаменационного поля.

— У вас, конечно, еще нет парадной одежды? — спросил Тием Хонг Док Кунга и Ван Хака.

— Вы спрашиваете так, будто уже известно, что мы лауреаты,— ответствовал Док Кунг.

— А что вы станете делать, если парадное платье и впрямь понадобится? — вмешался в разговор Хай Эу.

В этот момент тут как тут в комнате появился хозяин постоялого двора.

— Господа! Как только привиделся мне вещий сон, так я и приготовил церемониальное платье. Если угодно, я тотчас побегу и возьму на время еще одно в доме почтенного Бата.

— Я-то думал, что лауреатам халаты и шапки жалует государь...— протянул Кхак Ман.

— Да, это так, но прежде, чем получить пожалованный халат и шапку, лауреат должен уже быть одет в церемониальные одежды,— объяснил Тием Хонг.— К тому же государь жалует шапки и халаты для того, чтобы господа кыняны явились в них на состязание в императорский дворец, а не для того, чтобы присутствовали на оглашении имен. Так что подходящую к случаю одежду надо иметь наготове.

Хозяин обернулся от двери.

— Господа, а я уже и борова заколол, ведь новые лауреаты должны устроить угощенье для всех нас. Смотрите, мы ждем! — И он весело рассмеялся.

— Что вы, что вы! — всполошился Ван Хак.— Зачем так торопиться? Эх, пропадет свинина — сами будете виноваты.

На арековой пальме, залитой солнцем, пристроилась стайка резвых удодов; они звонкой песней приветствовали чудесное утро.

Вдруг раздался топот бегущих ног — в ворота ворвался совершенно ошалевший от счастья Тыонг Лоан. Он махал руками и кричал:

— Первый, первый! Хак первый в списке лауреатов!

Выпалив это, Тыонг Лоан, словно пузырь, из которого выпустили воздух, разом сник и обессиленно опустился на топчан. До Ван Хака вроде бы и не дошел смысл этого известия, но сердце у него вдруг больно сжалось и заколотилось как безумное.

Со двора опять донесся топот. Это прибежал Кыонг Фыонг.

— Первый из лауреатов — Ван Хак! — крикнул он и принялся отплясывать какой-то буйный танец.

Тием Хонг расплылся в счастливой улыбке:

— Вот видите! Императорский двор всегда верен своему слову.— И обратился к Кыонг Фыонгу и Тыонг Лоану: — Вы слышали это своими ушами или передаете с чужих слов?

Тыонг Лоан, переведя дух, проговорил:

— Я слышал, собственными ушами слышал. Прихожу на площадь — а там народу черным-черно. Как только объявили выход главного экзаменатора и главного распорядителя, я протиснулся вперед. Вижу: два важных господина в остроносых туфлях, с табличками из слоновой кости в руках усаживаются в кресла. Это и были главный экзаменатор и главный распорядитель. Я себе стою, смотрю, вижу — подходит к ним человек в скромной одежде.

— Это был письмоводитель! — нетерпеливо вставил Кыонг Фыонг.— Он список держал. Я ведь тоже там был, все видел.

— Верно, письмоводитель со списком,— опять заговорил Тыонг Лоан.— Он развернул свиток и что-то тихо сказал служителю, который стоял рядом. И тут служитель как гаркнет на всю площадь: «Первый в списке кынянов — Дао Ван Хак, двадцати трех лет от роду, из деревни Даонгуен провинции Шонтэй!»

Как только услышал я это, так давай сквозь толпу обратно протискиваться. Думаете, это просто? А тут как раз другой служитель в рубахе с оторочкой поднял рупор и повторил слово в слово. Выбрался из толпы и вижу, что погонщики уже вывели двух слонов и разошлись в разные стороны.

В комнату ворвался сияющий хозяин постоялого двора и сообщил:

— Погонщики пустили слонов по улицам, пошли оглашать имя лауреата. Ну, господа, теперь убедились, что сон мой был в руку? Вы все удостоитесь степеней!

И хозяин кинулся на кухню растормошить медлительных слуг.

Ван Хак совершенно потерял ощущение реальности. Он словно бы спал наяву. Никогда прежде он не испытывал ничего похожего. Поначалу юноша пытался изобразить на лице полнейшую невозмутимость, будто бы происходящее не имеет к нему никакого отношения, но, как известно, молодость не может долго лицемерить. Радость искала выхода. Ван Хак не мог усидеть на одном месте, он расхаживал из угла в угол, то взмахивая руками, то хватаясь за голову.

Слуга принес поднос. Хозяин постоялого двора, сложив руки, торжественно склонился в глубоком поклоне.

— Прошу вас, господин первый лауреат, и вас, господа, отведать вина.

Кхак Ман, посмотрев на Хай Эу, проговорил:

— Я думаю, что выпить вина мы успеем и после, когда Ван Хак получит жалованные халат и шапку. Сегодня Ван Хак должен нас угостить на славу, к чему эта выпивка в спешке?

Хозяин постоялого двора со знанием дела ответил:

— Нет, господа, оглашение имен затянется до послеполуденного времени. Если вы сейчас не подкрепитесь, то, боюсь, сильно проголодаетесь.

— Хозяин знает, что говорит,— поддержал его Хай Эу.— Пока выкликнут двадцать пять новых кынянов, полдня пройдет, тем более что господам лауреатам не хочется спешить, им бы только растянуть удовольствие.

Хай Эу и хозяин убедили всех, что нужно поесть перед выходом из дому, но едва все уселись, как с улицы донеслись шум и радостные крики ребятишек:

— Слон! Слон! Слона ведут!

Тыонг Лоан, Кыонг Фыонг и прочие тотчас повскакали с мест и выбежали на улицу. Старый, уже дряхлеющий слон медлительно выплыл из-за угла; в седле покачивался погонщик. Картинно выставив медный рупор, погонщик изо всей мочи закричал:

— Первый в списке кынянов — Дао Ван Хак, двадцати трех лет от роду, из деревни Даонгуен провинции Шонтэй!

Потом немного переждал, опять поднес рупор ко рту и повторил сообщение.

Тыонг Лоан, Кыонг Фыонг и остальные вернулись домой к подносу с едой и вином лишь после того, как слон, сопровождаемый толпой ребятишек, свернул на другую улицу. И тогда Ван Хак шепотом признался своему другу Док Кунгу:

— Веришь ли, я до последнего мига сомневался, что у меня все в порядке.

— А я о себе еще ничего не знаю...— озабоченно проговорил Док Кунг.

Все расселись вокруг подноса. Но Ван Хаку и Док Кунгу было не до выпивки и еды.

Хозяин постоялого двора внес узел с одеждой.

— Вот вам, господа, платье для первого лауреата и для кыняна.

Док Кунг взмахнул руками:

— Одежду для кыняна отложите куда-нибудь подальше! Неизвестно, понадобится ли мне это.

— Понадобится, понадобится,— заулыбался хозяин.— Наверняка придется вам облачаться в церемониальное платье.

— Ну-ка, несите все это мне,— крикнул Хай Эу.— Если Кунг не желает, пожалуй, надену я.

И Хай Эу попросил хозяина, не развязывая узла, послать с ним слугу к экзаменационному полю. Все ушли, в доме остался только Док Кунг, обуреваемый сомнениями и тревогами.

Удивительно, до чего сметливы уличные ребятишки! Едва Ван Хак ступил за ворота, как они захлопали в ладоши и громко закричали:

— Первый лауреат! Первый кынян!

Сотни пар глаз устремились на него, по толпе прошел шепоток: одни говорили, что первый лауреат на диво хорош собою, другие с ноткой осуждения добавляли, что чересчур он молод.

Окруженный всеобщим вниманием, Ван Хак важно выступал вслед за Хай Эу. Вдруг откуда-то издалека послышался нежный, воркующий голос:

— Сюда, скорее! Кто хочет увидеть первого лауреата, выходите сюда быстрее.

И тут перед Ван Хаком и его друзьями появились их старые знакомые — певицы Фыонг и Кук. Приблизившись

к Ван Хаку, обе они низко поклонились, сложив руки, и жеманно улыбнулись.

— Господин первый лауреат! Целый год мы не виделись с вами. Уж вообразили, что вы...

— Умерли,— подсказал им Ван Хак.

— Нет, нет! Что вы! Разве мы смеем такое подумать? — защебетали девицы.— Мы просто решили, что вы вообще не появляетесь больше в Ханое.

— Ладно, мы еще поговорим,— сказал им Ван Хак,— надеюсь, у нас еще будет случай.

И Ван Хак многозначительно скосил глаза на своих братьев, шедших следом, давая понять, что продолжать разговор ему неудобно.

— Но где же Док Кунг? Отчего его нет? — спросила Фыонг.

— Скоро и он явится,— ответил Ван Хак.

— Вот это славно! — захлопала в ладоши Кук.— Ладно, мы побежим ему навстречу.

Девицы удалились, а Ван Хак и сопровождавшие его двинулись к воротам экзаменационного поля.

Небо! Откуда собралась такая огромная толпа? Народу на площади было словно грибов после весеннего дождя.

Ван Хак остановился в некотором отдалении. Ждать ему пришлось довольно долго.

Вдруг над площадью — уже в который раз — раздался крик:

— Первый в списке кынянов — Дао Ван Хак, двадцати трех лет от роду, из деревни Даонгуен провинции Шонтэй!

Дрогнувшим голосом Ван Хак велел слуге с постоялого двора отозваться вместо него.

— Я здесь! Слушаюсь! — гаркнул во всю мощь своих легких слуга.

Словно натянутые луки со стрелами, все взгляды тотчас устремились на Ван Хака.

С неустрашимым видом грозного полководца, разрывающего кольцо вражеских воинов, стражник в рубахе с оторочкой двинулся туда, откуда раздался крик. Он осыпал ударами всех стоявших на его пути. Вслед за этим стражником Ван Хак и сопровождавший его Кыонг Фыонг смогли беспрепятственно пройти к возвышению. В кресле справа сидел главный экзаменатор в шапке сановника, с табличкой из слоновой кости на груди, слева расположился главный распорядитель.

Ван Хак склонился в почтительном поклоне перед ними обоими. Главный экзаменатор заговорил; его говор выдавал уроженца центральных провинций, дикция была скверной, и никто его речи не понял. Затем главный распорядитель указал на аккуратно сложенные на столе халаты и шапки. Ван Хак принял жалованное одеяние, передал его Кыонг Фыонгу и в знак благодарности еще раз поклонился сидевшим в креслах чиновникам. После этого служители повели лауреата в Палату десяти заповедей, где уже собрались прочие экзаменаторы и распорядители.

Экзаменационное поле теперь выглядело иначе: на нем возвышался огромный шатер, вход в который был с двух сторон прегражден плетеными изгородями. Внутри он был устлан циновками, окантованными алой каймой.

По указанию служителя Ван Хак занял почетное место. Кыонг Фыонг, держа в руках халат и шапку, стал за его спиной. Ван Хак колебался, не зная, следует ли ему сейчас же надеть жалованные халат и шапку. Заметив его замешательство, один из чиновников предварительной экспертизы объяснил, что в парадное платье надлежит облачиться завтра к церемонии благодарения.

Подошли к Ван Хаку и другие экзаменаторы, они вспоминали разные его экзаменационные работы и хвалили талант молодого человека.

В это время у ворот выкликали второго по списку кыняна.

Через час появился в шатре и второй лауреат в сопровождении служителя.

Ван Хак не был знаком с этим человеком, но, поскольку обстоятельства сблизили их и отныне они стали вроде бы однокашниками, он тепло, дружески приветствовал его.

Спустя час в шатер вступил третий лауреат, за ним — четвертый.

Солнце уже стояло над крышей Палаты десяти заповедей, и его лучи отвесно падали в шатер через отверстие возле опорного столба. В это время от ворот донеслось имя очередного лауреата:

— Восьмой кынян — Буй Док Кунг, от роду двадцати двух лет, из деревни Чуклам Ханойской провинции!

Радости Ван Хака не было границ, он стал расхваливать всем присутствующим своего друга, его добрый нрав и талант.

Минуло немало времени, и вот в шатре появился Док Кунг, облаченный в широкий парадный халат с рукавами раструбом, за ним шел племянник и нес жалованные халат и шапку. Док Кунг в этот момент выглядел настолько комично, что Ван Хак с трудом удержался от смеха.

Кыняны, которые пришли раньше, представлялись тем, кто входил позже. Общая беседа становилась вольней и непринужденней.

Солнце уже клонилось к закату, когда в шатре собрались все двадцать пять кынянов. Среди них семеро оказались учениками второго лауреата из Тиенкиеу.

После того как доски со списками новых кынянов и тутаев были выставлены для всеобщего обозрения за воротами, главный экзаменатор и главный распорядитель возвратились в Палату десяти заповедей. В это время прибыл губернатор Ханоя, чтобы поздравить преуспевших соискателей и пригласить всех на следующий день на торжественный прием, после чего, по знаку главного экзаменатора, новые лауреаты одновременно поднялись и покинули шатер.

Миновав ворота экзаменационного поля, Ван Хак и Док Кунг в укромном месте поспешили скинуть с себя церемониальные халаты и отдали их слуге с постоялого двора. Оба юноши хотели было подойти к списку тутаев, как вдруг к ним подбежал Тыонг Лоан и сообщил новость: Кхак Ман получил степень тутая — в списке он числился последним.

Док Кунг весело засмеялся:

— Пожалуй, это самое для него подходящее: хоть и последний, но все же тутай. Конечно, почета ему было бы больше, будь он, к примеру, предпоследним.

— Ничего, сойдет и так,— улыбнулся Ван Хак.— Мой братец Доан Банг в прошлом году и то оказался в списке тутаев третьим с конца.

Через несколько шагов им навстречу попались Хай Эу и Доан Банг, в тот же момент подоспел и Кхак Ман. Вся компания двинулась к постоялому двору. Молодые люди чувствовали себя воинами, одержавшими славную победу.

— Один из новых кынянов оказался каким-то чудаком,— рассказывал Тыонг Лоан.— Когда служитель выкликнул в рупор его имя, он вдруг стал обоими кулаками колотить по шляпе, привешенной за шнурок на груди, потом заскакал, как воробей, и завопил: «Кому досталась свиная голова? Мне, мне!» Сначала все решили, что он

умом тронулся. А потом кто-то сказал: «Отзовитесь, вас вызвали». Только тогда он отозвался.

Хай Эу засмеялся:

— Видно, этот соискатель проваливался много раз, потому и обезумел от счастья.

Уже перед самым закатом компания добралась до постоялого двора.

И пошло такое веселье, какое не часто случается даже по большим праздникам. Содержатель постоялого двора и все его постояльцы пировали до самого утра.

Наутро, ближе к полудню, Ван Хак и Док Кунг облачились в новые халаты, надели шапки и пошли к экзаменационному полю.

Все экзаменаторы уже собрались в большой палате. Здесь же присутствовали второй лауреат из Тиенкиеу, тиенши из Куиньлама, кынян из Майдиня и другие известные ученые-книжники, прибывшие из разных провинций.

Юноши отвесили поклоны, а кынян из Майдиня объяснил экзаменаторам, что почти треть новых кынянов — это ученики его друга, второго лауреата. Экзаменаторы на все лады расхваливали мудрого наставника.

Один за другим явились новые кыняны. Все заняли места для церемонии благодарения.

Посреди экзаменационной палаты стоял алтарь, на котором курились благовония. Большой золотистого цвета зонт был раскрыт над огромными, ярко горевшими свечами белого воска. Церемония была обставлена строго и красиво. Стояли десятки людей в шитых золотом чиновничьих шапках, расшитых парадных халатах и несколько десятков ученых мужей, облаченных в парадные темносиние красивые халаты. Дым вился над чашами с благовониями, отбивали мерные удары гонги и барабаны.

Началась церемония поклонов. Первым величественно двинулся с места главный экзаменатор. Отвесив пять поклонов, он попятился назад и отступил вправо. Следом за ним проделал то же самое помощник главного экзаменатора, только отступил влево. Затем стали кланяться цензоры, распорядители, смотрители, младшие экзаменаторы. После экзаменаторов настал черед губернатора и известных ученых-книжников.

Отвесив поклоны, каждый занимал свое место — по правую или левую сторону. Сложив руки, стояли они с серьезным и торжественным выражением на лицах.

Наконец подошла очередь новых кынянов. Они благодарили государя за то, что он удостоил их ученой степени. Каждый кланялся шесть раз, опускаясь на колени. Затем новые лауреаты поднялись и выстроились в две шеренги, и началась церемония благодарения за пожалованные шапки и халаты: для этого кыняны опять выступали вперед и отбивали по пять земных поклонов каждый. Следующей была церемония благодарения за приглашение на торжественной прием. И вновь каждый из кынянов отбивал по пять поклонов.

Одна за другой последовали церемонии благодарения наставников и экзаменаторов: им отбивали по два поклона.

В конце концов ряды участников этого утомительного обряда утратили свою стройность; присутствующие переходили с одного места на другое и, отбивая поклоны, уже не очень ясно представляли, кого и за что они благодарят.

По окончании церемонии чиновные господа и кыняны отправились в шатер на торжественный пир, который губернатор провинции устроил за счет местной казны силами своих служителей.

В шатре были расставлены столы со щедрым угощением. Чиновные господа, ученые мужи и письмоводители заняли места по ранжиру: за отдельным столом — главный экзаменатор и его помощник, за другим столом — главный распорядитель вместе с главным цензором, губернатор — рядом с известными учеными-книжниками. Это были места высшего разряда.

Смотрители, цензоры, помощники смотрителей сели вместе с младшими экзаменаторами. Это был второй разряд.

И наконец, места третьего разряда заняли новые кыняны и письмоводители. За каждым столом сидело по четыре кыняна или по шесть письмоводителей.

Когда гости расселись, явилась труппа актеров с флейтами, лютнями и барабанами. По случаю большого торжества лучшие певицы провинции были приглашены услаждать слух гостей, и среди них — Фыонг и Кук.

Поклонившись господам, актеры попросили дозволения сесть на циновку, расстеленную за пределами шатра, а певицы пошли между столами разливать гостям вино.

По распоряжению губернатора актеры подошли сначала к столу, за которым сидел первый лауреат. Один из актеров ударил в барабан и поклонился Ван Хаку.

И загремели барабаны, зазвенели струны лютен, запели флейты, раздались голоса певиц. Пирующие один за другим подняли чарки.

Настал черед и разложенных на блюдах яств. В общем-то они были похожи на обычное угощение, которое выставляют на празднествах и свадьбах. Здесь были и маленькие блинчики с мясом — тя, и свинина, и различные соусы, суп из акульих плавников, вяленая рыба, вязига. Но общее восхищение вызвали четыре особых блюда, украшенных цветами и зеленью. Они символизировали собой четырех священных животных: дракона — это был карп с плавниками и усами; феникса — блюдо из курятины в форме крыла феникса; черепаху — блюдо из утки, которой искусно был придан вид черепахового панциря; единорога — блюдо из свинины, выложенной так, что можно было легко рассмотреть голову, хвост и рог.

Гремела музыка, звучали голоса певиц — пир был в разгаре.

По приказу главного экзаменатора служитель принес Ван Хаку кисть, тушь и лист бумаги с цветными разводами: первому лауреату предстояло сочинить стихотворение о друзьях-однокашниках.

Стихотворение, собственно, Ван Хак приготовил еще с вечера, и сейчас ему надо было только еще раз проверить каждый знак, кое-что подправить, начертать на красивой бумаге и преподнести главному экзаменатору.

Написанное резкими, яркими штрихами на прекрасной глянцевитой бумаге, стихотворение, казалось, играло всеми цветами радуги. Главный экзаменатор улыбнулся, похвалил сочинителя и велел письмоводителю зачитать стихи вслух.

Письмоводитель начал читать звучным, будто колокол, голосом:

Россыпью звездной
украшено небо осеннее.
Великолепны
ученых мужей сочинения.
Карп перепрыгнул
всех рыб у Драконовых врат [1].

---

[1] Согласно преданию, речные и морские рыбы состязались у Драконовых ворот. Та, которой удавалось прыгнуть выше всех, становилась драконом.

Преодолело
экзамены знание, рвение.
Розовых, белых
цветов так чудесно цветение.

Так и таланты
все ярче и все вдохновеннее.
Время для пира.
Наставники мудрые, нас
Благословите
на радостный взлет и парение.

Гости одобрительно закивали головами: такие стихи достойны первого лауреата. Затем каждый из новых кынянов переписал их, чтобы сохранить на память.

Гости скоро захмелели, смех и разговоры не умолкали ни на миг. Певицы, оставив пение, начали увиваться вокруг молодых лауреатов. Ван Хака и Док Кунга, кроме Фыонг и Кук, окружили еще четыре-пять певичек. А престарелые кыняны из числа вновь удостоенных вели степенные беседы между собой.

Пир завершился в позднем часу. К блюдам с изображениями четырех священных животных никто так и не посмел прикоснуться. Их преподнесли в дар каждому из кынянов, для того чтобы они могли угостить домочадцев яствами, пожалованными им из государевой казны.

Перед тем как гости разошлись, губернатор вручил каждому лауреату по синему зонту с серебряным набалдашником. Стражникам было велено доставить эти зонты на постоялые дворы, где остановились лауреаты.

За воротами Ван Хака и Док Кунга поджидали певички Фыонг и Кук, они оспаривали друг у друга честь нести над кынянами зонты. Певички проводили юношей почти до самого постоялого двора, затем отправились восвояси.

На постоялом дворе всю ночь продолжалось веселье. Удостоенные степеней щедро благодарили хозяина.

А по возвращении в родные места счастливых молодых лауреатов ждала нескончаемая череда празднеств и увеселений — так односельчане и родня отмечали начало блестящей карьеры талантливых юношей.

XVII

Словно нефритовое блюдо, сияла луна, освещая императорскую столицу Хюэ и в ней — запретный государев город, обнесенный неприступными стенами.

Загнутые края дворцовых крыш гордо вздымались к небу. И с особой кичливостью возносилась крыша палат, где находился главный вход, ведущий к государевым дворцам.

Лунное сияние четко прорисовывало разноцветных драконов и фениксов над входными дверями и воротами, с торжественным видом взиравших на гипсовые солнца.

В эту летнюю ночь государев запретный город спал сладостным сном, который нарушали только тяжелые удары барабанов ночной стражи, звонкий гром гонгов на башнях, покашливание воинов, идущих дозором. Миновала половина четвертой стражи. Ван Хак поднялся слишком рано. Никто из соискателей еще не явился на экзамен. В палатах над главным входом, кроме стражи, никого не было.

«Минут через десять, должно быть, начнут впускать,— подумал юноша.— А пока, пожалуй, прогуляюсь да полюбуюсь ночным видом государева города». И он попросил стражников пропустить его в ворота. Те, видя, что это соискатель дворцовых экзаменов, не посмели ему отказать. И он вошел в главные ворота.

Между двумя высокими витыми бронзовыми колоннами виднелся изящный изгиб моста, перекинутого через пруд Тхайзить на островок.

Легкий ветерок доносил терпкий аромат цветущих лотосов. И это придавало еще большее очарование ночной прогулке.

Ван Хак направился к пруду. Посреди моста он остановился и грустным рассеянным взглядом скользнул по темным громадам дворцов на фоне белеющего неба.

Четвертый лунный месяц был на исходе. Под мостом на воде мерцали готовые вот-вот распуститься бутоны лотоса. Временами игривые рыбы всплескивали хвостами.

На берегу пруда стояло огромное вековое дерево с несколькими изогнутыми стволами и ветвями, напоминавшими издали клубок драконов.

Неясные образы ночи возбудили в душе юноши необъ-

яснимое волнение. Он с беспокойством помышлял о предстоящих экзаменах, а когда вспоминал совсем недавнее, его начинала бить нервная дрожь.

Пожалуй, за все двадцать четыре года своей жизни ему еще не доводилось испытывать подобного напряжения всех душевных сил.

Справедливости ради следует сказать, что незадолго перед этим он пережил весьма приятное событие. В прошлом году он вышел победителем на межпровинциальных экзаменах в Ханое, где участвовало двенадцать тысяч ученых мужей, к вящему торжеству своей жены, которая, казалось, даже помолодела от счастья. Особую радость испытала она в тот день, когда односельчане из Даонгуена с флагами и барабанами встретили Ван Хака в уездном центре и проводили его до самых ворот отчего дома. Еще более радостно было ей слышать, как люди называют ее мужа первым лауреатом межпровинциальных экзаменов. Пошли веселые приемы и пирушки для жителей Даонгуена и Ванчиня: лилось вино, жарилось и парилось мясо. Это угощение унесло с собой добрую половину ее приданого. Но Нгок ничуть не жалела об этом — напротив, гордилась тем, что понадобилось так много денег на празднества. Она цвела, как прекрасная роза.

Старый Нам и мать Ван Хака тоже были безмерно счастливы.

Сам Ван Хак, правда, не придавал своему успеху большого значения. Но и он был горд. С двенадцатого месяца прошлого года до середины первого месяца в этом году он беззаботно развлекался с друзьями и приятелями, почти не заглядывая в книги. Ему пришлась по вкусу такая на редкость приятная и безмятежная жизнь.

Неприятности начались после того, как Ван Хак и Док Кунг отправились на экзамены в столицу, город Хюэ.

Экзамены в этом году начинались в последней декаде третьего месяца. Дорога предстояла нелегкая и долгая — почти два месяца. Поэтому еще с середины первого месяца Док Кунг начал торопить друга. Тревожась за здоровье мужа, Нгок советовала ему выбрать морской путь. Но Ван Хак считал, что это потребует слишком больших трат, к тому же морское путешествие представлялось ему опасным. Так же считал и Док Кунг, поэтому оба друга отправились в столицу посуху.

Нгок наняла юношам двух выносливых слуг, которые должны были нести поклажу господ кынянов.

На дорогу, на жилье требовалось самое малое по три сотни куанов на каждого. Нгок поменяла медные деньги на серебро, чтобы не так тяжело было нести, и вручила узелки с серебром юношам. Потом приготовила для них тесаки и топоры, без которых никак не проложить себе дорогу в густых джунглях.

В двадцатый день первого месяца, в сопровождении слуг, которые тащили поклажу на коромыслах, юноши вышли в путь.

От провинции Шонтэй на юг, до Тханьхоа, шли неспешным шагом, ночевали там, где застанет тьма. И хотя дорога была со спусками и подъемами, путники уставали не так сильно. К югу от Тханьхоа идти стало куда труднее. А после Хатиня уже никаких сил не хватало. Целыми днями приходилось продираться сквозь густые заросли, закрывавшие небо. Потом надо было преодолевать крутые, как стены, скалы. Дорогу то и дело перерезали быстрые, шумные ручьи. Иной раз случалось карабкаться вверх по крутизне или сползать вниз на коленях. Кое-где тропа шла по берегу глубоких речек, только оступись — и конец.

Самым тяжелым оказался путь возле горы Чонг. Тут и муравью-то проползти нелегко, не то что человеку. Под ногами — острые, как лезвия ножей, камни,— того и гляди, поранишься.

Сандалии порваны, колени ободраны до крови, но отдохнуть нельзя, по той простой причине, что негде остановиться.

Миновав опасный участок, оба юноши почувствовали, что вот-вот упадут от усталости. Но, спеша добраться до ночлега, они позволили себе лишь немного передохнуть, поесть сухого риса и двинулись дальше.

Однажды юноши увидели оставленные на придорожном камне тесаки. Док Кунг предположил, что они принадлежат каким-то дровосекам. Ван Хак остановился и прочитал кое-как начертанную надпись. Она гласила, что путешественники могут воспользоваться этими ножами, с тем условием, что положат их на место. Вскоре путь им преградили поваленные заросли бамбука, перебраться через которые не было никакой возможности.

Приятели велели слугам расчистить дорогу. Вооружившись тесаками, слуги принялись за дело, а Ван Хак с Док Кунгом оттаскивали в сторону срубленный бамбук. Пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось преодолеть это неожиданное препятствие.

На другой день Ван Хак, измученный тяжелой дорогой, скверной погодой, занемог. Док Кунг со слугами часто останавливались, поджидая его. Поглядывая на косые лучи света, едва проникавшие сквозь густую листву, путешественники поняли, что солнце уже садится за горы, а до места ночлега еще очень далеко.

— Придется ночевать на деревьях,— сказал Ван Хак.

Но все деревья поблизости были высокими и без ветвей внизу — попробуй-ка вскарабкаться по голому стволу!

Вдруг они заметили несколько деревьев, на стволах которых были набиты бамбуковые планки. Значит, раньше кому-то уже доводилось ночевать в этих местах. На одном, самом невысоком дереве несколько планок отвалилось. Слуги тотчас приладили новые. К каждому дереву прикрепили некое подобие люльки. Лишь в такой люльке можно было чувствовать себя в безопасности от пантер, тигров и змей.

С большой опаской взбирались Ван Хак и Док Кунг в свои убежища. Когда они устроились на ночлег, слуги нарубили свежих листьев и прикрыли их сверху от дождя и тумана. Потом укрылись и сами.

Пала кромешная тьма. Кругом слышались крики сов, обезьян, стрекот сверчков и цикад, иногда ветер приносил рычание тигра. У Ван Хака поднялся жар, он стонал, убежденный, что ему не пережить эту ночь.

Потом Ван Хак сказал своему другу:

— Я думал тогда: такие муки не стоило бы терпеть даже ради того, чтобы стать императором, а уж ради того, чтобы получить ученую степень тиенши,— и подавно.

Люльки покачивало, и никто не смыкал глаз, боясь свалиться во сне на землю.

Лишь после того, как совсем рассвело, осмелились они спуститься вниз. Отдохнув, Ван Хак почувствовал себя немного лучше: жар спал, осталась лишь неимоверная усталость. И путники снова двинулись дальше. Когда они добрались до края леса, уже опять близился вечер. Над ними угрожающе нависли каменные громады утесов.

Потом дорога пошла берегом моря. Там, наверху, громоздились высокие горы, а рядом плескались морские волны. Дорога здесь была неровной и узкой, подъёмы перемежались со спусками. Все четверо шагали осторожно, боясь поскользнуться и стать добычей морских чудовищ.

Через несколько дней они подошли к реке — такой необъятной, что с одного берега не было видно другого. Расспросив людей, путники выяснили, что это переправа Тамзианг. Им рассказали, что когда-то река здесь была еще шире, но потом ее сузили наносы. Страшно было и смотреть на волны, вздымавшиеся точно в море. Переезд на пароме занял целый день, наших путешественников укачало, и они вынуждены были хорошенько отдохнуть, прежде чем пуститься дальше.

Лишь через десять дней после этого бедняги доплелись наконец до стольного города Хюэ. На дорогу они потратили месяц и десять дней — меньше, чем предполагали.

Найдя себе пристанище, два друга отдыхали несколько дней, а потом отправились сдавать чистые экзаменационные тетради, на каждой из которых проставлялись знаки: «Государь лично просмотрел». Это означало, что экзаменаторы будут проверять не беловик, а копию беловика. Таким образом для всех четырех туров от соискателей требовалось восемь тетрадей из отличной аккуратно разлинованной бумаги, где на каждой странице должно умещаться по восемь строк, двадцать два иероглифа в каждой. Шесть тетрадей для первых трех туров имели всего лишь по десять страниц, две тетради, предназначенные для четвертого тура,— по тридцать.

Экзамены начались восемнадцатого дня третьего месяца. Экзаменационные палаты были обнесены высокой кирпичной стеной. В этом дворе находились Палата экзаменаторов, дома, где располагались сановники, ведавшие всей процедурой, и десять домов, крытых черепицей,— десять экзаменационных палат для соискателей. Каждая из палат имела три зала, разделенных перегородками на три части. В каждой такой комнатушке имелся сундучок, на котором можно было разложить бумаги. Соискатель должен был только захватить с собою кисти, тушь и циновку.

Накануне дня экзаменов перед каждым таким сундучком поставили бамбуковую табличку с именем экзаменующегося.

Как только появились соискатели, к ним тотчас подошли стражники и развели по экзаменационным палатам согласно табличкам. Пока соискатель писал сочинение, за дверью перед ним маячил воин с обнаженным мечом под мышкой. Вокруг кирпичной стены дозором ездили стражники на слонах и лошадях во главе со смотрителем, которого назначали из военных чинов.

Соискателям было предложено в первом туре семь тем для восьмичастных сочинений. Из них достаточно было разработать три темы. Но Ван Хак, у которого всегда был излишек сил, сумел написать сочинения на все семь тем, а Док Кунг — на пять.

Вернувшись домой, оба друга показали сотоварищам свои черновики. Все предрекали им успех. Ван Хаку пророчили пятерку, а Док Кунгу — весьма почетную тройку. Дело в том, что на столичных экзаменах результаты оценивались баллами, и наивысшей оценкой считалась «десятка». Но и «единица» была благом, потому что ее получение не означало еще провала. Тот, кто за четыре тура набирал не менее десяти баллов, без единого провала, проходил в число участников состязаний в императорском дворце. Соискатели, набравшие от четырех до девяти баллов, к этому состязанию не допускались, но получали звание лауреатов малого списка. Кому же не удавалось набрать четырех баллов или же кому не посчастливилось получить хотя бы «единицу» за сочинение, тот мог уже числить себя среди неудачников.

Первые успехи радовали двоих друзей. Но в день второго тура Док Кунга свалила хворь, он не смог явиться в экзаменационную палату и вынужден был написать прошение, чтобы его отставили от экзаменов.

Через несколько дней Док Кунг оправился от болезни. Ему бы подождать до конца экзаменов, но какая-то неведомая сила тянула его обратно в родные края. Он решил вернуться, не дожидаясь своего друга, и двинулся в обратный путь в сопровождении слуги. Одиночество угнетало Ван Хака, он стал печальным и задумчивым.

Третий и четвертый туры также прошли гладко. Когда на воротах башни Фуван вывесили список преуспевших, то оказалось, что имя Ван Хака стоит в самом начале: он стал первым лауреатом столичных экзаменов. Соискатели поглядывали на него с опаской и восхищением, ему предрекали первое место на состязаниях в императорском дворце. И он был заранее убежден в победе. Стало быть, его жена будет носить титул, о котором она так долго мечтала.

Накануне дня состязания в императорском дворце Ван Хак лег пораньше. Проснувшись, он оделся и вышел: думал, что время уже позднее, но пришел на место по крайней мере на полчаса раньше срока.

Ван Хак продолжал прогуливаться по берегу пруда

Тхайзить, как вдруг откуда-то со стороны башни донесся грохот, похожий на пушечный выстрел. Юноша понял, что это сигнал о начале пятой стражи, и, оправив халат и головную повязку, вошел в ворота, которые вели во дворец Императорских приемов.

Уже совсем рассвело. Соискателей пригласили во дворец. По установленному порядку нечетные номера по списку входили в левые ворота, четные — в правые. У Ван Хака был первый номер, и он направился к левым воротам. Стражник небрежно досмотрел его и пропустил на левую сторону. Там, в предназначенной для него комнатке, Ван Хак нашел сундучок с табличкой, на которой значилось его имя.

Сановный экзаменатор, вельможа двора, чиновные экзаменаторы, цензоры, ревизоры и прочие уже находились во дворце, облаченные в парадные одеяния.

Во дворце Императорских приемов стояли два алтаря: один при входе на галерею, другой — на самой галерее.

Когда все соискатели заняли свои места, чиновник на вытянутых руках внес шкатулку, в которой на особых листах были записаны темы сочинений, предложенные самим государем, и водрузил ее на алтарь, что находился на галерее. Вельможа, ведавший экзаменами, и все сановные господа распростерлись ниц и отвесили пять поклонов шкатулке. Затем главный письмоводитель распорядился сделать с этих листов копии по числу экзаменующихся.

Когда копии были готовы, главный письмоводитель разложил их на алтаре, стоявшем при входе на галерею, предварительно убрав подлинник на прежнее место, в шкатулку.

Церемониймейстер повелел всем соискателям выйти во двор и пасть ниц, дабы выказать подобающее уважение монаршей воле, после чего главный письмоводитель раздал соискателям листы бумаги с обозначенными на них темами. По распоряжению церемониймейстера участники экзамена спрятали эти листы в сундучки, а сами опять вышли во двор, чтобы пасть ниц и отвесить положенные пять поклонов.

Затем соискатели, заняв свои места, принялись за сочинения, а все военные и гражданские чины покинули дворец Императорских приемов. Во дворце остались только стражники, стоявшие у каждой двери. Во дворе расхаживали начальники стражи, а за Поклонными воротами

расположились две сотни воинов, непосредственно подчиненные императорскому евнуху.

Во дворце царила тишина, какая бывает только в пустынной часовне: слышно было, как пролетают москиты.

Ван Хак развернул листы с обозначенными темами и ахнул: листов было целых десять, каждый оказался испещренным иероглифами. Скользнув по ним взглядом, юноша понял, что первая половина тем посвящена истории китайских династий, вторая же — нынешним делам в родной стране. Вопросов насчитывалось около сотни. Ван Хак сложил листы и, чтобы они меньше сбивали его с толку, оставил открытыми только первые вопросы.

Написав в тетради «Сим отвечаю государю» и несколько фраз с благопожеланиями императору, юноша стал отвечать по очереди на вопросы.

Здесь необходимы были только мысли, не требовалось изощренного стиля и аккуратного почерка «лапки феникса», поэтому тетрадь заполнялась быстро. Для этого задания понадобилось не так уж много времени. За несколько часов Ван Хак ответил, пожалуй, на две трети вопросов. Вдруг вошел какой-то чиновник, который приказал ему выйти во двор и опять пасть ниц.

Оказалось, император изволил угостить экзаменующихся чаем и пирогами. Эти присланные по высочайшему распоряжению дары возложили сначала на алтарь у входа в галерею, а уж затем служители разнесли лакомства по комнатам. Каждый соискатель, перед тем как есть и пить, отвешивал по пять поклонов.

Ван Хак усердно работал и уже исписал больше половины тетради. В полдень служитель поставил перед юношей поднос с яствами и большую чашку риса.

Это был обед, присланный губернатором, а не государем, и поэтому на сей раз падать ниц и кланяться не было надобности.

Но время в тот день было дороже золота, и, уделив еде каких-нибудь три-четыре минуты, Ван Хак вернулся к своему сочинению.

После полудня государь вновь прислал чаю. Всем соискателям снова пришлось, оставив свои занятия, выйти на двор, пасть ниц и отвесить по пять поклонов.

Уже смеркалось, когда, закончив сочинения, Ван Хак и его сотоварищи сдали тетради чиновнику. Воины императорского евнуха открыли ворота и пропустили соискате-

лей. После этого вельможа, ведающий экзаменами, и другие экзаменаторы вернулись во дворец Императорских приемов. Один из сановных господ принял от важного чиновника экзаменационные тетради, хранитель печати поставил в конце каждой из них печать со знаками «Великая церемония избрания талантов». Письмоводитель сложил тетради в большой сундук, опечатал его и передал начальнику стражи. Экзаменаторам предстояло заночевать в императорском дворце, чтобы утром прислуживать государю при чтении сочинений.

Было темно, когда Ван Хак и его сотоварищи вышли из ворот запретного государева города. Юноша пригласил нескольких новых знакомых ужинать к себе на постоялый двор. За чаркой вина соискатели читали друг другу отрывки из своих сочинений. Все восхищались умными ответами Ван Хака. Никто не сомневался, что именно он станет первым лауреатом состязаний в императорском дворце.

Два дня Ван Хак и его новые друзья в ожидании решения своей судьбы разгуливали по окрестностям Хюэ и любовались его красотами. В душе Ван Хак надеялся, что если ему не достанется одно из первых мест, то звание тиенши уже обеспечено.

На третий день, когда Ван Хак сидел за шутками и разговором вместе с приятелями, вдруг в дом вошли два стражника. Они показали Ван Хаку бумагу, писанную яркой киноварью. Это был приказ цензора об аресте. Причина не указывалась.

Стражники надели на шею Ван Хаку колодку и отвели его в тюрьму Хохань. Арест юноши произвел тяжкое впечатление на его приятелей: им стало жаль нового друга и страшно за себя.

XVIII

Второй лауреат из Тиенкиеу сыграл роль Господина Красной нити и для младшей дочери ванчиньского учителя.

Этой славной и умной девушке предстояло стать вскоре достойной супругой кыняна Док Кунга. Но мысль соединить молодых людей брачными узами пришла в голову не второму лауреату, а старцу Мену из деревни Чуклам.

После того как разнеслась весть об успехах Док Кунга на экзаменах, многие в провинции Шонтэй и Ханойской провинции захотели видеть молодого кыняна своим зятем. Среди них были и важные чиновники, богатеи. Но почтенный Мен полагал, что невесту следует выбирать по нраву и добродетелям, затем надо принять во внимание доброе имя родителей, а богатство и знатность в таком деле особой роли не играют. Будучи давним приятелем ванчиньского учителя, постоянно бывая у него, Мен хорошо знал милую Бикь. Поэтому он отверг всех знатных и богатых невест и попросил второго лауреата сосватать девушку Док Кунгу.

Ванчиньский учитель и его жена давно были знакомы с женихом. Если бы Док Кунг попросил руки их дочери задолго до успехов на экзаменах, и тогда они с радостью дали бы согласие на этот брак, а уж теперь, когда он стал кыняном, об отказе не могло быть и речи.

Наступил день обручения. Ванчиньский учитель был уже в преклонных годах, ему редко доводилось встречаться со своими давними друзьями, и он рассудил, что это — хороший повод, чтобы собрать у себя их всех.

Загодя явились тиенши из Куиньлама, почтенные кыняны из Лиенчи и Майдиня, каждый в сопровождении слуги. Начала собираться родня. В доме царило праздничное оживление.

Одна только Нгок не разделяла всеобщей радости, несколько раз она появлялась с покрасневшими глазами, тут же убегала к себе в покои и там, бросившись на кровать, давала волю слезам.

Семь дней назад слуга, который сопровождал Ван Хака в столицу, вернулся с вестью о том, что ее муж брошен в темницу.

Эта новость поразила Нгок как гром среди бела дня. Она побледнела, сердце готово было вырваться из груди. Пораженная горем молодая женщина все же попыталась расспросить слугу о причинах случившегося с мужем несчастья.

Однако этот малый не мог сказать ничего вразумительного: ведь причины своего ареста не знал и сам Ван Хак.

Перепуганный ванчиньский учитель срочно послал человека в деревню Даонгуен сообщить печальную новость матери и братьям Ван Хака. Вся семья была в горе, мать день и ночь плакала и причитала. На следующий день

Тием Хонг нанял слугу и вместе с ним отправился в стольный город Хюэ. С рассветом в Даонгуен явилась Нгок, должно быть, ей пришлось встать ночью, чтобы поспеть к такому раннему часу. Она просила свекровь и братьев мужа отпустить ее в столицу. Но свекровь и Доан Банг не дали согласия: ведь путь туда далеко не безопасен. К тому же Тием Хонг уже отправился в путь, он должен разузнать обо всем.

Сама Нгок хорошо понимала, что их возражения разумны. Но когда она думала о муже, брошенном неизвестно за что в темницу, ей становилось невыносимо тяжко, и она заливалась горючими слезами. Братья мужа утешали ее, как умели, но рассеять ее горе, конечно, не могли. За полдень, когда и плакать у нее уже не оставалось сил, из Ванчиня прислали слугу узнать, там ли она, потому что, покидая дом, женщина не сказала никому, куда идет. Братья мужа попросили ее не мешкая возвратиться в Ванчинь и успокоить стариков.

С тех пор ни днем ни ночью у Нгок не просыхали глаза. Будь у нее крылья, она тотчас полетела бы в Хюэ и узнала, что произошло с ее мужем.

Ванчиньский учитель и его жена горько сокрушались по поводу несчастья, обрушившегося на зятя и дочь. Для стариков Нгок и Ван Хак были все равно что последние лучи солнца перед закатом. Они понимали, что, если Ван Хака не выпустят в скором времени, его жене придется трудно, а в будущем некому будет присмотреть за домом и хозяйством. Иной раз старики даже забывали о пище.

В сложившихся обстоятельствах церемонию обручения не следовало обставлять чересчур пышно. Но поскольку гостей пригласили заранее, перенести торжество было уже никак нельзя, к тому же это почиталось дурной приметой. Волей-неволей ванчиньским старикам пришлось взять себя в руки и устроить праздник. Угощение, однако, приготовили простое, скромное.

Явившиеся в гости друзья ванчиньского учителя были потрясены, узнав о вестях из столицы.

Особенно встревожился старый наставник из Тиенкиеу. Он-то знал, что на состязаниях в императорском дворце его ученик по молодости мог ошибиться, написать что-то предосудительное в глазах императорского двора, а за это может последовать суровое наказание.

Ученые старцы стали гадать, что же приключилось с

Ван Хаком. Один говорил, что, наверное, его угораздило употребить запрещенный иероглиф, другой полагал, что в его сочинении оказалась какая-то не понравившаяся императору фраза, третий считал, что он стал рассуждать на скользкие темы и запутался. Разговоров было много, но никто не знал, что же произошло на самом деле.

В полдень во дворе появилась вереница людей с медными подносами, застланными красной тканью, с красными лакированными шкатулками в руках. Это старый Мен и родственники жениха принесли подарки семье невесты. В процессии участвовал и сам кынян Док Кунг.

Все было уже готово к церемонии. Женихова родня расселась по местам. Ванчиньский учитель принес в домашнюю часовню головную повязку и халат, чтобы, облачившись, жених совершил обряд.

Док Кунг был своим человеком в этом доме, но, превратившись в жениха, почувствовал стеснение, утратил обычную свободу обхождения.

Увидев Док Кунга, Нгок опять вспомнила о муже, и кровь ударила ей в голову. Боясь потерять сознание и испортить младшей сестре всю радость, Нгок беспрестанно пила воду.

Когда Док Кунгу сообщили о несчастье, которое обрушилось на его друга, он переменился в лице и задрожал.

Выпив по три чашечки чая, гости и хозяева взялись за чарки. Разговор вертелся вокруг Ван Хака и его злоключений, и на душе у ванчиньского учителя становилось все тоскливее. Хотя он и был хозяином, но исполнял свои обязанности спустя рукава — гости не слышали от него ничего, кроме вежливых слов и приглашений отведать вина и яств.

Его старые друзья — второй лауреат из Тиенкиеу, тиенши из Куиньлама и кынян из Лиенчи — изо всех сил старались казаться веселыми, пытались шутить и взбадривать собравшихся, но из всех их стараний выходило мало путного.

В самый разгар застолья за воротами вдруг раздался громкий вопль:

— Первый лауреат Ван Хак вернулся!

— И впрямь вернулся наш голубчик! — вскрикнула хозяйка дома.— С ним и его братья!

Все высыпали во двор. Нгок, которая удалилась было в свои покои, чтобы всплакнуть в одиночестве, выбежала и, забыв о приличиях, при всех обняла мужа. С ним вместе

вошли и его братья. Носильщики с паланкинами остались за воротами.

Трудно описать, что творилось в эти минуты с Нгок. Если бы вокруг не было многочисленных гостей и родни, то она, вероятно, вообразила бы, что все происходящее ей просто приснилось.

Отдав поклоны наставнику из Тиенкиеу, другим ученым старцам, Ван Хак и его братья уселись на скамье в соседней комнате, а гости опять расселись по местам. Все оставили угощение и стали со вниманием слушать рассказ Ван Хака.

Оказывается, на обратном пути, миновав город Намдинь, он встретился со своим братом Тием Хонгом, и вчера поздней ночью они добрались до деревни Даонгуен. Братья узнали о предстоящем на другой день обручении Бикь с Док Кунгом, наняли паланкины и поспешили сюда, чтобы успокоить родных и близких, а заодно поздравить жениха и невесту.

Радость охватила старого ванчиньского учителя. Он велел тотчас подать Ван Хаку и его братьям поднос с вином и закусками. Док Кунг подсел к приятелю.

— Значит, тебя все-таки отпустили? — подняв чарку, спросил наставник из Тиенкиеу.

— Да, уважаемый учитель. На третий день.

— Так ты срезался на экзамене или нет? — полюбопытствовал в свою очередь тиенши из Куиньлама.

— Срезался! — с довольной улыбкой ответил Ван Хак. — Окончательно срезался, даже звания первого лауреата лишили!

— За что же тебе такое наказание? — всплеснул руками ванчиньский учитель.

С тем же веселым, улыбающимся лицом Ван Хак ответил:

— Отвечая на вопрос: «Как должно говорить, как должно дух свой поддерживать?», я употребил неправильно целых четыре иероглифа. К несчастью, мое сочинение попалось на глаза сановному экзаменатору, тот доложил императору. Вот меня и посадили под стражу.

— Надо же такому случиться! Ведь был уже допущен до дворцовых состязаний! — сокрушенно произнес ванчиньский учитель.

А наставник из Тиенкиеу спросил:

— И что же? Разрешат тебе вновь участвовать в межпровинциальных экзаменах или нет?

— Да,— ответил Ван Хак.

— Правду ли говорят, что явился Ван Хак? — послышался с улицы громкий голос. И вслед за тем появился Кхак Ман в ноне с белыми шелковыми завязками, какие положено носить тутаю.

Ван Хак радостно бросился ему навстречу. Кхак Ман, отдав поклоны старикам, уселся вместе с Ван Хаком и Док Кунгом. Выпив чарку, Кхак Ман проговорил:

— Вчера утром прослышал я, что тебя, Ван Хак, постигла в Хюэ неудача. Поэтому я решил отправиться сегодня утром в Даонгуен — разузнать все поподробнее. И вдруг новость: ты вернулся! Вот и подумал я: здесь-то я тебя и встречу! И не ошибся. Ну, расскажи, что с тобой произошло? Правда, что ты был арестован, или люди зря болтают?

— Нет, не зря! — ответил Ван Хак, подливая вина Доан Бангу, и опять принялся рассказывать свою историю.

— Видно, не суждено было тебе совсем развязаться с этими экзаменами,— подбодрил его Кхак Ман.— Но у тебя же великий талант по этой части, тебе любые экзамены нипочем. Лишь бы разрешили их держать. Только не отчаивайся, приятель.

Ван Хак улыбнулся в ответ, а Кхак Ман продолжал:

— А вот и еще одна неприятность! С тиенши Чан Данг Лонгом...

Все поразились этим словам.

— Что с ним?

— Чтобы искупить совершенную им провинность, его послали в передовой отряд,— ответил Кхак Ман.

— Кого отправили в передовой отряд? — переспросил тиенши из Куиньлама.

— Нашего земляка, почтенный, господина Чан Данг Лонга,— вежливо ответил тутай Кхак Ман.

Ванчиньский учитель, оторопев, опустил на поднос чарку.

— Я слышал недавно, что Лонга назначили начальником округа Тхуантхань.

— Да, да, конечно,— проговорил Кхак Ман.— В прошлом году его действительно назначили туда, потом, в начале четвертого месяца, перевели в округ Хайнинь. В это время у берегов появились китайские пираты, стали грабить людей. Императорский двор повелел Лонгу встать во главе войска и дать им достойный отпор. Враг оказался,

однако, упорным и жестоким, почти все войско Лонга было перебито. Ему самому удалось спастись с немногочисленной свитой. Об этом донесли императорскому двору, и было решено покарать виновного. Но потом государь смилостивился и разрешил Лонгу поступить простым воином в передовой отряд, с тем чтобы доблестной службой искупить свою вину.

— Неужели это правда? — изумился кынян из Лиенчи.

— Правда, уважаемый, истинная правда! Я сам недавно был в деревне Ванкхоа. Почтенный родитель Лонга сказал мне, что десять дней назад тиенши Лонг отправился в провинцию Куангнам, чтобы биться с варварскими племенами.

— Ведь Лонг умен и талантлив,— горестно произнес Ван Хак.— Ему бы немного опыта в жизненных делах — он мог бы стать большим человеком, немало пользы принести народу и государю. А что же получилось? Недавно преуспевшего на экзаменах юношу, который всю жизнь только и знал, что корпел над каноническими книгами, и ни разу не слышал выстрела, назначают военачальником и требуют, чтобы он истребил пиратов. И вот результат...

Все только вздыхали, думая о скорбной участи Чан Данг Лонга.

Солнце клонилось к закату, пир по случаю помолвки закончился. Обрадованный возвращением Ван Хака, ванчиньский учитель хотел было оставить всех гостей у себя до завтра. Но ученые старцы, полагая, что Ван Хак устал с дороги и долгое ночное гуляние пойдет ему не на пользу, вежливо отказались, изъявивши готовность погулять на свадьбе у Бикь.

Потом ученые старцы и родня жениха отправились по домам. Братьев Ван Хака наставник из Тиенкиеу пригласил к себе. Ван Хак остался. В доме воцарилась обычная тишина и покой.

Слуги прибрали посуду, на дворе стемнело. Ванчиньский учитель и его жена, не спавшие несколько ночей кряду, ушли почивать. Не спалось только Ван Хаку и Нгок.

При ярком свете лампы Нгок заметила, что за время долгого отсутствия лицо ее мужа осунулось и побледнело. И ей стало ужасно жаль его. А когда он рассказал о тяготах, которые ему пришлось претерпеть, она и вовсе рас-

чувствовалась, слезы ручьями полились у нее из глаз. Она ласково прильнула к плечу мужа.

— Только из-за того, что мне захотелось стать важной госпожой, ты чуть было не пропал, чуть было не погиб. Ты сердишься на меня?

Ван Хак улыбнулся:

— Конечно, сержусь, очень даже. Нехорошо, когда жена забирает всю власть в доме.

Нгок ответила шуткой:

— Ну вот, теперь все кончено! Больше я тебя на экзамены гонять не стану! Только смени гнев на милость.

И тотчас перешла на другое:

— Это правда, что с Лонгом стряслась беда?

— Правда! К сожалению, правда. И мне его очень жаль.

— Подумать только,— заговорила Нгок.— Он ведь недавно со школьной скамьи, жизни не знает, а его отправили к варварам, в гиблые места... Вернется ли он живым?

Вспомнив вдруг о пророческих фразах из поэмы Нгуен Зу, по которой она гадала, Нгок тихо продекламировала мужу:

Я императорской власти должен свой меч поднести?
Разве иного нету пути?
Жирным сановником должен я стать,
Чтобы в парадной одежде голову низко склонять?

Ван Хак улыбнулся и спросил:

— Помнишь ли ты стихотворение «Сосна» почтенного Нгуен Конг Чы? [1]

— Нет, никогда не слышала.

Ван Хак кивнул и начал читать:

Укором своим
я тревожу вечернюю тьму.
Властитель небес,
умоляю, скажи, почему
Я в грусти смеюсь
и рыдаю веселой порой?
Что в сердце моем —
я, бедняга, никак не пойму.

---

[1] Нгуен Конг Чы (1778—1858) — вьетнамский поэт.

— А-а, эти-то стихи я знаю,— улыбаясь, промолвила Нгок и подхватила:

Когда, не скорбя,
отойду к беспросыпному сну,
Проснуться хочу,
воплотясь в молодую сосну,
Что песни свои
распевает в высоких горах.
А ты, если смел,
поднимайся ко мне в вышину.

Была уже третья стража, кругом царила мертвая тишина. Только ясная луна, заглядывавшая в окно, была свидетельницей душевного согласия молодых супругов.

НГУЕН КОНГ ХОАН

◆

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ

Однажды, еще до Августовской революции 1945 года, рассказывал Нгуен Конг Хоан, известному вьетнамскому писателю Нгуен Туану пришлось предстать перед судом колонизаторов. Судья-француз, как полагалось, объяснялся с подсудимым через переводчика, хотя необходимости в этом не было — писатель прекрасно владел французским. Судья спросил его о роде занятий. Услышав в ответ: «Литератор», поднаторевший в судебных делах толмач не моргнув глазом перевел: «Лицо без определенных занятий». В этих словах проявилось высокомерное пренебрежение, с которым колониальные власти относились и к литературе, и к писателям Вьетнама.

У «цивилизаторов» была одна забота — искоренить крамолу в самом зародыше, для чего без колебаний пускали в ход гильотину, отправляли в ссылку и на каторгу, установили в стране жесточайшую цензуру. В такие трудные годы мужал талант Нгуен Конг Хоана. Нужна была немалая смелость, большая внутренняя убежденность, чтобы идти его путем — нелегким путем сатирика.

Родился Нгуен Конг Хоан 6 марта 1903 года в деревне Сюанкау северной провинции Хынген. Отец его занимал скромную должность инспектора школ, семье жилось трудновато, и мальчика с четырех лет отдали на воспитание дяде, который служил уездным начальником. В семье, где рос Нгуен Конг Хоан, не угасали патриотические настроения и затаенная вражда к колонизаторам, недаром из этой семьи вышли видные революционеры-коммунисты, каким был, например, Нгуен Конг Ми — родной брат писателя.

Сначала мальчика, по традиции, обучали китайской иероглифике; бабушка, образованная женщина, знакомила его с вьетнамской и китайской классической литературой. Но родители, чуткие к новым веяниям, в 1912 году поместили будущего писателя в лицей, который он, правда, не закончил из-за болезни.

С 1922 года Нгуен Конг Хоан продолжал образование в педагогическом училище. В это время в Ханое известный поэт Нгуен Кхак Хьеу (Тан Да) держал «книжный дом» — крошечное издательство и лавку при нем. Нгуен Конг Хоан стал сотрудничать с ним — писал главным образом смешные развлекательные рассказы. А в 1923 году начинающий писатель на собственные средства (о гонорарах тогда многие литераторы знали только понаслышке) издал первый сборник рассказов под названием «Судьба румяноликой красавицы», в котором еще сказывалась неопытность автора, но который уже отличался остроумием и меткостью наблюдений, присущими прозе Нгуен Конг Хоана. Окончив училище в 1926 году, Нгуен Конг Хоан стал учителем и работал в школе вплоть до Августовской революции.

Литературное признание приходит к нему в начале тридцатых годов: он завоевал популярность прежде всего как мастер коротких сатирических рассказов, которые публиковались в разных журналах.

Администрация, разумеется, смотрела косо на сатирика, служившего школьным учителем, а потому его часто переводили с места на место: из провинциального городка — в деревенскую глушь, из дельты Красной реки — в горные джунгли Лаокая. Само того не ведая, школьное начальство оказывало этим писателю немалую услугу: совершать дальние путешествия в поисках героев и сюжетов для будущих произведений ему было бы не по карману.

В 1935 году вышел в свет сборник рассказов Нгуен Конг Хоана «Актер Ты Бен», ставший подлинным событием в литературной жизни страны и настоящим триумфом писателя: восемнадцать газет и журналов приветствовали появление книги. Кроме того, издание сборника послужило толчком для начала широкой дискуссии, которую развернули критики-марксисты, боровшиеся со сторонниками «чистого искусства». Книжный дом «Ароматная река», которым ведал Хай Чьеу (1908—1954), деятельный пропагандист советской литературы, устроил встречу Нгуен Конг Хоана с читателями.

В те времена писателю-сатирику приходилось говорить эзоповым языком. В рассказе «Новые шуты» под видом иронии в адрес всем надоевшей труппы малоискусных актеров он зло высмеивал императора Бао Дая, вокруг которого газеты подняли тогда рекламную шумиху, называя его просвещенным, европейски образованным государем и реформатором. «...Я гордился этими рассказами больше, чем какими-либо другими,—пишет Нгуен Конг Хоан.— Потому что всякий раз, обведя вокруг пальца цензуру, я чувствовал себя победителем».

В период Демократического фронта (1936—1939 гг.), когда цензура была упразднена (правда, только формально, и карикатуристы хоронили эту вредную старуху с преждевременным ликованием), критика колониальных порядков и беззакония в творчестве Нгуен Конг Хоана становится смелой и прямой (рассказы «Воронье», «Девушка с шахты»).

В эти годы Нгуен Конг Хоан сблизился с коммунистами, бывшими политзаключенными, а рабочие города Намдиня, где он жил в то время, выбрали его в профсоюзный комитет. Этого было достаточно, чтобы учителя Нгуен Конг Хоана сочли, как было сказано в секретном донесении, «опасным коммунистическим агентом, коего немедля надлежит удалить от данного места сосредоточения рабочих». Вскоре последовало распоряжение о переводе на Чако, отдаленный остров в Тонкинском заливе, что было, по существу, замаскированной ссылкой. Но прежде чем отправиться туда, Нгуен Конг Хоан завершил летом 1938 года роман «Последний шаг», рассказывавший о нелегкой жизни крестьянина Фа, доведенного до отчаяния кознями помещика и «народного депутата» Лая — представителя «бледно-зеленой расы курильщиков опиума»; это был один из первых реалистических романов во вьетнамской литературе. В нем Нгуен Конг Хоан изобразил крестьянина, приходящего к мысли о необходимости организованной борьбы за свои права. Писатель вынашивал замысел создания трилогии, но после запрета, наложенного властями на первый том, думать о продолжении работы не приходилось.

Разразилась вторая мировая война. Нгуен Конг Хоан публикует два рассказа, обличающих японский милитаризм, один из которых — «Красавица Маленький Цветочек» — помещен в нашем сборнике. Французская администрация, страшившаяся японцев, реагировала на них быстро и жестоко: Нгуен Конг Хоан был судим и приговорен к трем годам тюрьмы, но писателю вдруг улыбнулась удача — выяснилось, что он, числившийся уроженцем Ханоя, под юрисдикцию местного суда не подпадал.

В 1940 году Япония оккупировала Индокитай, и цензура заставила Нгуен Конг Хоана замолчать. «На некоторое время я перестал писать,— вспоминает он,— потекла унылая, тоскливая жизнь. Я страдал по литературному труду точно так же, как страдают в разлуке с возлюбленной». В 1945 году японские оккупанты, не намеренные ничего прощать писателю, бросили его в тюрьму. Поползли слухи о кончине Нгуен Конг Хоана, и почитатели его таланта даже устроили в память о нем траурную церемонию...

С Августовской революцией все переменилось. Он много, деятельно работал, правительство Демократической Республики Вьетнам доверило ему руководство комитетом по периодической

печати в Ханое, где в 1945—1946 годах издавалось больше полусотни газет и журналов разных направлений. Опять появились в прессе его новые рассказы. В конце 1946 года, когда Народная армия и почти все население Ханоя уходят с боями в джунгли и деревни, типография не успевает до конца отпечатать новую повесть Нгуен Конг Хоана «Полутень и полусвет». Там, в джунглях, в 1948 году Нгуен Конг Хоан становится коммунистом. Лишь в 1954 году, после восстановления мира, он возвращается в Ханой.

Писатель создает сборник рассказов «Крестьяне и помещики» (1955), в котором широко использованы материалы крестьянских собраний, проводившихся в годы аграрной реформы.

Этим рассказам автор придал символическое звучание. Например, в рассказе «Верноподданный» жалкий конец прихлебателя колонизаторов — бывшего губернатора, с которым, не задумываясь, расправились его же хозяева,— знаменует крушение всей колониальной системы во Вьетнаме. Но теперь писателя значительно более привлекает жанр романа. Он заново переработал книгу «Полутень и полусвет» (1956), превратив повесть в роман; один за другим вышли романы «Столпотворение» (1961), «Куча старого хлама» (том первый, 1963). Были изданы мемуары «Моя жизнь в литературе» (1971). Он остается верен прежней, хорошо знакомой ему теме — жизни старого Вьетнама, стремится овладеть художественным методом социалистического реализма. Новый подход к жизненному материалу заключается не только в том, что Нгуен Конг Хоан изображает, как зреют силы народного протеста и революции. С присущей его сатире остротой он показывает в своих романах историческую обреченность ушедшего в прошлое колониально-феодального общества и делает это с такой масштабностью, с такой широтой, которых не могла достичь вьетнамская литература критического реализма.

Нгуен Конг Хоан долгое время был секретарем и председателем Правления Союза писателей Вьетнама, отдавал много сил воспитанию молодой литературной смены. По его спокойной непринужденности, нетороплиности и ясности речи в нем легко было угадать старого учителя. И не случайно, наверное, литературу во Вьетнаме издавна считают учителем жизни.

На долю Нгуен Конг Хоана выпало счастье стать свидетелем торжества правого дела Вьетнама в апреле 1975 года и воссоединения страны. Писатель едет на юг и пишет целый ряд рассказов. Он избрал мишенью для своей сатиры высших офицеров марионеточной армии, этих некогда всесильных сатрапов, на скучном этапе их карьеры, после падения американо-сайгонского режима, переживающих полный политический и моральный крах («В пути»). Еще раньше, во время войны, в рассказе «Пусть печалятся наши

враги» писатель с симпатией нарисовал образ молодого офицера сайгонской армии, сочувствующего героической борьбе патриотов.

В своих мемуарах Нгуен Конг Хоан несколько страниц посвятил московским впечатлениям, участию в мероприятиях по случаю пятидесятилетия со дня смерти Льва Толстого. Вьетнамский писатель неоднократно бывал в нашей стране, любовался экзотической для жителя тропиков снежной зимой, знакомился с культурой, жизнью, трудом советского народа. Последний раз он видел Москву в 1974 году. А в 1977 году Нгуен Конг Хоана не стало.

Писатель, отдавший весь свой талант народу, был большим тружеником: он создал много романов, книгу мемуаров, несколько сотен рассказов.

* * *

История современной вьетнамской прозы начинается сравнительно поздно — в первой четверти XX века. В 1917 году старший друг Нгуен Конг Хоана поэт Тан Да (1888—1939) под влиянием популярных в то время просветительских идей опубликовал свою повесть «Маленький сон», герой которой совершает фантастическое путешествие, объезжает весь мир, побывав в том числе и в России, и находит наконец некий утопический остров, где царят справедливость, равноправие, счастье. С 1918 года писатель Фам Зюи Тон (1887—1924), учась у мастеров французской реалистической новеллы XIX века, начинает писать рассказы, которые принесли ему славу «провозвестника реализма» во вьетнамской литературе. В те же годы молодой коммунист Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин), живший тогда в Париже, под впечатлением повестей Льва Толстого, поразивших его искусством реалистического изображения жизни, создает очерки и рассказы — первые произведения нарождающейся во Вьетнаме революционной литературы. На основе национальных традиций и творческого усвоения опыта европейской (прежде всего французской) и русской литератур происходит становление нового сложного явления — современной вьетнамской прозы.

Нгуен Конг Хоан как писатель рос вместе с нею. Его зрелые литературные опыты уже конца двадцатых годов шли в русле реалистического в своей основе направления, которое именовалось «описание сущего». Представители этого направления, проявляя интерес и сочувствие к обездоленным и угнетенным, противостояли модному в литературе тех лет приукрашиванию жизни. Немалый вклад в развитие реалистической новеллы внес и Нгуен Конг Хоан — сатирик.

Большинство сатирических произведений Нгуен Конг Хоана, которые помещены в данной книге, созданы в основном до революции,—это лаконичные, но выразительные новеллы, воссоздающие правдивую картину жизни колониально-феодального Вьетнама.

Писателя постоянно привлекает тема взаимоотношений угнетателей и угнетенных. Как правило, социальным положением персонажа определяется отношение к нему автора и идейно-художественная оценка. Даже перечитав не одну сотню рассказов, написанных Нгуен Конг Хоаном, читатель не сможет найти в них благородного или бескорыстного «чиновного правителя»— к тому времени чиновничество во Вьетнаме окончательно дискредитировало себя.

В рассказах Нгуен Конг Хоана обличение социальной несправедливости — не поза, как у некоторых писателей, в тридцатые годы отдававших дань «простонародной» тематике, а единственно мыслимая для него позиция.

В творчестве Нгуен Конг Хоана важнейшее место занимает раскрытие «алогизма обычного», абсурдности всего того, что было общепринятым в колониально-феодальном Вьетнаме. Для этого Нгуен Конг Хоан использует многообразную палитру сатиры — от снисходительной насмешки над тщеславным юнцом в рассказе «Я — редактор газеты» до сарказма и гротеска в «Плате за собачьи зубы» или «Светлом примере».

Нгуен Конг Хоан любит строить рассказ на парадоксе. При этом рассказ приобретает в какой-то мере характер загадки: читатель либо до конца не догадывается, по каким мотивам действует персонаж, либо его догадки не оправдываются. В рассказе «Жена, покорись мужу» супруг избивает свою милую, молоденькую жену не за нарушение верности, а, как выясняется в конце, именно за то, что она хочет сохранить верность супругу и не желает ехать к его начальнику в качестве «новогоднего подарка».

Почти в любом рассказе сатирика есть событие, происшествие или поступок персонажа, идущие вразрез с обыденными. В иных его рассказах происшествие — на самом деле лишь пародия на происшествие. Рассказ «Как у начальника тонга пропали туфли» построен на детективном приеме — смещении временных планов: сначала читатель узнает о пропаже, а уже потом о двух версиях того, как это произошло,— сначала выдуманной, а потом реальной, разоблачающей мошенника. Писатель умеет так вести повествование, что его «сочувствие» к отрицательному герою оборачивается насмешкой над ним.

В конце рассказа обычно следуют внезапный поворот и неожиданная развязка. «Развязка в моих рассказах,— пишет Нгуен Конг

Хоан,— все равно что верша с двумя воронками. Она неожиданна для читателя точно так же, как внезапно затягивает рыбу в узкое горло верши...»

Каждый из рассказов Нгуен Конг Хоана написан как бы на едином дыхании. Сам писатель рассказывает, что достаточно было ему оказаться очевидцем незначительного происшествия на улице, услышать обрывок разговора — и тут же у него в голове начинал складываться сюжет будущего рассказа. Вечерами, после работы в школе, он садился за письменный стол и не поднимался, пока рассказ не был готов. Он спешил скорее воплотить в слова и образы увиденное и пережитое.

Размышляя об искусстве рассказа, Нгуен Конг Хоан так характеризует свой писательский стиль: «Читателя у нас принято называть читающим другом... Автор и сам должен быть по отношению к читателю добрым старым приятелем, обыкновенным, простым, веселым, без причуд, манерности и зазнайства».

Нгуен Конг Хоану присуща замечательная способность метко подмечать комическую ситуацию и умение видеть за незначительными на первый взгляд фактами важные проблемы времени. Сатира Нгуен Конг Хоана— это оружие доброты. Обличительным пафосом своих книг, горячим желанием служить людям Нгуен Конг Хоан и дорог читателям.

Н. Никулин

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ

ПЛАТА ЗА СОБАЧЬИ ЗУБЫ

Было около шести часов вечера, когда издалека показалась машина. Свет ее фар широкой полосой пронизал тьму до самого горизонта. Машина миновала мост и подкатила к дому европейского типа, обнесенному высоким забором. Раздался звук клаксона — точно лягушка заквакала, — и машина остановилась. Из нее выпрыгнула собака, вильнула хвостом и кинулась к воротам. В машине приехали двое — хозяин дома и его друг.

Погасли фары, громко хлопнули дверцы. Хозяин и гость направились в дом. На обоих были охотничьи костюмы европейского покроя, гетры, заляпанные грязью, за плечами — ружья, в руках — тяжелые связки убитой дичи. Собака бежала впереди, время от времени оборачиваясь, виляя хвостом и повизгивая.

Хозяин провел своего спутника в гостиную. Комната была обставлена модной полированной мебелью красного дерева, стены выкрашены в голубой цвет, пол выложен кафелем, подобранным в тон стенам. Лампы излучали приятный свет, тоже отдававший голубым. Словом, с первого взгляда было заметно, что владелец дома — человек безбедный, умеющий должным образом принимать гостей.

Хозяйка дома, как раз успевшая к их приходу принарядиться, вышла в гостиную. Собака вспрыгнула на стул, уселась на задние лапы и, высунув язык, принялась поочередно рассматривать людей.

Известно, что тот, кто богат и знатен, любит похвастать своим достатком. Не удивительно поэтому, что и хозяин дома, человек не умней и не сообразительней большинства других, тоже страдал этим недугом. Так как вилла, автомобиль, обстановка в гостиной утратили для него аромат но-

визны и ему уже надоело их расхваливать, он обратил внимание гостя на новое свое приобретение — собаку Лу.

— Посмотрите,— сказал он,— это и есть моя знаменитая голубая Лу. Я купил ее за триста семьдесят донгов [1], и француз, который продавал ее, только из доброго расположения ко мне не запросил больше. На самом же деле собака стоит четыре сотни с лишним! А бывают еще красивее этой, и их цена — не меньше пятисот донгов. Но, говоря откровенно, если аннамит [2] решится истратить почти четыре сотенных на покупку собаки, то он наверняка большой чудак. К тому же среди наших собратьев мало кто понимает толк в собаках; для них покупать собаку — все равно что выбрасывать деньги на ветер. Но поглядите на Лу внимательно: у собак ее породы — большие уши, всегда влажный нос, длинные лохматые ноги, шерсть серая с проседью. Посмотрите, какая великолепная морда. А вот эти вертикальные и продольные полосы — не правда ли, они восхитительны? Сильной и быстроногой считается та, у которой живот подобран, морда короткая, а бока чуть впалые. Впрочем, вы и сами сегодня имели возможность убедиться, что она отлично справляется со своими обязанностями на охоте. Вы заметили, что Лу все время идет впереди на расстоянии десяти метров от меня? Можете взять рулетку и измерить — точно десять метров! Стоит поглядеть на мою Лу, когда она идет на дичь: глазами вокруг водит, носом вынюхивает... Загляденье! Но вот Лу почуяла в кустах дичь — тут она опускает голову и тихонько виляет хвостом. Это она подает мне знак. Я сразу заряжаю ружье, присвистываю — Лу бросается вперед. Раздается хлопанье крыльев — «бах!» — и крылатой бестии не уйти! Проделайте это десять раз кряду, и все десять раз Лу сработает безотказно.

Лу, сидевшая на стуле против хозяина, наклонила голову, как бы вслушиваясь в разговор.

— Она не только на охоте мастерица. Вы и представить себе не можете, как она стережет дом и отыскивает потерянные вещи,— продолжал хозяин.— Попробуйте дать ей понюхать ваши очки и затем спрячьте их где-нибудь в саду. А я прикажу Лу найти их.

---

[1] Донг — основная денежная единица во Вьетнаме, равен 10 хао или 100 су.

[2] В период колониального господства аннамитами именовали вьетнамцев.

Поскольку гость тоже был любителем собак, талант Лу немедленно подвергся испытанию. И действительно, не прошло и пяти минут, как появилась Лу с очками в зубах и, виляя хвостом, подала их гостю.

Довольный хозяин рассмеялся. Он погладил собаку, потрепал ее по холке, затем прижал к себе и осыпал поцелуями. Видимо, пес доставлял ему не меньше радости, чем иному — способный к учебе сынишка.

— А как я ухаживаю за моей Лу! Никогда не кормлю ее с земли. Поэтому она привыкла к чистоте и следит за собой. Видите ли, европейские собаки во всем превосходят местных. У наших собак и шерсть плохая, и едят они в грязи, и ни с того ни с сего кидаются на людей. Сколько раз и со мной случалось: подкрадывается сзади какой-нибудь бездомный пес — и хвать за штанину. Вот вам, пожалуйста, приятная прогулка! Но моя Лу не такова. Если услышите ее лай, значит, в доме появился злоумышленник. Тогда уж она яростно бросается на него. Загляни вор в дом — ему несдобровать. Но заметьте — лает она только после десяти часов вечера.

В это время внесли блюда с едой. Пока хозяин учтиво приглашал друга к столу, собака, обогнав их, вспрыгнула и уселась прямо на стул.

— О, моя Лу такая воспитанная! Я потратил столько времени, прежде чем этого добился. Посмотрите, ее блюдо — рис с мясом. Вкусно! Но будьте уверены — без моего разрешения она не притронется к еде.

Хозяин взял блюдо с едой для собаки и понес его во двор. Гость и собака последовали за ним.

Лу виляла хвостом и всячески выражала свою радость. Хозяин поставил блюдо посреди двора. Лу понюхала его и уже собралась было приступить к трапезе, но хозяин, решив еще раз продемонстрировать ее таланты, по-французски прикрикнул на нее:

— Тансьон! [1]

Увидев, что хозяин, против обыкновения, почему-то неласков с ней, собака медленно попятилась.

— Смотреть за ней не надо,— сказал хозяин.— Мы с вами пойдем поужинаем, а собака за это время не посмеет и прикоснуться к еде. Итак, прошу к столу.

Если бы хозяин немного внимательнее осмотрелся вокруг, то увидел бы, что за воротами вырисовывается ка-

---

[1] Тансьон — внимание (искаж. *фр.* attention).

кой-то темный силуэт. Это был нищий; он сидел неподвижно, обняв колени; на голову его была нахлобучена изодранная островерхая шляпа, вся его одежда состояла из набедренной повязки и рубахи, у которой не хватало обоих рукавов. Исхудалые и почерневшие руки и ноги казались непомерно длинными.

Нищий сидел здесь уже давно. Услышав звон посуды в доме и запах жареного мяса, он невольно застонал, однако никто не услышал его. Когда же гость и хозяин вышли из дома, нищий начал униженно просить милостыню. Но господа забавлялись с собакой, и им не было никакого дела до человека.

Нищий хорошо это понимал и теперь изо всех сил напрягал голос, пытаясь разжалобить господ. Но когда его стоны наконец достигли ушей хозяина, тот грозно посмотрел на нищего и стал браниться:

— Эй, ты что там скулишь? Убирайся-ка вон! А не то получишь такого пинка, что и не встанешь!

Несчастный присмирел и умолк. А хозяин и гость вернулись в дом.

Нищий, как зачарованный, смотрел на блюдо с мясом и рисом, предназначенное для собаки. Бедняга не успевал сглатывать набегавшую слюну — так он был голоден. Как хотелось ему схватить и съесть хотя бы горсточку этого риса! Но он боялся, что его искусает собака. «Удивительно,— думал он,— почему псина стоит рядом с блюдом, а не ест? Наверное, рис слишком пресный. Вот бы поменяться с ней местами и превратиться в собаку из богатого дома!»

Ах, если бы эта тварь понимала человечий язык, можно было бы предложить ей дружбу, поведать о своей несчастной доле, о муках голода. Может быть, движимый гуманными чувствами, пес уступил бы добровольно свою порцию риса с мясом.

«Должно быть, собака сторожит свое блюдо, потому что я сижу на виду»,— подумал нищий и спрятался за столб, не переставая наблюдать за ней. Действительно, собака медленно отошла и улеглась около стены.

Это был удобный момент, и нищий решился: он быстро сделал несколько шагов вперед. Но собака живо вскочила и со свирепым рычаньем тоже сделала несколько шагов. Человек не сводил глаз с собаки, а собака не отрывала взгляда от человека. Между ними стояло блюдо с рисом; стоило человеку сделать шаг — собака повторяла его дви-

жение, человек пятился — и собака тоже отступала. Оба со злобной настороженностью смотрели друг на друга, как два заклятых врага, которым нет места под одним небом. Ни одна из сторон не собиралась уступать. Прошло минут десять, прежде чем нищий придумал наконец хитрую уловку. Он схватил большой камень и, пряча его за спиной, бросился к блюду. Проворно схватив горсть риса, нищий тут же отправил его в рот.

Но собака оказалась еще проворнее: прыжок — и она, разинув пасть, оскалила зубы, собираясь укусить беднягу. Но тот не терял времени — со всего размаха он запустил камнем прямо в собачью пасть. Собака взвизгнула, затем с быстротой молнии повалила врага наземь и принялась передними лапами царапать ему лицо и разрывать рот. Однако вслед за первым ударом человек нанес второй — на этот раз по голове. Собака отпустила своего врага и растянулась во всю длину, жалобно скуля и подвывая.

Хозяин, сидевший за ужином, услышав вой, второпях бросил чашку и палочки для еды. С фонарем в руке, сопровождаемый женой и гостем, он выбежал во двор.

— О, горе! — завопил он.— Что случилось с моей Лу? О, небо! У нее выбито два зуба! Несчастный я человек!

Он позвал слугу, приказал ему внести Лу в дом, а сам помчался к воротам узнать, кто же напал на его любимицу. Вдалеке он увидел темный силуэт убегавшего человека. Когда включенные фары автомашины осветили беглеца, хозяин без труда узнал в нем того самого нищего, которого только что прогнал со двора.

— Почему же ваша собака не лаяла? — недоуменно спросил гость.

— Я ведь вам говорил, что она лает только после десяти вечера. Раньше этого времени злоумышленники обычно не появляются.

Хозяин был взбешен. Его сердце переполняла жалость к пострадавшей собаке. Он стиснул кулаки и, взглянув вслед удаляющейся фигуре, быстро вскочил в машину. Взревел двигатель.

— Ты выбил зубы моей собаке, но за это я раздавлю тебя, мерзавец! Пусть я потом заплачу каких-нибудь тридцать донгов штрафа! Зато отомщу негодяю!

Фары погасли, и машина рванулась вперед...

1929

НИЧТОЖЕСТВО

В 1926 году во Вьетнаме взбунтовались реки. Чуть ли не во всех районах разом они, сокрушив дамбы, вышли из берегов. Народ бедствовал и голодал. Когда же вода спала, открылась поистине удручающая картина.

Где зеленели поля,
Там сорняки шумят.
Где были жилые дома,
Развалины только торчат.
С хилым младенцем мать
В неведомый путь бредет.
На север уходит один сосед,
Другой на запад идет.

Всего за каких-нибудь несколько месяцев у дядюшки Ляна ничегошеньки не осталось: дом развалился, буйвол сдох, половину земли пришлось продать, половину — заложить. Конечно, дядюшка Лян и раньше был небогат, но посудите сами: когда человек лишился всего, то уж какая разница — был он государем, свергнутым с трона, или бедняком, потерявшим последнюю монету.

Но мало того, с дядюшкой Ляном приключилась еще одна большая беда: мор унес его жену, и он остался с младенцем на руках, который едва-едва научился ходить. Горю дядюшки Ляна не было конца.

Он всю ночь провел без сна — сидел в горестном раздумье, и из глаз его текли слезы. В доме ничего не осталось, со вчерашнего утра Лян совсем не ел — что было, отдал ребенку. Если в ближайшие дни не удастся раздобыть съестного, оба они наверняка умрут с голоду. Оставался один выход — продать последнее, что уцелело в доме.

Дядюшка Лян так и решил. Он выпросил у соседей коромысло с корзинкой и веревку и ранним утром понес на продажу ребенка. На одном конце коромысла — корзина, на другом — кирпич, чтобы уравновешивать «товар», прикрытый от солнца куском рваной циновки.

Дядюшка Лян брел от деревни к деревне, от рынка к рынку, но покупателей не находилось; люди только с жалостью смотрели на ребенка — вот и все. Между тем у дядюшки Ляна от голода помутилось в глазах. Малыш неподвижно лежал в корзине, совершенно голый, с прилипшей на подбородке кожурой от бататов. По дороге бедному

крестьянину попадались лишь такие же горемыки, как он сам,— страждущие и выпрашивающие милостыню. Единственное, чем они могли помочь— это дать совет: «Пошли бы вы к дому депутата Чиня. На ваше счастье, он бездетный и, пожалуй, купит ребенка».

Дядюшке Ляну пришлось пройти не одну деревню, прежде чем он добрался до усадьбы депутата. Уже смеркалось. Лян остановился у ворот и заглянул в дом. Пол выложен блестящим французским кафелем, сап[1] красного дерева, шкаф для посуды, трюмо, французская кровать — все говорило о роскоши и богатстве.

Наконец Лян отважился подать голос. Выбежал слуга.

— Будьте добры, доложите хозяину и хозяйке, что у ворот стоит человек, который хочет продать ребенка,— обратился к нему крестьянин.

Слуга оказался добрым человеком; он сочувственно расспросил дядюшку Ляна обо всем и удалился в дом.

Лян изнемогал от голода и жажды и надеялся, что хозяева поторопятся и минут через пять вынесут ему поесть. Не тут-то было. Только спустя час в сад вышел погулять безбородый господин с короткой шеей и толстым брюшком, одетый в шелковую пижаму. Он прогуливался, лениво обмахиваясь веером.

Догадавшись, что это и есть господин депутат, дядюшка Лян почтительно окликнул его.

— Это еще что? Как ты сюда попал? Почему не позвонил у ворот? — рассердился депутат.

Тогда дядюшка Лян смиренно рассказал о своем горе и предложил купить дитя.

— Вот что. Я пойду посоветуюсь с госпожой, а там будет видно.— Голос господина Чиня несколько смягчился.— Подожди здесь, скоро вернусь.

Услышав эти слова, дядюшка Лян почувствовал такое облегчение, будто его уже накормили, хотя живот подводило, как и прежде.

Примерно через полчаса из дома вышла госпожа депутатша. Крестьянин поклонился и повторил ей все, что рассказал до того ее супругу. Женщина, казалось, была тронута его рассказом. Она взяла младенца на руки и прижала его к груди, затем отстранила и долго любовалась его личиком.

---

[1] Сап — жесткая тахта из дерева ценной породы, покрытая лаком и отделанная резьбой или перламутровой инкрустацией.

Господин депутат, видя, что жене приглянулся «товар», спросил:

— Ну, сколько ты просишь за него? Говори живо!

— Я полагаюсь на вас, добрый господин.

Как быть, если продавец не называет цены, а покупатель не знает ее? Может быть, вы, читатель, назовете цену ребенка? Ведь он человек, как и мы с вами. Как знать, если его воспитать должным образом, дать хорошее образование, может, из него выйдет гений?

Так сколько же? Сто донгов? Двести? Пятьсот?

Депутат, видя, что крестьянин колеблется, взял дело в свои руки.

— Вообще-то и задаром не следует мне брать твоего ребенка. Подумай сам, ведь я должен буду его кормить. Но поскольку речь идет о добром деле, так и быть, возьму его. На, получай три хао!

Господин депутат вынул из кармана деньги и протянул их крестьянину. Тот почесал затылок и тяжело вздохнул. Ему, видно, и в голову не приходило, что ребенок может стоить жалких три хао.

— Добрый господин...— начал было он, но депутат и слушать не пожелал.

— Хватит болтать! Что ты заладил — господин да господин!.. Я торговаться не люблю. Если не согласен, убирайся вон!

Депутат повернулся и пошел, следом за ним удалилась госпожа. Ворота закрылись.

Дядюшка Лян растерялся. Он долго ждал с младенцем на руках, но никто не выходил, никто не набавлял ни единого су. Еще через полчаса, когда крестьянин окончательно обессилел от голода, он решился,— три хао так три хао. Зато его сын отныне будет иметь кров, одежду и рис. Ведь отец ничего не может дать ему, и мальчику предначертана нищенская жизнь, скитания по дорогам и ночевки в грязном углу на рынке. Эта мысль заставила Ляна потянуться к звонку. Вышел господин депутат.

— Что тебе? Зачем звонишь? Надумал все же продать?

— Да, добрый господин, пожалейте меня.

— Как это так, пожалеть? Ты мне скажи, продаешь за три хао или нет?

На лице дядюшки Ляна появилась вымученная улыбка.

— Я согласен, господин!

Депутат велел крестьянину войти в дом, чтобы подписать купчую. Затем он принялся тщательно осматривать ребенка. Углядев у того на спинке множество родинок, он с неудовольствием и укоризной протянул:

— Нехорошо!

Ну, а ежели нехорошо, значит, полагается снизить цену. Вполне понятно, что господину депутату нет смысла теперь платить целых три хао, и надо вычесть два су за родинки.

Дядюшка Лян попытался было возразить, но тут же притих, сообразив, что выторговать ему все равно ничего не удастся, а потерять он может все. Ему показалось даже смешным, что вот он, ничтожный, жалкий человечишка, встретил другого, куда более ничтожного и жалкого. А если так, то нечего спорить — надо брать эти два хао и восемь су.

Дядюшка Лян в последний раз поднял сынишку на руки, расцеловал его, простился и вышел. Но тут силы покинули его. До боли стало жаль ребенка, захотелось вернуться, отдать деньги и забрать дитя обратно.

Бедный крестьянин обернулся. Через открытую дверь было видно все, что происходит в доме депутата. Там уже несли таз с водой, мыло и полотенце. Госпожа собственными руками принялась купать малыша. У дядюшки Ляна немного отлегло от сердца. А господин депутат тем временем внимательно вглядывался в родинки на спине младенца. Чувствовалось, что он жалел выброшенные на ветер деньги.

— Эх, жена, не бережем мы своего добра. Прогадал я: надо было вычесть не два, а пять су — он все равно бы согласился,— с сожалением сказал депутат.

— Не жадничай, сам потратил десятки тысяч на то, чтобы стать депутатом, а тут пять су жалеешь,— пожурила его супруга, но депутат вдруг рассердился.

— Когда деньги идут на дело — не жаль! — выкрикнул он.— Эй, слуга! Беги вдогонку за этим негодяем и скажи, пусть сейчас же вернется, отдаст мне деньги и заберет ребенка обратно!

Дядюшка Лян встрепенулся и кинулся бежать сломя голову.

1930

ИСТИННЫЙ БЛАГОДЕТЕЛЬ

Стражник[1] Ван Кать каждый день под вечер садился у окна в казарме и поглядывал через занавеску: отсюда можно было сколько угодно глазеть на женщин уездного городка, которые об эту пору ходили по воду к колодцу.

Среди них он особо отличал одну, ту самую, которую Там, содержатель пирожковой, что рядом с уездной управой, мог бы называть по-современному «ма фам»[2].

По правде сказать, она и впрямь была хороша собой! В своей белой чистой кофте, надетой навыпуск, в черных, переливающихся на солнце широких штанах, перепоясанная красным кушаком, концы которого развевались по ветру, с ниспадавшей на бедра серебряной цепочкой, эта женщина одним видом своим буквально опьяняла Ван Катя. Она шла мимо казармы с двумя тяжелыми ведрами на коромысле, не глядя по сторонам, со стесненным дыханием и слегка склоненной набок головой. Одной рукой она придерживала коромысло, другой — прикрывала грудь. Всякий раз при этом Ван Кать чувствовал, что готов жизни лишиться, только б, как говорилось у древних поэтов, схватить округлость лютни и пройтись по ее струнам, хотя в такие минуты напряженность позы портила ее красоту и гармонию черт лица, нежного, как спелый юннаньский персик, и стражник с досадой бормотал про себя:

«Ах, черт возьми! Ежели бы поиграть немного с этими ведрышками! Вот было бы дело!»

Если перевести эту тираду на простой, всем понятный язык, то следует сказать, что стражнику страсть как хотелось приударить за пирожницей. Однажды, сидя в своей засаде за занавеской, он вдруг решил, что надо сказать ей что-нибудь необычное, чтобы привлечь ее внимание. Умей он сочинять стихи или писать прекрасную прозу, то наверняка осчастливил бы ее каким-нибудь пространным произведением. Но он постиг только одно искусство — хватать за грудки простолюдинов да угощать их палкой, а потому ему ведом был лишь солдатский способ ухаживания, прямолинейный, как ружейный ствол. Надо загородить жен-

---

[1] Стражник — в колониальном Вьетнаме солдат территориальных войск, выполнявший полицейские функции. Отличительным признаком стражников были синие пояса.

[2] Ма фам — моя жена *(фр.)*.

щине дорогу, взяться за ее островерхую шляпу или схватить за запястье. Тогда женщина первая вступит в разговор. Она скажет примерно так:

— Не надо! Полно, отпустите меня, не трогайте...

Дальше этого воображение Ван Катя не шло, ибо он, как и прочие стражники, трепетал пред своим начальством, которое, как известно, обладает крутым нравом: заметив непорядок, немедленно ставит виновного под ружье или сажает под арест. Поэтому всякий раз, когда подвертывался удобный случай вступить в разговор с красоткой, Ван Кать тотчас вспоминал о наказании, которое со всей военной строгостью непременно назначил бы ему господин начальник стражи, и, как говорится, делал «через левое плечо кругом марш».

Наконец у влюбленного стражника созрел план. В тот день он не то получил жалованье, не то вытряхнул карманы у какого-то простолюдина,— словом, стражник, решив потратить на любовь три хао, отправился в пирожковую, чтобы наесться вволю пирожков, а заодно и поговорить с женщиной.

В кармане у него позвякивали монеты, пышно взбитый пучок волос на затылке был не без щегольства украшен белым костяным гребнем. Он попрыскал голову одеколоном, надел головную повязку, оценивающим взглядом смерил себя в зеркале — вид спереди, вид сзади, сбоку; остался собою доволен, потом, натянув новые штаны и обвязавшись синим поясом, открыл пачку сигарет, закурил и вышел на прогулку.

Было часов девять вечера. Хозяева давно уже накрепко заперли свои лавки. Ван Кать прошелся разок-другой мимо пирожковой, напевая бодрую мелодию, и наконец решился заглянуть в щелку. Женщина сидела и щипала бамбуковую дранку. Некоторое время он оценивал диспозицию, пытаясь выяснить местоположение пирожника, и, собравшись с духом, постучал в дверь. Женщина оторвалась от работы и подняла голову.

— Кто там? — спросила она.

— Это я! Хочу купить пирожков,— раздалось в ответ.

Женщина встала, приоткрыла дверь, Ван Кать протиснулся в дом.

— Здравствуйте, мамзель, не продадите ли пирожков?

— Сегодня, почтенный, базарный день, товару осталось мало. Но если вы купите, мы будем вам премного благодарны.

— Идет! Несите все, что осталось. А муж-то ваш где?

— Его нет дома, господин.

Воспользовавшись редкой удачей, стражник пошел на стремительное сближение с красоткой:

— Будет тебе: «почтенный» да «господин»... Считай меня за камарада. Идет? — Ван Кать бросился к ней, схватил за руку и нежно произнес: — Милая...

Глаза его сузились, будто он прицеливался из ружья, но красотка проворно вырвала руку и отступила.

— О, боже! Что вы задумали, почтенный? Я... Я закричу!

— Милая, я люблю, люблю тебя...

С этими словами Ван Кать крепко обнял ее и повалил на пол.

— О, господи! Да что же вы со мной делаете! — Крик жены пирожника огласил улицу.

Тотчас откуда-то явился и сам пирожник.

Вы, достопочтенный читатель, наверное, уже вообразили, что у ревнивого супруга взыграла кровь и что стражник Ван Кать был тут же привязан к ножкам кровати и получил хорошую взбучку, после которой облезает кожа и болят все кости.

Однако ничего подобного не произошло. Пирожник Там, хоть злость и подступала к горлу, заставил себя сдержаться. Еще бы, ведь Ван Кать состоит на службе у государства! За ним сила, власть. А он, пирожник Там, всего лишь жалкий простолюдин. Куда ему тягаться с таким могущественным господином. Пирожник, не смея поднимать скандала, начал вежливо увещевать стражника.

Не на того, однако, напал! Ван Кать, видя слабину своего противника, изготовился к бою, придвинулся поближе и влепил пирожнику одну за другой несколько затрещин.

Бедный пирожник, чтоб защититься от ударов, схватился за ступку. Ван Кать, полагая, что враг переходит в наступление, тотчас вырвал ступку у него из рук и, сжав кулаки, сработал точно по военному артикулу: ан, де, труа, катр! [1] Из носа пирожника хлынула кровь, и он упал с воплем, взывая о помощи.

Только когда в лавке набилось полно народу, Ван Катя удалось оттащить от пирожника. Но стражник все не унимался, он грозно таращил глаза и, тыча пальцем в лицо пирожнику, вопил:

---

[1] Ан, де, труа, катр — один, два, три, четыре (*фр.*).

— Ты, подлец! Тансьон! Ты поднял руку на господина! Я тебе покажу!

Видя такую несправедливость, все соседи жалели пирожника и его жену, безвинно терпевших эдакое измывательство. Когда Ван Кать убрался восвояси, многие соседи стали подбивать Тама, чтобы он пожаловался чиновному правителю. Уездный, говорили они, обязательно накажет этого охотника до чужих жен.

— Если он служит стражником, значит, ему можно насильничать и издеваться над людьми? Нет такого закона!

— Обязательно пожалуйся,— уговаривал пирожника сосед.— Я пойду свидетелем. Сегодня ему вздумалось насиловать твою жену, а завтра он и к моей подкатится... Нет, так дело оставлять нельзя!

Долго судачили соседи, наконец пирожник оделся и нерешительно направился к воротам уездной управы.

Чиновный правитель в это время пребывал в своих покоях и был занят игрой в карты. Слыша громкие крики, доносившиеся из темноты, он, конечно, догадался, что стряслась какая-то беда, но поскольку никто ему ни о чем не докладывал, то чиновный господин не был уверен, что это происшествие важнее удачного хода в игре.

Чиновный господин громко смеялся, сдавая карты, а стражники, видя, что начальство пребывает в добром расположении духа, только хитро переглядывались.

Вдруг за воротами послышались голоса, и толпа людей ворвалась во двор. Стражник, прислуживавший чиновному господину, прикрикнул на них, однако шум становился все громче, и чиновный господин в конце концов уразумел, что появление всей этой публики как-то связано с тем шумом, что недавно доносился с улицы.

Пирожнику Таму, можно сказать, улыбнулось счастье, поскольку уездный явно благодушествовал, и простолюдину не пришлось до утра ожидать приема.

Чиновный правитель изволил спросить, в чем дело, и стражник тут же ввел пирожника. Если бы господин в это время хоть на минуту прервал игру, он, верно, заметил бы, что лицо просителя было в кровоподтеках, но карты поглощали все его внимание.

Там, сложив руки, низко поклонился, почесал в затылке, опять сложил руки и поведал уездному начальнику, как хотели изнасиловать его жену и как избили его, пирожника. Там рассказывал долго, раза три-четыре останавливал-

ся и делал передышки, потому что чиновный господин прерывал его словами, вроде:

— Господи! Что это? Девятка? Ну и ну! Теперь твой ход!..

Когда пирожник закончил, кончилась и карточная игра. Господин поднял голову, взглянул на пирожника и приказал позвать его жену. Взор чиновного правителя остановился на ней, и глаза его сверкнули, словно небесное светило, отчего пирожник и его жена преисполнились трепетом. Потом черты лица чиновного господина еще более посуровели: он как бы погрузился в раздумье, дабы произнести справедливый приговор.

Толпа, волновавшаяся там, в темноте, на дворе управы, примолкла, люди затаили дыхание. Выдержав паузу, господин, подобно Государю Дракону [1], одаривающему милостью все живое, вынес свое суждение:

— За драку, учиненную в ночи, за отсутствие должной кротости тебя следовало бы для начала посадить на сутки под стражу. Но я отпускаю тебя — иди и живи честно, только не устраивай больше скандалов. А у жены твоей такая мордашка, что видно, она сама дала повод... Не полез бы стражник к ней так просто, ни с того ни с сего. Ну, да ладно. Ступай, я прощаю тебя! Не докучай мне больше, у меня, видишь, важные дела.

Пирожник рухнул на землю.

— Слушаюсь, господин! — воскликнул он, дважды коснулся земли, сложив руки, потом вышел, согнувшись, из покоев чиновного правителя.

— Истинный благодетель! — прошептал пирожник на ухо жене, радуясь своему избавлению.— Если бы не доброта чиновного господина, сидеть бы мне в тюрьме! Да ниспошлют ему небеса благоденствие на тысячу лет!

1930

ПОДЕЛОМ ЕМУ

В казарме Ван Катя обступили стражники.

— Так, значит, это правда? За что же тебе влепили такое взыскание?

— Да, крепенько меня наказали. Но ничего не подела-

---

[1] Государь Дракон — мифический первопредок вьетов и легендарный основатель вьетнамского государства.

ешь — виноват! Вчера идем мы дозором с начальником стражи по опушке леса, что возле деревни Котить. Едва забрезжил рассвет. Смотрим, крадется какая-то баба и что-то такое подозрительное в узле тащит. Заметила она нас — и ну шпарить. Чиновный господин в момент неладное учуял и, конечно, кричит: «Стой!» Догнали мы ее, задержали, только эта блудливая баба...

— Да ты подожди... А какова она из себя? Смазливая хоть?

— Откуда мне знать? Я толком и не разглядел. Вот глаза у нее бесстыжие, это точно.

— С какой же стати ей понадобилось от вас удирать?

— Еще бы не бежать! В узле-то у нее оказался контрабандный опиум. Уж она просила-умоляла господина начальника, и так, и этак улещивала, и подмазать обещала.

— А сколько она вам сулила?

— Начальнику — десятку, мне — пять донгов.

— Эх, жаль, упустили мерзавку! — послышались голоса.— Да только все равно наш начальник взяток не берет. Не то что мы. Мы что? Денежки в карман — пригодятся, а задержанному — катись на все четыре стороны, не велик грех.

— Да, ребята,— продолжал Ван Кать,— наш начальник — честнейший человек. Когда мы эту бабу задержали, я сразу приметил у нее в кармане несколько бумажек по пять донгов, свернутых в трубочку, и господин начальник углядел, но виду не подал, стоит — в лице суровость.

— Вот видите! — произнес кто-то.— Так и следует к службе относиться, вот нам образец неподкупности. Не то что мы: деньгами еще и не пахнет, а мы наперед готовы на все глаза закрыть. Какой тут закон! Ну, рассказывай дальше.

— Уж как только эта мерзавка к нам не подкатывалась! Да понапрасну: господин ее и слушать не хотел. Приказал связать и без лишних слов доставить в уездную управу.

— Как же тогда ей удалось от вас удрать?

— Связать-то ее нечем было — вот в чем дело. Негодяйка оказалась без головной повязки — волосы вокруг головы уложены. Начальник огляделся и тихо так мне приказывает: «Слушай, Ван Кать, она баба коварная, хитрая. С ней следует быть настороже. Ты давай беги в лес, отыщи какую-нибудь лиану, только чтоб покрепче была, надо эту красотку связать. А то, я смотрю, она баба сильная, ес-

ли конвоировать ее несвязанной, задаст, чего доброго, стрекача». Побежал я в лес. Начальник остался один на один с этой контрабандисткой. А в лесу, как назло, ни одной лианы. Все обшарил — ничего! Обернулся — начальник мне издали кулаком грозится, видно, сердится. «Ну, быстрее! — кричит.— Чего ты там канителишься?» Отвечаю: «Разрешите доложить, господин начальник: ни одной лианы не нашел».— «Отправляйся в дальний лес, если не нашел в этом,— приказывает он мне.— Соображать надо! Живо!» Сказать по правде, с тех пор, как родился на свет, впервые так уморился. Облазил весь дальний лес, пробирался между деревьями, ползал под кустами, пока наконец отыскал то, что искал. Возвращаюсь — господин начальник все на том же месте, только один. Увидел меня, аж в лице переменился, в часы пальцем тычет и кричит: «Тебе пустячного дела поручить нельзя! Только и умеешь, что за девками волочиться! Небось дрых в том лесу. Где это видано — целый час одну лиану искать! А в это время преступница по твоей милости сбежала! Говорил я тебе, что женщина эта — сущий демон, сильна — ужас! Остался я один ее сторожить, она и удрала. Добро же, за этот подвиг будешь у меня гулять под ружьем с полной выкладкой!»

— А что же ты не попросил прощения? — удивились солдаты.

— Да просил я, просил. А то не знаете, какой нрав у него крутой. Я, когда с лианой вернулся, говорю: мол, устал я как собака, хорошо бы в хижине у леса немного отдохнуть. Как же, разрешит... «Только тебя там и ждут! — отвечает.— Нечего разлеживаться. Возвращайся немедленно в казарму. И учти: взыскание я отменю только тогда, когда ты найдешь беглую преступницу». Батюшка милый, матушка родная! Где ж ее искать-то? Куда она убежала? Видать, придется погулять с выкладкой под ружьем.

Не успел Ван Кать окончить свой рассказ, как вызвали его отбывать наказание. Напялил он парадную форму, накрутил на ноги обмотки, нацепил патронташ и с винтовкой «на караул» начал печатать шаг вокруг колодца.

* * *

Из рассказа стражника, дорогой читатель, вы уже поняли, за какой проступок он понес наказание: умудрился так долго разыскивать в лесу лиану, что господин начальник, который, понятно, не в силах был один управиться с пре-

ступницей — хитрющей и крепкой бабой, упустил ее... Но чиновный господин, всем известно, мужчина бравый; как же ей все-таки удалось от него улизнуть, прихватив к тому же вещественные доказательства?

Разумеется, начальник с самого начала был уверен, что Ван Катю не отыскать лиану в ближнем лесу; тем не менее послал его именно туда. А увидев, что тот в растерянности бродит по опушке, велел идти в дальний лес.

Едва Ван Кать скрылся из виду, чиновный господин обернулся к преступнице и строго так говорит:

— За контрабандный опиум придется тебе сесть в тюрьму.

Негодница, уразумев, что чиновный господин тверд, как пуля, неподкупен и прямолинеен, как ружейный ствол, стала ныть, как только бабы умеют:

— Отпустите, сиятельный господин, молю вас, отпустите.

— Отпустить ее! Тансьон! Считай себя покойницей. Я знаю, что ты прячешь на себе еще много такого товару, торговать которым строго запрещено.

— Сиятельный господин, молю вас... Нет у меня ничего, я простая, ни в чем не повинная женщина.

— Меня не проведешь. Именно женщине проще всего прятать запретные вещи. Руки вверх! Приступаю к обыску.

Женщина перепугалась вконец, сложила руки, молит, просит. Чиновный господин, сверкнув очами, угрожающе приставил винтовку к ее груди.

— Ты поднимешь руки или нет?

Несчастная, побледнев, воздела руки, и господин приступил к обыску. И впрямь, вскоре он обнаружил в правом кармане пакетик с лаосским снадобьем и молча швырнул его на землю. В левом кармане выискал четыре медных монеты.

— Скажите пожалуйста! С дырочками... Чем-то на женщину похоже...— полушутя-полусерьезно обронил господин.

В верхнем кармане оказалось два хао.

— Фальшивые или настоящие? Беру для выяснения.

Хитрая женщина растянула рот в улыбке.

Из внутреннего кармана были извлечены свернутые в трубочку ассигнации.

— Откуда у тебя такие деньги? Не иначе как от торговли контрабандным опиумом. Это вещественное доказательство я обязан реквизировать. А где ты прячешь другие

запрещенные товары? Мерзавка! Хитрая тварь! Ничего, я тебя обыщу как следует. Еще карманы есть?

Господин начальник приказал ей поднять руки повыше и не шевелиться. Он ее обыскивал, обшаривал, тискал... Сначала хихикала она одна, потом начал ухмыляться и господин начальник, отложивший винтовку в сторону (чтобы не мешала при обыске). Преступница так увлеклась происходящим, что в конце концов, не переча, позволила начальнику увлечь себя в стоявшую неподалеку хижину, должно быть, для более тщательного досмотра. Вот при каких обстоятельствах сбежала опасная преступница! Только, господа читатели, тс-с-с! Никому ни слова!

1930

ВОРЮГА

После эдакой выволочки он наверняка заречется воровать до самой смерти! Поделом ему! И никто его жалеть не станет. Ишь ты, едва молоко на губах обсохло, а туда же, воровать принялся!

— С этими ворюгами ухо держи востро! — судачили люди.— Смотрите-ка, вроде нищий да голодный, весь нарочно грязью испачкался, лицо чумазое, на ногах едва держится, будто совсем хворый, а не углядишь, так влезет в дом, слямзит что плохо лежит — и поминай как звали.

Его сторонились, боялись. Едва он появлялся, как все настораживались, хватались за кошельки: его гоняли, будто голодного пса.

Как-то раз он бродил меж рядов, где расположились со своими корзинками торговки-разносчицы. Увидев его, зеленщица тут же поднялась, вскинула на плечо коромысло и отошла подальше. Торговка мясом покрепче зажала в руках кошелек. Почтенная женщина, торговавшая лапшой, сунула на всякий случай руку в карман с деньгами. Фруктовщица подтолкнула локтем лепешечницу: не зевай, мол. Торговка пирожками сделала глазами выразительный знак тетке, продающей бататы. По рядам прошелестело:

— Вор, ворюга! Берегись!

Видок у него и впрямь был жутковатый: глазки так и бегают, голова всклокоченная — ну, точь-в-точь воронье гнездо, на почерневшем от грязи лице кожа потрескалась, как эмаль на старинной вазе. Пряча руки в карманах своего немыслимого рванья, тощий и ободранный, он примос-

тился на освещенном солнцем углу и то и дело зябко поеживался.

Никак не мог он оторвать глаз от вареной лапши, лепешек, корзин с бататами — есть-то хочется невтерпеж.

Всем он мешал, для всех был как бельмо на глазу, но торговки не решались его прогнать.

Некоторое время он не двигался — спешить ему все равно некуда. Потом пошел по рядам с протянутой рукой, бубня заученные слова, а в голосе — ни капли смирения, ни единой жалобной нотки.

— Склоняюсь до самой травы у ваших ног, госпожа, помогите голодному и жаждущему, облагодетельствуйте, подайте милостыню — риса или похлебки.

Торговки слушают, а сами покрепче хватаются за кошельки, карманы да корзинки с товаром.

— Проваливай отсюда!

Он скалит зубы, белые и крупные, как семечки тыквы. Улыбается, что ли? Женщинам становится не по себе. Чего это он улыбается? Может, хочет усовестить тех, кто гонит его прочь? Или хочет улучить момент, чтобы схватить что под руку попадется, а милостыню просит только для отвода глаз? Он паясничал, бренчал медяками в кармане. Сущий дьяволенок! Потом опять замирал неподвижно. Он пожирал глазами аппетитно исходившую паром лапшу в котелках, румяные лепешки, округлые бататы в корзинах. Ему неистово, до смерти хотелось есть.

С самого утра у него было в кармане только шесть медных монет — как раз на чашку риса. А разве насытишься одной чашкой риса, тем более что голодал он уже вторые сутки. Впрочем, тот, кто с детства живет впроголодь, свыкается с голодом, как с застарелой болезнью. В конце концов он пристроился на корточках возле торговки лепешками. Протянул руку, прося подаяния. Торговка прижала к груди крышку от корзины, потом отчаянно замахала ею:

— Я еще не торгую. Прочь, обезьянье отродье!

Он повернулся к котелкам с лапшой.

— Прошу вас, умоляю, госпожа, пожалуйте чашечку лапши.

— Ишь ты! Больше ничего не хочешь? Порция стоит поболее одного су. Убирайся прочь! Живо!

Тогда он дотронулся до батата, смущенно улыбнулся. Хозяйка бататов хлопнула его по руке и разразилась бранью:

— Сейчас ты у меня еще по роже заработаешь. Каков нахал!

Торговка фруктами, не дожидаясь, пока он станет тыкать грязными пальцами в янтарные груши, сказала, смеясь:

— Мои грушки — игрушки! Всего хао за штуку, не тяни руку!

Он, усмехнувшись, покачал головой. Торговка кинула ему горстку мандариновой кожуры, он поймал ее на лету и сунул в рот.

Покончив с кожурой, вытащил из кармана свои медяки, пересчитал.

— Продайте мне чашку лапши,— сказал он лапшечнице.

— А деньги-то есть?

Он важно кивнул и побренчал монетами в кармане. Торговка наложила ему полную чашку. Ух! Горячо! С перчиком! Вкусно!

Вскоре все успокоились и перестали обращать на него внимание. Торговки провожали взглядом автомобили, дивились велосипедам, перебрасывались своими обычными шутками и пересмеивались. А он все ел, причмокивая да приговаривая: «Хороша лапшичка! До чего ж вкусна!»

Так прошло некоторое время. И вдруг раздался вопль:

— Полиция! Держите вора!

Торговый люд зашумел. Сразу кинулись кто куда. Коромысла цепляются друг за дружку. Кто-то упал. Товары посыпались на землю.

Послышался звон бьющейся посуды.

— Хватайте его!

Но он не бежал — летел, как стрела, пущенная из лука.

— О небо! Вон он, вон он! Держите вора! — надрывалась торговка.

Вдогонку за преступником бросился один прохожий, другой. Вот уже бегут четверо, шестеро, семь человек...

— Хватайте вора!

За негодяем гонятся уже десятеро. А теперь и не сосчитать, сколько их, тяжело дыша, бежит, чтоб схватить ворюгу. Люди вошли в азарт погони, они преследуют его, будто врага заклятого.

Толпа запрудила дорогу: один — впереди, сотня — следом, вздымая облака пыли.

Лапшечница бежит последней, в самом хвосте. Платье на ней заляпано грязью, головная повязка сбилась набок,

волосы растрепались. Запрокинув перекошенное лицо, она непрестанно вопит:

— Полиция! Где полиция?

Люди спрашивают друг друга:

— Что он украл?

Одни отвечают:

— Срезал кошелек вон у той почтенной женщины.

Другие объясняют иначе:

— Он лазил по карманам! Жулик поганый!

Десятки людей присоединяются к толпе преследователей.

— Вор! Хватайте его! Господин полицейский, сюда! Он обокрал меня!

А вот наконец и сам господин полицейский. Слава небу! Пригнувшись к рулю велосипеда, он непрерывно звонит и жмет на все педали — торопится нагнать злоумышленника.

А у того только пятки сверкают. Но преследователи все же бегут быстрее.

Торговка лапшой переваливается с ноги на ногу, точно утка, и беззвучно разевает рот. С каждым мгновением она отстает все больше.

— О горе мне, горе! О силы небесные!

Но вот перекресток. Неожиданная удача! Какой-то господин, ничего не знавший о происшествии, услышав крики, выскочил из дому и ухватил бегущего за воротник. Тот стал выворачиваться, пытаясь улизнуть, но господин успел вцепиться ему в руку.

Вор туда-сюда, но господин силен, как слон. Он со всего размаху стукнул воришку, да так, что тот грохнулся на каменные плиты, обливаясь кровью. Господин приподнял его за шиворот.

— Что он украл?

— Говорят, платок у женщины вырвал.

«Р-раз!» Господин садапул ногой пониже спины.

— А теперь попробуй убеги!

«Ух!» — прямо в грудь кулаком. Вор скривился от боли, у него перехватило дух. Он вновь повалился на мостовую и застыл, не шевелясь.

Один за другим подбегали люди, гнавшиеся за преступником, и каждый норовил пнуть бедпягу. Но ведь он и без того уже не может пальцем шевельнуть!

— Вот тебе! Будешь знать! Будешь! У-у! Ворюга! Ворюга!

Каждый старался хоть разок приложиться — не зря же он так долго бежал.

Пойманный просил, умолял. Но кто станет слушать вора? Уж не прикажете ли потакать таким? Его окружили плотным кольцом, удары сыпались градом. Били крепко, с оттяжкой.

— Поделом ему! Будет знать, как на золотые серьги зариться!

Били, не щадя кулаков.

— С виду не больше четырнадцати, а уже распустился, ворует, пять донгов украл, хозяйку побил!

Люди еще больше распалялись и продолжали лупить беднягу.

Вор сжался, скорчился от боли, он уже не мог вымолвить ни слова и стал похож на раздавленного щенка. Его обыскали. Но куда он успел подевать ворованное?

— Где упрятал краденое? Где?

— У них целая банда!

Он приоткрыл глаза. И опять его стали истязать. Кто-то выкрикнул:

— Прикончить его!

А он и без того уже едва дышал. Тело ныло от боли — его били ногами, кулаками, палками, хлыстами из воловьей кожи. Если и выживет, все равно останется калекой. Он шевельнулся, сморщился, схватился за живот.

Толпа загалдела еще громче, она запрудила мостовую, движение остановилось. Полицейский потянул мальчишку за руку:

— Вставай! Пройдем в участок!

Но тот не двигался.

— Ишь, прикидывается...

Опять нашлись желающие пнуть несчастного разок-другой, залепить пару затрещин, пока пострадавшая торговка, отдуваясь, спешила к перекрестку.

Бедная женщина совсем изнемогла. Казалось, она больше не в силах сделать ни шагу, слова не в состоянии вымолвить. Проклятый вор, видно, лишил ее всего состояния, отнял здоровье. Что же парень украл: новый платок, золотые серьги или пять донгов? Правда ли, что ворюга еще и избил ее? Сейчас она все расскажет.

— Люди! Держите вора, не отпускайте, не отпускайте его,— хрипела торговка.

— Не волнуйтесь, он уже не убежит. Потерпливайтесь! — кричали в толпе.

Торговка летела что было мочи. И все так же взывала об отмщении. Толпа расступилась.

— Наконец-то, вот он! — тяжело дыша, простонала торговка. Приподняв вора за шиворот, она самозабвенно хлестала его по щекам. Потом принялась бить всерьез, но вор уже не чувствовал ничего, он потерял сознание. Наконец обессилевшая торговка рухнула наземь, вцепившись мертвой хваткой в вора.

— Отдай! Верни! — кричала она.

Он лежал без дыхания.

— А что он украл у вас?

— Отправьте!.. Отведите его в участок!.. Прошу вас...

— Да что он все-таки украл?

Голос ее срывался, будто она вот-вот испустит дух.

— Как это что? Он... съел... у меня... на два су... лапши... и не заплатил... сбежал...

1932

ЛЮДИ-РЫСАКИ

Никому неизвестно, сколько часов этот рикша, пересекающий сейчас перекресток, уныло тащит за собой пустую коляску. Видно, заработать ему нужно позарез, иначе он не бродил бы по улицам в новогодний вечер. Все лавки в Ханое уже давно закрыты, улицы обезлюдели, и шансов найти клиента почти нет.

Эх! Бросить бы все да отправиться к жене и детишкам! Небось ждут его не дождутся,— до встречи Нового года осталось всего несколько часов. Да что и говорить, были бы деньги в кармане — давно сидел бы уже дома, а не таскался по пустынным улицам, словно бродяга. Беда, что только сегодня он поднялся после тяжелой болезни, от которой, как правило, умирают. Поэтому не было у него возможности подзаработать в предпраздничные дни, а все его жалкие сбережения давно уже кончились.

С утра он изловчился и подзанял кругленькую сумму, приобрел коляску и вышел на улицу в надежде раздобыть немного денег для праздничного ужина.

Но случилось непредвиденное: с полудня и до сего позднего часа он сумел заработать всего-навсего два хао. В предвечерние часы на улицах было полным-полно шикарно одетых людей, но ему так и не удалось найти пассажира, хотя он сорвал голос, зазывая дам и господ в ко-

ляску. Ну, а теперь и подавно надеяться не на что. Рикше становилось особенно не по себе, когда весело гремели, разрываясь одна за другой, хлопушки, начиненные порохом. А при одной мысли о новогодних застольях в богатых домах у него начинали течь слюнки. Эти господа могут позволить себе бросать деньги на ветер, желая перещеголять один другого, тратят на пустяки сотни и тысячи донгов, а тут не знаешь, как раздобыть несколько несчастных хао, чтобы купить риса.

Время от времени рикша приостанавливался, вслушиваясь — не зовет ли его кто. Но только то и дело взрывались хлопушки, осыпая искрами мостовую. Рикша вздрагивал и тащился дальше. Он сетовал на судьбу, на свое ремесло, которое не приносило достатка. Может, забросить это дело и заняться чем-нибудь другим? Но чем? Этого он не знал.

Так, волоча за собой коляску, он миновал улицу Барабанов, свернул на улицу Большого Собора и направился к больнице Фузоан. Здесь он остановился, озираясь вокруг.

— Эй, рикша! Сюда!

Рикша опрометью кинулся к позвавшей его даме, остановился и опустил ручки коляски.

— Куда изволите, госпожа?

На тротуаре стояла женщина лет тридцати, в коричневом атласном платье, с белым накинутым на плечи платком, концы которого спускались до пояса.

— Хочу нанять тебя на час-другой. Согласен?

— Согласен-то я согласен, но все-таки на сколько часов?

— На час.

— Прошу вас, шесть хао, госпожа.

— Ничего себе, заломил! Два хао — вот моя цена!

— Госпожа, в Новый год мы всегда так берем. А сейчас другого рикшу вам все равно не сыскать — ни подороже, ни подешевле. Да и я тоже, вот отвезу вас — и на этом все, пойду встречать Новый год.

Женщина повернулась к нему спиной.

— Так сколько же вы все-таки даете, госпожа?

— Два хао,— отрезала она,— да и этого много. В обычный день больше полутора ни за что бы не дала.

— Ладно, госпожа, согласен на пять с половиной хао. Это мое последнее слово, не хотите — так и не надо.

— Ну и не надо!— Она опять повернулась к рикше спиной и пошла по дороге. Рикша посмотрел ей вслед. Он

догадывался, что пассажирка ему досталась незавидная — бедна, вот и торгуется за каждый хао. Но два хао, что предлагает женщина, тоже ведь деньги. Он догнал ее.

— Госпожа, прошу вас, садитесь! Пусть будет два хао. Ну, два хао с половиной...

Женщина занесла было ногу на подножку, но, услышав, что речь все-таки идет о двух с половиной хао, тут же снова ступила на землю.

— Я сказала: два хао и ни су больше!

— Ладно, будь по-вашему, садитесь, госпожа.

— Сейчас пять минут десятого.— Она отвернула рукав и посмотрела на часы.— Но для ровного счета будем считать, что девять.

Рикша, коль ему попался седок на время, бежал «по-стариковски», то есть высоко поднимая колени, но делая короткие шаги. Время, как говорится,— деньги, и каждая минута промедления приносила ему монету.

Сначала он думал, что женщина и впрямь куда-то спешит, и бежал не снижая темпа, но, увидев, что никакой определенной цели у нее нет, что она ни разу нигде не велела ему остановиться, догадался, что и эта дама, по всем приметам, тоже ищет заработок, и перешел с бега на шаг. Его так и подмывало поговорить с ней начистоту, предложить выгодных клиентов. Но вдруг она все же не из «тех»? Оскорбится, денег никаких не заплатит, разве что обругает на прощанье. И он молчал.

Когда они, миновав рынок Донгсуан [1], свернули на улицу Корзинщиков, а потом — к Восточным воротам, женщина вдруг спросила:

— Ты согласен возить меня еще час?

— Пожалуйста, только извольте сначала расплатиться, отдайте мне заработанные два хао.

— Ладно. А у тебя есть мелочь? Дай-ка мне взаймы несколько хао, а я потом верну целый донг — и тебе так будет удобнее.

Рикша вытащил из кармана два хао и протянул пассажирке. Та быстро шмыгнула в лавчонку, купила пачку сигарет, спички, а на оставшиеся деньги — семечек.

Рикша для начала сделал несколько быстрых широких шагов, но тут же опять перешел на легкую трусцу. Улучив удобный момент, он осмелился и задал вопрос, давно вертевшийся на кончике языка:

---

[1] Донгсуан — главный рынок в Ханое.

— Вы кого-то разыскиваете, госпожа?
— Да, знакомого.
— А на какой улице он живет?
— Твое дело везти, а не разговаривать.

И он вез и вез свою коляску — мимо железнодорожного вокзала, по улице Памятного храма в честь чиновных особ, по Хлопковой улице, улице Темных Тканей и многим другим. А госпожа все никак не могла найти своего знакомого.

— Госпожа, который час?
— Без пяти одиннадцать.
— Как только кончится этот час, прошу вас, госпожа, расплатиться со мной, поеду-ка я лучше на вокзал к вечернему поезду.
— Может, ты согласишься покатать меня еще часок?
— Не обессудьте, госпожа, но стоит мне взять пассажира с вокзала или довезти кого-нибудь до дома — и, пожалуйста, заработал два хао.
— Но найдешь ли ты кого — это еще неизвестно,— парировала пассажирка.— Там, у вокзала, как говорится, мух много — меду мало, не пришлось бы тебе оттуда ковылять с пустой тележкой. Повози-ка меня лучше еще часок. Плохо ли? Гуляешь себе вразвалочку, а плата меж тем идет. Все выгоднее, чем носиться, как взмыленному, по городу.

Ее доводы показались рикше резонными, и он согласился. Улицы стали еще пустыннее, все двери в домах наглухо закрылись. Когда, проезжая узкими торгово-ремесленными улочками и переулками, они повернули к улице Больших Корзин, вокруг воцарилась мертвая тишина, только слышно было, как пассажирка щелкала семечки. Но вдруг одна за другой разорвались начиненные порохом хлопушки, извещая о том, что время подошло к полуночи и наступил Новый год.

— Который час, госпожа? — спросил рикша.
— Это, видно, какая-то загулявшая семейка раньше времени устроила фейерверк,— ответила пассажирка.— Сейчас еще только без четверти двенадцать.

«Через четверть часа у меня будет еще шесть хао: шесть да два — восемь,— подумал рикша.— А там, глядишь, удастся уломать пассажирку, чтобы добавила хао на чай. Всего, стало быть, девять хао. А это ведь не шуточные деньги. И к тому же в самый Новый год. Редкая удача! Новый год только-только начнется, а я уже при деньгах.

Значит, в новом году наверняка удастся заработать в десять, а то и в сто раз больше, чем в минувшем году»[1].

Потом он стал думать о жене и детях, на сердце у него сделалось легко и радостно, будто прибавилось сил, и он забыл об усталости.

«Завтра встречу пассажиров у вокзала с утреннего поезда,— размечтался он,— съем добрую чашку лапши, ребятам куплю пирожных — пусть и у них будет праздник. Увидит жена, что в кармане у меня звенят деньги, обрадуется, пожалеет меня, скажет, что недаром ее муж усердно трудится, на всю семью зарабатывает. А я, конечно, виду не подам, что устал до смерти, пусть мои радуются, ведь Новый год на дворе».

Размышляя таким образом, он дотащил коляску до больницы Фузоан и, остановившись на том самом месте, где три часа назад нашел пассажирку, сказал:

— Сейчас небось уже двенадцать, прошу вас, госпожа, расплатитесь со мной.

— Ну вот еще новости! — всполошилась пассажирка.— Рано вздумал деньги требовать. Покатай меня еще часок, почтенный, сделай милость.

— Поздно, ночь уже, госпожа, мне давно пора домой.

— Тогда слушай, скажу тебе по совести: я тоже весь вечер ищу клиента. Сам видишь — хоть бы кто-нибудь на меня обратил внимание. Я уж решила, как только найду клиента, возьму у него деньги вперед и расплачусь с тобой, да не повезло, вечер выдался неудачный. Правда, не знаю, как и быть.

— Выходит, барышня, я возил тебя с девяти часов, а ты мне платить не будешь? Так, что ли?

— Я и сама никак ума не приложу, что мне делать.

— А я знаю: отвезу-ка я тебя, барышня, в участок.

— Изволь, вези в участок, но какой тебе от этого прок?

— Как только не совестно! Набралась наглости торговаться, коляску нанимает на час, на два, на три! — разгорячился рикша.— Да еще в долг брала у меня на сигареты да на семечки!

— Я живу в переулке возле улицы Торговцев Лапшой. Как-нибудь будешь ехать мимо моего дома, заглянешь ко мне, я с тобой расквитаюсь. Идет?

---

[1] Во Вьетнаме прежде было распространено поверье в особое значение первого дня Нового года: каков первый день, таким будет и весь год.

— Иде-ет! — передразнил рикша.— Возле улицы Торговцев Лапшой добрая сотня переулков. В котором из них тебя разыскивать?

— Ну, нет у меня денег, нет! — закричала женщина.— Можешь обыскать, если не веришь.

— Мне незачем тебя обыскивать. Заплати мне — и весь разговор.

— Ладно, возьми тогда что хочешь из вещей: вот платок, платье, часы.

— На что мне все это сдалось?

— Полно, не сердись на меня. Ведь мы с тобой товарищи по несчастью: ты хочешь найти седоков, а я — подцепить клиента. Случаются скверные вечера, вроде сегодняшнего,— приходится смириться. Ничего не поделаешь!

— Почему же ты, барышня, сразу-то мне все честно не сказала? Я бы тебя прокатил по злачным местам. А то, смотрю, задается, госпожу из себя корчит.

— Откуда мне было знать, что дело так обернется. Ну да ладно. Послушай, что я тебе скажу. Если ты меня сейчас ссадишь, то, поскольку платить мне нечем, плакали твои денежки. Но если ты покатаешь меня еще и я найду клиента, мы выиграем оба: я буду с деньгами и тебе не придется жаловаться.

— Видно, в предыдущей жизни совершил я большой грех [1], коль попал сегодня в такую переделку. Влипнуть так в самый Новый год! Вот горе-то!

— Полно, не говори глупостей, никто тебе не делает плохого,— оборвала его женщина.

Делать нечего, волей-неволей человек-рысак опять впрягся в коляску и потащил продажную кобылку по улицам города. Теперь ему торопиться совсем не хотелось, он едва перебирал ногами. Все это, право, ему порядком осточертело.

Эх, судьба нищего! Рикша вез коляску и тяжко вздыхал. Пассажирка тоже вздыхала. Чем позднее становилось, тем реже мелькала человеческая тень на улицах города. Лишь иногда попадался запоздалый прохожий, который, закутавшись в пальто, куда-то направлялся торопливым шагом.

Тоскливо и скучно... Вокруг фонарей с жалобным пис-

---

[1] По буддийским верованиям, человек должен расплачиваться за грехи, совершенные им в прежнем рождении.

ком плясали москиты, тихо опадали листья с деревьев и шуршали по асфальтовой мостовой.

Рикша устроил своей пассажирке «турне» по публичным домам, но было уже два часа утра, и нигде работы для нее не нашлось. Один раз показалось, что им наконец улыбнулась удача: в начале Конопляной улицы навстречу попался торопившийся куда-то прохожий, одетый как завзятый франт и гуляка. Девица, решив заарканить клиента, окликнула его и стала расспрашивать, какой дорогой здесь лучше проехать. Но, на беду, франт только покачал головой и прошел мимо, бормоча:

— Не знаю я, госпожа. Спросите-ка лучше у рикши, а я бегу за доктором, у меня жена заболела.

Рикша и проститутка разочарованно переглянулись и вздохнули. Потом, не говоря ни слова, рикша медленно двинулся дальше.

— Ты, пожалуйста, такие номера больше не выкидывай, не то оба загремим в полицию,— сказал он пассажирке.

— Ладно, ты уж извини меня.

— Тебе еще везет. Сколько времени мы шляемся по городу, а пока не нарвались ни на тайную полицию, ни на полицию нравов. А то совсем было бы худо!

— Это все мне нипочем. У меня билет есть.

Они ехали долго, но улицы словно вымерли.

— Остановись-ка, я сойду,— сказала вдруг женщина.— Что притворяться? Скоро рассвет. Сколько бы ты ни возил меня, теперь все равно без толку. Заплатить мне нечем. Предлагала я платок, платье, часы — ты не берешь. Послушай, может быть, ты отвезешь меня в какое-нибудь укромное местечко, а там что хочешь, то и будет.

— Хм... Как это — что хочешь, то и будет?

Девица с жеманной улыбкой взяла рикшу за руку, похлопала его по плечу и сказала:

— Эх, простецкая ты душа, сообразить не можешь... Словом, там мы будем с тобой вдвоем. Понимаешь. И я — твоя. Я согласна на все, до конца. Дошло?

— Ну, нет уж! Этого мне только не хватало. Наградишь еще какой-нибудь дурной болезнью — хлопот не оберешься,— испугался рикша.

— Не бойся, ничего с тобой не случится, я только вчера проверялась.

— Нет, нет! Умоляю, пожалей меня, слезай с коляски, давай деньги, и я отправлюсь восвояси.

— Тогда отвези меня, пожалуйста, домой, может, там найдется что-нибудь, чтобы я могла расплатиться с тобой.

«Отпусти ее сейчас,— подумал рикша,— выходит, весь вечер и всю ночь даром работал. А если отвезти ее домой, вдруг и в самом деле у нее там что-нибудь найдется. Все лучше, чем возвращаться с пустыми руками».

— Где твой дом-то? — обернулся он к девице.

— Вблизи улицы Торговцев Лапшой.

Рикша тянул коляску, бормоча себе под нос:

— Полюбуйтесь-ка: денег у нее ни единого су, а набралась наглости, уселась в коляску, воображает из себя бог знает что. Посовестилась бы за счет рикши семечки грызть да сигаретами попыхивать...

Девица сидела молча, точно безжизненная кукла, предоставив рикше возможность свободно изливать свою обиду.

В это время подул северный ветер, пронизывающий до костей. На улицах появились ранние прохожие. Но люди проснулись совсем не для того, чтобы тут же кинуться на поиски гулящих женщин.

Перед одним «веселым» домом девица сказала рикше:

— Остановись-ка, я зайду на минутку, может, мне посчастливится занять у кого-нибудь денег.

Питая в душе робкую надежду на удачу, рикша остановился, отпустил пассажирку, а сам, вконец измученный, присел на подножку коляски и тут же погрузился в дремоту.

Вдруг тишину разорвал грохот хлопушки. Рикша вздрогнул, очнулся от забытья и тут же спохватился: пассажирки рядом не было. Почему она так долго торчит там? Может, заполучила клиента? Но, пожалуй, ей полагалось бы сначала расплатиться с рикшей, чтобы он мог наконец вернуться домой. Рикша постучал в дверь. Ему открыл слуга.

— Не скажете ли, господин,— заискивающе спросил рикша,— в котором номере у вас девушка в белом платке, которая только что зашла к вам?

— У нас сейчас все номера пустые.

— А где же та самая девушка?

— Она сразу же вышла, у нас не задерживалась.

— Как же так? Через какие двери она вышла? — спросил рикша в растерянности.

Слуга молча указал большим пальцем на задние ворота. Рикша качнулся, словно пораженный молнией.

— Ступай себе,— проговорил слуга.— Мне надо двери запирать. Чего тебе вздумалось к нам соваться? Смотри, чтобы без глупостей у меня.

— Господин, позвольте мне только...

Но слуга отпихнул рикшу и захлопнул дверь. Рикша сжал зубы, нахмурился и понуро поплелся к коляске. Подобрав с земли подушечку для сидения, он с силой швырнул ее на место. Затем вытащил из кармана коробок спичек и сжег одну, «опаляя душу», чтоб неудачи отошли от него [1]. Потом снова взялся за ручку коляски и уныло побрел домой.

А кругом с веселым треском рвались хлопушки, возвещая приход весны.

1935

ЖЕНИТЬБА В ДОЛГ

Не успел Третий Кок жениться, как стала его грызть забота: как бы поскорей расплатиться с долгами, в которые он влез по случаю женитьбы. Долги, известно, имеют свойство расти — попробуй-ка расплатись со всеми. Словом, свалилась на беднягу большая беда, легла камнем на сердце.

Сам Третий Кок — бедняк из бедняков, а в жены заполучил дочь известного богача, старика Кхана из соседней деревни. Когда молодые поженились, в обеих деревнях единодушно решили, что пара они хоть куда. Но, по правде говоря, дочь почтенного Кхана только потому и досталась Третьему Коку, что слюбились они давненько, и папаша, опасаясь, как бы Третий Кок не улизнул, как некогда Шо Кхань [2], решил: пусть уж лучше поженятся. От судьбы не уйдешь!..

Кок и сам был не прочь жениться — вошел он как раз в тот возраст, когда любой парень мечтает иметь жену. Но женитьба — дорогая штука: то одно, то другое, выпивки, угощения. Словом, на все про все больше десятка донгов ушло. Стоило парню припомнить обо всех затратах, как

---

[1] По поверью, в случае неудачи, сжигая щепку или бумажку, то есть «опаляя душу неудачи», можно оградить себя от невезения.

[2] Шо Кхань — персонаж популярной поэмы Нгуен Зу «Стенания истерзанной души», прославившийся своими любовными похождениями.

тотчас пропадало желание расставаться с холостяцкой жизнью. Если бы ему сказали, что у богачей в Ханое принято по случаю женитьбы дарить тестю золото и брильянты, облачаться в тканные серебром одежды и шитые золотой нитью туфли, разъезжать на авто и летать в самолетах — в общем, тысячи донгов выбрасывать на ветер, он ни за что не поверил бы и счел бы эти россказни чем-то вроде волшебных сказок. Ведь женщина — всего-навсего человек, а не какое-нибудь редкостное чудо. Почему же будущий муж за удовольствие жить с ней должен платить так дорого?

Но небо создало мужчин таким образом, что хоть свадьба и доставляет им немало хлопот, однако обзавестись красоткой женой любому приятно. Потому-то Кок и затеял все это.

А началось все с того, что он подолгу любезничал со своей избранницей на людях, потом стал назначать ей свидания в безлюдных местах. И наконец, пришла пора тайных встреч, с ласками и нежным шепотом. Старый Кхан вскоре прознал об этом и заставил Кока жениться. Третий Кок тоже парень не промах, сумел выторговать у будущего тестя дочку по умеренной цене — всего за пятнадцать донгов.

Полтора десятка монет за милую, любящую женщину! Ну чем не удача? Для вас, читатель, это был бы, наверное, настоящий подарок судьбы. Но не для Кока. Он и так едва сводил концы с концами, хотя круглый год гнул спину на своем заливном поле, пахал да мотыжил. Ему и пятнадцать хао представлялись фантастической суммой, не то что пятнадцать донгов. Пришлось Коку идти на поклон к соседям, поведал он им о своей нужде, сумел разжалобить и в результате собрал почти всю необходимую сумму.

Приближался день свадьбы. Почтенный Кхан торопил с выкупом, а у Кока набралось всего десять донгов. Эх, была не была! Заявился он с этой суммой в дом будущего тестя. Клятвенно стал заверять, что остальные пять донгов внесет сразу же после сбора урожая.

Бедняга в душе надеялся, что, породнившись с почтенным Кханом, сумеет сыграть на родственных чувствах и ему в конце концов скостят должок. Не на того, однако, напал. Тесть оказался себе на уме и затребовал от Кока долговую расписку по всей форме. Почтенный Кхан, право же, и так пошел на уступки, особенно если учесть, какие нынче тяжелые времена. Вот так и женился Кок, не упла-

тив полностью выкупа. Поезжайте-ка в Ханой и попробуйте заказать в долг какой-нибудь товар. Чем меньше задаток, который вы оставите, тем меньше у вас шансов получить товар вовремя. То ли дело выплатить всю сумму разом. Ну, а коль скоро женщина тоже своего рода товар, то заполучить жену в кредит, как посчастливилось Третьему Коку,— редчайшая удача.

Но счастье молодожена было омрачено. Урожай собрали и свезли на базар. Надвигался срок уплаты долга. Кок и так и этак прикидывал. Если даже они с женой вдвоем будут работать, не разгибая спины, то и тогда им едва ли хватит денег, чтобы расквитаться с соседями. А где взять пять донгов для тестя? Он тешил себя надеждой: авось удастся выпросить отсрочку. А ну как пригрозить старику самоубийством? Ведь тогда его дочь останется вдовой и убытков будет вдесятеро больше.

Однако в жизни часто случается, что мы надеемся на одно, а все складывается совсем по-другому. Жена уговаривала Третьего Кока в первую очередь вернуть долг отцу, но он не послушался. Когда же наступил срок, почтенный Кхан призвал зятя и потребовал свои пять донгов. Сначала тесть по-отцовски увещевал Кока, но, узнав, что у того, как говорится, в кармане ветер гуляет, не на шутку разгневался. Не желая больше терпеть брань, Третий Кок стал избегать тестя и придумывать любые отговорки, лишь бы уклониться от приглашений в его дом.

Почтенный Кхан рассердился на строптивого зятя, позвал к себе дочь, отругал ее, да в сердцах как следует поколотил.

— А муженьку своему передай, пусть несет долг. Уразумела?

Женщина вернулась домой в панике, кинулась к мужу и давай его умолять поскорей разделаться с проклятым долгом. Когда жена горячится, мужу проще простого успокоить ее поцелуем, что Кок и сделал. Но супруга не унималась.

— Отец грозится, что, если ты с ним не расплатишься, он заберет меня обратно.

Угроза показалась Третьему Коку настолько смехотворной, что он и не подумал пугаться. Подумаешь, напугал! Грозиться отобрать у должника сделанную в кредит покупку — верный способ принудить его выплатить долг, и ростовщики часто к нему прибегают. Применять же такой прием в данном случае — по меньшей мере глупо. Ведь

женщина — это не какая-нибудь тебе бездушная чурка, она и уйти может, и сбежать. Ее не удержишь. Разве что почтенный Кхан проденет дочери веревку через ноздри, как буйволу, или привяжет ее к ножке кровати. Но, если подумать, зачем Кхану лишний рот в доме? Пройдет два-три дня, и он поймет, что поступил неразумно, да и отпустит дочь на все четыре стороны. Тогда, так и быть, Кок уважит тестя — еще раз молча стерпит его брань. Этим все и закончится.

Но бедняк просчитался. Тесть зачастил к зятю, и каждый его визит не обходился без скандала. Что ни спектакль, то не меньше, чем на полчаса. А Кок изображал из себя глухонемого статиста.

Однако, как говорится, сколько веревочке ни виться... Ежедневно выслушивая, как поносят его самого и его предков, коим настойчиво предлагалось покинуть свои могилы и отведать разных малоаппетитных блюд, Кок в конце концов не выдержал и взорвался:

— Вот вам ваша дочь! Коль вы так уж хотите, то забирайте ее!

Слушая, как родной отец и муж пререкаются из-за нее, словно она и не человек вовсе, бедная женщина только всхлипывала. Она была в обиде на обоих, и чью сторону принять — не знала.

На другой день она куда-то ушла спозаранок, а вернувшись, печально сказала мужу:

— Женаты мы с тобой уже год. Не думала я, что из-за каких-то пяти донгов ты затеешь склоку. Отец настаивает, чтобы я вернулась к нему в дом. И я хочу знать: что ты на этот счет думаешь?

Кок нахмурился.

— Он только грозится, а сделать ничего не посмеет.

— Плохо знаешь ты моего отца. Он зря говорить не станет,— возразила жена.— Если завтра ты не вернешь ему долга, моя судьба будет решена.

— Ну, так поживешь малость в отцовском доме, а потом я все улажу.

— Тогда уже будет поздно, милый. Мой отец не из тех, что на полпути останавливаются.

— Неужто он подаст на меня в суд? — воскликнул Кок.— Конечно, право на его стороне. И все же мы с ним теперь в родстве. Не пойдет же он против родни!

Кок свято верил в родственные чувства и потому не сомневался, что все образуется. Но он был прав лишь отчас-

ти. Наверное, если бы почтенный Кхан не уважал родственные отношения, он действительно потащил бы зятя в суд. А так он просто забрал дочку домой и не велел ей возвращаться к мужу.

Третий Кок терпеливо ждал возвращения жены. Прошло пять дней, десять, полмесяца, месяц. Несчастный приуныл и затосковал. Наконец стал бегать по знакомым в надежде набрать пять донгов и выкупить жену. Но никто ему больше не давал в долг. Он кинулся к тестю, со слезами на глазах умолял вернуть жену. Но почтенный Кхан только покачал головой и велел домочадцам гнать впредь его в шею. И еще тесть сказал, чтобы тот не смел больше ступать на порог его дома.

Бедняге оставалось только ждать. Надоест же когда-нибудь тестю держать у себя дочь, и тогда, думал Третий Кок, ей позволят вернуться к нему.

И вот только Кок принялся воплощать в жизнь свою тактику выжидания, как вдруг до него дошел слух, что его подруга, подарившая ему из своей жизни всего лишь год, против воли отдана в наложницы престарелому, но богатому старосте соседней деревни. Ее отец был должен ему двадцать донгов и решил расквитаться дочерью. Отныне она в качестве седьмой наложницы будет служить старику до конца дней своих.

1933

КУДА ИСЧЕЗ БУМАЖНИК

У господина советника пропал бумажник, и не пустой, а с сорока донгами. Ох и разгневался же он! Только одно удержало его от вызова полиции — то, что в доме гостит родной дядя, младший брат его матери.

У рикши, повара и кормилицы в глазах помутилось от страха. И не мудрено: ведь если попадешь в участок, тебя там так отделают, что на всю жизнь калекой останешься. А потому один клятвенно уверял, что в глаза не видывал бумажника, другой вызывался идти за полицией,— словом, каждый старался отвлечь подозрения от себя. Но плохо, видать, им это удавалось: госпожа настороженно всматривалась то в одного, то в другого, а господин советник грозился страшной карой. Ну как тут быть?

— Мы и сами не успокоимся, пока все не выяснится,— восклицали слуги.

А хозяин шикал на них:

— Тиш-ш-ш-ше, тиш-ш-ш-ше, крикуны! Разгалделись! Разве не знаете, что почтенный гость еще почивает, вчера поздно лег.

Под почтенным гостем как раз и разумевался дядюшка господина.

А тут рикша возьми да и предложи:

— Позвольте нам обыскать друг друга. Сегодня никто еще не выходил из дому, и если бумажник у кого-то из нас, то мы его отыщем. А то очень уж неприятно: виноват кто-то один, а подозревают всех.

— Да мы вас всех под суд отдадим! Уж там-то вы признаетесь! — кипятилась госпожа.

— Дорогая, говори тише, дай выспаться нашему гостю... Вчера он долго ворочался, не спалось бедняге.

Но крик в доме стоял такой, что гость, разумеется, проснулся. Прислушавшись, он понял, в чем дело, и ужасно обиделся на племянника: на что это он, собственно говоря, намекает? Уж не заподозрил ли он его, родного дядю, в краже бумажника?!

И старик попытался представить себе точное расположение комнат в доме — авось это поможет выявить вора.

«Комната, в которой я сплю, и супружеская спальня — смежные. Но вчера племянник остался ночевать в моей комнате. Дверь, выходящую во двор, я сам запер на засов; перед тем как улечься, племянник проверил, хорошо ли она заперта. Выходит, в краже можно подозревать только кормилицу, потому что и повар, и рикша спали внизу, рядом с кухней. Значит, надо припугнуть кормилицу, она вмиг и сознается».

Так размышлял старик, а племянник словно читал на расстоянии его мысли.

— Кормилица тут ни при чем! — отчеканил он.— Будь нечиста на руку, она могла бы обокрасть меня уже не единожды. Перед тем как лечь спать, я всегда выкладываю из карманов деньги на стол, а наутро просыпаюсь — все цело, ни единого су ни разу не пропало. Не иначе как ваших рук дело! — заключил советник, обращаясь к рикше и повару.

Старик от этих слов даже растерялся. «Неужто и впрямь подозревает меня, но прямо сказать не решается? — мелькнуло у него в голове.— Кроме племянника, его жены и кормилицы с ребенком, наверху оставался только я один. Не может быть! Наверное, он считает, что повар

или рикша на рассвете поднимались на второй этаж, увидели бумажник и стащили его».

— Господин наш и госпожа, рассудите по справедливости. Дверь-то была на запоре!.. Вы же сами отперли ее, когда пропажа уже обнаружилась. Тогда вы нас только и пустили наверх. Не обессудьте, господин, но вы, наверное, сами выронили бумажник накануне вечером, когда прогуливались по городу.

— Я твердо помню, как перед сном открыл бумажник, пересчитал деньги и спрятал под подушку. Спал я в одной комнате с почтенным гостем, моим дядей; мы с ним проговорили допоздна. Правда, сон у меня крепкий, но, сдается мне, кто-то из вас подсматривал, когда я считал деньги.

Та-а-ак, ясно. Старику словно подсыпали горячих угольев в постель.

— Господин наш и госпожа, мы даже не знаем, каков он из себя, ваш бумажник. Пусть помрут наши отцы, пусть небо ниспошлет погибель на детей и внуков наших, если мы говорим неправду!

«Племянник вроде бы валит вину на рикшу и повара,— размышлял старик,— а сам не торопится сообщать в полицию. Все ходит вокруг да около и явно на меня намекает. Уж не думает ли он, что я был в сговоре со слугами? Он видел, как долго я не мог заснуть на новом месте, без конца ворочался, курил, пил воду, потом отпирал дверь и выходил по нужде. Но как же он смеет подозревать меня, паршивый щенок!»

Старика так и подмывало вскочить с постели и как следует отчитать племянника, а потом в присутствии всех домашних поклясться в своей невиновности. Но стоит ли затевать скандал — вдруг он только понапрасну обидит племянника и его жену?

— Господин наш и госпожа, посудите сами, ведь это могли сделать только те, кто ночевал наверху, а мы и знать ничего не знаем,— твердили слуги.

— Кого же прикажете подозревать? — крикнул советник.— Госпожу, что ли?

У почтенного гостя, который было успокоился, от обиды перехватило дыхание. «Уж куда ясней!— подумал он.— Племянничек просто не решается до конца быть откровенным».

— Да нам бы такое и в голову не пришло! — один громче другого кричали слуги.

— Тогда, может быть, прикажете заподозрить почтенного гостя? Ах вы, мошенники!

— Дорогой мой, что ты! Что за вздор ты несешь! — воскликнула госпожа советница.

Но было уже поздно. Дядюшку так и подбросило на кровати. С громким криком он выбежал из комнаты:

— Что тут происходит? В чем дело? Что случилось?

Хозяин дома тотчас сменил суровое выражение лица на приветливое.

— Ничего, ничего, дядюшка,— отвечал он.— А вы,— это уже относилось к слугам,— ступайте вниз!

Старику не терпелось отчитать неблагодарного племянника, но он решил пока притвориться, будто ничего не слышал и ничего не знает. Но, увидев, что племянник с женой стараются замять дело, он вспылил, как никогда.

— Нет уж, позвольте!.. Мне показалось, что в доме обнаружилась пропажа...

— Что вы, ничего подобного,— поспешила ответить хозяйка.— Всего-навсего одно су куда-то закатилось, но мы уже нашли его.

— Нет, я слышал! Пропала сумма покрупнее!

— Да нет же, вам, верно, приснилось.

— Приснилось? Сами разбудили меня своими криками, а теперь говорите: приснилось!

— Какие пустяки! Я тут отчитывал кое-кого. Стоит оставить без присмотра деньги, непременно недосчитаешься одного-двух хао.

— Кого же именно ты подозреваешь? — язвительно спросил старик.

— Ну, этих вот...

— Но кого же все-таки? Не увиливай от ответа!

Госпожа советница, заметив, что гость начинает сердиться и уже повышает голос, принялась увещевать мужа:

— Говорила же я тебе...

— Что ты мне говорила? Я и сам давно хотел прекратить этот разговор, а ты все подзуживала, чтобы я до правды допытался.

— Дорогой дядя, неужели мы с мужем смели б подумать о вас дурно!

— Нет уж, прошу прощения. Вы оба достаточно ясно высказались. Я вас отлично понял!

— Дорогой дядя, если мы с женой и сказали что-нибудь не так, прошу вас, не сердитесь, извините нас. Хватит, оставим эти разговоры. Сегодня ярмарка, прошу

вас, дорогой гость, пожаловать со мной на рынок Донгсуан.

Дяде хотелось отвести душу и отругать племянника, но тот всячески увиливал от разговора. И поэтому старик еще больше выходил из себя.

«Ага, теперь племянник предлагает прогуляться с ним на рынок Донгсуан. Конечно, он уверен, что я вор! — подумал гость.— Какая наглость! Давно ли живет в столице — и вот, пожалуйста, каким хитростям да дерзостям выучился!»

— Кого же ты все-таки подозреваешь? Кто взял твои деньги? — стоял на своем старик.

— Что вы, какие деньги, дядя!

— Я не спал и слышал все с начала до конца. Говори, кого ты подозреваешь?

— Уж лучше расскажи все как есть,— сказала жена.— Дядя и так редко у нас гостит, а тут еще обидится и вовсе перестанет приезжать.

— Извольте, дядя, расскажу. У меня в бумажнике было сорок донгов. Обычно я на ночь запираю деньги в шкаф. Но вчера мы с вами поздно вернулись из театра, и мне не хотелось идти в другую комнату за ключом. Я пересчитал деньги и положил бумажник под подушку. Да вы сами все это видели.

— Ну, и что же дальше?

— Утром смотрю — бумажника нет.

— Кого же ты подозреваешь?

— Повара и рикшу.

— А почему не кормилицу?

— Она честная женщина, я ее знаю очень давно.

— Повар и рикша не могли попасть на второй этаж. Ты это знаешь прекрасно. Итак, получается, что деньги взять было некому, кроме меня.

— Помилуйте, да мы вовсе так не думаем! — всполошилась хозяйка.— И как только подобное могло вам в голову прийти!

— Хватит, перестань юлить! Я знал твоего мужа еще ребенком. По его тону я сразу обо всем догадался. Но пусть он запомнит, что хоть я и беден, но чужого в жизни не возьму, не опозорю своих седин!

— О, горе! Не знаю, что и сказать! Вы же сами возводите на себя напраслину! — воскликнул племянник.

— Неправда. Это ты все намекал, не решался высказаться начистоту, но мне и так все ясно.

— Вот беда-то! За что вы нас так обижаете?

— И как вам обоим не совестно!

Эти слова невольно вырвались у старика. Он подбежал к вешалке, сдернул свой длинный белый халат и хорошенько вытряс его. Потом сорвал с себя исподнюю рубаху, стал выворачивать карманы. Он даже пояс снял и сунул его племяннику, чтобы тот мог осмотреть и убедиться, что там ничего нет. Не будь это нарушением приличий, старик, наверное, скинул бы и штаны. Но он ограничился тем, что старательно провел руками по бедрам.

Советник с полным хладнокровием взирал на разыгравшуюся сцену. Госпожа советница все упрашивала старика остановиться и простить их, но ее увещевания были тщетны.

Старик кончил себя обыскивать и с укором обратился к супругам:

— Ну, теперь убедились? Никогда бы не подумал, что вы способны до такой степени меня унизить. Я ведь тебе дядя,— обратился он к советнику,— родной брат твоей матери, а ты подозреваешь меня в воровстве! Вот ты два года служишь в Ханое, и за эти два года я всего-навсего четвертый раз у тебя в гостях. И приезжал-то я потому только, что скучал по тебе, но ни клянчить, ни вымогать у тебя денег не собирался. И потратил ты на меня всего несколько чашек риса да купил билет на пароход...

Дядя умылся, прополоскал рот, надел головную повязку и халат.

— Дорогой дядя, вы неправы. Куда вы сейчас собираетесь?

— Я уезжаю. Если мой племянник и его жена так ко мне относятся, как же я могу здесь оставаться?

— Дорогой дядя, если мы в чем-нибудь провинились, то вы, как старший, побраните нас и простите. Зачем же таить зло?

— Довольно! Перестаньте юлить! Вы оба мошенники. С этой минуты я вам больше не родня!

Старик сунул зонтик под мышку и направился к выходу. Сколько советник и его жена ни уговаривали старика остаться, он их и слушать не хотел.

— Разве вор смеет находиться под одной крышей с честными людьми? Пустите, я пойду на рынок Донгсуан, там мое место.

С этими словами дядюшка покинул дом.

Господин советник и его супруга, проводив гостя, вернулись в дом мрачные, молча посмотрели друг на друга и тяжело вздохнули. На лице у госпожи было написано раскаяние.

— А ведь все ты виноват,— бросила она с укоризной мужу.— Мало того, что деньги потерял, так по твоей милости вон какая неприятность вышла.

Но советник в ответ вдруг беспечно улыбнулся.

— А что, собственно, плохого произошло?

— Не понимаю, как тебе в голову взбрело заподозрить старика?

— Да я просто разыграл комедию. Бумажник-то на месте, он никуда и не исчезал!

С этими словами советник вытащил из кармана брюк бумажник и с размаху бросил его на кровать.

Супруга вытаращила глаза.

— Что же ты наделал?! Ведь дядя нам никогда этого не простит!

— И замечательно! Этого-то я как раз и добивался — чтобы дядя больше не приезжал к нам в гости. Очень уж не хочется тратиться на старика!

1933

КАК У НАЧАЛЬНИКА ТОНГА ПРОПАЛИ ТУФЛИ

Теперь-то вы представляете себе, сколь велика благосклонность начальника тонга к этому семейству, если он соблаговолил посетить их дом. Шутка ли — залучить к себе в гости этакое начальство! Согласился он, понятно, не сразу, все отнекивался: не хочется, мол, тащиться в гости, но в конце концов дал себя уговорить.

И надо ж такой беде приключиться: пока начальник изволил есть и пить, кто-то стянул его новые туфли. Попробуй уследить за всеми, когда в доме полно народу. Правда, начальник тонга восседал далеко от двери, но снятые туфли стояли под его сапом. У какого ж мошенника рука поднялась обокрасть столь почтенную особу? Может, кто-то по ошибке надел его туфли? Но как ни крути, вина падает на хозяина. Плохо-де смотрел за своими слугами и гостями. Однако надо быть поистине отчаянным смельчаком, чтобы решиться на подобное дело. Это же все равно что тигра по усам погладить.

Хорошо еще, что хозяин дома вовремя обнаружил пропажу. А что случилось бы, соберись господин начальник уходить или пожелай выйти на двор? Подумать страшно.

К счастью, начальник тонга даже заметить не успел, что туфли куда-то запропастились. А то бы не миновать беды. Всякому известно, как он нетерпим к мошенничеству. Вот пример: кто-нибудь из его собственных слуг стащит на рынке что плохо лежит, схватят вора с поличным, приведут к господину, так он ни за что не помилует виновного. Краденое, разумеется, оставит себе, но вора примерно накажет.

Вот почему, обнаружив пропажу, хозяин дома позеленел от страха. Он отозвал в сторону слугу господина начальника и спросил:

— Скажи, милейший, а каковы были туфли у твоего господина?

— Совсем новехонькие, фирмы «Задинь», на белой каучуковой подошве. Цена им не меньше трех донгов...

* * *

Уже месяц начальник тонга пребывал в дурном расположении духа. А виной всему — туфли. Износились вконец, будь они неладны. Слуга сказал перепуганному хозяину дома, что они были совсем новенькие, на белой каучуковой подошве. Но кому запретишь использовать возвышенный слог, изобилующий, как известно, преувеличениями? Будь слуга реалистом, он должен был бы вслух признать, что туфли его господина износились дальше некуда.

Трудно установить, в каком году правления покойного императора Кхай Диня [1] были куплены эти туфли. Во всяком случае, они пережили четыре пары подметок, да и от пятой уже почти ничего не осталось. Носы у них облупились, в двух-трех местах красовались заплаты. Даже новая пара подметок не спасла бы их, до такой степени кожа истерлась и ранты поистрепались. Сапожники боялись прикоснуться к ним шилом — того и гляди совсем развалятся. Отвечай тогда!

Мудрено ли, что, собираясь в гости и уже облачаясь в нарядное платье, начальник тонга весьма огорчился, когда настал черед обуваться. Поплевав на тряпку, он потер мыс-

---

[1] Кхай Динь — отец последнего вьетнамского императора, правил с 1916 по 1925 г.

ки, пытаясь навести хоть какой-нибудь глянец. Увы, этакому старью ничем не поможешь! Начальник несколько раз прошелся по комнате, чувствуя, как досада в нем перерастает в самый настоящий гнев. Но тут ему, видно, что-то пришло на ум.

— Собирайся,— велел он верному своему слуге,— пойдешь со мной.

Тот не спеша убрал кальян, смахнул тряпкой пыль со шкатулки, которую должен был захватить с собой, и, скрестив руки на груди, замер в ожидании дальнейших приказаний. Лицо начальника тонга приняло строгое выражение.

— Ты заставляешь меня краснеть со стыда за мою обувь,— суровым тоном обратился он к слуге.

Хозяин, видать, не на шутку сердится, а посему слуга счел за лучшее отмолчаться, лишь время от времени смущенно почесывал за ухом.

— Нет, это ж надо — довести до такого состояния обувь своего господина! Хорош у меня слуга, ничего не скажешь!

Опасаясь побоев, слуга поспешил поддакнуть, однако начальник тонга не унимался:

— Не могу я больше срамиться в такой обуви, слышишь, мошенник! Делай что хочешь, но чтобы сегодня же у меня были новые туфли!

Странно, не правда ли? Такого рода претензии можно предъявлять жене или, в крайнем случае, близким родственникам, но требовать новые туфли от слуги — это, право, ни с чем не сообразно! Шутит он, что ли?

Но господин начальник говорил вполне серьезно. Если стоптаны башмаки,— значит, слуга нерадивый, вот и весь сказ. Только где бедному малому раздобыть новые туфли? Как тут не приуныть? Попробовал бы он только заикнуться, что пора купить новую пару... Конечно, хозяин не стал бы возражать, но и денег не дал бы. Выкручивайся, как можешь.

Стоит слуга, голову ломает, а господин еще некоторое время глядит на него сурово, затем вдруг лицо его смягчается, и он миролюбиво подманивает к себе слугу и шепчет что-то на ухо. Когда же в заключение хозяин вворачивает крепкое словцо, лицо слуги расплывается в улыбке. Ох, и хитер же господин!

И вот начальник тонга в сопровождении своего слуги отправляется в гости.

Встретили его с необычайным радушием, усадили на самое почетное место, суетятся вокруг. Не зная, как лучше угодить гостю, хозяин то и дело советуется со слугой, выспрашивает, какое лакомство господин начальник предпочитает, умоляет слугу ни на миг не отлучаться от господина и, если надобно, без стеснения требовать любых закусок, изысканных яств и вина.

Начальник тонга степенно восседал на сапе. Перед ним на особом столике стояло множество всяких блюд. Хозяин дома не посмел посадить рядом с высоким гостем кого-нибудь из приглашенных, да и вряд ли кто отважился бы на подобную дерзость.

Когда стемнело, но еще не зажгли свет, начальник тонга незаметно кивнул слуге и скосил глаза на туфли, стоявшие под сапом. Слуга мигом все понял, выскочил на террасу, осмотрелся, потом вернулся в комнату, вроде бы невзначай наклонился и ловко сунул туфли в бумажный пакет. Затем, выскользнув из дому, направился к деревенскому пруду. Взмах руки — и сверток летит в воду.

Вот при каких обстоятельствах пропали туфли, которые, по словам слуги, были совсем новехонькие, фирмы «Задинь», на белой каучуковой подошве...

* * *

Ох, беда, беда! Пропали туфли у начальника тонга! Счастье, что он пока не обнаружил пропажу. Каждому известно, что он терпеть не может воровства.

Кто ж тот смельчак, что отважился погладить тигра по усам?!

Когда после трапезы решено было поиграть в карты, высокий гость милостиво позволил хозяину дома сесть рядом с собой и даже соблаговолил перебросится с ним несколькими фразами. И вот тут-то, почтительно отвечая на вопросы, хозяин потянулся к кальяну, чтобы разжечь его, и при свете соломенного жгута увидел, что под сапом нет туфель. Бедняга от страха поперхнулся. О, небо, какой ужас! Он посветил еще раз, но туфли словно сквозь землю провалились.

Дрожащим голосом хозяин дома пригласил четырех гостей составить партию в карты, а сам с разрешения начальника тонга поспешил удалиться. Первым делом он кинулся к слуге:

— Скажи-ка, не ты ли прибрал туфли своего господина?

— Нет. А что случилось?

— О, боже, неужто пропали? Скажи, милейший, а каковы были туфли у твоего господина?

— Совсем новехонькие, фирмы «Задинь», на белой каучуковой подошве. Цена им не меньше трех донгов...

Хозяин велел домашним взять фонари и обшарить каждый уголок в доме и в саду, тщательно осмотреть кухню, хлев, собачью конуру, поискать вдоль забора — словом, всюду, куда могли припрятать их злоумышленники или затащить игривые щенки. Но туфель нигде не было; хозяин места себе не находил от тревоги, слуга же то и дело подходил к нему и спрашивал:

— Может, лучше доложить господину?

Доложить господину? Да об этом и подумать-то страшно! Хозяин велел продолжать поиски. Он даже обещал награду — целый донг серебром тому, кто отыщет пропажу.

Однако попробуй найти! Даже если б хозяина осенила гениальная догадка, что слуга бросил туфли в пруд,— и тогда поиски оказались бы безуспешными: ведь прошло больше часа, и старые бамшаки успели окончательно размокнуть и теперь благополучно покоились на дне.

А начальник тем временем с увлечением играл в карты. Проведай он о пропаже, наверняка тотчас бросил бы игру и принялся разыскивать виновного. Уж он-то, можете не сомневаться, нашел бы!.. Всему тонгу известно, как он свиреп, как крут в обращении: крикнет — пламя изо рта вырывается!

Эге, неужто и впрямь уста господина начальника извергают пламя? Это, положим, сказано ради красного словца. Будь оно так на самом деле, начальник, узнав о пропаже, спалил бы дом гостеприимного хозяина. А дойди весть о столь необычайных способностях начальника тонга до правительства, оно незамедлительно послало бы его во Францию на обследование к господам ученым из академии. А уж там-то ему выдали бы пару новых французских туфель и не пришлось бы являться в этот дом затем только, чтобы разыгрывать сцену с пропажей.

Справедливости ради следует добавить, что с тех пор, как начальник тонга окончил начальную школу и вышел в образованные люди, он немного подобрел. А посему, возможно, и не стал бы кричать, извергая пламя, а предоста-

вил бы хозяину возможность самому выкручиваться из этой истории.

От бесплодных поисков у хозяина и хозяйки глаза уже лезли на лоб. Они пререкались, друг на друга валили вину за недосмотр, скорбно вздыхали и сетовали на свою судьбу.

К двум часам ночи, когда были сыграны три партии в карты, все стали предусмотрительно намекать начальнику тонга, что пора бы ему и отдохнуть. Хозяин зажег факел, собираясь проводить почетного гостя до самого дома. Начальник тонга надел кхан — головную повязку, взял соломенный жгут и посветил под сапом. Там стояли новенькие, сверкающие туфли фирмы «Задинь» на белой каучуковой подошве. Чья-то заботливая рука поставила их на то самое место, где прежде стояли старые туфли. Заметив, что хозяин украдкой посматривает в его сторону, начальник изобразил на лице своем недоумение:

— Кажется, это не мои...

От волнения у хозяина зашлось сердце, и он поспешил опровергнуть:

— Что вы, что вы! Конечно ваши!

Начальник тонга обулся, смачно зевнул и покинул гостеприимный дом. Скрип новых туфель услаждал его слух. Он был доволен проведенным вечером.

1933

СЧАСТЛИВЧИК

Когда стало известно, что автомобиль начальника уезда, который разыгрывали в лотерею, достался помощнику деревенского старосты, люди весело хохотали, а некоторые еще и приговаривали:

— Воистину, послало небо оборванцу шитые золотом туфли!

В самом деле поразительно! Ведь в лотерее принимало участие двадцать человек, ни больше ни меньше: и секретарь уездной управы, и делопроизводитель, и господин депутат, не говоря уже о начальниках тонгов и их помощниках, старостах больших деревень. Сколько достопочтенных господ мечтали об этом автомобиле, а счастливый жребий выпал какой-то мелкой сошке — помощнику старосты! К тому же сам он отродясь не помышлял ни о каком автомобиле, лотерейный билет за пятнадцать донгов купил просто из желания угодить начальству — только и всего.

Начальник уезда сказал, что автомобиль в отменном состоянии. В Ханое его можно было бы продать не меньше чем за четыре сотни донгов, но чиновный господин захотел устроить во вверенном ему уезде лотерею для всеобщего развлечения. Таким образом, за умеренную плату любой мог приобрести надежду стать владельцем красавца автомобиля.

Конечно, каждый из тех господ — участников лотереи, был бы несказанно рад, выиграв машину за пятнадцать донгов. Немедля купив бензину, он с шиком прокатился бы по уезду на зависть всем соседям. Но помощник старосты с тех пор, как на него свалилась удача, совсем потерял покой.

Заботы вконец его одолели, но больше всего страшило, что придется устраивать банкет, поскольку те господа, которые вытянули пустые номера, считали его счастливчиком. Право же, автомобиль нельзя было не «обмыть». Помощник старосты, с вымученной улыбкой на лице, принимал поздравления.

Пришлось изрядно потратиться на угощенье. Когда веселая попойка закончилась и гости закурили опиум, господин секретарь уездной управы, выковыривая из трубки пепел, знаком подозвал к себе счастливчика и тихо сказал:

— Вам, уважаемый, следует как-то отблагодарить нашего господина начальника. Подарок ему купить, что ли. Ведь это только благодаря ему вы почти что задаром получили шикарный автомобиль. Для нас вы устроили пирушку на славу, но забывать о господине начальнике — крайне неучтиво.

Гости стали наперебой давать советы, какой подарок купить начальнику уезда. Спустя недолгое время помощник старосты и в самом деле сделал чиновному господину богатое подношение, дабы выразить тем самым свою признательность за оказанную милость.

Но почему-то каждый раз, заходя в уездную управу и издали любуясь своим автомобилем, стоящим возле казармы синепоясных стражников, он испытывал беспокойство. Казалось, машина, будто ненасытное чудище, разевает огромную пасть и требует денег, денег и денег! Нужно ведь и жалованье шоферу платить, и бензин покупать, и мотор чинить — без этого машина ездить не станет. Недаром чиновный господин начальник предупредил:

— Машина у меня отличная. Стоит только сменить мотор — и она будет как новенькая.

Но зачем бедняку машина, даже новехонькая? Где вы видели помощников старосты, которые бы разъезжали в лимузинах? Не всякому такое по чину. Но кому тогда продать машину, кто ее купит?

Пока удачливый обладатель автомобиля пребывал в мрачной задумчивости, не зная, что делать с неожиданно подвалившим счастьем, его со всех сторон стали осаждать желающие взять машину на денек-другой или просто прокатиться за счет хозяина. Беда, да и только!

И денег у помощника старосты теперь не осталось ни гроша. Все, что он выручил от продажи риса последнего урожая, пошло на покупку лотерейного билета, на дорогой подарок чиновному господину и на щедрое угощенье.

Что тут станешь делать? Помощник старосты так и держал машину во дворе казармы. Ставить-то ее некуда. Да и как ее перегнать, если денег нет ни на бензин, ни на шофера? Не посылать же за нею наряд деревенской стражи, чтоб парни перетащили ее волоком!

Жена помощника старосты, видя, что эта проклятая машина сулит одни только расходы, изводила мужа руганью да упреками. Женщины известно, что за народ,— сварливы и непонятливы. Ей бы взять в толк: раз уж ее невезучему мужу выпала этакая морока с автомобилем, то остается лишь смириться и терпеть, дабы не потерять благорасположение господина начальника и прочих важных особ. Вдруг они проведают о тех поношениях, которым их предает недостойная женщина?!

Вот горе-то с этим автомобилем! Как все-таки умеет небо иной раз посмеяться над человеком!

Меж тем все дивились глупости и нерасторопности помощника старосты, у которого такой шикарный автомобиль стоял без всякого употребления. Но откуда господам было знать, что бедняга совсем обнищал из-за счастливого номера в лотерее?

Когда на дороге ему случалось завидеть какой-нибудь мчавшийся навстречу автомобиль, он старался внимательней разглядеть шофера. Потом оглядывал себя, и ему становилось стыдно. Водители были одеты на европейский манер, носили шляпы и вообще выглядели импозантно, почти как настоящие французы. А помощник старосты ходил босиком и одет был во что придется. У него, понятно, были припрятаны и туфли, и праздничная одежда, но с какой стати надевать все это в будни? Уж если староста и сам начальник уезда ходят босиком, ему и подавно при-

личествует. Неважно бы он выглядел рядом с шофером: поди угадай, кто хозяин, а кто работник!

Будь что будет, думал помощник старосты, пусть автомобиль стоит себе у казармы. Хотя начальник уезда не раз напоминал, что пора забрать выигрыш, помощник старосты все тянул с этим неприятным делом. Не будут же они, в конце концов, применять силу. Видно, и чиновный господин вскоре догадался, что не следует настаивать. Тем не менее он несколько раз вызывал к себе помощника старосты и заводил с ним разговор на эту тему. Но хозяин машины ссылался все время на одно и то же: негде ему, мол, держать автомобиль и не изволит ли сиятельный господин повременить еще денька три-четыре.

Конечно, были это одни отговорки, на самом же деле он и не собирался ничего предпринимать. А начальник уезда, то ли сочувствуя незадачливому владельцу автомашины, то ли еще почему, всякий раз говорил:

— Вам достался чудесный автомобиль, и как жаль, что вы им не пользуетесь. Подумать только: несколько сот донгов буквально пропадают зря!

Счастливчику, конечно, тоже было жаль. Вот ежели б чиновный господин по доброте своей соизволил выдать ему хоть немного бензину и уступил на время своего шофера, тогда не понадобились бы и увещевания. Эх, сел бы помощник старосты на мягкое пружинное сиденье, усадил бы рядом жену и детей да прокатился бы несколько раз вокруг деревни. Но такие развлечения не для тех, у кого пустой карман.

Вот отчего помощник старосты держал свой автомобиль на приколе. Люди, качая головами, осуждали нерадивого хозяина. Бывший владелец машины все напоминал помощнику старосты: автомобиль-де существует для того, чтобы на нем ездили. А нынешний владелец всякий раз просил повременить денька три-четыре... Не иначе как господин начальник понял наконец, что дела его подчиненного идут из рук вон плохо, ибо однажды спросил напрямик:

— Скажите по правде, собираетесь вы ездить на машине или нет?

Помощник старосты почесал в затылке и ответил честно:

— Сиятельный господин, человек я бедный, где уж мне разъезжать на автомобиле?

— Зачем же вы покупали лотерейный билет?

Видно, начальник уезда, всегда по горло занятый, совсем запамятовал, что это он самолично сказал тогда по-

мощнику старосты: «Вы человек зажиточный, вам-то обязательно следует купить билет».

Впрочем, стоит ли напоминать сейчас об этом чиновному господину? Ведь он проявляет такое искреннее участие. И счастливчик ответил:

— Рад был стараться для вас, сиятельный господин!

— Держите вы машину без всякого присмотра,— пожурил начальник,— она ржавеет, портится. Мне и то ее жаль. Так вот, я возвращу вам ваши пятнадцать донгов. Это будет справедливо, потому что, выходит, деньги вы истратили, а на автомобиле не ездили ни разу. Понятно?

Поскольку в этих словах, проникнутых истинным человеколюбием, ничего непонятного не было, помощник старосты, воспрянув духом, радостно отрапортовал:

— Так точно, сиятельный господин!

— А машину оставите мне. Понятно?

Смысл этой фразы был столь же прозрачен, как и смысл предыдущей, поэтому помощник старосты тотчас все уразумел. Он снова почесал в затылке и повторил:

— Так точно, сиятельный господин!

Он и в самом деле был рад: наконец-то отделался от этого проклятого автомобиля! С души словно камень свалился.

Растроганный до глубины души, он низко поклонился своему избавителю и покинул уездную управу безмерно счастливый. Вскоре по дороге ему повстречался знакомый. Помощник старосты не упустил случая похвалиться удачей:

— Если бы мой господин не оказал мне милость, не пожалел меня, пришлось бы из-за этого проклятого автомобиля потратить еще донгов шестьдесят, никак не меньше!

1934

СМЕХ С ТОГО СВЕТА

Наша деревня зажила теперь спокойно, и все благодаря неустрашимому Ку Бану: это он, презрев смерть, пошел прямехонько в джунгли и разведал разбойничье логово.

А что творилось в деревне всего полгода назад! В тихие безлунные ночи никто не смел на улицу и носа казать. Стоило ветке шелохнуться под порывом ветерка, как люди принимались напряженно вслушиваться. Если с берега реки раздавался собачий лай, дрожь пробирала всех, на-

чиная с двухлетних малышей. Ребята поднимали плач, жались к матерям. Детей успокаивали, гладили по головкам, баюкали, пели им колыбельные, а сами в страхе ловили звуки, доносившиеся снаружи. Когда тревожно звучала большая сигнальная раковина, старики поднимались с постелей, разжигали поярче керосиновые лампы, сердито кашляли и закуривали лаосское снадобье, чтобы скрыть беспокойство и страх.

Вдруг раздавался вопль — кто-то звал на помощь, тишину разрывали тревожная дробь барабана, плач и стоны, завывание сигнальной раковины; нарастающей волной разливался собачий лай, перекидывался из одной деревни в другую по всей округе. Здесь уж не выдерживали самые хладнокровные, их тоже брала оторопь, они будили домочадцев и сидели при свете до самого утра.

Из каждых десяти ночей выпадало по меньшей мере четыре таких, а хитрые разбойники ловко прятались в джунглях, и отряды стражников не могли их найти, хотя чиновный правитель не раз посылал туда самых надежных воинов.

* * *

Часа в четыре дня Ку Бан с сияющим лицом вернулся домой и сказал жене, которая перебирала зелень в кухне:

— Слушай, женушка, чиновный господин поручил мне важное дело.

— Какое? — встрепенулась жена.

— Разведать разбойничье логово.

— Он посылает тебя на верную смерть! — помертвев, вымолвила жена.— Неужели ты послушаешься? Неужели пойдешь?

Ку Бан приосанился.

— Не болтай глупостей! Ничего со мной не случится. Они искали добровольца, вот я и вызвался.

— Ты что, хочешь обречь меня с детьми на голодную смерть? Вот горе-то свалилось! На кого ты нас покидаешь? Не ходи, не надо!

Трое ребятишек, которые с недоумением поглядывали на отца и мать, дружно заревели.

Ку Бан, несколько смутившись, принялся успокаивать жену:

— Ты не оплакивай меня раньше срока. Вот увидишь, к утру я вернусь живой, невредимый. Сама рассуди, если

я не возьмусь за это дело, разбойники совсем нас одолеют. Ведь никто в наших местах не может жить спокойно.

— Так-то оно так, только вдруг они тебя...

— Всякое, конечно, может случиться. Что поделаешь! Но я ведь иду на это ради людей. Грех меня от такого дела удерживать.

— Ради людей? Только ради богатых! — ответила, всхлипывая, жена.— Таким, как мы, разбойники не страшны. А стрясись с тобой беда — останусь я одна с тремя ребятишками на руках.

— Полно тебе, женушка. Зачем загадывать? Если же все будет хорошо, меня ждет награда! Чиновный правитель обещал. Коль повезет мне — придет конец нашей нужде.

— Не надо, умоляю, я никуда тебя не пущу!

Ку Бан сверкнул глазами.

— Мне дело важное поручили. Это тебе не детские игрушки! Не смей же перечить!

Жена, зарыдав, вцепилась в рукав мужниной рубахи. Но Ку Бан высвободился и сердито прикрикнул:

— Не мешай! Сам чиновный правитель вместе со стражниками ожидают меня возле общинного дома.

— Не ходи, не надо! Ну поешь хоть сначала, не спеши...

— Я сыт. Меня угостил господин. А теперь пора...

С этими словами Ку Бан обнял поочередно всех троих ребят, наказал им, как себя вести в его отсутствие, и вышел за ворота. Жена с детьми выбежала следом, но он больше не обращал на них внимания, а у деревенских ворот шепнул на ухо начальнику дозора, чтобы дальше жену не пускали.

* * *

Отважный Ку Бан! Он с честью выполнил данное ему поручение. Но жена его стала вдовой. В тот самый вечер благодаря мужеству Ку Бана всех разбойников переловили и отправили в тюрьму. Сам же Ку Бан погиб.

Страшное горе обрушилось на женщину с белой вдовьей повязкой на голове, оставшуюся с тремя ребятишками на руках. Все в деревне жалели ее и восхищались Ку Баном, который во имя долга отдал собственную жизнь.

Богачи отныне могли спать спокойно; на радостях они один за другим закатывали пирушки, угощали друг друга

курятиной и собачатиной и наперебой расхваливали чиновного начальника, который оказался столь добр к народу, что, пожертвовав всего лишь одним человеком, спас от гибели многих. Наконец, нашлись такие, что посоветовали вдове Ку Бана вместе с тремя детьми явиться пред чиновным правителем и, поведав о своей тяжкой нужде, испросить денег в награду.

Чиновный господин обошелся с женщиной весьма приветливо.

— Вам не нужно ни о чем беспокоиться,— сказал он,— это наш долг — ходатайствовать о награде для семьи погибшего героя. Возвращайтесь домой и потерпите немного. Уверяю, что достойная награда утешит вас в вашем горе.

* * *

Приободренная вдова вернулась в деревню и рассказала всем о доброте чиновного правителя. Односельчане порадовались за страдалицу.

День за днем, тяжким трудом зарабатывая на чашку риса, кое-как перебивалась она с ребятишками, тосковала о покойном муже и ждала обещанной награды. Она заранее мечтала, как, получив деньги, станет давать их в рост, и ей хватит на всю жизнь.

Минуло пять, десять дней. А мечта о награде так и оставалась мечтою, вдова и ведать не ведала, что прошение, написанное от ее имени, все еще передвигается из одной управы в другую. Частенько идет оно медленно, ковыляет, а то и вовсе останавливается передохнуть, словно немощный старичок.

Прошло полмесяца, месяц. Вдова едва сводила концы с концами. Детишек кормить стало нечем. Крыша прохудилась, некому было ее залатать. Дворик зарос сорняками да мохом, и вдове некогда было привести его в порядок. Детишки были брошены на произвол судьбы. Но что поделаешь? Если бы женщина сидела дома и присматривала за ними, то кто бы зарабатывал на пропитание? Будь они постарше на пару лет, их можно было б отдать в люди, пристроить на побегушки. Но беда в том, что большенькому едва минуло пять.

Прошел еще месяц, два месяца. В деревне жалели вдову, которая теперь вечно ходила голодная и оборванная. Она с тела спала, почернела, подурнела. Когда ей выказывали сочувствие, она неизменно отвечала:

— Ничего... Не сегодня-завтра придут наградные. Непременно придут. Не может быть, чтобы не пришли. Чиновный господин твердо обещал.

Но пока ничего не было. Вдова тревожилась, ей было совсем невмоготу, однако она упорно ждала и надеялась.

По деревне ходили разные слухи. Одни говорили, что вдове в награду дадут тысячу донгов, другие считали, что ей назначат пожизненную пенсию. Кто-то, возвратясь из столицы, уверял, будто своими глазами видел, как вдова пришла в казначейство получать выписанные ей две тысячи донгов.

На самом же деле ничего подобного не было. Несчастная женщина жила только надеждой на наградные, каждый день работая до изнеможения и плача по ночам тайком от людей. Ей вспоминался тот день, когда ее муж повел стражников к разбойничьему логову в темных джунглях, потом она вдруг как бы наяву видела его, лежащего в луже крови. На душе у нее становилось скверно. Но тут она припоминала обещание чиновного правителя и снова воодушевлялась мечтой о том дне, когда получит награду за подвиг мужа. Когда же наконец настанет этот благословенный день? Когда она избавится от голода, от нужды? В темноте на стене белела вдовья головная повязка. И слезы катились сами собой.

* * *

Как-то раз вдова, сияя от радости, вбежала ко мне в дом. На лице у нее не осталось и следа обычной скорби. Она размахивала бумагой, на которой алела киноварью красная печать.

— Господин староста передал мне этот пакет,— проговорила она.— Он сказал, что мне пора собираться за наградой.

Я порадовался за нее и принялся читать.

— Верно ли, что это про награду? Сколько я получу?— нетерпеливо выспрашивала она.

Окончив читать, я взглянул на несчастную и тихо ответил:

— Да, это про награду... Ваш муж посмертно удостоен чина девятого класса [1] без права занимать государственную должность...

---

[1] Чин девятого класса — низший чиновничий ранг.

— А деньги?..

— О деньгах здесь ничего не сказано,— проговорил я. Вдова побледнела, задрожала и разрыдалась. Потом вырвала у меня бумагу и побежала на улицу. А ведь ей, пожалуй, надо было бы радоваться: ведь ее муж наверняка смеялся там, у себя, в краю Девяти ручьев[1].

1934

ЖЕНЩИНА — СОЗДАНИЕ СЛАБОЕ

После пяти лет тщательного изучения особенностей мужской натуры красотка Бонг в полной мере овладела искусством извлекать из своей внешности доходы не меньше, чем, положим, иным удается извлечь из своих рудников. Ее сердце перестало быть тем пунцовым комочком плоти, который дышит и трепещет: оно превратилось в кованый ларчик, на дне которого упокоились вечным сном иллюзии многочисленных наивных юношей, взиравших до того на жизнь из школьного окна и воспитанных на прописной истине: женщина — создание слабое.

И вот однажды Бонг преподнесла сей драгоценный дар — свое сердце, некоему вдовцу, чиновному господину, начальнику фу[2], и заняла почетное положение супруги высокопоставленного лица.

Небо, по всей видимости, давно определило особый образец внешности, каковую надлежит иметь супруге чиновной особы, и вскоре после свадьбы Бонг уже вполне соответствовала установленному стандарту: она обрела приличествующее новому статусу кичливое выражение лица и даже некоторое сходство с круглым свадебным пирогом. Что же до ее высокочтимого супруга, то надо сказать, весь он от носа до совести состоял из острых углов и искривлений. Несмотря на преклонный возраст, он воспылал к жене нежной страстью и был безмерно счастлив, заполучив красавицу, которая прислуживала ему днем и не отказывала в услугах ночью. После женитьбы он твердо решил не ограничивать себя мелкими взятками — должна же его любезная половина иметь деньги на карманные расходы!

---

[1] Край Девяти ручьев — мир мертвых.

[2] Фу — административная единица в старом Вьетнаме, большой уезд.

С тех пор каждый вечер, когда ночь накидывает на землю темное покрывало, усеянное скверкающими алмазами, чиновный господин и его супруга, подобно парочке голубков, воркуют в саду перед своей виллой.

— Надеюсь, вы не забыли, дорогая, что завтра утром надо быть в храме на церемонии? — спросил супруг как-то в один из таких вечеров.

— Как же я могу забыть, если живу в столь добропорядочном доме? — ответствовала Бонг.— Да, кстати, я выгнала этого противного Тиня. Какой из него кунгван[1], если он грязен, как черт, к тому же глаза у него вечно гноятся. Фи! Не успеешь вознестись душой к небесам, как тут же спускаешься на бренную землю, и все из-за него, гадкого Тиня!

— Но если вы его прогнали, кто же будет завтра в храме читать за вас молитвы?

— С полмесяца назад жена старосты рекомендовала мне в кунгваны Бая, и я уже наняла его. Это как раз то, что мне надо: услужливый, чудесно играет на лютне, а как поет! Послушали б вы, как складно он говорит, да и собой пригож — крепкий, плечистый, не то что этот тощий Тинь, сухой как щепка...

— Может, вы и обо мне того же мнения? — вдруг перебил ее чиновный господин.— Я ведь тоже сухой и тощий.

— Что вы! Как у вас только язык повернулся сравнить себя с ничтожным слугой? С тех пор, как мы вместе, я словно вернулась в родной дом после тягостных странствий. И радуюсь я не достатку, не тому, что наш дом лучший в округе. Я дорожу лишь вашим сердцем и была бы счастлива с вами даже в соломенной хижине.

— Однако полному счастью деньги не помеха,— со смешком произнес господин и привлек к себе молодую жену.— Ну, скажите же, вы любите меня? Любите?

— Смешно, право! Только мужчины могут задавать подобные вопросы! Конечно люблю. Что же из этого?

Тут господин поднялся, за руку повел ее в дом и тщательно запер наружную дверь на засов. Его беззубый рот, едва прикрытый редкими усами, растянулся в блаженной улыбке.

---

[1] Кунгван — служка в храме, в обязанности которого входит читать молитвы и играть на струнном инструменте.

— Так что же вы медлите? — нетерпеливо спросил он.

Госпожа бросила томный взгляд на супруга и протянула:

— Но сегодня как-то холодно...

Тем не менее через пять минут господин мог лицезреть в слабом свете лампы женскую фигурку во всей ее первозданной наготе.

И так было каждый вечер...

День шел за днем. Начальник фу был в упоении, он и думать забыл о сомнительном прошлом своей красавицы супруги.

Нередко случается, что время одной рукой ставит свою печать на челе человека, а другой стирает с его лица следы всего безобразного и постыдного, чем была отмечена его прежняя жизнь. Это случилось и со старым чиновным господином и его супругой.

Но в один из вечеров произошло нечто непредвиденное. Лил дождь, завывал холодный ветер. Начальник фу весь день был занят тем, что вылавливал в кабачках любителей запрещенных азартных игр. Пока он, шлепая по лужам, измученный и продрогший, плелся к дому, окончательно стемнело, и он не чаял, когда наконец сможет улечься в теплую постель с живой грелкой — так он мысленно называл свою жену.

Дождь усиливался, все надсадней стонал ветер. Вдруг, когда начальник фу уже поднимался на террасу своей виллы, дверь с силой распахнулась, словно от неистового порыва урагана. И в то же мгновение какая-то черная тень мелькнула в дверном проеме, пулей пронеслась мимо чиновного господина и скрылась в кромешной тьме.

Душа высокопоставленного чиновника от страха едва не вознеслась к небесам, но он собрал воедино всю свою отвагу и вбежал в дом.

В спальне жены горел свет. Господин ворвался туда. О, небо! Кто бы мог подумать, что бушующий за окном ветер так силен! Неужели это он, пробравшись в дом сквозь незаметную щелку, привел в беспорядок постель, сбросил на пол одеяло, растрепал волосы госпожи и сорвал с ее прекрасного тела все одеяния, кроме ночной сорочки?!

А за окном все лил дождь, ревел ветер.

Не только сиятельный господин, который подобно небесному светилу озаряет все вокруг своей мудростью, —

любой глупец тотчас же догадался бы, что за сцена разыгрывалась недавно в этой теплой, уютной спаленке.

Вмиг позабыв о том, что он вымок до нитки, супруг выжидательно уставился на жену. Она же, очевидно не считая себя уличенной в чем-то постыдном, как ни в чем не бывало натянула на себя одеяло и повернулась на бок, собираясь почивать.

Господин пришел в неистовство от подобной наглости. Приблизившись к ней и грозя скрюченным пальцем, обтянутым морщинистой кожей, он злобно прошипел:

— Ах, вот ты какая! Так-то ты считаешься со мной! Только муж из дому — ты уж и полюбовничка привела!

Госпожа бросила на супруга насмешливый взгляд.

— Наконец-то до вас дошло, господин мой! Вы застали меня только сегодня, потому что чересчур глупы. Другой бы давно догадался.

— Ты еще смеешь издеваться надо мной? Да я тебя в тюрьму упрячу!

Госпожа приподнялась на локте, взглянула господину в глаза и громко расхохоталась.

— Неужто осмелитесь? Возьмите-ка лучше себя в руки!

— Вот увидишь, не только тебя — всю твою родню сгною в тюрьме! Раздобрела на моих харчах, а теперь платишь подлостью за все благодеяния, какие я тебе оказал.

— Ах, раздобрела на ваших харчах?! А разве я не платила за это? Справедливей было б сказать: я продавала — вы покупали. Какое же право вы имеете требовать от меня еще чего-то? Да если хотите знать, это вы украли мою свободу!..

— Что-о-о? Твою свободу? Может быть, я запирал тебя или не позволял никуда выходить?

— Конечно, вы не запирали двери, не запрещали выходить из дома, но вы всегда держали меня в четырех стенах силой своих денег.

— А кто тебя заставлял идти в мой дом?

— Эх вы! Только благодаря мне поняли, что такое настоящее счастье, и даже спасибо не скажете. Неблагодарный!

«Наглость этой девки переходит всякие границы!» — мысленно возмутился господин.

— Я предлагала вам воспользоваться мною для вашего продвижения по службе, но вы не пожелали уступить меня тем, от кого зависит ваша карьера. Мне оставалось только

одно: самой воспользоваться вами. Глупо было бы упускать случай.

— Чудовищно! Ты еще вздумала читать мне мораль!

— Подождите, я еще не все сказала. Знайте же, я сейчас немедля побегу в казарму к стражникам, пойду по всем улицам, буду стучаться во все двери и каждому говорить: «Вот, смотрите, я, жена начальника фу, спала с любовником под самым носом у мужа».

— Замолчи! Я запрещаю тебе!

— Как вы можете запретить? Я продала вам только свое тело, но не свою волю!

Эта фраза настолько озадачила обманутого мужа, что пучок волос у него на затылке едва не поднялся дыбом и не превратился в большой вопросительный знак. Госпожа мгновенно уловила перемену в настроении своего супруга.

— Мое счастье — одна только видимость,— опять заговорила она,— одна только внешняя оболочка, точно так же, как эта шелковая рубашка, которая прикрывает тело глубоко несчастной женщины. Но кто знает об этом? За вашим участием ко мне, о котором вы разглагольствуете на всех перекрестках, кроются низкие домогательства. Так знайте же, я молчать не буду! Всем вашим приятелям и знакомым я расскажу, что больше десяти раз спала с любовником в вашем доме, под самым вашим носом!

Последнюю фразу госпожа произнесла медленно, с расстановкой, что, по-видимому, возымело свое действие: каждое ее слово молотом било начальника по голове. Он кинулся к госпоже и силой зажал ей рот.

— Нельзя ли потише?!

— Почему я должна говорить тихо? Тихо говорят, только когда лгут или признаются в любви. Если же речи наши правдивы, какой смысл говорить тихо?

— Вдруг в доме услышат?

— Ну и пусть слышат и знают, что вы слепец и болван.

— Что же хорошего, если надо мной начнут потешаться?

— А кто в том виноват? Кто затеял этот разговор?

— Мало ли что бывает! Это я сгоряча, не подумав. Простите...— Господин явно смягчился.

— Значит, вы признаете свою вину?

— Признаю.

— Ладно, но это еще не все. Вам следует искупить свое прегрешение: сделать такой подарок, чтобы я отвлеклась, забыла все ваши оскорбления.

— Какой же? Бумажки с курильницами?[1] Да?
— Нет.
— Может быть, алмазы?
— У меня их и так много.
— Тогда яшму?
— И яшмы хватает.
— Что же тогда?
— Неужто не можете догадаться? Помните, в прошлое воскресенье, когда мы гуляли по Ханою, я указала на проезжавший «форд» и посетовала: «Хоть мы и правим уездом, а живем чересчур скромно». Помните? Вот вам и подарок.
— Ты что, с ума сошла? Откуда я возьму деньги на такую покупку?
— Что значит — откуда? Само собой разумеется, придется выжать из крестьян. Вы, очевидно, забыли, что машины, принадлежащие таким, как вы, работают не на бензине, а на поте и слезах народных. До чего ж вы все-таки глупы!
— Конечно, я глупец, если ты обвела меня вокруг пальца,— примирительно сказал господин, намереваясь обнять супругу. Однако он тут же получил отпор.
— Фи! Мокрый как мышь... Так вы согласны?
— На все согласен!
— Вот и хорошо! А сегодня я все-таки вас накажу. Эту ночь я буду спать одна. Тот сорванец просто вымотал из меня всю душу, не то что вы...

С этими словами госпожа взяла супруга за руку, вывела из комнаты и заперла за ним дверь.

Оставшись одна, госпожа погрузилась в мечты о лимузине, который, ощерясь никелированными зубами радиатора, будет посмеиваться над незадачливым сановником.

1934

СВЕТЛЫЙ ПРИМЕР

Досаднее всего, что непременно найдется какой-нибудь недоверчивый читатель, который, едва прочитав рассказ, обязательно скажет: «Все это пустые выдумки». Наперед хочу возразить: клянусь, что все, рассказанное мною,—

[1] Во Вьетнаме до революции на крупных ассигнациях изображалась курильница.

истинная правда. Не верите? Пожалуйста, у меня есть доказательства.

Итак, почтенный, вы полагаете, будто это невероятно? С вашей устарелой точки зрения все на свете кажется невероятным. Времена-то переменились. Нынешняя жизнь — это вам не почтенная мать семейства, которая и накажет по заслугам, и приласкает любя. Она больше похожа на разгульную бабенку, готовую спать с кем попало. И рожает она одних подлецов да голь перекатную. Нет, нет, вы уж мне позвольте, уважаемый, высказаться до конца. Нищих можно увидеть повсюду. Они то и дело стучатся в ваш дом, говорят, что остались без работы, а вы, прочитав мало подходящее к данному случаю правоучение о том, что следует быть усердным в труде, спешите отделаться от них. Негодяев тоже немало, но они, как правило, сыты и довольны, живут в роскоши, изощрены в ханжестве и обмане и только знают, что выжимать из подчиненных соки да есть поедом ближних своих.

Тут, взглянув на притихшего читателя, я вскочу и, уже стоя, тоном завзятого оратора продолжу.

Коль скоро вся наша жизнь такова, то и в моих рассказах ничего неправдоподобного нет. Я позволю себе поведать вам одну историю, которая своей необычайностью превосходит все, что можно вообразить.

Мой рассказ вполне достоверен; случай, о котором пойдет речь, произошел в краю не столь отдаленном лет этак десять тому назад.

Именно тогда некий чиновник был удостоен высокой чести — назначения на пост губернатора провинции Н. Но кому не известно: чем выше чины и значительней почести, коих удостаивается человек, тем короче сроки, отпущенные ему небом для наслаждения жизнью. А посему высокочтимый господин по прошествии всего трех месяцев отбыл, как говорится, к престолу Будды.

Печальный обряд погребения был совершен с превеликим тщанием. А вскоре после похорон неутешная вдова губернатора, как-то вечером сидя за игрой в карты, поклялась до гроба хранить верность покойному мужу.

Так уж случилось, что в тот вечер достойная дама проиграла несколько партий кряду: видно, ей мешали воспоминания о тех временах, когда она, актриса заштатного театрика, в один вечер превратилась из «этой потаскушки Бонг» в чиновную госпожу — начальницу уезда. Потом припомнилась ей другая ночь, когда она вырвала у своего

престарелого супруга обещание купить шикарный автомобиль и на этом автомобиле помчалась навстречу своему губернаторству.

Ну, а теперь сиятельная вдова, к тому же бездетная, вынуждена искать забвение в городской суете да в азарте карточной игры.

Обосновавшись в Ханое, она свела знакомство с такими людьми, которых немало и в других городах: с известной Про Хвост Кой, знаменитым Глуп Цом, а также с почтенным Столоначальником.

Сей господин никогда и нигде не служил, но люди величали его Столоначальником, и к этому он привык. Пусть уж лучше так зовут, чем как-нибудь по-дурацки, вроде «господин старшой» или «господин почтенный». От эдакого панибратства, право же, могла поблекнуть красота и внушительность его усов! Было господину лет сорок, и он, должно быть, явился на свет в один год с вдовой губернатора.

Лучшую пару трудно было себе представить. Ее алые, тщательно накрашенные губки придавали особую живость блеску его очков, а две изящные петельки на его одежде как-то особенно хорошо сочетались с округлостью ее грудей; оба носили белые шаровары, только вдова, в знак своей безутешной печали,— не атласные, а из ткани попроще.

Дом почтенного Столоначальника всегда был открыт для гостей. Сюда захаживали правитель дальнего уезда из провинции Туенкуанг, который, будучи слаб здоровьем, хлопотал о переводе в Южный край; бывал здесь и вице-губернатор провинции Тхайбинь — не по квусу ему глухая окраина, вот и захотелось перебраться поближе к родным местам в Северном крае [1].

Почтенный Столоначальник в весьма фамильярных выражениях отзывался об иных высокочтимых особах, за глаза разумеется. Чаще всего он позволял себе такое, играя в карты, сидя по правую руку от своей приятельницы. Желая предстать перед ней в лучшем свете, он любил говаривать:

— Ведомо ли вам, сиятельная, что мне не раз предлагали пост правителя уезда, но я полагаю, что незачем мне быть в подчинении у тех, которые уступают мне во всем. Впрочем, если бы я раньше познакомился с вами, то, по-

[1] Южный край (Намки) и Северный край (Бакки) — части территории Вьетнама.

жалуй, согласился бы служить, дабы завоевать вашу благосклонность.

При этих словах он заливался раскатистым смехом, усы его приподнимались, обнажая зубы, приобретшие неопределенный цвет от неумеренного потребления бетеля и табака.

Вдова губернатора то тянула ручку к колоде, то с размаху била крупной картой о циновку. Окидывая беглым взглядом свои карты, она отвечала партнеру:

— Поверьте, мне отрадно слышать это. Но позвольте попросить вас об одной услуге. Вы сегодня так искусно играете, что я просто не могу продолжать игру. А я намерена обратиться к вам с просьбой.

Она говорила тихим, ласковым тоном, но во взгляде ее таились одновременно и укоризна и призыв.

— Вы знаете, меня одолевает просьбами этот негодяй — начальник уезда Тхо. Он все ходит и клянчит, чтобы я исходатайствовала для его папаши титул, а Тхо сам еще чином не вышел. Не так-то это легко — добыть звание. И вот я сижу за картами, а мысли мои поглощены другим, потому иной раз и делаю ход невпопад.

— Простите великодушно, сиятельная госпожа. Все, что вы пожелаете, только извольте приказать, я тут же исполню.

— Для изложения этой просьбы мне потребуется немало времени. Разговор долгий, дело тайное, придется нам удалиться во внутренние покои.

И впрямь, дело было тайным, а разговор — долгим. Иногда на него не хватало целого дня; на небе уже появлялся ущербный месяц, золотились звезды, а в дальних покоях на удобной постели все шла беседа...

Дружба их стала настолько сердечной, что завистники принялись злоязычничать. До сиятельной госпожи то и дело доходили соседские сплетни, что ее в немалой степени огорчало. Почтенный же Столоначальник делал вид, будто ни о каких слухах ведать не ведает. И вот однажды, когда в ночной тиши, надрывая сердце, звенела печальная цикада, милая вдовушка, прижавшись к груди друга, спросила:

— Слышал ли ты, дорогой, ходят слухи, будто я выхожу за тебя замуж?

— Чего же ты испугалась, милая? Воистину правы люди, говоря, что женщины малодушны. Я бездетный вдовец, ты бездетная вдова. Если мы поженимся, кто нас осудит?

— Об этом нельзя и помыслить, дорогой. С тех пор, как преставился мой старикашка-губернатор, я мечтаю лишь о том, чтобы оставить потомкам добрую славу по себе, так сказать, аромат имени. Выйди я замуж, придется навсегда распроститься с мечтой обрести звание верной и добродетельной вдовы.

— Дорогая, я же говорил, что пробить в верхах для тебя такой титул — дело невероятно трудное. Когда ты овдовела, тебе было уже сорок лет, детей не имеешь. Где же основания для ходатайства?

— То ли ты, дорогой, не хочешь постараться ради меня, то ли у тебя ограниченные взгляды. Весы справедливости — это тебе не весы в мясной лавке, их всегда можно отладить как требуется. Десятки ничтожных, ничуть не более достойных, чем я, людей удостоены высоких титулов. И все благодаря искусному языку ходатая. Если бы всемогущее небо воздавало нам по справедливости, а люди ведали, чего мы стоим на самом деле, разве мы с тобой достигли бы того, что имеем сейчас? И половины всех этих благ и почестей не было бы и в помине!

Столоначальник погладил по спине сиятельную госпожу.

— Да, дорогая, мир таков, что люди только хитростью и живут.

— Вот именно, люди хитры, вернее сказать — подлы. Кто из нас, имеющих положение в обществе, добиваясь своего, памятует о совести?

— А что такое совесть? — недоуменно спросил господин и с твердостью ответил: — Это выдумка жалких неудачников, которым хочется оправдать свое скудоумие. Это — тормоз во всех наших начинаниях, это — преграда на пути героев, от замыслов которых приходят в ужас небеса и содрогается земля!

— Только молокососы лепечут что-то насчет совести,— заключила сиятельная госпожа.

— Ты многоопытна в жизненных делах, дорогая,— не поскупился на комплимент господин.

— Так отчего же ты не соберешься с духом, чтобы помочь мне? Боишься?

— Нет, бояться мне нечего. Сказать по правде, просто дело очень уж непростое, не по моим оно силенкам. Пожалуй, вот что: сведу-ка я тебя со своим сановным покровителем.

И сиятельной госпоже пришлось поведать свои заботы более могущественному человеку. Так, постепенно, но неуклонно, поднималась она вверх по лестнице, переходя со ступеньки на ступеньку, или, если выражаться точнее, перебираясь из одной роскошной кровати в другую, еще более роскошную, пока, наконец, не настал ее триумф.

В тот вечер некий уважаемый отец семейства, когда его домочадцы оказались в сборе, протянул старшей дочери газету и велел для назидания всем прочитать вслух такое сообщение:

Светлый пример

Госпожа Нгуен Тхи Бонг, шестидесяти лет от роду, уроженка деревни Хыубанг уезда Кимок, удостоена высочайшим указом звания верной и добродетельной вдовы.

Ее замечательная жизнь заслуживает того, чтобы о ней писали в газетах, потому что она — светлый пример, подражать которому надлежит всем женщинам.

Сиятельная госпожа овдовела в двадцать три года и с тех пор по доброй воле живет затворницей во внутренних покоях, страдая от голода и бедности, не ведая плотских услад. На долю ее выпала забота о престарелых свекре и свекрови, четверых малых детях. Поистине у нее есть право полагать, что всемогущее небо обошло своими милостями ее, прекрасную иву. Красота сиятельной госпожи не раз повергала в трепет князей царской крови, но она ни за что не хотела нарушить верность почившему супругу.

Сиятельная госпожа, укрепясь духом, следовала путем, указанным святыми мудрецами [1], а посему воспоследовала ей заслуженная награда — почетное звание.

В довершение несчастий войны и мор последних лет унесли всех четверых сыновей сиятельной госпожи, и она одна осталась в печали, коей хватило бы на тысячу осеней. Но она по-прежнему вершит свой подвиг почти монашеского отрешения и сегодня удостоена высокого звания.

В завтрашнем номере газеты мы поместим портрет сиятельной госпожи, чтобы читатели могли лицезреть живое воплощение добродетели и скромности.

1934

---

[1] Святые мудрецы — Конфуций и его ученики.

ЖЕНА, ПОКОРИСЬ МУЖУ

Господин расплатился с рикшей и, прижимая к груди сверток в синей бумаге, перевязанный алой лентой, поспешил прямиком в гостиную. Никого там не найдя, кинулся в столовую, по пути заглянул в ванную, затем спустился в кухню, где на столе громоздились кучи капусты кольраби, рыбы, грибов, каракатиц.

— Эй, повар! А где же хозяйка? — удивленно воскликнул господин.

— Госпожа изволит быть у себя в покоях,— не понимая, в чем дело, ответил повар.

— Нет ее там,— отрезал господин, но все же заново проделал весь маршрут: ванная, столовая, гостиная. Никого. Тогда он громко позвал:

— Женушка, где ты?

Никто не отозвался. Господин постоял в задумчивости, потом поднялся по лестнице в спальню и включил свет. Госпожа лежала в постели, закутанная в одеяла.

Радостный и торжествующий, супруг опустил сверток на стол, приблизился к постели и, присев рядом с женой, отдернул одеяла.

— Я-то думал, ты уже готова,— сказал он ласковым тоном, в котором, однако, можно было уловить укоризненную нотку.— Ну, вставай-ка живее!

Жена с трудом приподняла отяжелевшие веки и вновь натянула на себя одеяла.

— Ужас как болит голова,— плаксиво протянула она,— да и блюда для жертвоприношения перед алтарем предков еще не готовы.

— Не беспокойся об этом,— утешил ее муж.— Ты вставай, принарядись, а то скоро ехать надо, как бы не опоздать.

Господин откинул прочь все одеяла. Жена свернулась комочком.

— Нет, не поеду. Голова болит, будто по ней молотком бьют, перед глазами все плывет, качается.

Муж громко засмеялся, потянул жену за руки, она неохотно села в постели.

— Какая же ты притворщица! Эдакое свежее личико, а говорит, что голова раскалывается. Ну, живее наряжайся, прихорашивайся! Слышишь?

Тут господин, то ли тронутый красотой супруги, то ли

желая быть галантным, обнял жену за талию и чмокнул в шею. Но она оттолкнула его и опять улеглась.

— Нет, не хочу,— скорчив недовольную гримасу, сказала она.

— Не тот случай, чтобы можно было отказаться,— с легким раздражением вымолвил господин.— Вставай, оденься как подобает. Не подводи меня, пожалуйста.— Нежно погладив жену по плечу, господин показал на сверток:— Вот, видишь? Платье по новой моде... Красивое, просто загляденье! Вставай-ка да разверни поскорее.

Госпожа, не поддаваясь на уговоры, собралась было с головой укрыться одеялом.

— Если бы ты просил меня о чем-нибудь другом, я бы тотчас согласилась, но...

Господин рывком отбросил одеяла, скомкал их и кинул на соседнюю постель.

— Дорогая, неужели ты мерзнешь? — Он все еще улыбался.— Ведь совсем не холодно. На улице очень тепло.

Жена схватилась за голову.

— Дома дел по горло. Будто не знаешь. Блюда для алтаря предков еще не готовы.

— Я же сказал: не готовы — и не надо! Устроим моление попозже, в восемь часов, в девять, ну, в десять — словом, после того, как вернешься, еще успеем управиться. В крайнем случае я преподнесу досточтимым предкам бетеля да чаю. Обойдется как-нибудь. А завтра, в Новый год, сделаем все как полагается.

Он схватил жену за руки, приподнял ее, усадил на краю постели, а ногой пододвинул ей туфли. Госпожа резко откинулась назад и сжалась в комок, стараясь высвободить руки. Но силы были слишком неравные, поэтому женщина, как часто бывает в подобных случаях, заплакала. Наступил решающий момент. Осознав это, господин нахмурился и строго спросил:

— Ты в самом деле решила не ехать?

Женщина рыдала, закрыв лицо руками.

— Ты бы хоть спросил, согласна ли я...

— Но ведь я уже обещал...

— Ну и что такого! Кто тебя об этом просил?

— Фу, какая ты все-таки упрямая! Неужели тебе так трудно? Я круглый год работаю, каждый день по семь, а то и по восемь часов. Если бы я стал себя беречь да щадить, разве был бы у нас в доме достаток? Рассуди-ка сама, милая.

— Я все, все прекрасно понимаю. И все знаю без твоих объяснений. Но, пожалуйста, избавь меня от этого...

Отпрянув, господин смерил супругу яростным, ненавидящим взглядом.

— Так ты, видно, хочешь, чтобы меня сочли обманщиком.

Госпожа сложила руки и несколько раз поклонилась супругу.

— Прошу тебя, дорогой, умоляю, не принуждай меня ехать. Я ведь твоя жена...

— Жена называется! А мужа своего слушать не желаешь! Где твое послушание? Где воспитанность?

Женщина, опять спрятав лицо в ладони, тихо всхлипнула. Господин вынул из кармана часы.

— Полно! Вставай, одевайся, и пора ехать. Осталось меньше часа.

— И пусть! Останется одна минута — я и тогда не двинусь с места.

Сурово взглянув на женщину, господин снова принялся ее убеждать:

— Дорогая моя, пойми, никто тебя не заставляет. Но я очень хотел, чтобы ты сделала это ради меня. Я столько дней потратил, чтобы тебя убедить, и полагал, что ты в конце концов все уразумела. Поэтому сегодня я, право же, очень, очень сердит.

Жена, схватившись за голову, откинулась на подушку. Господин с минуту буравил ее взглядом, а затем резко спросил:

— Скажи мне прямо: едешь или не едешь?

— Дорогой, кланяюсь тебе до земли, до самой травы у ног твоих, молю тебя: не надо, не позорь меня.

Супруг насупил брови и крикнул:

— Едешь или нет?

— Ой, как тяжело, если бы ты знал! — сквозь слезы причитала госпожа.

— Да или нет? Я требую только одного слова. Не желаю слышать твоего нытья. Да или нет — я тебя спрашиваю!

Не отвечая ни слова, жена вновь зарыдала. Господин сжал кулак и с силой опустил его на постель.

— Отвечай!

Но он так ничего и не добился. Тогда господин вскочил, в ярости кинулся к вешалке, на которой висела трость, и,

схватив ее, встал перед постелью. Замахнувшись на жену, грозно спросил:

— Да или нет?

— Не-ет! — всхлипывая, выдавила она из себя.

— Значит, не едешь?

— Нет!

— Опять ты за свое, опять все наперекор! Я не хочу тебе угрожать. Но подумай сама, четвертого числа, после праздников, мне просто плюнут в лицо. И все по твоей милости! Из-за твоего упрямства!

И трость со всего размаху опустилась на спину госпоже. Та вскрикнула, попыталась отвести руку мужа, удержать его, но рука была крепкой, как железо, и трость вновь обрушилась бы на женщину, если бы вдруг, ударившись об угол кровати, не переломилась с грохотом пополам. Обломок с треском, словно бумажная вертушка под ветром, взвился к потолку, а потом упал вниз и покатился по полу.

— Умоляю тебя, дорогой! — рыдала жена.— Я съезжу, но не сейчас, а в какой-нибудь из праздничных дней.

Однако господин, уверенный в том, что сила — лучший способ убеждения, рывком поднял жену, и та, не удержав равновесия, упала на свои туфли, стоящие возле постели.

— Отправляйся немедленно. Я не даю тебе ни минуты отсрочки.

Господин твердо придерживался того мнения, что ослы любят ношу потяжелее.

— Завтра Новый год, завтра и поеду. А сейчас мне надо готовить пищу.

— Тебе сказано, что ничего этого не требуется. Ехать нужно перед Новым годом, а не после. Вставай, да поживее!

Муж дернул за палку, на которой крепилась москитная сетка.

— Помогите! — в ужасе закричала госпожа и вцепилась в руку мужа.

Но господин был силен, как слон, ударом локтя он швырнул жену на пол и схватил ее за запястья. Госпожа попыталась вывернуться, но не тут-то было. Она стала отбиваться ногами, но господин всей тяжестью своего грузного тела навалился на нее. У бедняжки перехватило дыхание, она изо всех сил старалась высвободиться, чтобы не задохнуться. А господин принялся хлестать ее по щекам. При этом все время шипел одно и то же:

— Поедешь или нет? Поедешь или нет?

У госпожи потемнело в глазах, но она упрямо твердила:

— Ударь еще. Ну, убей меня, убей...

Тяжелые кулаки опускались на голову, на грудь, на бока. Женщина уже беззвучно разевала рот, ловя воздух. А господин, равнодушный к ее страданиям, вопрошал, будто грозный судья:

— Едешь или не едешь?

Госпожа взывала к отцу, к матери, к всемогущему небу. Но кто ее слышал? А если бы даже сюда и впрямь явились отец и мать или само небо пожаловало, то вряд ли они посмели бы вмешаться в чужие семейные дела.

* * *

Если избить человека как следует, так наверняка научишь уму-разуму. Как бы подтверждая эту истину, госпожа очень скоро закричала в отчаянии:

— Да! Да! Да! Умоляю, перестань! Я согласна, на все согласна, я поеду!

Разъяренный господин одним движением руки заставил ее сесть и сердито оглядел с головы до ног: женщина бессильно запрокинула голову, волосы ее в беспорядке рассыпались по плечам, она тяжело дышала.

— Коли едешь, то нечего медлить, ступай приводи себя в порядок,— приказал супруг.

Избитая до полусмерти, она склонилась в поклоне.

— Да, слушаюсь, я сейчас... Сейчас еду.

— И скорее, нечего прохлаждаться.— Господин выглянул на террасу, схватил полотенце и протянул жене:— Вот тебе полотенце! А там приготовлено платье, брюки, пудра и помада. Что еще нужно? — Господин взял в руки сверток, развернул и сунул госпоже в лицо: — На! Полюбуйся! Едва уговорил, чтобы мне дали все это на время. Живо одевайся, а то опоздаешь.

Всхлипывая, она взялась за гребень и провела по волосам.

— Сделай пробор, как у жены столоначальника! — крикнул муж.

Вздрогнув, госпожа стала причесываться быстрее, сделала пробор, уложила волосы волнами. Потом, утирая слезы, принялась накладывать белила и румяна, поярче накрасила губы.

Господин все это время стоял над ней, то и дело поглядывая на часы.

Закончив туалет, госпожа, все еще прерывисто вздыхая, поднялась, превозмогая боль, и взяла со стола аккуратно сложенные белые атласные брюки и бархатное платье небесно-голубого цвета, сшитое по последней моде. Облачившись во все эти наряды, она подушилась.

Теперь при ярком электрическом свете стало заметно, что она подобна нежной благоухающей розе, созданной для услаждения мужских взглядов. Но господин, придирчиво осмотрев ее, остался недоволен:

— Ишь, надулась! Учти: будешь смотреть исподлобья — выгонят тебя в шею, и тогда — конец всему!

Господин спустился вниз, следом за ним сошла госпожа. Он завернул в бумагу пачку старых газет, сделал пакет, чтобы было похоже на праздничное подношение, перевязал его лентой и протянул жене:

— На, возьми с собой, чтобы люди ничего не заподозрили.— И, приблизив к ней лицо, добавил угрожающе: — Смотри у меня, не вздумай улизнуть! Тогда я тебе устрою веселенький Новый год!

Госпожа промолчала, стиснув зубы.

— Ох, уж мне эти женщины!— посетовал супруг.— Да, вот еще что: подъедешь к дому — не вздумай топать через парадную дверь. И возвращайся только тогда, когда господин сам изволит тебя отпустить. Если я узнаю, что он остался недоволен тобой, держись у меня!

Со слезами на глазах женщина направилась к двери, но вдруг обернулась и с горечью воскликнула:

— Неужели твоему начальнику мало новогодних подарков? Зачем ты гонишь меня на позор?

— Молчать! — рявкнул муж.— Перестань болтать ерунду. Глупа ты, как свинья! Подарок он может и сам себе купить, а этого не купишь.

Господин стоял и смотрел вслед удалявшейся коляске, пока та совсем не скрылась из виду. Потом возвратился в дом. На душе у него стало спокойно. Теперь он был чист перед собственной совестью и мог быть уверен, что господин начальник отзовется с похвалой о нем, благодарном и щедром подчиненном.

1934

Я — РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ

Разрешите представиться, господа: я — Ле Хунг Зунг, бывший главный редактор газеты. Столь великая честь свалилась на меня нежданно-негаданно, так как, признаться, по образованию я, пожалуй, пригоден лишь для того, чтобы служить на побегушках у господ журналистов, не более того.

В те времена я только что вступил во владение наследством в пять тысяч донгов, которое оставил мне папаша, а посему незамедлительно распрощался со своей скамьей в первом классе [1] одной из частных школ Ханоя.

Я вернулся в родную деревню и, отложив в сторону кисточку и тушь, как говорится, устремился навстречу радостям сельской жизни: погрузился в сладостные мечтания, предаваясь, подобно нашим предкам, безмятежному покою, прославлению цветов и восхвалению луны. Однако, поскольку тогда я едва вступил в юношеский возраст, мои поэтические творения (простите, что я их столь высокопарно именую) были, мягко выражаясь, не вполне зрелыми. Но в том-то и беда, что я и сам был зеленым юнцом и не мог трезво оценить плоды своих трудов.

Тогда в гордыне своей я возомнил себя литератором, не лишенным таланта, и поэтому работал исключительно плодовито. Причем не успевал я завершить какой-либо шедевр,— а в ту пору я создавал только шедевры,— как сразу же отправлял его в редакцию газеты «Дой най», подписчиком коей я состоял, со смиренной просьбой к главному редактору напечатать мое творение. Когда же наконец я удостоился этой чести, то уверовал в свою одаренность и не пропускал ни единого дня, чтобы осчастливить мир новым творением.

Более того, я вообразил себя значительной фигурой среди литераторов, и мне казалось, что мое имя и псевдоним известны всей стране. И вот однажды пришло письмо, которое окончательно убедило меня в собственном величии.

Я поспешно вскрыл конверт, присланный из редакции газеты «Дой най», и со смешанным чувством удивления и радости прочел следующее:

---

[1] Имеется в виду первый класс средней школы, которой предшествовала начальная.

«Почтенный учитель!

В течение длительного времени, движимые любовью к нашей газете, Вы предоставляете нам возможность публиковать Ваши произведения, прекрасные, как яшма и жемчуг. Редакция искренне признательна Вам, почтенный учитель, за доброе отношение к нашей газете.

В знак глубочайшего к Вам уважения главный редактор газеты в ближайшее воскресенье намеревается лично прибыть в Вашу резиденцию, дабы иметь счастье встретиться и побеседовать с Вами.

Если в этот день Вы будете заняты, просим заранее известить об этом.

Разрешите, почтенный учитель, пожелать Вам и Вашим уважаемым родственникам всяческих благ».

О! Так вот, оказывается, какова моя популярность! Так вот, оказывается, каким ореолом славы окружено мое имя — Ле Хунг Зунг! «Почтенный учитель» — каково?! «Произведения, прекрасные, как яшма и жемчуг...» — великолепно! «Редакция искренне признательна...» — какая учтивость! «Доброе отношение к нашей газете...» «Главный редактор в ближайшее воскресенье намеревается лично прибыть в Вашу резиденцию, дабы иметь счастье побеседовать с Вами...»

О, небо! Я чуть не задохнулся от радости. Вот вы, к примеру,— если вы хоть иногда печатаетесь в газетах,— выпадало ли когда-нибудь на вашу долю такое счастье? Я с полным основанием называл это счастьем: кто бы мог подумать, что главный редактор большой газеты вдруг воспылает любовью к недорослю, недавно бросившему школу, и явится к нему на дом, дабы иметь счастье побеседовать с ним? Конечно, ничего подобного с вами не случалось. Очевидно, я обладаю совершенно незаурядным дарованием. Вы должны наперед признать это, иначе мы вряд ли сможем понять друг друга.

Само собой разумеется, я заблаговременно велел прибрать в доме, расчистить как следует дорожки, сад и пруд, чтобы не ударить лицом в грязь перед таким важным гостем. И если бы мне предложили пять тысяч донгов за то, чтобы я покинул дом в это воскресенье, то в ответ я бы только покачал головой. Это и понятно: человек, владеющий достаточным состоянием, как правило, жаждет славы.

Разве не таковы члены академии «Лес кистей» [1] или господа народные депутаты?

Господин главный редактор проявил исключительную доброту ко мне. Несмотря на мою очевидную молодость, он то и дело величал меня почтенным учителем. Его красноречие было поистине изумительно; оно подействовало на меня так, что к моменту, когда главный редактор распростился со мной, я был буквально очарован и сожалел, что он покидает мой дом.

Он похвалил мои стихи, сказав, что весь народ нашей страны горячо приветствовал их появление в печати и что многочисленные читатели прислали в редакцию самые лестные отзывы о них. О, разумеется, этот человек был совершенно искренен и безусловно прав. Да я и без него знал, что каждое мое произведение — шедевр, а порой мне даже казалось, что многие мои строки ни в чем не уступают стихам Нгуен Кхюена и Ту Сыонга [2].

— Вы должны работать в газете, почтенный учитель,— сказал мне главный редактор.— Если же вы останетесь в деревне, то попросту зароете в землю ваш огромный талант.

Меня охватило трепетное волнение, и я затаил дыхание. А он продолжал:

— Вы должны работать в газете, почтенный учитель,— творческий подвиг в назидание потомкам. В жизни не следует ограничиваться только мыслями о себе. Возьмите, к примеру, меня. Заботясь о себе одном, я жил бы беспечно, как и вы, и не стал бы изнурять себя работой в газете. Но посмотрите, наш народ изнывает под гнетом невежества. И до тех пор, пока мы, сливки образованного общества, не приложим усилий, чтобы указать ему истинный путь, разве может наша совесть оставаться спокойной? Не правда ли, почтенный учитель?

— Вы совершенно правы.

— Ах, если бы вы только согласились сотрудничать со мной, это было бы осуществлением моих самых заветных желаний!

— Так вы хотите взять меня на работу? — радостно встрепенулся я.

---

[1] В феодальном Вьетнаме времен французского господства членами академии числились в большинстве случаев богатые, но малообразованные люди.

[2] Нгуен Кхюен и Ту Сыонг — известные вьетнамские поэты-сатирики конца XIX — начала XX в.

— Нет, не на работу,— я предлагаю вам сотрудничество, почтенный учитель. Другими словами, мы с вами объединим наши усилия и способности, чтобы резко поднять тираж нашей газеты и одержать полную победу над всеми остальными газетами. Я советовался с сотрудниками редакции, и все они придерживаются одного мнения со мной. Я уверен, что если мне удастся заручиться вашим согласием на совместную работу, то через каких-нибудь полмесяца мы разгромим в пух и прах всех своих конкурентов.

Потрясающе! Выходит, я силен не только в поэзии, но и в ратном деле! Говорят, что стихотворение может заставить вражескую армию сложить оружие, но кто бы мог подумать, что и мои стихи обладают этой необычайной способностью!

— Одному направлять работу большой газеты, которая ежедневно расходится в десяти тысячах экземпляров,— продолжал редактор,— мне просто не под силу. Поэтому я и прибыл сюда — просить вашего согласия на сотрудничество. Что вы на это скажете?

— Я очень благодарен вам за это предложение. Но дать окончательный ответ пока не могу, поскольку должен испросить разрешение матушки,— в растерянности отвечал я.

Господин главный редактор кисло улыбнулся и фамильярно похлопал меня по плечу.

— Почтенный учитель, вы чересчур осторожны! С какой стати, при вашем положении в обществе, вы допускаете, чтобы старики вмешивались в вашу судьбу? Думаю, вам следует только поставить мать в известность о принятом решении, но спрашивать ее согласия вам не подобает. Разве я не прав?

— Да, вы совершенно правы.

— В жизни нельзя упускать благоприятного случая. К тому же, как я посмотрю, сейчас во многих газетах пишут такое, что не только читать их — даже в руки взять противно, а газеты эти распродаются, и весьма бойко. Не досадно ли это? В таких газетенках подвизаются люди, которые мне и в ученики не годятся, а им доверяют ответственную работу! И подумать только! Или по глупости, или в силу своего невежества они поносят ваши шедевры, появлению которых радуется весь наш народ.

Как? Поносить мои стихи! А ну, кто там осмелился? Сейчас я примусь за дело — и сей жалкий листок моментально исчезнет с лица земли!

— Да как они смеют, эти бумагомараки! — запальчиво воскликнул я.

— Понимаю ваши чувства, почтенный учитель, но вы должны знать, что наш народ, увы, не имеет своего мнения. Это поистине стадо баранов: кого газеты расхваливают, перед тем толпа и преклоняется, а против кого газеты ополчаются, тот все равно падет в ее глазах, сколь бы ни были велики его таланты и достоинства.

Таким образом я получил кое-какие дополнительные познания о психологии народных масс.

— Вы совершенно правы,— в который уже раз проговорил я.

— Вот видите, вы никак не можете отказаться от моего предложения. Сделайте милость, оправдайте надежды наших читателей. Ведь среди журналистов в наше время такой даровитый, такой образованный человек, как вы,— величайшая редкость. Смею полагать, что стоит вам начать сотрудничать с нами — и через каких-нибудь пару месяцев тираж нашей газеты подскочит до двадцати тысяч экземпляров! Мы возлагаем на вас, почтенный учитель, большие надежды.

Желая воплотить в жизнь мечту редакции и избавить читателей от горького разочарования, я тотчас же упаковал чемодан и отправился в Ханой сотрудничать в газете «Дой най». И с того самого дня, когда я приступил к своим обязанностям, на первой полосе, чуть повыше названия газеты, появилась моя фамилия с указанием должности — «заместитель главного редактора», то бишь я стал второй по значимости персоной в редакции. Положение это, однако, вполне соответствовало кругленькой сумме в четыре тысячи донгов, которую я внес в кассу главного редактора.

Оказалось, что исполнять обязанности заместителя главного редактора так же легко, как глотать гои [1]. Дважды в день в элегантном костюме европейского покроя, для пущей важности в очках с простыми стеклами, с кожаным портфелем, в котором лежало несколько давнишних бумаг, не имевших касательства к газете, я открывал дверь и входил в помещение редакции. Затем, поздоровавшись за руку со всеми редакторами и их помощниками, направлялся в кабинет главного редактора. Там я преспокойненько покуривал сигарету за сигаретой, а когда мне надоедало, уса-

---

[1] Гои — вьетнамское блюдо, приготовленное из рыбы.

живался за письменный стол, раскрывал окно и в состоянии полного безмятежного покоя любовался раскинувшейся перед моими глазами панорамой. И так до сигнала, возвещавшего обеденный час. Право, что может быть приятнее!

А какое удовольствие беседовать с журналистами! Никто из них никогда не дал мне повода усомниться в моих талантах и дарованиях. Еще немного — и, если бы позволил возрастной ценз, я, пожалуй, выдвинул бы свою кандидатуру в народные депутаты. В общем, я чувствовал себя идущим к вершине жизненного успеха. Вечерами я отправлялся изучать жизнь в кварталах кодау [1], а днем просматривал все газеты, благо в каждой из них печатался по крайней мере один роман, а две-три помещали смешные карикатуры и забавные юмористические рассказы. Статей я обычно не читал, они казались мне пресными и неаппетитными. Порой, утомленный бездельем, я заходил в комнату к журналистам и слушал их разговоры о Гитлере, Муссолини, японско-русских разногласиях или о том, что кодау Лилия собирается бросить очередного любовника и выйти замуж....

В минуты высокого вдохновения я выжимал из себя несколько стихов, и хотя редакция обязана была их печатать, она делала это лишь в тех случаях, когда оставалось свободное место.

Но вот после трех месяцев такой безмятежной жизни однажды к моему письменному столу подошел господин главный редактор, он же мой ближайший друг, и спросил:

— Скажите, у вас еще остались деньги?

— А зачем они вам? — удивился я.

В ответ он покачал головой и с грустью проговорил:

— Тяжко, друг, дела нашей газеты совсем плохи.

— Почему?

— Я, черт подери, пишу неплохо, но газету почему-то не покупают...

Я счел своим долгом успокоить его:

— Помилуйте, тираж нашей газеты почти десять тысяч экземпляров, чего вы еще хотите?

— Да, но этого не хватает на покрытие расходов. Я буду говорить прямо: у меня больше не осталось денег. Боюсь, что к концу месяца газета будет вынуждена прекратить существование!

---

[1] Кодау — вьетнамские гейши.

— Отчего же? — ужаснулся я.

— Газета не расходится. Я решил полностью доверить издание вам, тем более что мне вскоре придется выехать по делам в Южный край.

Я сразу сник и задумался.

— Попробуйте руководить газетой один,— продолжал мой друг.— У нашей «Дой най» есть еще шансы на успех. Я только никак не возьму в толк, отчего раньше удавалось продавать по десяти тысяч экземпляров, а теперь расходится почти на семь тысяч меньше. Вот вам свидетельство невежества нашей публики!

— Не скрывайте, скажите, каким тиражом выходит наша газета?

— Мы печатаем всего две тысячи экземпляров, и то четверть тиража остается непроданной...

Глаза мои округлились.

— Если вы уедете,— пробормотал я,— мне не под силу будет справиться. Ведь к делу-то я не привык. Вам я доверяю, а сам совсем работать не умею...

— Ничего. Приметесь за дело — и все само собою образуется, привыкнете. Вам нужно собраться с мужеством и силами; только таким путем вы сможете вернуть те четыре тысячи, которые вложили в газету.

— А сколько сейчас денег в редакционной кассе?

— В этом месяце мы задолжали типографии около тысячи донгов.

— Неужели и мои четыре тысячи уже израсходованы?

— М-м... Ведь мы и тогда кое-что должны были типографии... Но не отчаивайтесь заранее. Надо трудиться, надо бороться до конца во имя нашей благородной цели!

У меня вырвался глубокий вздох, и сердце мое сжалось при горькой мысли об утраченном отцовском состоянии.

— Вам не следует огорчаться. Я и сам затратил на газету почти десять тысяч, но не жалею — ведь мои деньги пошли на полезное общественное дело. Стоит вам найти еще тысячи две — и все наладится, будет как прежде.

— Но у меня нет больше денег! Я располагал всего пятью тысячами, из них четыре отдал редакции, а тысячу потратил на привольную жизнь в Ханое. У меня ничего не осталось.

— Поезжайте к матери, попросите у нее. Она вам не откажет.

— Увы, ей неоткуда взять.

— Ну, тогда займите. Метнул копье — так беги его

поднимать. Останавливаться на полдороге нельзя. Где бы вы ни попросили, вам везде дадут взаймы тысяч пять. В конце концов поезжайте в деревню, заложите дом или землю.

Я погрузился в задумчивость, а вечером, проливая слезы, отправился к себе в деревню.

В начале следующего месяца должность заместителя главного редактора была упразднена, поскольку господин главный редактор удалился от дел, а его пост занял я. Таким образом, вся ответственность за издание газеты легла на мои плечи. И тот факт, что я вынужден был подписать долговое обязательство на две тысячи донгов, мало компенсировался повышением в чине.

Денежные затраты причиняли мне буквально физические страдания, но зато газетный лист ежедневно утешал меня. Созерцая свое имя с указанием титула — главный редактор, я наслаждался. Это было упоительно! Ведь мало кто удостаивается чести возглавлять печатный орган, выражающий общественное мнение!

Я ведал бухгалтерскими книгами и занимался делами редакции. Прошло полмесяца, и меня охватило отчаяние. Непроданные газеты ввергали меня в тоску, а друзья пророчили мне верный крах.

Редакторы и их помощники наносили газете непоправимый ущерб, печатая статьи и корреспонденции, которые вырезали из других изданий, и получая за них гонорар как за свои. Причем сии господа, ничуть не смущаясь, с апломбом расхваливали эти творения, напоминавшие изжеванные стебли сахарного тростника, будучи уверены, что я непроходимо глуп и падок на грубую лесть. Но даже глупец, постоянно слушая их неискренние, фальшивые уверения, и тот разгадал бы их сущность. Хоть меня и легко было одурачить, хоть я и любил лесть, но, пробыв в среде журналистов более полугода, научился видеть их насквозь! В конце концов все это мне осточертело...

Вскоре я убедился, что дела газеты непоправимы и она не продержится и полумесяца. Было очевидно, что данное предприятие обречено на провал, а я — на запоздалое избавление от забот. Перебирая в уме обстоятельства своей редакторской жизни, я вспоминал о друге, бывшем главном редакторе «Дой най», и горько на него сетовал. Ведь это он навязал мне свои хлопоты и ввел в долги.

Однако именно он, и никто другой, дал мне в руки способ выпутаться из тяжкого положения. Почему бы мне не воспользоваться его собственным приемом?

С некоторых пор в редакцию стал присылать свои произведения некий землевладелец из Футхо и настойчиво просил их напечатать. Я втайне возликовал, что наконец нашелся новый Ле Хунг Зунг! Мне предстояло разыграть ту же комедию, какую незадолго перед тем разыграли со мной. Я написал ему письмо, выразив самые добрые чувства к этому другу газеты, и пообещал навестить его.

Я заехал к нему, и этот жест главного редактора бедняга воспринял как великую честь — в точности как я сам полгода назад. Обрадованный любезным и сердечным приемом хозяина, я устыдился, что когда-то был так же глуп, как и он. Стоило мне только похвалить его, как он расцветал от счастья, точно так же, как некогда и я.

Я произнес пылкую речь, постепенно заражая его своей горячностью. Он воодушевился и в запальчивости, как в свое время и я, грозился задушить все газеты, которые осмелятся возвысить голос против нашего уважаемого издания.

В конце концов этот юнец согласился выложить пять тысяч донгов за эфемерную должность заместителя главного редактора.

Теперь ежедневно с утра до вечера я мог лицезреть образ своего глупейшего двойника: заместитель главного редактора сидел, покуривая сигареты, и молол всякую чепуху. В дела я его не посвящал, а лишь превозносил до небес успехи нашей газеты. И чем больше я втайне потешался над ним, тем большую жалость он мне внушал. И если прежний главный редактор удосужился бы взять в руки номер «Дой най», то он, увидев, что в редакции вновь появился заместитель главного редактора, наверное, рассмеялся бы и сказал: «Смотрите-ка, а этот простофиля поумнел и сумел даже заарканить другого такого же простофилю».

Новые пять тысяч донгов постигла та же участь: в течение нескольких месяцев они просто по-царски кормили и газету, и ее сотрудников. А когда я убедился, что на улучшение дел «Дой най» нет ни малейшей надежды, я подошел к письменному столу заместителя главного редактора, честно рассказал ему обо всех затруднениях, умыл руки и отрекся от престола.

Так я ушел из журналистики и вернулся к простой жизни.

В редакции «Дой най» опять не стало заместителя главного редактора. Но кто знает, не появится ли он вновь месяцев через шесть: ведь богатых, но безмозглых среди нас не так уж мало...

1934

СУМАСШЕДШИЙ

Знойное лето только что вступило в свои права; его первые жаркие дни были особенно непереносимы. Каждый пустяк вызывал раздражение, люди готовы были сцепиться друг с другом по любому самому ничтожному поводу.

Под палящими лучами солнца по асфальтовой дороге Хайфон — Ханой,— она была похожа на вытянувшуюся в изнеможении черную змею,— шел дядюшка Муй. Он возвращался с рынка, неся на коромысле две тяжеленные корзины с бататами. Крестьянин прошел уже километров пять, и пот лил с него ручьями. Рубаха промокла насквозь, на лбу, на кончике носа, на подбородке — всюду блестели капельки пота.

Муй поспешал, ему не терпелось поскорей пройти те два километра, что оставались до дома. Невдалеке, на обочине, он заметил легковой автомобиль. «Должно быть, мотор заглох»,— подумал Муй. Увидев неподалеку тенистое дерево, он решил немного передохнуть. Опустил на землю корзины, расстегнул рубаху и, поглядывая на автомобиль, стал обмахиваться своей островерхой шляпой из листьев латании.

Над открытым капотом хлопотал солидный пожилой господин. Он копался в моторе, что-то дергал там, хватался то за одно, то за другое. С него тоже пот катился в три ручья. В автомобиле сидела элегантно одетая дама. Время от времени она выглядывала из окошка и нетерпеливо спрашивала:

— Ну, что там? Скоро ты наконец?

— Ничего не получается! — сокрушенно отвечал господин.

Оглядевшись и увидев невдалеке крестьянина, он знаком подозвал его, а сам вскочил в машину:

— Подтолкните-ка сзади, будьте так добры...

В деревне крестьяне часто зовут друг друга на подмогу, и не в правилах дядюшки Муя было бы отказать. Он поднатужился, приналег — машина сдвинулась с места и проехала несколько метров.

Господин, сидевший за рулем, безнадежно махнул рукой и мрачно проговорил:

— Довольно, спасибо.— А затем, обращаясь к своей спутнице, добавил:— Все. Видно, ничего с ней не поделаешь.

Крестьянин сочувственно взглянул на расстроенные лица господина и его жены — он не сомневался, что это супруги. Ему стало искренне жаль обоих. Считая, что знакомство с хозяевами машины уже состоялось, и осмелев, дядюшка Муй с любопытством потрогал шину, провел ладонью по стеклу и заглянул внутрь. Там он увидел два тяжелых чемодана.

— Что же теперь делать? Ведь ты не успеешь,— с тревогой сказала жена.

Господин обеспокоенно полез в карман и достал часы.

— Черт знает что! Уже двенадцать! Придется идти до вокзала пешком. Может, попадется попутная машина, тогда сядем в нее.

— А кто же присмотрит за автомобилем?

— Да, действительно... Знаешь что? Я, пожалуй, пойду один, а ты оставайся здесь. Надо спешить, иначе я опоздаю.

— Ладно. Только как ты донесешь чемоданы? Такие тяжелые!

Муж и жена взглянули на чемоданы и затем, как по команде, повернули головы в сторону дядюшки Муя. Видимо, у них одновременно родилась одна и та же мысль. Они зашептались, обсуждая что-то, наконец муж обратился к крестьянину:

— Почтенный, не могли бы вы донести до станции вот эти два чемодана? За плату, разумеется.

Дядюшка Муй посмотрел на чемоданы и перевел взгляд на свои корзины с бататами. Потом озабоченно почесал в затылке, уложил в каждую корзину по чемодану, взвалил коромысло на плечо и зашагал. Господин последовал за ним, а женщина осталась в автомобиле.

Ноша оказалась неимоверно тяжелой. Солнце палило все беспощаднее. Дядюшка едва не валился с ног от усталости. Господин тоже совсем уморился. Наверное, отродясь не приходилось ему совершать таких прогулок. Бедный

крестьянин согнулся под тяжким бременем, втянул шею в плечи, лицо его исказилось. Господину стало жалко его, и он спросил:

— Вам тяжело, любезный?

— Да, господин, не легко. А куда вы путь держите?

— В город.

— Там и живете?

— Там и живу.

— Вот это здорово! В городе столько разных улиц. Мне однажды довелось побывать у вас там.

Почувствовав, что господин не прочь побеседовать, дядюшка Муй, в надежде хоть немного отвлечься, продолжал разговор:

— А небось в городе-то сейчас еще веселей, чем прежде, не так ли, господин?

— Да, конечно. А почему бы и вам, когда будет время, не приехать в город? Погуляли бы, развлеклись.

— Зачем? Знакомых у меня нет, да и вообще что мне в городе делать? А пойдешь один — еще, чего доброго, заплутаешься!

Тронутый простодушием крестьянина, господин решил проявить благородство. Действительно, почему бы не снизойти к человеку, который выручил тебя в трудную минуту?

— Знаете что, милейший, если будете в городе, не стесняйтесь, заходите ко мне в гости. Вы сами-то где живете?

— Я-то? Недалеко от станции. От нашей деревни до станции километр. Да мы сейчас как раз мимо пройдем!

— Так, значит, вам придется возвращаться?

— Пустяки. Мне к тяжелой работе не привыкать.

— Я вас не обижу. Вы получите от меня целых два хао!

— Не надо, господин, я ничего не возьму. Ведь я несу свои бататы и заодно помогаю вам. Какой же это труд?

— Если вы не примете от меня два хао, я обижусь. Возьмите же, купите ребятишкам лакомства.

— Нет, не возьму. Люди должны помогать друг другу из добрых чувств, а не за деньги.

Великодушие дядюшки Муя потрясло господина, и он не мог удержаться от похвалы доброму крестьянину.

С этой минуты крестьянин и важный господин стали беседовать как равные.

Когда они добрались до станции, господин вынул два хао и протянул их Мую. Но тот улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Не надо, господин. Два хао или два донга — я все равно не возьму.

— Но прошу вас, возьмите,— настаивал тот.— Я понимаю, что ваш труд стоит большего...

— Нет. Я же сказал, что помог вам из добрых чувств, деньги тут ни при чем.

Подошел поезд. Важный господин пожал крестьянину руку и взволнованно сказал:

— Вы редкой души человек, милейший. Я вас никогда не забуду. Если доведется быть в городе, непременно заходите ко мне в гости. Дом мой на набережной, номер тридцать шесть. Запомните? До свидания. Спасибо вам, от души спасибо!

— Не стоит благодарности, господин. До свидания!

Это ни к чему не обязывающее приглашение было сделано господином просто так, для красного словца. Разве мог он предугадать, что к концу года у дядюшки Муя заведутся кое-какие деньжата и он отправится в город за покупками к празднику Нового года?

Завершив свои дела, дядюшка Муй пошел погулять по городу. И тут он вспомнил о важном господине, которому помог донести чемоданы, и решил разыскать его дом. Ведь господин приглашал в гости! Но название улицы и номер дома выскочили у него из памяти. Крестьянин бесцельно бродил по улицам, всматриваясь в каждый дом. Не каждый день выпадает такая счастливая возможность — побывать в городе, и, понятно, ему хотелось все увидеть, все как следует рассмотреть. Вот он остановился возле лавки торговца рисом, потом загляделся на авторемонтную мастерскую. А бензоколонка окончательно потрясла его воображение. Он никак не мог взять в толк, почему один шланг окрашен в желтый цвет, а другой — в красный. Наконец Муй вышел на набережную и остановился передохнуть в тени дерева возле большого дома с чугунной оградой.

В доме царило оживление, там расхаживали нарядно одетые люди. Дядюшка Муй восхищенно смотрел на красивые панно с начертанными золотом иероглифами, на горшки с декоративными деревцами, раскинувшими искривленные ветви, на пышно убранные террасы.

Вдруг из дома послышалась отчаянная брань, и на террасе появился господин с искаженным от злобы лицом.

Дядюшка Муй взглянул на него и глазам своим не поверил. Неужто тот самый господин, с которым его летом свел случай?

Приглядевшись внимательней, дядюшка Муй признал старого знакомца. Он вспомнил, как помогал ему, как тот просто и задушевно беседовал с ним, а затем пригласил в гости... «Почему бы и не заглянуть на минутку, не поболтать?» — решил Муй.

Крестьянин подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть хозяина дома. А вдруг он обознался? Дядюшка Муй всю жизнь прожил в деревне, и все городские казались ему на одно лицо. Он заметил, что важный господин, в свою очередь, пристально всматривается в него. Но, странно, почему-то не спешит окликнуть. Или господин его не признал? Ведь сегодня Муй одет не так, как в тот раз: на нем головная повязка вместо островерхой шляпы из листьев латании и халат вместо рубахи. Дядюшка Муй сделал знак рукой и несмело окликнул:

— Господин, а господин...

Но что это? Тот отвернулся и ушел в дом. Оттуда раздалась еще более яростная ругань, чем прежде. Спустя мгновение из дома выбежал слуга.

— Куда лезешь? Чего тебе тут понадобилось? — набросился он на крестьянина.

— Я знакомый вот того господина. Пришел к нему в гости.

— Ты с ума спятил! Кто тебя сюда звал?

— Я не сумасшедший,— обиженно отвечал крестьянин.— Я действительно знаком с твоим хозяином.

— Не болтай ерунду! Не то позову полицию и отправлю в сумасшедший дом! Проваливай отсюда!

— Спроси господина! Я не сумасшедший, я знаю его! Он сам звал меня в гости.

— Ты эти свои шуточки брось! А ну, убирайся! — И слуга стал выталкивать крестьянина за ворота.— Ври да не завирайся! — приговаривал он.— Ненормальный! Нечего тебе здесь делать! Сам господин сказал, что ты сумасшедший, и велел прогнать. Понял?

— Я знаком с твоим господином, клянусь! Однажды я нес его чемоданы на станцию. Это было в тот день, когда у него сломался автомобиль.

Слуга взглянул на простодушное лицо крестьянина.

— Правда? — спросил он.

— Зачем мне врать? Если бы господин меня не позвал,

разве я пришел бы? Он был так добр, так любезен. А ты говоришь, я спятил...

Слуга изумленно посмотрел на крестьянина. Ему, видать, стало жаль беднягу. Он улыбнулся, похлопал дядюшку Муя по плечу и наставительно произнес:

— И после всего этого ты думаешь, что ты в своем уме? Одно дело, когда у господина ломается автомобиль и он попадает в беду... И совсем другое — сейчас. Эх-ма, надумал в гости заявиться! Небось возомнил, что господин всегда будет добр и любезен... Знаешь что? Уходи-ка скорей подобру-поздорову, не то тебя и впрямь сочтут сумасшедшим.

1935

ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Десятый день владелец похоронного бюро Бао Шон делил свое время между двумя занятиями: либо отправлялся разведать новости у своих приятелей — лекарей, либо, откинувшись на спинку кресла и задрав ноги на стол, погружался в глубокое раздумье, пощипывая бородку. Приближался срок уплаты долга за дом, и, сокрушенно покачивая головой, он вздыхал:

— Плохи наши дела, жена! Как нам прожить, ежели люди не торопятся умирать?!

Поглядывая на свой превосходный реквизит, который он приобрел в надежде сделать бизнес, хозяин вздыхал еще печальнее. Блистали лаком черные и белые погребальные колесницы, сверкали таблички с надписями и похоронные флаги, носилки и подставки для венков. Роскошное пиршество красок, сочетание красного, золотого, белого и лилового приводило гробовщика в еще большее уныние.

Но вот однажды похоронных дел мастер чуть не подпрыгнул от радости — он получил приятное известие: почетный советник двора [1], проживающий на улице Хангга, вознамерился перейти в лучший мир. Хозяин похоронного бюро поспешил принарядиться, завернул в пакетик не-

---

[1] Почетный советник двора — звание, не связанное с реальными функциями и властью; императорский двор присуждал этот титут оказавшим ему услуги или просто богатым людям.

сколько благовонных палочек, нанял рикшу и поехал на улицу Парусов. Там он, как следует поторговавшись, купил килограмм яблок и груш, конечно, второго сорта, и отправился к дому тяжелобольного.

Прежде чем войти в дом, он разок-другой прошелся мимо дверей, расспросил соседей, как обстоят дела, а уж потом осмелился переступить порог. Изысканным обращением и исполненными достоинства манерами он сумел рассеять недоумение домашних и наконец сказал:

— Я бы хотел видеть уважаемого хозяина дома.

Как это утешительно — встретить человека, готового разделить ваши тревоги и печали. А посему, сочтя к тому же неучтивым отвергать трогательное сочувствие незнакомца, растроганные домочадцы препроводили Бао Шона к ложу больного.

Приподняли москитную сетку, и тусклая лампа осветила лицо с обвисшими складками кожи. Весь его вид свидетельствовал о том, что почтенный старец близок к могиле.

Укрепившись в своем предположении, господин Бао Шон поклонился больному, положил пакет с гостинцами на поднос и уселся на стуле возле постели. Умирающий перевел тусклый взгляд, в котором читалось некоторое недоумение, с посетителя на своих сыновей и дочерей.

— Сиятельный господин,— начал Бао Шон,— я узнал, что вы занемогли, и, глубоко почитая вас, решил нанести визит. Прошу, не откажите в любезности принять от меня небольшой гостинец. А еще я хотел бы просить вас об одном одолжении.— С этими словами Бао Шон поднялся и на цыпочках подошел к сыну почетного советника.— Прикажите очистить яблоки и груши для вашего достойного родителя,— тихо сказал он и, вернувшись на прежнее место, обратился к старцу:— Да будет благословен ваш дом.

— Спасибо вам, спасибо,— едва слышно проскрипел тот.— Только вот плохо: жить мне осталось недолго.

Бао Шон окинул взглядом беднягу и покачал головой:

— Да, долго вы не протянете. Узнав, что вы опасно больны, я поспешил к вам, ожидая последних распоряжений. Разрешите представиться. Я — владелец похоронного бюро Бао Шон.

— ...похоронного бюро Бао Шон...— словно эхо, повторил умирающий.

— Совершенно верно, Бао Шон из похоронного бюро,— деловито подтвердил гость.— Вы, верно, слышали обо мне.

— Слышал,— слабо кивнул почетный советник двора.

Тогда посетитель, воодушевясь, приступил непосредственно к делу.

— Сиятельный господин! Наша фирма славится своей солидностью и основательностью, поэтому я решился сегодня прийти к вам, чтобы вы изволили, прежде чем свершится воля небес, заранее распорядиться, как именно исполнить над вами надлежащий обряд.

Услышав такие слова, женщины, стоявшие поодаль, громко возмутились бесцеремонностью визитера. Но Бао Шон и ухом не повел.

— Сиятельный господин! — продолжал он.— Наша фирма не чета другим. Иные хозяева только и думают, как бы нажиться на горе клиентов. Прошлый месяц, к примеру, служители одного похоронного бюро то ли нарочно, то ли нечаянно пустили лошадей вскачь и опрокинули колесницу с гробом!

— Истинно нечестивцы! — на сей раз изумленно возопили женщины.

Почетный советник двора тоже покачал головой и попытался выдавить из себя улыбку.

— Вот именно поэтому,— заключил Бао Шон,— следует отбросить прочь некоторые предрассудки! И если у вас в доме тяжелобольной человек, то надлежит заранее подумать о печальной церемонии похорон и выбрать самую надежную фирму. Потому что, да будет вам известно, господа, когда почтенный человек отходит в мир иной, у его родственников сразу же появляется множество неотложных дел: надо произвести регистрацию смерти в управе, сделать подходящие к случаю покупки и прочее и прочее. В этот момент вы готовы воспользоваться услугами первого попавшегося похоронного бюро. И, как правило, в таких случаях вас самым бессовестным образом надувают.

— Вот именно...— вставил слово больной.

— Потому, желая избавить уважаемых клиентов от неприятных случайностей и ошибок, я пришел заранее обо всем договориться с вами.

— И правильно поступили,— согласился старец.

— Итак, жду ваших указаний, сиятельный господин, и мы зачислим вас в свои клиенты. Да, регистрацию смерти в управе и прочие формальности мы берем на себя.

— Тогда скажите,— проговорил старец,— во сколько это обойдется?

Бао Шон наклонился к уху сына советника и тихонько спросил:

— Где вы собираетесь упокоить сиятельного господина?

— Если случится неминуемое, то, очевидно, на кладбище Хоптхиен.

Бао Шон на минуту задумался и спросил:

— Как будем хоронить: по старинным обычаям или на европейский манер?

— На европейский манер оно будет попроще,— заметил почетный советник.

Бао Шон покачал головой.

— Когда пожилых особ хоронят на европейский манер, то теряется вся торжественность.

— По мне, так достаточно одной колесницы, запряженной парой лошадей,— вздохнул больной.

— А почему вы не хотите четырех лошадей? — с живостью отозвался похоронных дел мастер.— При вашем возрасте и чине путь в вечность подобает свершать не меньше как на четверке. Не то как бы этим достойным дамам,— Бао Шон обернулся к дочерям будущего клиента,— не пришлось впоследствии горько раскаиваться, что они не почтили как следует память своего уважаемого батюшки.

— Сколько же будет стоить катафалк с четверкой лошадей? — послышался женский голос.

— О, ненамного дороже, госпожа. Еще мне думается, что почтенным старцам, имеющим многочисленное потомство — сыновей и внуков, не следует ограничиваться похоронной процессией к кладбищу, в данном случае уместно, кроме того, справить обряд возвращения души к домашнему очагу. Если же похороны устраиваются на европейский манер, мы держим наготове пять треугольных флагов, носилки с алтарем и музыкальные инструменты. Все это мы извлекаем на обратном пути с кладбища и шествуем приличествующим случаю образом.

— А сколько вы за это берете? — опять спросил женский голос.

— Сущие пустяки, госпожа, каких-нибудь три десятка донгов. Однако я хотел бы указать, достойные господа, что похороны такого человека, как почетный советник двора, будут, по моему разумению, недостаточно пышными, если устроить их на европейский лад.

— А если по-нашему, по-старинному,— сможете вы организовать все как подобает? — вмешался сын старца.

— Будет у вас время, господин,— посетите, пожалуйста, мое заведение, увидите: у меня все новехонькое — от носилок до фонарей, все блестит лаком, инкрустацией — просто загляденье!

— Как же вы обставляете похороны по нашему старинному обычаю? — поинтересовался больной.

— Это зависит от вашего желания, сиятельный господин, и от того, что скажут ваши уважаемые домочадцы. Можно устроить весьма пышные похороны. Вот на прошлой неделе мы хоронили одного почтенного старца, так весь катафалк был снизу доверху увит живыми цветами. Одно это обошлось почти в полторы сотни донгов.

— Ну, для меня можно поскромнее, попроще,— прервал больной.

— Как вам будет угодно,— успокоил его Бао Шон и увлеченно продолжал:— Итак, мы предоставим вам пять пятицветных флагов, восемь переносных алтарей, алтарь со статуей Будды, два позолоченных зонта, таблички с подходящими к случаю надписями золотом по черному лаку и много всякой всячины. Мои люди будут в синем, на головах — белые повязки:[1] целых сто человек!

— А нельзя ли поскромнее? — раздался слабый голос почетного советника.

— Помилуйте! Один только большой алтарь должны нести сорок два человека, другой, поменьше,— восемь. На каждую табличку с надписью — по два человека. Посчитайте сами, сколько получается.

— Небось одно это встанет не меньше, чем в тридцать, а то и в сорок донгов,— задумчиво произнес старец.

— Нет, сиятельный господин, подороже,— ответил делец.— Да вы не беспокойтесь о расходах. Ведь ваши дети, конечно, не пожалеют лишнего десятка донгов ради того, чтобы надлежащим образом проводить вас в последний путь, а то ведь им перед соседями будет совестно.

Почетный советник на минуту задумался.

— Пожалуй, что так. Пусть дети решают.

— Сиятельный господин, пока я приводил вам только примерные расчеты. А относительно настоящих расценок мы всегда с вами договоримся. Главное, изъявите свою волю вашим уважаемым сыновьям и дочерям.

— Старший сын мой! — позвал старец.

---

[1] Белый цвет во Вьетнаме считается цветом траура.

Сын наклонился к нему, и почетный советник приказал:

— Запомни имя хозяина этого заведения.

— Похоронное бюро Бао Шона, Бао Шона,— живо подсказал гробовщик.

Вскоре он раскланялся и вышел. Старший сын проводил его до ворот. Прежде чем отправиться восвояси, Бао Шон остановился, крепко сжал руку хозяйского сына и доверительным тоном проговорил:

— Спасибо вам, господин. Завтра утром прошу пожаловать ко мне, посмотреть весь инвентарь. А если с вашим достопочтенным папашей стрясется беда, вы можете вполне довериться моей фирме.

— Волю отца я исполню, никогда не посмею ее нарушить.— Сын вздохнул и продолжал:— Беда, отец вряд ли протянет больше трех дней.

— Не убивайтесь,— успокоил его Бао Шон.— Не теряйте надежды. Если вам посчастливится найти искусного лекаря и он поставит вашего отца на ноги, то я, поверьте, буду радоваться не меньше вашего.

* * *

Бао Шон, преисполненный надежд, вернулся к себе и самодовольно сказал жене:

— В наш век яростной конкуренции только так и надо действовать, иначе совсем растеряешь клиентуру.

И в самом деле, ничего не подозревавшие коллеги Бао Шона лишь диву давались, отчего у них дела идут из рук вон плохо. А изобретательный Бао Шон, считая подобные свои походы прямо-таки чудодейственным средством, неукоснительно хранил тайну, боясь, что у него найдутся подражатели.

С того дня он стал время от времени отправлять на разведку доверенного человека, который околачивался возле дома почетного советника. Задача состояла в том, чтобы, услышав вопли по усопшему, немедленно известить Бао Шона, который, таким образом, первый явится почтить память новопреставленного и наконец воскурит те самые благовония, коими не пришлось воспользоваться при первом посещении.

Однако шел уже третий день — последний срок, отпущенный хворому старцу, а никаких утешительных вестей

не поступало. Похоронных дел мастер встревожился: то ли его подручный плохо справляется с задачей, то ли старец опочил еще накануне, и конкурирующая фирма вырвала лакомый кусок прямо из рук Бао Шона. Неужели пропали втуне и все его усилия, и те несколько хао, что были истрачены на гостинец? Его мучила масса вопросов, на которые он не мог найти ответа, он сердился, стал раздражителен.

Самолично явиться в дом почетного советника за точными сведениями о здоровье старца господин Бао Шон полагал неприличным; куда удобнее было целый день ругать приказчика, величая его идиотом, а заодно поминать недобрым словом наглых коллег из других похоронных бюро, которые небось уже перехватили клиента.

Но все же как-то под вечер, когда стало смеркаться, хозяин похоронного бюро нанял рикшу и отправился на улицу Хангга, чтобы внести полную ясность в тревоживший его вопрос.

Сначала он медленно проехался мимо ворот дома почетного советника. Ничего необычного он не заметил, все в доме было спокойно. Это означало, что хворый старец пока еще жив и не прибегал к услугам конкурентов. Это несколько ободрило устроителя похорон. Однако, пораскинув умом, он заподозрил, что дело тут нечисто. А вдруг домочадцы отвезли господина советника в деревню, чтобы там скромно предать земле рядом с могилами предков? Бао Шон зашел к соседям, и они, к счастью, развеяли его подозрения: выяснилось, что почетный советник полон решимости умереть только в Ханое, а это значило, что ему не миновать заведения Бао Шона.

Несколько воодушевившись, похоронных дел мастер велел рикше еще раз проехать мимо дома почтенного старца, да помедленнее, чтобы наконец разобраться в происходящем. О, ужас! В доме раздавался веселый смех! Бао Шон нахмурился. Он уже ничего не понимал.

Приказав рикше в третий раз повернуть к дому, он остановился у ворот и прислушался. В доме царило оживление, слышались веселые голоса и смех. Что бы это значило?

Заметив, что из дома вышел мальчик-рассыльный, Бао Шон, прятавшийся у ворот, знаком подозвал маленького слугу.

— Вы к кому, господин? — спросил мальчишка, вглядываясь в лицо незнакомца.

После минутного колебания Бао Шон тихо спросил:
— Скажи-ка, любезный, как здоровье твоего хозяина?
Мальчик учтиво поклонился, сложив руки, и ответил:
— Прошу вас, заходите, пожалуйста, в дом, сегодня хозяину стало лучше.
От этих слов у Бао Шона перед глазами пошли круги.
— Стало лучше? — переспросил он остолбенело.
— Да, и, благодарение небу, он скоро совсем поправится.
Бао Шон пожал плечами, сунул руки в карманы и зашагал прочь.
— Фу, обезьяна поганая!

1936

ЗАКОЛДОВАННАЯ МОНЕТА

Я решительным образом опровергаю утверждения всех пособий по гигиене, согласно которым, если хочешь быть здоровым и упитанным, следует соблюдать чистоту. Эта теория ошибочна. Сто, тысячу раз ошибочна! Честное слово, сколько ни встречал я толстяков и здоровяков, все они были грязнули.

Взгляните хотя бы на начальника уезда господина Хиня — и вы сразу поймете, что я не шучу.

Ой-ой-ой! Вот уж кто поперек себя шире! Он так толст, что если кто-либо в простоте душевной произнесет самую почтительную фразу: «Прибегаю к заступничеству вашей необъятной милости»,— он принимает это за оскорбление. Конечно, за такую дерзость не миновать зуботычины. Но этим дело не ограничится: господин Хинь не простит обидчика и будет неотступно его преследовать.

А поскольку к услугам начальника уезда уйма разных законодательств, ему ничего не стоит обвинить крестьянина, сказавшего, будто чиновный господин толстоват, в подстрекательстве к мятежу с целью подрыва устоев и общественной безопасности. Так одним махом можно и разделаться с личными врагами, и принести пользу государству. Это дает господину Хиню возможность не только утолять свой гнев, но и слыть усердным служакой.

Однако, хотя с начала его карьеры прошло уже двадцать лет, господин Хинь так и застрял в уездных начальниках. А поскольку все его однокашники уже пошли на

повышение, то при встрече с господином Хинем они считали своим долгом выразить ему сочувствие по этому поводу. Слушая их, господин Хинь складывал ладони лодочкой, наклонял голову и делал сокрушенное лицо. Но как только они поворачивались к нему спиной, начальник уезда презрительно кривил губы и бранился про себя: «Подумаешь, велика честь! Чванятся своими высокими чинами, а самим жрать нечего!»

Послужной список господина Хиня являл собой неприглядное зрелище. В какой бы уезд его ни назначили, на него начинали сыпаться жалобы, а когда вышестоящие чиновники устраивали ревизию, как правило, выяснялось, что господин Хинь самым вопиющим образом пренебрегает служебными обязанностями, а в служебное время предается азартным играм и развлекается с женщинами.

Ныне господину Хиню перевалило за сорок, и он считал себя своего рода старейшиной среди уездных начальников. Он выказывал откровенное презрение молодым коллегам, когда те осмеливались ставить себя на одну доску с ним. В таких случаях он самодовольно сообщал, что его старшему сыну уже двадцать пять лет, а затем начинал поглаживать большим и указательным пальцами свои реденькие усики, выращенные ценою огромных усилий. Усы он отпустил для того, чтобы отличаться от этих мальчишек, состоявших в том же чине, что и он. Кожа на лице у господина Хиня всегда была довольно тонкой, а теперь, когда он растолстел, растянулась и стала еще тоньше. Видимо, поэтому у него почти не росли ни борода, ни усы. Огорченный сим обстоятельством, господин Хинь запретил цирюльнику прикасаться лезвием к тому месту, где должны произрастать усы. В конце концов тонюсенькие волосики пробились над верхней губой господина Хиня, удлинились, стали вырисовываться отчетливей и наконец превратились в крошечные черные запятые.

Утро. Начинается присутствие. Во дворе канцелярии начальника уезда стоит крестьянка, в руках у нее прошение. Она уже прошмыгнула мимо будки часового у ворот и теперь в испуге и растерянности никак не может сообразить, где же сидит сам чиновный господин. Вдруг к ней подбегает какой-то мужчина в фиолетовой шелковой рубахе:

— Куда идешь?

Крестьянка тотчас уразумела, что перед ней стражник, и, как человек, знакомый с порядками, заведенными в

присутственных местах, сунула ему монету в два хао, которую держала наготове, и тихонько сказала:

— Прошу вас, доложите обо мне чиновному господину.

С невозмутимым видом стражник взял деньги, протянул руку и громко произнес:

— Давай сюда прошение! В чем состоит твое дело?

И пока крестьянка рассказывала ему о своем деле, стражник по складам читал прошение. Затем покачал головой, нахмурился и заявил:

— Зайди вон туда и попроси писаря Куя написать прошение заново. Это никуда не годится.

Крестьянка изменилась в лице.

— Как? Почему?

Стражник, размахивая обеими руками, объяснил:

— Хочешь, чтобы твое дело быстро уладили,— поступай как тебе говорят.

— Будьте добры, доложите обо мне господину начальнику. Я от вас ничего не скрыла: нас обокрали, не осталось ни вещей, ни денег. Утром я обегала всех соседей, набрала только донг и два хао, чтобы поднести их господину начальнику. Сделайте милость, пожалейте меня.

Стражник покосился на крестьянку, но жалобное выражение ее лица не произвело на него ни малейшего впечатления.

— Я уже сказал тебе. Не хочешь слушать — пеняй на себя. Вижу сам, что ты одета в лохмотья, да еще с тобой такая беда стряслась. Мне, конечно, жалко тебя, но так уж здесь заведено. Я подобру тебя предупреждаю, не послушаешься — увидишь, отругает тебя чиновный господин, тогда вспомнишь меня.

— Если не верите, возьмите посчитайте сами, мне едва хватит денег для господина правителя,— отвечала крестьянка и в подтверждение своих слов извлекла из-за пазухи пять монет по два хао и положила их на ладонь.

Стражник кивнул, а крестьянка, завязывая деньги, продолжала умолять:

— Прошу вас, пожалейте меня, уж я так вам буду благодарна, так благодарна. Доложите, пожалуйста, обо мне. Если его сиятельство прикажет переписать прошение, тогда уж я пойду прямиком к господину Кую.

Тут раздался звонок. Стражник гаркнул «слушаюсь» и со всех ног куда-то побежал.

Крестьянка проследила взглядом, в какой из комнат он скрылся. «Наверное, там и находится начальник уезда»,—

подумала она и, набравшись храбрости, двинулась вперед. Но чем ближе она подходила к кабинету, тем страшнее ей становилось, и когда наконец подошла к двери, сердце у нее заколотилось так, что чуть не выскочило из груди. При виде самого чиновного правителя она и вовсе онемела от страха, у бедняги напрочь отбило память. Ей уже казалось, что это не она пришла жаловаться на воров, а, наоборот, ее самое уличили в воровстве. Она стала в дверях, боязливо заглядывая в комнату, и услышала, как чиновный господин с важностью наставлял стражника:

— Спустись живо на кухню и зажарь мне на медленном огне поросячью ножку. Да смотри подрумянь как следует...

Когда стражник в последний раз сказал «слушаюсь» и вышел через черный ход на задний двор, крестьянке стало ясно, что она зря умасливала своими хао этого наглеца: он не замолвил за нее ни словечка.

Вдруг воздух прорезали истошные вопли индюшек. Бедная женщина невольно вздрогнула. Господин, сидевший за столом, вскочил, выбежал за дверь и, остановившись рядом с просительницей, оглушительно рявкнул:

— Эй, кто там есть? Загоните-ка индюшек!

Без промедления прибежали какие-то люди и, рассыпавшись по двору, стали гоняться за индюшками. А крестьянка тем временем рухнула на колени перед правителем и смиренно протянула ему прошение.

Когда индюшек наконец водворили на место, начальник уезда соблаговолил глянуть на просительницу.

— Входи! — коротко бросил он.

Обрадованная крестьянка поднялась и торопливо вошла в кабинет вслед за чиновным господином.

И вот она стоит у стола, трепеща всем телом, но твердо помнит, что главное — это задобрить уездного. Однако, чтобы вынуть припрятанные деньги, ей надо развязать узелок.

Крестьянка согнулась и принялась развязывать. Она торопилась — сиятельные господа не любят ждать. Ей казалось, что на нее вот-вот обрушится поток страшной брани. И вдруг... одно неловкое движение — узелок развязался, и монеты со звоном покатились по кирпичному полу.

Крестьянка так и обмерла, внутри у нее будто что-то оборвалось, в глазах помутилось. Собравшись с силами, она наклонилась и стала высматривать, где же ее деньги. Две монеты оказались совсем рядом: одна тихонько под-

катилась прямо к ее ноге, вторая кружилась тут же, третья оказалась в углу кабинета, а еще две мчались куда-то наперегонки.

Начальник молчал, и это немного приободрило женщину. Она присела и стала собирать деньги. Вот одна монета, другая. Третья — возле стены. А где же четвертая? Наконец нашлась и она — у самой ножки стола, за которым восседал начальник уезда. Оставалось найти еще одну, последнюю. Но та исчезла бесследно; сколько крестьянка ни искала, все было тщетно.

Просительница задумалась. У нее должно быть пять монет по два хао. Да, конечно, пять монет по два хао, то есть один донг серебром. Она еще показывала их стражнику, а потом хорошенько спрятала за пазуху. Неужто одна монета заколдованная, иначе как она могла бесследно пропасть? Да нет же, два хао непременно должны быть где-то здесь, в комнате. Но не осталось уже ни одного уголка, куда бы она не заглянула. А подать прошение и предложить начальнику уезда всего восемь хао нельзя — обругает за скаредность, и на этом все кончится. Не зная, как ей поступить, крестьянка сложила ладони и робко поклонилась.

— Простите великодушно, сиятельный господин,— и, пятясь, покинула кабинет.

Господин Хинь, сидя за столом, невозмутимо наблюдал за незадачливой просительницей. Когда же она скрылась за дверями, он глянул себе под ноги, чуть отодвинул носок туфли, под ним блеснула монетка достоинством в два хао. Он поднял ее, вытер о халат и быстро опустил в карман...

1937

В СВОЕМ ДОМЕ ГОСПОЖА

Хозяин был вне себя от восторга: он купил чудесного котенка, белого в черных и рыжих пятнах. Из-за этого котенка он позабыл обо всем на свете. Вернувшись в полдень со службы, он, против обыкновения, не прилег вздремнуть, а уселся на корточки перед клеткой и долго любовался своим сокровищем.

Когда настало время вновь отправляться в присутствие, хозяин с великой неохотой и тоскою во взоре отошел от котенка и позвал маленькую До, служанку, присматривавшую за ребенком.

— Котенок этот такой же бездельник, как ты,— наставительно произнес он.— Маленький еще и ничего не умеет, только ест да спит. И мышей пока не ловит. А вот скоро подрастет, привыкнет к нам, и тогда уж, будь уверена, в доме ни одной мыши не останется. Отныне я поручаю тебе присматривать за ним. Слышишь? Будешь кормить котеночка рисом, только обязательно подливай мясной похлебки. Да не смей давать ему кости — котенок может подавиться.

Хозяин опять наклонился к своему любимцу, чтобы проститься с ним перед разлукой. Он просунул руку в клетку и ласково погладил его по мягкой блестящей шерстке. Котенок выгнул спину, поднял мордочку и мяукнул.

Девочка До сидела возле клетки с хозяйским сынком на руках. Услышав кошачий писк, малыш вырвался от нее и запрыгал от радости на одной ножке. А дождавшись, когда отец ушел, он сразу же протянул розовую ручонку и ткнул в котенка пальчиком.

«Мяу!» — взвизгнул котенок.

Малыш в испуге отпрянул назад, спрятав ручку за спину. Потом, взглянув на свою маленькую няньку и успокоившись, он вновь засмеялся и стал требовать, чтобы его спустили на пол. Но До поднялась с малышом на руках, отошла от клетки и принялась его уговаривать:

— Испачкаете ножки, маленький господин, рубашечка, штанишки грязные станут, а мне за это влетит от госпожи.

Малыш, вырываясь, задрыгал ногами.

— Нет, нет, я буду, буду играть с киской! Я хочу!

Видя, что няня собирается отойти от клетки подальше, мальчишка не на шутку рассердился и принялся обеими ручками колошматить ее по щекам. Маленькая До только крепче прижала к себе хозяйского сына и, изогнувшись, пыталась отвести лицо. Но тот, войдя в раж, изловчился и вцепился всей пятерней ей в щеку, норовя побольней поцарапать девочку ногтями. Бедняжке стало совсем невтерпеж.

— Полно, маленький господин, оставьте... Вот я пожалуюсь вашей матушке...

Должно быть, уразумев, что превосходство няньки не только в силе, но и в правоте, мальчишка сменил тактику: он резко запрокинулся назад и зашелся пронзительным плачем. Если бы няня не успела подхватить его вовремя, пожалуй, они оба шлепнулись бы на пол. Видя, что и эта

уловка не удалась, дитя заорало что было мочи. Его вопли разнеслись по всему дому и достигли ушей госпожи, которая как раз в это время премило болтала с подругой. Пришлось ей прервать приятную беседу. Обернувшись к двери, она закричала:

— Эй, что ты там делаешь с ребенком?

Но после этого рев не только не прекратился, а, напротив, стал еще громче.

— Уйми сейчас же маленького господина, негодяйка!— рассердилась госпожа.— Не то знаешь... Слышишь, что тебе говорят?

Девочка перепугалась и, только б не гневить госпожу, поставила ребенка на пол. Переваливаясь с ноги на ногу, он совсем как шарик подкатился к клетке с кошкой и, встав на четвереньки, склонился над ней. Котенок потянулся к малышу и тонко пискнул: «Мяу!»

Мальчишке это показалось необыкновенно забавным, он схватил прутик и начал тыкать им в котенка. От боли тот опять разинул рот и издал жалобный звук: «Мяу! Мяу!»

Девочка поспешила отнять у малыша прутик. Теперь его руки ничем не были заняты, и он тут же попытался открыть дверцу клетки.

— Не надо! Что вы! Котенок может убежать! — испуганно вскрикнула девочка, но барчук и слышать не желал никаких запретов.

— Пусть, пусть! А я хочу...

И он опять протянул руку к дверце. Девочка снова стала его удерживать. Тут мальчишка так озлился, что его лицо налилось кровью, и он бросился на няньку с кулаками. Та подхватила его на руки, собираясь оттащить подальше от клетки, но малыш, извернувшись, с быстротой молнии вырвался из рук, развалился на спине и, натужно вопя, заколотил ногами об пол, стараясь при этом пнуть и девочку, и клетку с котенком. Он уже знал, что, если прибегнуть к такому отчаянному способу убеждения, ему удастся добиться своего.

И в самом деле, в комнату не вошла, а влетела разъяренная хозяйка. Смерив няньку гневным взглядом, она схватила со стены щетку из перьев и замахнулась.

— Как ты посмела бросить на пол маленького господина? Почему не держишь его на руках? Ты что, нарочно доводишь его до слез?

Закрываясь руками от удара, девочка пролепетала:

— Простите, госпожа! Но маленький господин сам попросился на пол поиграть с котенком. А потом ему захотелось открыть клетку. Я не разрешила, вот он и заплакал.

— У меня гостья, а ты, мерзавка, как назло, устраиваешь гвалт!

Уловив мамино настроение, малыш поспешил пожаловаться:

— Мам! А что она не дает мне поиграть с киской!

— Но ведь клетку открывать нельзя, маленький господин,— возразила девочка.

Госпожа недовольно нахмурилась.

— Так ты даже не позволяешь ребенку с кошечкой поиграть? Конечно, он у тебя не замолчит ни на минуту.

— Но, госпожа, я боюсь, как бы котенок не убежал.

— Подумай сама, дубина этакая, куда кошка может убежать?

— Убежит, госпожа, правду говорю, убежит.

— Ты что, спорить со мной вздумала? Может, считаешь, что я глупее тебя?

И на сей раз госпожа не просто замахнулась, но и ударила девочку. Господа терпеть не могут, когда им перечат, и она ударила второй раз, третий... пятый, шестой. Вся спина у девочки горела от побоев.

Тут и хозяйский сынок присмирел. Может, он испугался, как бы та самая щетка из перьев не прогулялась и по его спине, и поплелся за матерью в гостиную, где мог полакомиться конфетами.

Маленькая До, освободившись наконец от своей тяжелой ноши, облегченно вздохнула. Она забилась в уголок на кухне и стала ощупывать взбухшие рубцы на спине и расцарапанную щеку.

Известно, что люди, когда они сыты, начинают помышлять о забавах. А праздность, всем ведомо, не доводит до добра. Вот и маленький господин, как только съел конфеты, тут же подумал, как было бы забавно выпустить котенка из клетки.

Едва гостья откланялась, малыш сказал:

— Мам, можно поиграть с кошечкой? Мне очень хочется...

Чтобы ублажить любимое дитя, госпожа тотчас подвела его к клетке. Мальчик опять схватил прутик и ткнул котенка. Тот снова замяукал. До чего же интересно! Хозяйский сын звонко рассмеялся и стал тихонько приоткрывать дверцу.

— Не смей,— строго сказала госпожа.— Кошка убежит. А папа придет и тебя высечет.

— Ну, ма-а-амочка. Сама няньке сказала, что не убежит.

Видя, что сынок начинает капризничать, госпожа заколебалась. А мальчишка продолжал ныть:

— Мам, пусть киска погуляет. Ну пусть...

— Нет, нельзя.

Малыш надулся и явно вознамерился вновь закатить концерт. Мать не выдержала и сдалась.

— Фу, какой настырный! Ну ладно, выпусти, но только на минутку.

И госпожа сама приподняла дверцу. Котенок, не спеша, с ленцой вышел из клетки, потянулся, облизал шерстку, выгнул спинку. Мальчишка, склонившись над ним, с восторгом рассматривал белые острые зубки, красный язычок, серебристые усы. Котенок добродушно мяукнул и сделал несколько осторожных шагов, мягко ступая по полу. Маленький господин подтолкнул его в спину. Котенок мяукнул и прошел еще немного. Осмелев, мальчик схватил котенка за шкирку. Сдавил посильнее. Тому это явно пришлось не по вкусу, он фыркнул, отпрыгнул в сторону, рванулся к дверям — и был таков.

Госпожа растерянно посмотрела котенку вслед, но тут же опомнилась и кинулась вдогонку. И в этот момент в дверях показалась маленькая служанка.

— Чего стоишь? Лови кошку! — закричала госпожа. Но котенок проворно вскочил на бак с водой, оттуда вскарабкался на стену, а со стены — на крышу. Возле конька крыши он остановился, глянул вниз и, как бы поддразнивая людей, пискнул.

Госпожа была вне себя. Не зная, на кого излить бушевавшую в ней злость, она толкнула стоявшую рядом девочку, да так, что та ударилась головой об стену.

— Ты что застыла, точно пугало огородное? Видишь — котенок удирает, не можешь схватить, что ли? Мерзавка...

У бедной девочки в голове зазвенело от удара.

— Долго еще стоять собираешься? — Госпожа так наступала на маленькую До, будто бы служанка была всему виною. Перепуганная девочка растерянно хлопала глазами.

— Да ты что, с ума сошла? Может, мне прикажешь кошку ловить? — взревела госпожа.

Но как ее теперь поймаешь? И маленькая До, трепеща

перед надвигавшейся на нее грузной хозяйкой, не выдержала и расплакалась. Видно, опять не миновать ей побоев. Виновата во всем госпожа, а достается-то ей.

Взглянув на маленькую До и вроде бы смягчившись при виде слез, хозяйка сказала:

— Ладно, не реви, постарайся лучше изловить эту кошку.

* * *

Господин подкатил на своем велосипеде к дому и забарабанил в дверь. Открыли ему не сразу. А ведь его снедало нетерпение — поскорее хотелось вернуться к своему любимцу; ради этого он даже попросил начальника послать его на инкассацию. Таким образом удалось выкроить время, чтобы заскочить домой.

Услышав, что муж вернулся, госпожа не на шутку встревожилась. Мало того что отругает как следует, еще, чего доброго, начнет бить посуду, не щадя ни редких ваз, ни старинных сервизов.

И вдруг ее осенило. Госпожа подошла к служанке и прошипела ей на ухо:

— Смотри у меня: если господин спросит, кто выпустил кошку, скажи, что это сделала ты. Поняла?

Переложив таким образом свою вину на бедную девочку, госпожа почувствовала облегчение. Она выбежала навстречу супругу и, притворно закатывая глаза и раздувая ноздри, заголосила:

— Беда у нас, беда! Твоя кошка сбежала...

Господин остановился, словно молнией пораженный.

— Как же... как это случилось?

— А это все она,— госпожа ткнула пальцем в сторону маленькой служанки,— вот эта мерзавка выпустила!

Не дослушав жену, господин одним прыжком оказался рядом с девочкой. Он схватил ее за волосы, бросил на землю и начал яростно избивать. Хорошо еще, госпожа вовремя остановила его.

— Ладно уж, перестань, не бей ее. Пусть лучше загонит кошку обратно. Вот если не сможет, тогда... тогда держись, мерзавка!

— Выпустила кошку! Это же надо быть этакой недотепой...

— Ну, полно тебе, не сердись,— слегка покраснев, увещевала его жена.

— Слушай! — Хозяин грозно вытаращил глаза и обернулся к рыдающей девочке.— Не загонишь котенка обратно — клянусь, живьем тебя в землю зарою!

Господин со злостью хлопнул дверью, вскочил на велосипед и укатил по своим делам. Когда он скрылся из виду, хозяйка сказала девочке:

— Возьми-ка чашку с рисом и поставь наверху. Может, кошка спустится.

Служанка тут же послушно побежала наверх с чашкой риса. Стоя на террасе, она стучала пальчиками по чашке и звала:

— Кис-кис-кис!

Котенок обернулся, но только мяукнул в ответ. Даже с места не двинулся.

Было часа четыре дня. Нещадно палило солнце. Его лучи жгли черноволосую головку девочки, пот градом катился по ее лицу. Она простояла почти полчаса, но тщетно: котенок и не думал спускаться.

Увидев, что толку от стараний служанки все равно не будет, госпожа смилостивилась и послала на крышу повара и рикшу. Со множеством ухищрений двое здоровенных мужчин в конце концов изловили котенка.

Какое счастье! Любимец господина был водворен на место, в клетку. А что же маленькая служанка?

Ей был преподан хороший урок в школе жизни. Девочка уразумела, что значат слова «в своем доме госпожа».

1937

ПОДРУГИ

— Эй, рикша! Вон та деревенщина, что стоит у лавки, ну, та самая, с лиловым поясом, это и есть жена начальника тонга из Донгкуана?

— Да, сиятельная госпожа,— прозвучало в ответ.

А госпожа и впрямь была сиятельной, ибо являлась супругой губернатора провинции. Она на мгновение задумалась и снова спросила рикшу:

— Как зовут эту женщину?

— Тиен [1].

---

[1] Игра слов: Тиен по-вьетнамски — деньги.

Губернаторша усмехнулась:

— Если у нее такое имя, ей небесами предначертано быть богачкой. А одевается-то она плохонько... Кто бы мог подумать, что у нее десятки тысяч донгов! Подъезжай-ка к ней поближе и остановись — я сойду.

— Слушаюсь, сиятельная госпожа.

В это время Тиен с озабоченным видом прохаживалась вдоль рядов лавок. Поглощенная своими мыслями, она ничего не замечала вокруг — она приехала из деревни в город, чтобы купить несколько лопат и мотыг да кое-что из домашней утвари и уже успела раз десять пройти по улице, прицениваясь к товару в скобяных лавках.

Одета она была в просторную коричневую блузу и черные широкие шаровары из дешевого шелка, на руке у нее висела потрепанная островерхая шляпа; только нарядный лиловый пояс отличал ее от простой крестьянки.

Она стояла и разглядывала товар в лавке, как вдруг чей-то смех заставил ее вздрогнуть.

— Хи-хи-хи! Давно ли вы в городе, любезная Тиен?

С этими словами супруга губернатора взяла Тиен за руку. От этой нежданной-негаданной чести та пришла в неописуемое волнение. Она только ойкнула и, неуклюже отступив на два-три шага, отвесила несколько почтительных поклонов.

— Приветствую вас, сиятельная госпожа!

Губернаторша замахала руками.

— Что вы, что вы! Какая там сиятельная госпожа! Мы с вами просто подруги. Пусть на службе наши мужья величают друг друга как хотят, а нам это не пристало.

— Слушаюсь, сиятельная госпожа.

— Ну что вы, право, заладили — «сиятельная да сиятельная»!

— Прошу позволения именно так обращаться к вам.

— Какая же вы упрямица! А почему, будучи в городе, вы не зашли ко мне в гости?

— Прошу прощения, сиятельная госпожа, я так плохо одета, что просто не осмелилась.

Супруга губернатора покровительственно улыбнулась.

— Что вы такое говорите. Как вам не совестно!

— Вы, госпожа, для меня как родная мать, а ваш сиятельный супруг как родной отец... Так простите же свое неразумное дитя.

— Хорошо, только вы сейчас же поедете ко мне!

— Как вам угодно, сиятельная госпожа.

— Пообедаем вместе.

— Деревенские мы, сиятельная госпожа, кушаем рано. Сыта я.

— Тогда просто поболтаем. Когда мой муж был сюда назначен, я не забывала своих деревенских подруг. А вы вот приезжаете в город — и ко мне не заходите. Я, пожалуй, обижусь.

— Мы, сиятельная госпожа, люди простые и слова-то дельного сказать не умеем, вот и не осмеливаемся вас беспокоить.

— Что ж в том особенного, ведь мы во всем равны: вы торгуете — и я торгую, вы ведете хозяйство — и я веду. Сказать по правде, я не сижу дома без дела, как другие жены важных чиновников, даже сама стираю и уборку делаю. Вот как.

— Ах, сиятельная госпожа!

— Итак, едем ко мне!

— Не смею отказываться.

— Тогда садитесь в тележку.

Губернаторша уступила собственную коляску Тиен, а сама подозвала другого рикшу.

Этот неожиданный знак уважения до того растрогал Тиен, что у нее невольно слезы на глаза навернулись. Один вид губернаторской коляски ввергал ее в трепет: выкрашенная лаком под цвет черепашьего панциря, она сверкала никелированными ручками и белизной подушек. «Небо, разве я достойна такой роскоши?» — подумала Тиен. А когда опустила свое грузное тело на мягкие подушки, ею овладело сладостное волнение: «За одну-единственную минуту такого счастья стоило бы целый век ходить в монахинях»,— подумала она. Тиен сидела на самом краешке сиденья, не решаясь откинуться на спинку. Но стоило ей вспомнить ласковое обхождение губернаторши, как она расцветала в счастливой улыбке. Подумать только! Как добра, как приветлива губернаторша! Будь ты самым разнесчастным человеком на земле, но ежели супруга губернатора так приветит тебя, жизнь уже не покажется постылой. Еще бы! Супруга властителя целой провинции разговаривает с женой ничтожного начальника тонга как с близкой подругой, нежно берет за руку, величает госпожой, зазывает в гости.

Тиен была наверху блаженства.

Но вот коляска подкатила к резиденции губернатора. Тиен поспешно соскочила на землю и обратилась к рикше:

— Дальше я пойду пешком. Не приведи бог, еще попадусь на глаза господину губернатору — отругает...

Губернаторша, которая все это слышала, тут же обернулась. На лице ее сияла очаровательная улыбка.

— Ничего, не беспокойтесь. Мужчины не так придирчивы, как мы, женщины.

Подойдя к губераторским покоям, Тиен с величайшей тщательностью вытерла ноги о коврик и лишь после этого осмелилась ступить на кафельный пол. Губернаторше пришлось чуть не силой усадить ее в сверкающее полированное кресло. Тиен сидела ни жива ни мертва.

Тем временем губернаторша кликнула слугу и велела поставить чайник, а сама достала из шкафа банку с чаем.

— Высшего сорта! — похвалилась она.

Затем собственноручно заварила чай и подала чашку Тиен. При этом хозяйка дома так благожелательно с ней разговаривала, что деревенская женщина прослезилась от умиления.

Губернаторша завела разговор о видах на урожай, о торговле. Она и в этом понимала толк. Гостья не могла не восхититься ее здравым умом. А хозяйка тем временем принялась рассказывать о своих делах. О! У нее деньги всегда в обороте, она уж не упустит возможности получить прибыль: дает деньги в рост, торгует рисом, лаком, шелком, джутом.

— Кто не торгует, никогда не станет богат, не правда ли? Вот мой муж — важный чиновник, а жалованье у него пустяковое.— И она улыбнулась.

— Ах, сиятельная госпожа, ваш супруг — истинный благодетель для нас.

— Вот и приходится делами заниматься мне. Конечно, торговля для меня — главное. У жены чиновника только титул и слава. Куда лучше быть такой, как вы, да иметь побольше земли. А верно ли, что в этом году у вас под рисом занято всего пятьдесят мау? [1]

— Каждый год, сиятельная госпожа, мы сажаем рис только на пятидесяти мау. А остальную землю сдаем в аренду. Семья у нас небольшая, а одной мне за всем не уследить.

— Конечно, зачем же себя изводить. К тому же вам, наверное, хватает на жизнь и того, что вы получаете от арендаторов. Небось удается еще кое-что отложить?

---

[1] Мау — единица площади во Вьетнаме, равная 3600 кв. м.

— Самую малость.

— А рис вы, должно быть, складываете в амбары, а потом продаете?

— Да, сиятельная госпожа.

— И правильно. Ведь рис надо продавать, когда он в цене.

— Так-то оно так, только вот беда: уж больно малы амбары, и места для риса не хватает. Муж собирается сделать к амбарам пристройки. Как только снимем урожай, он этим и займется. Но продавать рис не спешит, авось, говорит, случится наводнение, тогда видно будет. А я думаю, что лучше бы этот рис продать сейчас.

— Вы правы, милочка. Вообще деньгами должны распоряжаться мы, женщины, иначе от них никакого проку не будет. А мужчины такие непрактичные!

— Совершенно справедливо, сиятельная госпожа.

— Скажите, а сколько риса сейчас у вас в амбарах?

— Примерно на тысячу донгов.

— Ого! И вы не продаете?

— Я-то хочу, да муж все тянет с этим.

— Знаете что? Продайте этот рис мне. Пусть ваш муж немножечко позлится. Хорошо?

Тиен так и засияла от радости.

— Рада вам услужить, сиятельная госпожа!

— Я не шучу. Позвольте мне купить у вас на тысячу донгов рису...

— Я со всей душой.

— Только вот что. Мы же с вами подруги, не правда ли? Скрывать нам друг от друга нечего. Видите, в чем дело, у меня было несколько тысяч, но я купила в Ханое участок под доходный дом. И сейчас у меня осталось всего несколько десятков донгов, чтобы прожить до конца месяца. Не согласитесь ли вы продать мне в долг?

— Ах, сиятельная госпожа, вы еще спрашиваете! Отдадите когда сможете. Я уж так рада, что вы хотите купить у меня рис. Так рада...

— А вы не боитесь, что я не отдам деньги? Хи-хи-хи!

Тиен тоже захихикала.

— Мне такое и в голову не придет, ведь вы для нас как мать родная!

Вдоволь насмеявшись, губернаторша заговорила серьезно:

— Так вот, сестрица, я покупаю у вас на тысячу дон-

гов риса, но пока оставляю его в ваших амбарах. Это чтобы вы меня ни в чем не подозревали! Хи-хи-хи!

— Пожалуйста, присылайте за вашим рисом когда угодно...

— Нет уж, пусть он пока остается у вас. Посудите сами, в губернаторском доме тесно. Куда ж я его дену?

— Понимаю, сиятельная госпожа.

— А как только я где-нибудь арендую амбар, сразу же и перевезу.

Поговорив еще немного, Тиен распростилась с гостеприимной хозяйкой и, сияя от радости, отправилась к себе в деревню.

Там она не преминула растрезвонить по всей округе о доброте и обходительности губернаторши...

А через три месяца и впрямь случилось наводнение, и цены на рис сразу взлетели. К этому времени в памяти Тиен уже изгладились воспоминания о радушии губернаторши. Зато перед ее глазами неотступно стояли мешки риса, которые она продала в долг. Тиен горестно вздыхала. Уж лучше бы губернаторша прислала людей и этот рис убрали с глаз долой или отдала хоть часть денег. Ведь с тех пор к Тиен приходило много покупателей, но она не осмеливалась продать ни зернышка.

Обидно, конечно, что она продешевила. Но если подумать, это не такое уж большое горе. Часто ли жены губернаторов так обходительны с женами начальников тонга! Другой вот имеет тысячи и десятки тысяч, а доброго слова от власть имущих не слышит. Размышляя таким образом, Тиен по-прежнему чувствовала себя счастливой.

Но однажды к ней явился посыльный от губернатора и вручил письмо. Тиен тут же попросила мужа вскрыть конверт и прочесть. В письме говорилось:

Дорогая подруга!

Так как сейчас установились хорошие цены на рис, я прошу вас об одном одолжении: не можете ли вы продать тот самый рис, который я храню в ваших амбарах. Вы легко выручите за него больше полутора тысяч донгов, но я приму только ровно полторы, а остальные деньги можете израсходовать по своему усмотрению. Из тех полутора тысяч, которые останутся после продажи риса, тысячу возьмите себе — это мой долг, а пятьсот донгов (прибыль

от продажи) я попрошу вас передать мне, когда вы приедете к нам в гости двадцать шестого числа сего месяца.

Сколько хлопот доставляю я вам! Но умоляю на меня не сердиться.

Вы что-то давненько не наведывались в город, я уже соскучилась. Но надеюсь, что двадцать шестого числа вы приедете, и тогда мы с вами наговоримся вдоволь.

Супруга губернатора провинции.

Выслушав до конца письмо, Тиен не удержала тяжелого вздоха.

Вот так незадача! Попробуй сумей за такой срок найти покупателя, чтобы к двадцать шестому приготовить для губернаторши пятьсот донгов! И ведь как все это обернулось! Оказывается, не губернаторша у нее в долгу, а она — у губернаторши.

Несколько дней Тиен провела в поисках покупателей. Но дела в округе шли неважно, ни у кого не оставалось денег на покупку риса. А роковое число приближалось.

Временами Тиен хотелось махнуть на все рукой, поехать в город и доложить губернаторше, что рис никто не покупает. В этом случае она не понесла б убытков. Но поступить так было невежливо: это значило потерять благосклонность сиятельной госпожи.

Наступило двадцать шестое, и Тиен отправилась в город, имея при себе ровно пятьсот донгов — прибыль от продажи риса.

Правда, чтобы раздобыть эти пять сотен, ей пришлось оставить долговую расписку. В душе она сердилась на губернаторшу. Но стоило той взять Тиен за руку и радостно воскликнуть: «Ах, наконец-то! Я вас так ждала!» — и она мгновенно обо всем забыла. Приятное волнение охватило ее, на глазах выступили слезы, а на душе опять стало светло и радостно.

1937

ИСТОРИЯ МОЕГО САМОУБИЙСТВА

(Монолог читателя)

Все ваши рассказы о чиновных господах, уважаемый автор, я прочитал со вниманием. Иногда вы фантазируете, по-моему, слишком смело, иногда, наоборот, вам недостает

выдумки, но сюжет у вас, как правило, покоится на жизненной основе. Поймите меня правильно, я далек от того, чтобы упрекать вас,— напротив, я очень рад сегодняшней встрече именно потому, что хотел бы рассказать одну историю, которая, может быть, вам пригодится.

Итак, в те давние времена, когда я только-только начинал свою карьеру, меня назначили чиновным правителем уезда Т. В. Уезд этот скудный, нищий, в пятидесяти семи его общинах обитал разнесчастный люд, бедолаги, которых в песнях сочувственно именуют белыми цаплями. Такие жалкие уезды доставались тем из чиновных господ, у которых в бумажнике было пусто и они могли преподнести вышестоящим чинам весьма скромное подношение. Получив в управлении подобный уезд, чиновник наживал себе хлопоты, которым круглый год не было конца. А когда наступал сезон паводков, бедняга и вовсе терял сон и аппетит. Потому что по этому уезду на протяжении двух десятков километров протекала окруженная дамбами река Ни, капризная, будто взбалмошная старуха.

Прослужив в уезде Т. В. пять месяцев, я начал стучаться во все двери, чтобы исхлопотать себе до начала паводка перевод в какой-нибудь уезд провинции Намдинь либо Тхайбинь, в места обильные, служба в которых не обременяет правителя заботами о поддержании в порядке длиннющих дамб. Но поскольку посты правителей уездов продавались, как товар на аукционе, то с меня запрашивали сногсшибательную сумму, которую я был не в состоянии заплатить, хотя, сказать откровенно, затраченный капиталец мог в дальнейшем окупиться сполна. Но, увы, денег у меня не было, вот и пришлось против собственной воли осесть в уезде Т. В.

В тот год уродились плоды дерева нян — драконова глаза, и откуда-то взялось великое множество муравьев. Такие приметы предвещали большое наводнение. И еще меня беспокоили мысли о моих предшественниках. Дело в том, что одного из них за нерадивость и небрежение работами по укреплению дамб раньше срока удалили в отставку, а другого, который, напротив, излишне усердствовал, унесли воды разбушевавшейся реки. Словом, у меня было достаточно оснований, чтобы сокрушаться о своей грядущей судьбине и испытывать опасения за свое доброе имя.

А между тем был я отчаянным гулякой. С той поры, как мне удалось обзавестись автомобилем, я стал завсегдатаем веселых кварталов в ханойском районе Кхамтхиен и,

не пропуская почти ни одной субботы, отправлялся туда каждый раз после полудня. И хотя моя ревнивая жена закатывала «веселенькие» сцены, я ничего не мог с собой поделать: ведь моя возлюбленная, певичка Ча, так искусно ублажала меня! Если, к несчастью, выпадали субботние и воскресные дни, когда мне не удавалось выбраться к любовнице, я рвал и метал, казалось, вот-вот взорвусь или сойду с ума. Поэтому на меня не производили должного воздействия ни истерики, которые устраивала моя дражайшая половина, ни ее бесконечные упреки ночи напролет, ни беспрерывная брань. Я каждый раз находил новый предлог для того, чтобы вырваться в Ханой и там, у певицы Ча, слушать ее милое щебетанье, ее наговоры на других, сорить ассигнациями, погружаться в приятные заботы о том, как обставить покомфортабельнее жизнь моей любовницы.

А так как для этого требовалось много денег, мне пришлось пойти на сделку со своей совестью. К тому же мои многоуважаемые собратья, вне сомнения, осудили бы чиновного правителя, который вздумал бы отказаться от взяток; да его сочли бы просто болваном, простофилей, недостойным своего высокого положения. Поэтому я не мог довольствоваться только теми подношениями, которые темный люд добровольно делал мне, приходилось идти на разные хитрости и уловки, чтобы выуживать побольше денег у тех, кто приходил с прошениями в уездную управу.

В тот год в седьмом месяце по лунному календарю зарядили проливные дожди. Вода в реке стала угрожающе подниматься. Именно тогда я получил от старосты общины Тхыонгве нижайшее прошение. Староста спрашивал меня, не соизволю ли я лично прибыть в общину Тхыонгве и осмотреть дамбу, которую подмыли дожди и которая вряд ли выдержит, если вода будет все так же подниматься или вдруг разразится тайфун.

Но мне почему-то все было недосуг, и я пропустил предупреждение старосты мимо ушей. Конечно, вздумай я всерьез заняться дамбами, пришлось бы каждый день отлучаться из уездной управы и забросить текущие дела. Тогда решение многих тяжб я был бы вынужден перепоручить помощнику, столоначальнику или делопроизводителю. А это означало для меня сплошной убыток. И я отмахнулся от старосты и его предупреждений, послав ему приказ, в котором повелевал со всем усердием заняться по-

чинкой дамбы и не мешкая доложить мне, если положение вдруг станет угрожающим. Я хорошо понимал, что приказ этот бессмысленный. Спихнув всю ответственность на какого-то жалкого старосту, в руках которого не было для того никакой власти, я ничуть не помог делу. Но приказ был отдан, старосте общины Тхыонгве ничего не оставалось, как подчиниться, и он стал отряжать сторожей на плотину.

Мне, разумеется, следовало самому съездить осмотреть размытый участок дамбы, убедиться, насколько велика угроза, и принять неотложные меры, то бишь я должен был отдать приказ окрестным деревням, чтобы собрали людей, заготовили бамбуковые шесты да не мешкая укрепляли дамбу или же надстраивали ее, а на крайний случай насыпали за дамбой земляной вал, который мог бы сдержать воду и не пустить ее на поля, если дамбу все-таки прорвет. Мне надлежало, коль скоро не хватит собственных сил, доложить о грозящей опасности вышестоящим чинам и просить помощи от управы общественных работ и соседних уездов. Но я ничегошеньки не предпринимал, а продолжал торчать у себя в присутствии. По субботам же, не нарушая заведенного порядка, я исчезал из уезда.

В наказание за эти мои прегрешения небо послало самый свирепый тайфун. И когда я увидел возле уездной управы старосту из Тхыонгве, прискакавшего на взмыленной лошаденке, сердце мое сжалось от предчувствия беды. И не напрасно: дамба возле его деревни едва держалась. Если ветер и ливень не утихнут, этой ночью неминуемо случится несчастье. Я тотчас собрался и отправился на место. Река стала красной от ила, она казалась необъятно широкой, вода бурлила, свирепея, крутилась в водоворотах; огромные волны одна за другой с грозным воем ударяли о берег, рассыпаясь ливнем брызг. Ветер гудел, налетая порывами, будто плетью хлестал в лицо.

Меня обуяла тревога. А тут еще я увидел, что, в довершение бед, на землю готов пасть сильнейший туман.

— Ветер нынче восточный...— тяжело вздохнув, произнес вдруг староста.— Вряд ли он переменится.

Да, подумал я, завтра суббота, мне надо быть в Ханое, где меня с нетерпением ждет крошка Ча. Мне бы поразвлечься с нею. А тут, вместо того чтобы наслаждаться обществом любимой женщины, придется мокнуть под проливным дождем и дрожать на холодном ветру. А если что-нибудь случится с этой проклятой дамбой, то и вовсе беда!

Заест меня начальство. И так мне стало жаль себя, так страшно, что из глаз моих потекли слезы.

Деревенские старосты и старшины, простой люд, столпившийся вокруг, не зная истинной причины моих слез, стояли, глубоко тронутые. Посудите сами: чиновный правитель обратил свой взор к зеленым полям, темнеющим в тумане селениям, и из его глаз брызнули слезы!

Видя, сколь велик напор воды, которому помогал могучий тайфун, я без труда догадался, что меня ожидало: усилия людей ничего уже спасти не могли — было слишком поздно. Дамба обречена. Но это не означало, что я могу быть свободным и вернуться восвояси. Нет, мне предстояло провести ночь в общинном доме, делая вид, что я распоряжаюсь работами, и ожидая, когда наконец прорвет дамбу. Может, таким образом мне удастся замазать глаза вышестоящему начальству и не выглядеть совсем уж нерадивым лоботрясом.

Часам к четырем ночи дамба, как я и думал, дала течь, и вскоре река прорвала ее. Грозным, шумным потоком хлынула вода. Тотчас грохот барабанов, собачий лай, вой сигнальных раковин, крики людей потрясли небеса. Прорванный участок дамбы все расширялся, а вода бушевала все яростнее.

К утру ливень прекратился, ветер стих, волны улеглись. Но все поля оказались залитыми, все превратилось в бескрайнее море, до самого горизонта — вода, вода и вода. Подмытые курганы и могилы исчезли. Деревни возвышались, словно островки.

Теперь я собственными глазами видел страшные последствия наводнения, о которых мне раньше доводилось только слышать: снесенные потоком дома, трупы людей и животных, остатки скарба. Раскаяние охватило меня. И тут я еще острее осознал, какое тяжкое бремя вины легло на мои плечи. Я с содроганием думал, что неприкаянные души людей, погибших по моей милости, будут отныне мстить и мне, и детям моим, и внукам.

Не говоря о том, что следствием трагедии, которая разыгралась перед моими глазами, будет, через какой-нибудь месяц, мое увольнение в отставку. В лучшем случае меня отправят служить в глушь — в горы или джунгли. Это будет дисциплинарная кара в назидание другим чиновным господам, пренебрегающим своим служебным долгом, наказание, от которого я не смогу откупиться никакими деньгами. Уж какие-нибудь из сотен и тысяч жалоб непремен-

но дойдут до высших чинов. И при всем благорасположении ко мне начальства ему придется открыть глаза и взглянуть на реальное положение вещей. Кто же тогда сумеет меня защитить?

Самому надо выпутываться из беды, что-то срочно придумать.

Я тотчас призвал к себе доверенного человека и в глубокой печали, тихим голосом объявил:

— Делать нечего, Тхао, я должен покончить с собой.

Тот даже опешил, затрясся в нервной дрожи.

— Сиятельный господин, смилуйтесь над нами,— залепетал он,— не делайте этого. Дамбу прорвало потому, что на то была воля небес, здесь нет вашей вины.

— Нет вины, говоришь? Но сердце мое разрывается от жалости к бедному люду,— сказал я скорбным голосом.— Будь добр, дай мне ненадолго твой пояс, в этом общинном доме крепкие стропила, здесь я и покончу с собой, чтобы расплатиться своей жизнью за жизнь невинных людей. Их гибель на моей совести!

Услышав эти мужественные, решительные слова, Тхао подумал, что я и впрямь собрался по собственной воле покинуть сей мир. Он низко кланялся, умолял, плакал. Но моя непреклонная решимость только росла. Он, конечно, не посмел дать мне свой пояс и сказал, что при нем его нет. Я нещадно бранил его, обзывая бессовестным обманщиком. Наконец я послал его купить веревку.

Тхао вышел из дома потрясенный, зажав деньги в дрожащей руке. Глядя на его одуревшую физиономию, я готов был держать пари, что он ни за что на свете не допустит моего самоубийства. Наверняка объявит сейчас всем эту сногсшибательную новость, и меры предосторожности будут приняты. На это, собственно говоря, я и рассчитывал. Ведь вздумай я и впрямь кончить самоубийством, я бы сделал это втихомолку, никому не сообщая заранее. И конечно, не стал бы призывать себе помощника, который может обо всем разболтать.

После ухода Тхао я взял перо и бумагу и начертал свое предсмертное послание. Нет, я писал не родным, я обращался к народу вверенного мне уезда, показывая тем самым, что все мои думы — о нем и я не горюю ни о жене, ни о детях. В письме моем были только исполненные человеколюбия слова, только плач над участью обездоленных — так скорбит отец родной над участью поверженных во прах сынов своих.

Некоторые фразы моего послания получились столь проникновенными, что меня самого они тронули за живое. Некий французский резидент провинции Тхайбинь, опасаясь позорного увольнения в отставку за то, что по его нерадивости река прорвала дамбу, застрелился. Некий военачальник в Куйнёне, сдавший крепость врагу, взорвал себя вместе с бочкой пороха. Великие достоинства этих господ безудержно восхвалялись, в их честь воздвигали памятники. Так неужто меня не похвалят хоть чуточку за одну только попытку к самоубийству? Ежедневные газеты, изнывающие от отсутствия новостей, уж конечно, подхватят эту историю и смогут сколько угодно ее раздувать. И хотя суд совести может вынести мне за мои провинности суровый приговор, суд общественного мнения даст мне полную реабилитацию. А потому, возможно, меня минует и дисциплинарное взыскание.

Тем временем проворный Тхао возвратился с веревкой. Лицо его посерело, по щекам катились слезы. Он снова стал умолять, чтобы я отказался от страшного намерения, но тщетно; ему оставалось только отступить перед моей непреклонностью. Я же застыл в скорбной позе, уронив голову на грудь, словно действительно был полон неподдельного раскаяния. Потом, оставив предсмертное послание, я забрался на стол и перекинул конец веревки через стропило.

Но, разумеется, едва я просунул голову в петлю, как в зал со всех сторон ринулись десятки человек, с криком и воплями они вытащили меня из петли, спрятали веревку — словом, не позволили расстаться с жизнью. Меня просили и умоляли. Меня уговаривали и увещевали. Меня успокаивали и утешали. Нашлись простофили, которые, глядя на меня, плакали навзрыд.

Словом, все вышло так, как я и предполагал. Газеты напечатали сенсационную новость, журналисты примчались брать интервью, моими фотографиями украсились газетные полосы — всколыхнулось общественное мнение, выражавшее мне признательность за мою готовность к самопожертвованию.

В результате начальство мое не нашло никакого повода, чтобы привлечь меня к ответственности.

Попытка к самоубийству спасла меня. Более того, эта хитрость способствовала потом моему быстрому продвижению по службе. Через двадцать лет я был уже вице-губер-

натором, достиг богатства, жил счастливо и беззаботно. Теперь, выйдя в отставку, я припомнил этот старинный случай и, полагая, что откровенный рассказ уже не может повредить моей репутации, поведал вам историю своего самоубийства.

1938

ДЕВУШКА С ШАХТЫ

Вымыв чашки и палочки для еды, Шанг взяла керосиновую лампу и вошла в комнату. Поставив лампу на сундук, она приподняла москитную сетку, висевшую над кроватью, и сказала матери:

— Мама, я уйду ненадолго. Можно?

Пожилая женщина, видно угадав намерение дочери, зашевелилась и со стоном повернулась к ней.

— Полно, доченька, не нужно мне никаких лекарств, обойдусь. Не надо залезать в долги. Я ведь знаю, что это такое... Боюсь я за тебя, дочка.

Шанг тяжело вздохнула, коснулась губами лба матери.

— Такой жар, а ты, мама, отказываешься от лекарств. С самого утра тебя треплет лихорадка, вся горишь.

— Жар у меня оттого, что ты укутала меня целым ворохом одеял. Ничего, пройдет. Я не хочу, чтобы ты брала в долг ради меня.

— Мама, не тревожься из-за денег. Помнишь, позавчера после двух чашечек лекарства тебе стало намного лучше. Если бы ты разрешила мне занять денег еще на две чашки, то сегодня была бы почти здорова.

Тронутая нежным участием дочери, мать покачала головой и взяла ее за руку.

— Не до лекарств, дочка, коли дела в доме из рук вон плохи. Принимать лекарство, купленное в долг,— последнее дело.

— С долгами мы потом расплатимся, мама. Не бойся, ведь на все это мы заработаем, чужого нам не надо. Да и занимаю я не у надсмотрщика Ня, а у подруг.

— Ты меня обмануть хочешь, доченька. Уж я-то знаю, у нас на шахте, среди работниц, некому дать тебе в долг — лишних денег ни у кого не водится. Отец твой на шахте двадцать с лишним лет проработал, едва концы с концами сводил, а когда погиб во время обвала, еще и долги нам оставил. С трудом удалось расквитаться.

— Ну, выслушай меня, мамочка, спокойно,— вздохнув, проговорила Шанг.— Я ведь занимаю не у одной подружки, а у всех понемногу. Это же легче.

— А чем потом отдавать?

— Вот скоро будет получка, как-нибудь и выкручусь. Ты не беспокойся.

Мать грустно покачала головой. Жалость к дочери переполняла ее душу.

— Не слушаешься ты меня. Вот и днем я слышала, как ты с подружкой беседовала насчет того, чтобы призанять у надсмотрщика Ня. Быть у него в должниках — хуже и не придумаешь.

— Знаю мама. Я сказала ведь, что не стану просить у него денег.

— И хорошо. Ложись, спи, завтра тебе рано вставать на работу.— И пожилая женщина продолжала сетовать:— Два дня уже рис занимаем, а если еще и лекарство в долг покупать... Вот горе-то горькое, нищета наша, бедность.

Из ее глаз вытекли две слезинки и медленно скатились по щекам. Женщина повернулась к стене, горько вздыхая.

— Мама, тебе нужны еще две чашечки лекарства. Пожалеем денег на лекарство, лихорадка тебя замучает, что тогда делать?

— Делай что хочешь! — махнув рукой, прервала ее мать.— Какая ты упрямая!

— Я все-таки поступлю по-своему, мама.

Прибрав в доме, Шанг прикрутила фитиль в керосиновой лампе и вышла на улицу.

* * *

Тем же вечером надсмотрщик Ня, дождавшись момента, когда все служащие разошлись и контора опустела, вошел к хозяину-французу, чтобы сообщить ему приятную новость.

— Месье, вы заняты сегодня после ужина?

— Нет, а что ты хочешь?

Надсмотрщик наклонился к уху хозяина, еще больше сузив свои и без того узенькие глаза, ну точь-в-точь угорь.

— Месье,— зашептал он,— сегодня я могу привести к вам ту самую девчонку, которую вы давненько взяли на прицел.

Хозяин расплылся в улыбке, самодовольно покручивая усы, потом застыл, скрестив руки на столе.

— Это которую ты имеешь в виду? — спросил он, подняв голову.

— Малышку зовут Шанг, месье. Она живет в доме по левую сторону от завода, у нее сейчас больна мать. Вы сами как-то изволили заметить, что она чертовски хороша.

Хозяин, вроде бы припомнив, одобрительно закивал головой:

— М-да-да, кажется, припоминаю. Красотка с эдакой вот грудью? — Он сделал выразительный жест.

Оба, переглянувшись, прыснули от смеха.

— Она самая, месье,— отвечал надсмотрщик.— Я ей все время втолковываю, что добрей вас нет человека и что только из жалости вы взяли ее на работу, потому что как-никак ее отец погиб, служа фирме.

— А она что говорит?

— Сдается мне, она не похожа на других. Нет в ней этакой игривости да легкости.

— Тогда как же ты собираешься привести ее сегодня?

— Да ведь этим я окажу ей милость.

— Милость?

— Так точно, месье, потому как у нее мать хворая.

— Не понимаю.

— Извольте, я сейчас все объясню. Недавно она разыскала меня и попросила взаймы несколько донгов на лекарство для матери. Надо вам сказать, месье, что она впервые просит у меня в долг.

— Стало быть, у нее есть средства?

— Нет, месье. Если рабочему удается свести концы с концами, он уже счастлив. Откуда у них быть деньгам? Она потому только ко мне и пришла, что у нее заболела мать; а коль человек заболел, значит, пошли лишние расходы. Побегала эта Шанг по подружкам, видит — у них взять нечего,— ну, и ко мне.

— А у нее действительно больна мать или, может, она хитрит, чтобы подкатиться к тебе?

— Я был бы рад, если б малышка соврала, тогда все устроилось бы само собою. Но, к сожалению, месье, мать у нее и впрямь хворает.

— Что же ты ей сказал?

— Я ответил ей, месье, что у меня сейчас денег нет, но я могу, мол, привести ее к вам, и вы дадите ей сколько надо. Она очень робеет перед вами, месье, и долго не решалась прийти, но я сумел уговорить ее.

— Ну и отлично сделал! — похвалил хозяин.

— Да, месье. Тем более сегодня удобный случай, ведь мадам в Ханое. После ужина я приведу девчонку. Но, извиняюсь за совет, с нею надо держаться поделикатнее. Девка-то она горячая, чего доброго шум поднимет.

— Это не твоя забота.

— Да, месье, эта Шанг не такая, как те, что я приводил к вам раньше.

— Ну ладно, хватит,— прервал хозяин.— Спасибо тебе.

* * *

Шел уже девятый час, когда Шанг, исполненная тревоги, вслед за надсмотрщиком двинулась к дому хозяина шахты тропинкой, которая вилась вверх по склону холма. Ее тревожило какое-то глухое предчувствие беды. Эх, напрасно, послушавшись уговоров Ня, она решилась просить денег у самого хозяина! Но ей так хотелось, чтобы мать скорее поправилась. Шанг знала: надсмотрщик частенько водит к хозяину женщин, и уж одно то, что она вместе с ним идет туда сегодня, может навсегда очернить ее имя в глазах всего поселка. «Что ж, ну и пусть,— думала она,— моя-то совесть будет чиста».

Когда они приблизились к воротам хозяйской виллы, Ня наставительно сказал, прищелкнув языком:

— Вот что я тебе скажу: в жизни всякое бывает. А коли у хозяина служишь, умей его ублажить. Нечего перед благодетелями свою гордость показывать. Поняла? Так-то.

— Как же мне держаться?

— Это уж ты сама соображай. Если бы ты раньше начала наведываться в этот дом, тебе не пришлось бы сегодня уговаривать меня, чтобы я привел тебя за деньгами к хозяину.

Шанг поняла намек и промолчала. Она взглянула вниз, на шахтерский поселок, где во тьме у подножия холма лепились лачуги под крышами, крытыми побуревшей сухой травой.

Возле самого дома надсмотрщик приказал:

— Стой здесь, я пойду доложу.

— Ой, я так устала! — отвечала девушка.— Хорошо бы, если б вы зашли к хозяину и все уладили без меня!

Но надсмотрщик не удостоил ее ответом. Оставшись одна, Шанг невольно залюбовалась роскошной виллой. Хозяин так богат! Бедная девушка молила небо, чтобы он не отказал дать ей в долг хоть немного денег.

— Все в порядке,— услышала она веселый возглас надсмотрщика.— Хозяин велел, чтобы ты вошла в дом и расписалась в получении денег.

Шанг обрадовалась, сердце ее сильно забилось.

— А вы со мной пойдете?

— Мне незачем туда идти,— отрезал Ня.

— Тогда вы, пожалуйста, подождите меня здесь. Прошу вас,— в растерянности проговорила девушка.

Надсмотрщик вытаращил на нее свои нагловатые глаза и рявкнул:

— Ну, живо наверх, не заставляй ждать господина!

* * *

Когда Шанг вошла, господин встретил ее так же, как он обычно встречал подобных посетительниц. Он тотчас повернул в двери ключ, сунул его в карман, и ухмыляясь, прижал девушку к себе. Чем меньше церемоний, тем лучше. Месье был убежден, что оказывает великую честь этим бедным работницам, позволяя им тешить себя в отсутствие жены. Между этими девками и им — целая пропасть, а потому нечего терять драгоценное время на всякие там обихаживания. В конце концов, хозяин он или нет?

Но на этот раз все почему-то вышло иначе. Девчонка вздумала сопротивляться, она отчаянно вырывалась из рук господина и громко кричала:

— Что вы делаете? Что делаете?! Я пришла занять денег на лекарство матери. Что вы задумали?

Поскольку хозяин не понимал по-вьетнамски, ему было мало дела то того, что лопочет эта девчонка. Он крепко сжал ее в объятиях, а губами потянулся к щеке. Шанг, пунцовая от стыда и гнева, безуспешно пыталась вырваться. Она отбивалась изо всех сил. Вцепившись ценителю хорошеньких женщин в пышные усы, она дернула что было сил.

— Пустите! Пустите меня! — кричала она.

Волосы ее растрепались. Хозяин еще пытался уговорить ее по-хорошему, шепча на ухо какие-то непонятные слова. Он прижимался к ней своим горячим потным телом. Его липкие руки жадно скользили по девичьему телу.

Шанг едва переводила дух. Не помня себя от ярости, она вцепилась ногтями в лицо господина, и ей на мгновение удалось высвободиться из его объятий. Но, быстрый,

точно молния, он опять настиг ее, повалил на пол и всей тяжестью своей огромной туши подмял под себя. Чувствуя, что положение становится угрожающим, Шанг стала отбиваться с утроенной яростью. Она била своего мучителя ногами, кулаками, норовила побольней укусить.

— Оставьте меня! Бандит! Я покончу с собой!

Яростная схватка не прекращалась. Думая, что он уже близок к цели, хозяин не собирался отступать.

Минут через пять вконец обессилевшая девушка, понимая, что не сможет долго бороться с этим здоровенным мужчиной, решилась: если ей не удастся одолеть насильника, она умрет, но не перенесет бесчестья. Шанг собственными руками сдавила себе горло. Неподвижная, распростерлась она на кафельном полу.

Хозяин, уразумев, что веселое приключение обернулось трагедией, поспешно выпустил из рук строптивицу и поднялся с пола. Шанг хрипло дышала, потом дыхание ее ослабло и исчезло.

Господин стоял, заложив руки за спину, и молча рассматривал девушку. Теперь он мог делать с ней что угодно, но ему было уже не до того.

Господин отер пот со лба и вздохнул. В его сердце возвращалось человеколюбие. Он сокрушенно покачал головой, видимо, раскаиваясь в содеянном. Потом взял руки девушки и развел их в стороны. Раздался стон, который пробудил в душе господина состраданье к слабым мира сего. А тут еще вспомнил он о жене и с досадой подумал, что скандал неминуем.

В комнате опять воцарилась гробовая тишина. На мгновение задумавшись, господин полез в карман за бумажником и молча раскрыл его. При свете лампы он вытащил пятидонговую ассигнацию.

Но именно в этот самый момент Шанг вдруг шевельнулась и с трудом села, опираясь руками о кафельный пол.

Господин настороженно следил за каждым ее движением. Оказывается, дело не так уж серьезно: у девушки не раны, а царапины. Страх его таял, а вместе с ним таяли человеколюбие и жалость к ближнему. Господин покрепче зажал в руке пятидонговую бумажку.

Девушка, бледная, смущенная, быстро привела в порядок волосы, подняла головную повязку, встала на ноги, подошла к окну и, ни разу не взглянув на господина, выпрыгнула во двор.

Облегченно вздохнув, хозяин сунул деньги обратно в бумажник. Он радовался не тому, что его жертва вдруг воскресла, а тому, что не придется тратиться, покупая деньгами молчание этой вздорной девчонки.

1938

ВОРОНЬЕ

Сить умер. Поскольку с парнем такое приключилось впервые, то, право же, не мудрено, что сделал он это на редкость неумело.

Если вы горожанин и к тому же голова у вас не соломой набита, то для столь важного дела вы непременно выберете ночь с пятницы на субботу. Благодаря вашей предусмотрительности жена и дети успеют своевременно поместить некролог в субботней газете, дабы почтенные сограждане, чиновные господа и их супруги, знакомые и близкие, могли в воскресенье заведенным порядком прогуляться вслед за вашей погребальной колесницей до кладбища. Деревенские тоже, из тех, что поумнее, старательно избегают несчастных случаев со смертельным исходом по воскресным и праздничным дням. Иначе пропадает всякая надежда на быстрое расследование обстоятельств смерти и, соответственно, своевременное предание тела земле.

Но беда в том, что никто не умирает дважды, и опыта в этом деле, естественно, набраться не успевает. Не потому ли многие, даже образованные люди все еще отправляются на тот свет самым неожиданным и глупейшим образом?

Что же спрашивать тогда с Ситя, бедного деревенского неуча, можно сказать, круглого невежды? Он взял и, не долго думая, покинул сей мир, утонув вечером, в прошлую субботу.

Случилось это вот как. Его отец, почтенный Кыу, откупил у общины пруд с лотосами, расположенный сразу же за бамбуковой изгородью деревни. Когда подошло время цветения лотосов, почтенный Кыу поставил над прудом крошечную хижину на сваях и, чередуясь с сыном, стал сторожить лотосовый пруд.

В тот день, к вечеру, Сить хватил вместе со своими приятелями лишнюю чарку вина. В сумерки, когда парень вернулся домой, отец велел ему взять удочку и подушку и отправиться к пруду.

Парень, покачиваясь, зашагал к своим лотосам, но наутро домой не вернулся. Часов около восьми в пруду заметили его тело, которое постепенно прибивало к берегу.

Люди много судачили относительно смерти Ситя, но правдоподобными представлялись только две версии. Согласно первой, будучи изрядно пьян, парень попросту вывалился из утлой лодчонки на глубоком месте. По второй — он, переворачиваясь во сне на другой бок, скатился из хижины на сваях в воду. Разные прочие слухи о том, что он покончил с собой из-за неурядиц в семье или что его погубил тайный враг, право, недостойны никакого доверия.

Однако почтенные отцы деревни все же добросовестно выспросили соседей, не приключилось ли накануне несчастья споров и выруги между папашей и сыном. Кроме того, они внимательно, с пристрастием обследовали тело утопшего. Но ничего подозрительного обнаружить не удалось. Когда по деревне разнеслась молва о смерти Ситя, все, как один, высыпали на берег пруда, жалели беднягу, говорили, что был он славным парнем и добрым сыном. Больно было видеть его бездыханное тело.

Почтенная Кыу, мать погибшего, рыдая, каталась по земле. Она хотела было вытащить мертвого сына из пруда, последний раз обнять своего единственного, но ей не позволили. Потеряв рассудок от горя, женщина дошла до того, что стала поносить самого старосту, который воспротивился ее намерению. Молитвенно сложив руки и низко кланяясь людям, она сквозь рыдания выкрикивала:

— Больно, больно моему сердцу, соседи! Не могут глаза мои видеть такое!

— Вот прибудет чиновный господин,— утешали ее,— составит протокол — тогда можете устраивать любые, самые пышные похороны, а сейчас до вашего сына и дотронуться нельзя. Если мы вытащим его из воды и, к примеру, по неосторожности где-нибудь поцарапаем, чиновный господин не разрешит предать его земле да еще скажет, мол, какой же это утопленник, коль он не в воде, а на суше.

Почтенная Кыу недоверчиво качала головой:

— Не разрешит хоронить? Зачем же он, мертвый, понадобится чиновному господину?

— Понадобится,— отвечали ей.— Господин может приказать, чтобы вызвали доктора. А это затянет время...

Наконец, уразумев, в чем дело, старая женщина утерла слезы и села в ожидании под деревом возле пустого гроба. Она ждала разрешения на похороны сына с таким же нетерпением, с каким дети ждут возвращения матери с рынка. Кто-то из родственников еще утром побежал в уездную управу, чтобы доложить там о случившемся, но до сих пор почему-то не возвратился. До уездного центра было недалеко, и никто не мог взять в толк, почему такая задержка. Минул час, второй, третий.

У бедной женщины больше не осталось сил и слез, чтобы рыдать и причитать. Она то вставала и пристально вглядывалась в даль, то ходила по берегу, не смея смотреть туда, где был ее сын. Наконец она снова присела на землю, уткнувшись лицом в колени, и стала прислушиваться. Все ждала, когда послышатся гудки автомобиля. Время от времени она, встрепенувшись, поднимала голову, но это всего лишь в отдаленье кто-то начинал рушить рис, и бедная женщина только тяжело вздыхала, надежда, которая появлялась было на ее лице, меркла.

Солнце тем временем немилосердно палило землю. С телом бедного Ситя стали происходить странные перемены: руки и ноги скрючились, волосы растрепались и сделались похожи на корни водорослей.

Повеяло ветерком. Тихие волны с плеском лизали тело. Оно вздымалось и опускалось на волнах, будто на пружинном матрасе.

Потом Сить вдруг перевернулся! Кто бы мог подумать, что добрый, милый парень превратится в безобразную бычью тушу: несчастного было не узнать: голова и живот у него вспухли. Нельзя было смотреть без содрогания на раздутое, перекошенное лицо мертвеца.

Теперь знакомых и родных на берегу пруда стало меньше, а вскоре и вовсе никого не осталось. Прохожие, которые по неведению или по необходимости проходили мимо, начинали обмахиваться своими островерхими шляпами, прикрывали рты и носы, а отойдя на почтительное расстояние, смачно сплевывали.

Почтенному Кыу, который остался дома ждать, когда чиновный господин соизволит приступить к расследованию, приходилось совсем скверно. Едва живой от свалившегося на него горя, он должен был еще принимать соболезнования родных и знакомых. Они шли толпой, а ему хотелось только одного — чтобы его оставили в покое, чтобы он мог в изнеможении упасть на кровать и дать волю

слезам. Он с беспокойством думал о жене, оставшейся возле пруда. Ведь если не уследить за нею, она с отчаяния может сама броситься в воду. Тогда уж горя не унять до конца жизни.

Родные пришли, чтобы помочь в приготовлениях к похоронам. Кто-то уже поставил в просторной комнате маленький алтарь и зажег курения. Другие шили саван и делали траурные головные повязки для детей.

Потом пришло известие, что чиновный правитель по случаю выходного дня с утра не появлялся в присутствии, тем более что накануне всю ночь он танцевал где-то в городе и вернулся домой почти на рассвете, часа в три-четыре. После полудня же ворота управы и вовсе заперли. Узнав об этом, старый Кыу застонал, а бедная мать пала на землю без чувств, привести ее в себя удалось только минут через пять.

Вся деревня жила томительным ожиданием. Близкие родственники погибшего, приготовив все для похорон, разошлись по домам, чтобы завтра утром опять явиться на помощь. Чужие принялись за свои обычные дела, прислушиваясь, не раздадутся ли похоронные мелодии флейты и барабана, возвещая, что пора проводить в последний путь бедного Ситя. Почтенный Кыу попросил привести жену домой; совсем обессилевшие, старые супруги улеглись каждый в свою постель. Отец народа, чиновный правитель, так и не прибыл.

А бедный Ситъ все качался и качался на тихих волнах неподалеку от своего гроба. Все умолкло вокруг, природа будто затаила дыхание, чего-то ожидая. Солнце по-прежнему жгло землю. Ветви на опаленных жаром деревьях безжизненно поникли.

В этой тишине, пронизанной отчаянием и ожиданием, вокруг тела утопленника началась шумная возня: шмыгали бесчисленные стаи рыбок, над ним роились мухи. К вечеру на гибкий ствол бамбука, раскинув черные крылья, сел ворон, он вертел хвостом, чтобы сохранить равновесие, и с вожделением созерцал свою добычу. Вскоре рядом, на соседний ствол, опустился еще один ворон и стал хриплым криком созывать собратьев. Тотчас прилетело еще несколько черных птиц.

Вот одна из них, будто разведчик, взмахнув крыльями, опустилась на грудь утопленнику. Убедившись в том, что все спокойно, воронье ринулось вниз, на свое пиршество.

* * *

Только на другой день, в девять утра, издали донеслись наконец грозные предостерегающие гудки автомобиля.

Испуганное воронье взмыло вверх и стало кружить над прудом с громким граем. Улетели даже встревоженные мухи, в страхе уплыли куда-то проворные рыбешки.

Правитель уезда, судебный секретарь и сопровождавший их стражник торжественно приступили к расследованию. Стражник переворачивал тело с помощью своей дубинки, чиновный правитель с великим тщанием изучал труп, а судебный секретарь под диктовку вел протокол. Поодаль стояли отцы деревни, супруги Кыу, родственники умершего, а также прочие односельчане; скрестив руки, все хранили почтительное молчание. Иные сочувственно вздыхали, многие утирали слезы.

Окончив придирчивый осмотр, чиновный господин приказал стражнику отогнать толпу любопытных подальше. И среди тягостной тишины раздался дружелюбный голос чиновного правителя:

— Сколько сотен в год приносит тебе этот пруд, считая доход и от лотоса и от рыбы? Небось сотен пять? — с подкупающим простодушием спросил он у отца утопленника.

Тот, будучи до чрезвычайности удивлен, что господин интересуется вещами, не имеющими никакого отношения к случившемуся, и не придав особого значения пустому вопросу, пробормотал:

— Да, чиновный господин, пруд приносит кое-какой доходец...

— А сколько мау земли ты засеваешь каждый год? Двадцать с лишним? — последовал новый вопрос.

— Двадцать два мау, чиновный господин.

— Ну ладно, это я спросил лишь для того, чтобы ты понял: я отлично знаю твои доходы и твое хозяйство,— произнес уездный начальник и строго добавил: — А что до результатов расследования, то ничего утешительного сказать не могу. Я не имею права разрешить погребение, потому что на теле покойного обнаружено много подозрительных следов. Мне придется доложить городским властям и пригласить доктора, который даст медицинское заключение по всей форме.

Почтенный Кыу дрогнул, как пораженный ударом молнии, лицо его исказилось от отчаяния.

— Помилуйте, прошу вас, чиновный господин...

Но господин покачал головой:

— На мой взгляд, здесь имело место по крайней мере спровоцированное самоубийство. Необходимо, чтобы доктор произвел вскрытие. Тогда все станет ясно.

Вдруг раздался громкий вопль, мать Ситя разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Сыночек мой, сынок! — причитала она.

Любого тронул бы плач матери над телом сына. Любого, но только не господина чиновного правителя: он даже и бровью не повел, сохраняя суровое выражение лица. Здесь он представлял закон. А посему уже не был обыкновенным человеком из плоти и крови, а превратился в каменное изваяние.

Твердокаменных не волнуют ни причитания матерей, у которых погибли дети, ни униженные просьбы отцов, доведенных до отчаяния. Воздействовать на твердокаменных может лишь одна субстанция. Не столь твердая, как камень, но куда более весомая, чем слезы и мольбы. Важный чиновник высчитал, что сие вещество непременно должно водиться у почтенного Кыу. Звалось оно, как вы догадались, злато-серебро.

Видя, что чиновный правитель в многозначительном молчании созерцает останки бедного Ситя, почтенный Кыу проговорил слабеющим голосом:

— Прошу вас, чиновный господин, пожалуйте ко мне в дом, а то здесь слишком жарко.

Уездный начальник взмахнул рукой, отгоняя мух, и выразительно сплюнул.

— Да, пойдем, пожалуй. Здесь, право, тошно становится,— как бы рассуждая сам с собой, произнес он.— Полюбуйтесь-ка, парня-то как разнесло, кругом мухи, рыбешка всякая так и рыщет, воронье налетело. И под этаким зноем бедолаге придется долго дожидаться вскрытия! Одним небесам известно, когда наконец разрешат предать его земле...

И затем, уже удаляясь от пруда, господин все так же раздумчиво бросил судебному секретарю:

— Видно, все-таки за этим кроется убийство, а в докладной они просто приврали насчет несчастного случая.

Почтенный Кыу, слышавший эти слова, подскочил к чиновному господину.

— Помилуйте, господин,— заискивающе проговорил он,— призываю в свидетели душу сына моего. Разве я по-

смею вам солгать? Если я хоть что-то утаил, готов перед вами держать ответ. Только сделайте милость, разрешите сына похоронить, а я уж вас отблагодарю...

Господин обернулся к старику и подарил его взглядом — живым, человеческим взглядом, в котором проглядывала готовность проявить сочувствие чужой беде.

— Сколько же ты полагаешь нам преподнести? — спросил он не без приятности.

— Для такого дела, чиновный правитель, я не пожалел бы и десяти донгов.

— Ого! — рассмеялся господин.— Только одного бензина на дорогу сюда и обратно я нажгу на десяток донгов!

Судебный секретарь, ускорив шаг, приблизился к ним почтительно и проговорил:

— Позвольте доложить вам, чиновный правитель, дело это отнюдь не из простых.— А потом, обернувшись к старику, сказал с упреком: — При ваших-то доходах вы жалеете какой-то сотни донгов на подношение чиновному господину! Неужели вам не хочется предать земле тело сына? Полюбуйтесь-ка на этого деревенского невежу! Сущие канальи эта деревенщина! Так и норовят сэкономить на самом святом.

Почтенный Кыу наморщил лоб и прошептал на ухо судебному секретарю:

— Передайте, пожалуйста, чиновному господину, что сотни донгов найти для него я никак не могу. Прошу его принять от меня полсотни.

Судебный секретарь с негодованием вытаращил глаза и замахал руками, как бы отгоняя от себя только что сказанную собеседником глупость.

— Да вы что? Я такого и слушать не желаю! — А затем, склонившись к уху почтенного Кыу, прошептал: — Давайте уж я вам по-дружески помогу. Только уговор: восемьдесят — господину, десять — мне. Идет?

— Да нет у меня сейчас таких денег,— упорствовал старик.

— Ничего... Вы дадите слово, что через денек-другой доставите денежки. Я за вас поручусь. Неужели вы оставите сына в этой вонючей луже?

Почтенный Кыу лишь всхлипнул в ответ. Обернувшись назад, он увидел, что жена его, вне себя от горя, катается по земле. Не в силах сдержать слезы, он все же пытался было торговаться, но скоро согласился выложить семьдесят донгов чиновному правителю.

* * *

И часа не прошло, как рои мух, стайки прожорливых рыбок и воронье остались без добычи. Им было невдомек, что добычу перехватил у них не кто иной, как господин уездный начальник.

1938

В ПОЕЗДЕ

Войдя в вагон и осмотревшись, стражник заметил свободную скамью и направился к ней. Он тащил за собой на цепи худощавого низкорослого паренька. Цепь покачивалась и позвякивала. С видом бесконечной усталости стражник уселся, снял свою островерхую шляпу, положил ее на колени, потом протянул конец цепи преступнику, а сам откинул голову на спинку скамьи. Арестованный сложил цепь около себя, прикрыв наручники полой рубахи.

Пассажиры приумолкли. Одни смотрели на паренька с нескрываемым отвращением, другие — со страхом, как на опасного злодея. Всех особенно поразило, что преступник совсем юн — на вид ему было всего лет пятнадцать — шестнадцать.

На исхудалом и почерневшем лице мальца особенно выделялись большие глаза, бесцветные и круглые, как у совы. То, что служило ему одеждой, вряд ли было достойно этого названия. Вместо рубахи — истрепанный кусок ситца. Штаны заменяет странная тряпка, очевидно перекроенная юбка, выброшенная какой-нибудь француженкой. Сквозь огромные дыры, кое-как залатанные бамбуковой дранкой, просвечивало покрытое болячками исхудалое тело.

После первой остановки одна из женщин, сидевших по соседству, решилась обратиться к стражнику:

— Господин стражник, скажите, пожалуйста, какое преступление совершил этот парень?

— Он не совершал никакого преступления. Это нищий, и я должен препроводить его в деревню, откуда он родом. Вот и все.

Теперь окружающие стали смотреть на арестанта с сочувствием.

— А почему ему не разрешают просить милостыню? — спросила женщина.— Добывал бы себе пропитание...

Стражник скривил губы:

— Мое дело маленькое: приказано доставить его в деревню — и я везу. По мне, так пусть попрошайничает.

Найдя ответ вполне резонным, женщина улыбнулась. Потом принялась разглядывать подростка.

— Он ведь не слепой, не паралитик. Не иначе как лодырь!

— Конечно,— отвечал стражник.— К тому же своим безобразным видом портит всю красоту города.

Пассажиры опять уставились на подростка и на отрепья, едва прикрывающие его тело. Бедняга, застеснявшись, робко опустил голову.

— Вернешься в деревню,— принялась поучать его женщина,— найди себе работу и живи, как все люди. К чему тебе попрошайничать? Нищему-то ведь не всегда подают, начнешь подворовывать. Дурное заразительно — привыкнешь, станешь воровать по-настоящему, а там и грабить и убивать. Потом тюрьма — и кончено! Понимаешь?

— Понимаю, госпожа,— со вздохом отвечал подросток.— Не знаю, что теперь со мной будет. Меня уже второй раз возвращают в деревню.

— Второй? О, небо! Так почему же ты не остался в деревне? Какой глупый! Жил бы там, кругом знакомые, родственники: нет-нет да и пожалеют, подсобят. Все лучше, чем одному скитаться по свету.

— Да разве я бы по своей воле ушел из деревни? Родители мои давно умерли, и рос я у дяди в Лангшоне...

— А откуда семья твоя родом?

— Из деревни Донгхай, что в провинции Тхайбинь. Но там я никогда не жил, потому что родители мои переехали в Лангшон двадцать лет назад, еще до моего рождения. Так что Донгхай — моя родина только по бумагам.

— Чем же занимался твой дядя?

— Крестьянин он, бедняк из бедняков. Умер недавно.

— Ах, несчастный! — жалостливо пробормотала женщина.— Так вот почему тебе приходится бродяжничать!

— Да, госпожа. Дядя мой батрачил, и даже хижина, где он жил, не принадлежала ему. Как только он умер, меня сразу и выгнали.

— А ты попросил бы, может, хозяин оставил бы тебя батрачить вместо дяди.

— Просил я, да хозяин сказал, мол, маленький я, хилый, работать как следует не сумею, ну и прогнал.

— Шел бы тогда в услуженье.

— Поверьте, госпожа, я вовсе не хотел бродяжничать. Не лежебока я какой-нибудь. Милостыню не всегда подают, да и просить стыдно. Но хозяин не хотел меня брать ни на какую работу. Говорит, у него людей и без того хватает.

— Мало ли домов в Лангшоне? Поискал бы себе место.

— Пробовал. Все говорят — я худой и слабый, ни на что не годен. Но все-таки один хозяин принял меня к себе в дом. Продержал два дня и выгнал. Говорит, к делу я не приучен, а самое главное — бродяга я, и потому веры мне нет.

Сердобольная женщина вздохнула.

— Будь у меня хоть одежда поприличней,— продолжал арестант,— тогда бы мне больше верили. А то придешь вот так, в этом тряпье,— каждый думает: вор. Когда выгнал меня хозяин, я бродил целый день, но еды не раздобыл. Что делать? Вот и пришлось протянуть руку за милостыней. А однажды мне повезло — я встретил старого друга моего дяди. Он выслушал мою историю, пожалел и обещал прийти через день на рынок в Килыа — ему как раз надо было что-то продать. Он говорил, что пристроит меня к кому-нибудь из знакомых или даст в долг немного денег — «капитал», чтоб я мог зарабатывать на жизнь. Но на следующий день меня отвели в полицию.

— А почему ты сразу не пошел в дом к другу дяди? Поступил бы к нему слугой.

Бедняга криво улыбнулся:

— Госпожа, приятель моего дяди такой же бедный и несчастный, как я сам. Ему просто стало жаль меня. Чем он мог помочь? Самое большее — дал бы один хао. Он советовал мне приобрести два ведра и наняться водоношей или же купить чайники, несколько чашек и продавать чай вразнос. Есть много способов заработать на жизнь, был бы для начала хотя бы один хао. Если б кто-нибудь дал мне один хао, я бы никогда в жизни не стал просить милостыню, и меня не забрали бы в полицию и не везли опять в эту деревню.

— Значит, тебя арестовали только за то, что ты попрошайка?

— Я никому не сделал ничего дурного, я ни в чем не виноват. В прошлый раз меня тоже везли целых два дня из Лангшона в Тхайбинь.

Женщина на мгновение задумалась.

— Да, правильно, до тех мест ровно два дня езды.

— По меньшей мере два дня,— вставил стражник.— Если не отдыхать в дороге.

— А вы, стражники, получаете от государства на питание? — полюбопытствовала пассажирка.

Стражник пригладил свою шевелюру и выпрямился, полный достоинства.

— Каждый день в пути нам полагается два хао. В прошлый раз, когда мой товарищ вез этого оборванца, он получил восемь хао за четыре дня: два туда и два обратно.

Женщина кивнула головой.

— И это не считая денег на проезд! Два билета туда, один билет обратно. Сколько стоит проезд из Лангшона в Тхайбинь?

— Я еще никогда не ездил из Лангшона, но отсюда до Тхайбиня билет стоит два донга.

Пассажирка вытаращила глаза.

— Это, значит, еще по крайней мере пять-шесть донгов! — воскликнула она.— К тому же мальчонку надо кормить в дороге. Положим, на билет пять донгов, восемь хао суточных для господина стражника, да еще кормежка арестанта. Сколько положено в день на его пропитание?

— Шестнадцать су.

— К пяти донгам и восьми хао прибавить тридцать два су — это будет шесть донгов, один хао и два су,— подсчитала женщина.

Подросток не верил своим ушам.

— А из Тхайбиня до уезда его будет сопровождать другой стражник,— добавил конвойный.

— Понятно. Значит, надо прибавить еще два хао.

— Из Тхайбиня в уезд доберешься только на машине — билет стоит четыре хао,— вмешался юный арестант.

— Два билета туда да один обратно — донг и два хао; потом два хао суточных и шестнадцать су на питание. То есть донг, пять хао и два су. Значит, всего семь донгов, шесть хао и восемь су.

— Вот доставят его в уезд, а что потом? — спросил кто-то.

— Потом третий стражник поведет его в деревню и передаст старосте. Разумеется, староста должен угостить стражника.

— В прошлый раз меня привели в деревню,— заговорил подросток,— а староста не хотел принимать: говорит, что не знает, кто я такой, и в его списках мое имя не значится.

— Ну, и дальше?

— Он все-таки принял меня, ничего не поделаешь — приказ чиновного господина. Кормил несколько дней, потом ему это надоело, и он меня выгнал. Я опять остался без крова. Если бы тогда нашелся человек, который дал бы мне один хао, я бы не ушел из деревни! Но кто же мне даст? Ничего не оставалось, как просить милостыню. Сколько мук пришлось вынести! Через неделю добрел я до какого-то города, и там меня забрали в полицию. И вот опять везут в ту деревню.

— А там староста сначала откажется тебя принять, потом покормит два дня и снова выгонит,— добавила сердобольная женщина.

Подросток вздохнул и промолчал.

— Такие типы — сущее разорение для государства,— наставительно сказал стражник.— Вы только подумайте, сколько на него каждый раз пишется бумаг! Донесение господину резиденту Франции, донесение господину губернатору провинции, полицейские протоколы, сопроводительные записки начальнику уезда и старосте деревни. Чтобы собрать подписи всех начальников, приходится потратить не меньше суток. Да еще изволь кормить этого оборванца целый день.

— В первый раз правительство потратило на него почти восемь донгов. И сейчас столько же. И неизвестно, когда это кончится,— задумчиво проговорила женщина.

Стражник кивнул головой и посмотрел на пригорюнившегося арестанта.

— Да,— сказал он.— Но у нас нет других способов воздействия на него! Обвиняемых в попрошайничестве мы можем только отправлять на родину.

— Вот видишь,— обратилась женщина к подростку,— разве можно попрошайничать? Надо найти работу и трудиться. Если бы ты был взрослый и платил хотя бы подушную подать два с половиной донга,— дело другое. А то выходит, что пользы от тебя никакой, одни только расходы для государства.

Несчастный был потрясен значительностью суммы, которую на него тратят. Казалось, он понял и оценил великодушные советы доброй женщины.

— Ах, госпожа! — в волнении воскликнул он.— Если бы кто-нибудь сжалился надо мной и дал мне один хао, всего один хао, я не был бы тогда бременем для нашего государства!

1938

АВТОМОБИЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Невелика сошка этот господин Нанг — всего-навсего начальник тонга, а уж собственным автомобилем обзавелся! Правда, ездить он на нем не ездит — чином не вышел, да и вообще какой из него автолюбитель! Очень уж хотелось угодить начальству, вот и купил машину у бывшего правителя уезда. Для служебных дел господину Нангу автомобиль ни к чему. Далеко ли уедешь по разбитым проселочным дорогам? Куда удобнее передвигаться пешком. И не просто удобней — безопасней! Сам он водить машину не умеет, и вздумай начать разъезжать на авто, пришлось бы нанять шофера. А бензин? Да это ж сущее разорение!

Один-единственный раз прокатился начальник тонга вместе с женой и детьми на автомобиле — в день покупки. Эх, до чего же приятно чувствовать себя богачом! А затем машину сдал на хранение знакомому, который жил неподалеку от уездной канцелярии.

Вообще-то господин Нанг имел намерение продать автомобиль, а деньги потратить на что-нибудь соответствующее занимаемой должности. Но покупатели, пользуясь тем, что начальник тонга ничего не смыслит в машинах, хорошей цены не давали, а тот, в свою очередь, прикидывался, будто совсем не спешит с продажей. Господин Нанг внутренне смирился с тем, что неизбежно потеряет на этой операции несколько десятков или даже сотню донгов. Но не соглашаться же на цену в триста донгов, которую ему предлагали. Придут, осмотрят автомобиль, да еще с укоризной скажут: много-де в машине изношенных и сломанных деталей.

На самом же деле автомобиль был совсем неплохой. Бывший начальник уезда продал его потому, что получил повышение по службе, а новая должность не требовала разъездов, и автомобиль стал ему не нужен.

Да, машина была в приличном состоянии, и в тот раз, когда начальник тонга с семейством опробовал ее, она нес-

лась как ветер. А как бодро ревел мотор! Не надо было никаких гудков — люди, заслышав рев, кидались врассыпную. Сзади поднималось облако пыли, застилая небо. Высунув ладонь в окошко, господин Нанг ощутил упругий ветерок. Ко всем достоинствам автомобиля надо прибавить, что краска на нем держалась прочно, а никелированные части все еще блестели, как новенькие.

Шофер начальника уезда, сидевший за рулем, тоже с похвалой отозвался о машине и сказал, что продается она за бесценок — грех не купить. Ведь господин Нанг сможет разъезжать на ней хоть тыщу лет и еще продать с прибылью. А надоест раньше — только глазом моргни, и набегут толпы покупателей.

И так размечтался господин Нанг, что на время даже позабыл о своих заботах. Дело в том, что незадолго перед тем он потратил несколько тысяч донгов, чтобы обставить соперников и занять вожделенный пост начальника тонга. Он тешил себя надеждой, что, пребывая на этом посту, сумеет быстро возместить расходы за счет округи. Увы, надежды его оказались несбыточными. И не потому, что доход оказался меньше ожидаемого, а потому, что отныне ему приходилось общаться с высокопоставленными особами. И кто бы мог подумать, что это требует таких больших денег! Было у него еще недавно десять тысяч донгов. И что же осталось? Пшик! А тут еще один за другим несколько лет выдались неурожайными, и земля вместо доходов приносила одни убытки. Вот отчего заботы одолевали господина Нанга.

Но бывший начальник уезда, который во что бы то ни стало решил отделаться от автомобиля, и слышать не желал о каких-то там денежных затруднениях Нанга. Знай об одном твердит: как это удобно — иметь собственный автомобиль. Наконец, он даже великодушно уступил машину в рассрочку. Что, мол, поделаешь, если у Нанга нет сейчас наличных, рассчитается, когда сможет.

Нанг больше не мог противиться натиску начальства. В таких случаях все равно подчиненному приходится уступать. Рассудите сами: сегодня чиновный господин уезжает в другую провинцию на высокую должность, а вдруг в один прекрасный день он вернется сюда в чине управляющего налоговой палатой или даже губернатора!

Итак, хоть и без особого восторга, но исполнил Нанг пожелание чиновного господина, купил автомобиль, заслужив тем самым похвалы и благодарность начальника.

Новый его патрон автомобиля не имел, он вообще только недавно поступил на службу. В один из дней он пришел посмотреть на автомобиль господина Нанга и, купив бензину, сам сел за руль. Нанг обрадовался: кажется, нашелся настоящий покупатель. Но молодой начальник и не подумал справиться о цене и вообще на эту тему не заговаривал.

Когда же начальник тонга навел справки, то выяснилось, что чиновный господин хочет купить машину поменьше. Автомобиль Нанга четырехместный, он слишком громоздок и неудобен. И вообще уездный начальник думает приобрести совсем новенькую машину. Жена его — из очень богатой семьи, и начальник уезда уговаривает ее выпросить у отца побольше денег, чтобы купить машину самой последней модели. Однако чиновный начальник благожелательно отозвался об автомобиле Нанга, заявив, что он еще хорош, хотя пятьсот донгов за него — все же дороговато. Нанг опять загрустил, но старался вида не показать, боясь, что цена на машину совсем упадет. Бывают же такие ненужные, лишние в хозяйстве вещи, как автомобили! Кто их только придумал!

Однажды из канцелярии начальника уезда явился стражник и вручил пакет, в котором оказалось письмо.

— Чиновный господин желает взять твою машину,— буркнул стражник.

Нанг просто захлебнулся от радости и тут же вскрыл пакет. Вот что он прочитал:

«Начальнику тонга.

Пока мною еще не приобретен собственный автомобиль, я хотел бы взять на некоторое время Ваш, чтобы использовать его для служебных надобностей. Надеюсь, Вы не откажете в этой просьбе, так как все равно не пользуетесь своей машиной.

Начальник уезда Ле Тханг».

Вот так неожиданность! Погода на дворе была довольно прохладная, а у бедняги на лбу выступили капельки пота. Но делать нечего, повернулся к стражнику, молча кивнул и с тяжким вздохом выдавил из себя:

— Передайте чиновному господину, что автомобиль к его услугам.

Когда за стражником захлопнулась дверь, Нанг перечитал эти несколько строк, адресованных к нему лицом,

власть предержащим. Да разве ж это просьба? Скорее приказ, исключающий возможность каких-либо возражений. Он даже не был подслащен ни единым словом благодарности. Естественно, господин Нанг погрузился в невеселое раздумье. Потом сокрушенно прищелкнул языком, сунул письмо в карман, разделся, лег в постель и забылся тяжелым сном.

День спустя автомобиль вернулся под свой прежний кров. Но отныне он ежедневно возил высокочтимого пассажира с отличительным знаком на груди. Уездный начальник с явным чувством превосходства озирался по сторонам. А машина бежала себе, поднимая клубы пыли. От рева ее мотора сотрясались небеса, она неслась, распугивая пешеходов грозными гудками, напоминавшими рычанье хищного зверя.

Зато с того самого дня на владельца автомобиля посыпались великие милости.

Сиятельный господин из желания отблагодарить своего услужливого подчиненного, с такой готовностью предоставившего в его распоряжение автомобиль, никогда не забывал, проезжая мимо его дома, наведаться в гости.

Не реже двух-трех раз в месяц начальник тонга принимал высокого гостя. В первый раз тот прибыл один, просидел немного и уехал так быстро, что хозяин дома успел лишь заварить и подать отменный китайский чай. Нанг был в высшей степени доволен — принимать в своем доме самого уездного правителя, израсходовав при этом всего каких-то два су! Повезло так повезло! После этого он изменил свое мнение о новом начальнике и проникся к нему таким же подобострастием, какое питал к его предшественнику. «Ну конечно, новый правитель ничуть не уступает прежнему в искусстве любезного обращения. Разве можно судить о человеке только по одному письму?» — думал Нанг.

В следующий раз начальник уезда, будучи менее занят, любезно согласился осмотреть дом и сад Нанга. Залюбовавшись апельсиновым деревом, ветви которого гнулись под тяжестью зрелых плодов, высокочтимый гость небрежным жестом сорвал апельсин, очистил и тут же съел. Потом долго расхваливал чудесный сорт и в конце концов попросил хозяина дать ему черенок для прививки. Господин Нанг, восхищенный столь скромными и вместе с тем

непринужденными манерами «отца народа», окончательно решил, что новый начальник уезда человек куда менее заносчивый, чем прежний. Как учтивый и щедрый хозяин, Нанг тут же велел отобрать пять десятков самых спелых апельсинов для уважаемого гостя.

В третье свое посещение, когда чиновный правитель поближе узнал господина Нанга, он пожелал, чтобы хозяин приготовил ужин для него и сопровождающих его стражников.

— Мы разъезжаем по округе, устрашая разбойников, а сейчас декабрь, ночи долгие, злоумышленникам раздолье, только сядешь за стол — опять где-то что-то стряслось, так и не удается поесть,— объяснил он гостеприимному хозяину.

Вскоре послышалось кудахтанье, кряканье, гоготанье домашней птицы, предназначенной на ужин. Угощение, надо сказать, вышло на славу. Вокруг огромного круглого блюда, на котором были разложены яства для начальника уезда, сияли ярким светом четыре лампы. Прислуга сновала взад и вперед, словно в день большого праздника. Гость оказался весьма ревностным едоком, и к концу застолья на его блюде возвышалась целая гора объедков.

Вскоре, проезжая дозором по округе, начальник уезда не преминул в четвертый раз наведаться к господину Нангу. Тот, уже не ожидая распоряжений, сразу же послал слугу изловить и забить надлежащее число кур и уток и позвал соседей, чтобы помогли на кухне. Как и в прошлый раз, был устроен роскошный пир. Начальник, его свита, стражники, шофер, слуги набросились на еду, как голодные шелковичные черви на листья.

В пятое посещение тоже ели-пили, но на сей раз чиновный господин остался еще и ночевать — дело в том, что стал накрапывать дождь и ни начальнику, ни стражникам не было никакой охоты мокнуть. Разумеется, гостеприимный хозяин должен был позаботиться о развлечении для высокого гостя. Принесли столик, и все расположились играть в то-том. Конечно, каждый делал ставки из собственных денег, но начальнику тонга пришлось купить коробку с опиумом (учтите, по новой, повышенной цехе) и поставить приборчик для курения у кровати, на которой улегся начальник, да не один, а со смазливой девицей, которую тоже вынужден был пригласить хозяин дома.

Так великая честь, оказываемая господину Нангу, обернулась для него сущим бедствием.

А наутро, собираясь в путь, чиновный господин сообщил Нангу:

— На вашей машине истерлись покрышки. Но вы не беспокойтесь, только дайте денег, и я вам куплю новые, а то как бы чего не случилось с машиной.

— Слушаюсь,— покорно отвечал Нанг.

Теперь уездный разъезжал на автомобиле, подбитом новенькими покрышками, деньги за которые, разумеется, выложил Нанг. Оно и понятно: чей автомобиль, тот и платит.

В шестой раз чиновный господин и его свита, отправляясь в объезд, уже по привычке остановились в доме Нанга, чтобы подзакусить да выпить, позабавиться с той же девицей, покурить опиум и перекинуться в картишки.

Господина Нанга бросало в дрожь всякий раз при появлении высокочтимого гостя, но никто бы не заметил на его лице и тени недовольства.

И наконец, когда уездный начальник прикатил в седьмой раз, на хозяина, помимо тягостной заботы о том, как надлежащим образом принять почетного гостя, подобно грому с ясного неба, обрушилась новость: оказывается, машина господина Нанга стала посреди дороги, и теперь на ней надо менять мотор — иначе она никуда уже не будет годиться.

— У меня нет денег на такой ремонт,— пролепетал начальник тонга в полном отчаянии.

И какое же облегчение он испытал, когда высокочтимый гость в ответ промолвил:

— Ничего, в следующее воскресенье у меня у самого будет новенький автомобиль. А до Нового года объезды, пожалуй, делать незачем. Вашу машину я возвращаю, пошлите людей, пусть ее приволокут.

Чиновный правитель, видимо, все же понимал, что Нанг в последнее время понес немалые убытки. Поэтому он решил вознаградить гостеприимного хозяина за расходы.

О, этот господин был весьма щепетилен!

И вот однажды в дом господина Нанга явился стражник с каким-то листом бумаги, свернутым в трубочку. Это был подарок начальника уезда: с большой фотографии на господина Нанга смотрел сам высокочтимый правитель. Нанг залюбовался портретом. Вот это да! Парадные одежды, величественная осанка! Загляденье! Но больше всего

Нанга обрадовали, вернее — осчастливили несколько строк под портретом, выведенные с величайшим тщанием рукой самого чиновного господина:

«В подарок начальнику тонга Нгуен Ван Нангу, моему преданному помощнику и близкому другу.

Начальник уезда Ле Тханг».

Господин Нанг долго не мог оторвать взгляда от этой надписи, но вдруг вздрогнул, словно его посетила какая-то тревожная мысль.

Пальцами Нанг измерил портрет — ширина две с половиной пяди, длина — три.

Ой, беда, беда! Его несчастьям, видать, конца не будет! Опять придется залезать в долги, чтобы заказать достойную портрета рамку красного дерева и приобрести подходящее стекло. А затем надо будет повесить фотографию в комнате для гостей на видном месте, ведь кто знает, может, нынешний начальник еще долго будет править в здешних краях!

1938

КРАСАВИЦА МАЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Вести одна горестнее другой обрушились на голову молодой женщины. Да будь она трижды твердокаменной, и то горе сломило бы ее, а она была обыкновенной женщиной. Сегодня она узнала о взятии японцами Гуанчжоу, а назавтра получила телеграмму, извещавшую, что ее муж пал на поле брани. Красавица Маленький Цветочек оделась в траур. Охваченная горем, она то в отчаянии каталась по циновке, то застывала в каком-то оцепенении, то разражалась громким неудержимым плачем.

С мужем они простились в начале осени. Тогда она ни за что бы не поверила, что им уже не суждено свидеться. Теперь ее утешало лишь сознание того, что муж погиб не зря, он пал за родную землю. Это придавало ей сил, внушало чувство гордости. Она вспоминала последние мгновения, проведенные рядом с ним.

В тот день ярко сияло все еще жаркое солнце начала осени. Новобранцы шагали по улицам в клубах порохового дыма — это рвались хлопушки, начиненные порохом,

они лопались одна за другой,— длинные связки хлопушек, прикрепленные к шестам. Треск не умолкал часами.

Потом горожане вместе с солдатами приняли участие в митинге и антияпонской демонстрации. По узким, тесным улицам в полном порядке двигались десятки тысяч людей. Студенты пели. Время от времени на перекрестке их песня замолкала, раздавался чей-нибудь молодой, звонкий голос — люди в ответ дружно скандировали лозунги, толпа вскидывала лес рук с плотно сжатыми кулаками.

В тот день красавица Маленький Цветочек и печалилась и радовалась одновременно. Ей так хотелось дать волю слезам! Но она сдерживала себя, ведь кругом люди с воодушевлением смотрели на молодых солдат, она шла рядом с мужем и старалась улыбаться, не смея своей печалью омрачить души уходивших сражаться с врагом.

А муж красавицы был в самом приподнятом настроении. Молодой солдат шагал в рядах демонстрантов, иногда с улыбкой принимал от мелких торговцев, толпившихся с обеих сторон улицы, то носовой платок, то булавку — маленькие знаки их внимания.

А наутро муж отбыл на фронт. Кто бы мог подумать, что они расстались навеки.

* * *

Теперь, после всего случившегося, двадцатитрехлетняя красавица Маленький Цветочек превратилась в скорбную вдову.

Родня уговаривала ее уехать во Вьетнам и там пережить трудные времена, а главное — избавиться от того ужаса, который охватывал каждого при звуке низко летящих самолетов — будь то японский, французский или даже китайский. А как только власти издали приказ, чтобы при каждом доме обязательно были наготове огромный кувшин с водой, ведро с песком для тушения зажигательных бомб, а также две канистры бензина, для того чтобы сжечь дом при приближении врага, она почувствовала, что каждая человеческая жизнь — и ее, конечно, тоже — висит буквально на волоске.

Но несмотря ни на что красавица Маленький Цветочек не думала покидать город. Она презирала тех богачей, которые, прихватив состояние, бежали от своего долга перед родной страной и предавались где-нибудь в Хайфоне или Сайгоне безудержному разгулу, создавая нелест-

ную славу всей китайской нации. Молодая женщина осталась. Она то агитировала за бойкот японских товаров, то собирала деньги в фонд обороны, то раздавала листовки с призывом помогать армии. Ей доставляло удовольствие смотреть на плакат, расклеенный на стенах с изображением китайца-предателя, принимающего заслуженное возмездие.

Она решила пойти на фронт. Но ее не взяли, и эта нежная хрупкая женщина попыталась покончить с собой. Ее спасли.

* * *

И вот однажды вдруг всполошилась вся улица, где жила красавица Маленький Цветочек: юная вдова оставила дом и исчезла. Может, она все-таки поддалась на уговоры и присоединилась к китайским беженцам, наводнившим города Вьетнама? Нет. Родня красавицы тоже была в неведении и разыскивала ее. Может, она уехала в Гуйлинь, чтобы там еще раз попытаться вступить в армию? Нет, такую хрупкую женщину везде ждет отказ. Может, она стала коллаборационисткой и связалась с японцами?

Но кто поверит, что предательницей может стать такая женщина, как красавица Маленький Цветочек? Нет, ее семья, отдавшая родине столько верных сыновей, не могла взрастить дочь-предательницу. Конечно нет! Ведь она образованная, умная женщина с утонченной душой. К тому же все ее поведение после гибели мужа говорило против подобного предположения. Да и во имя какой выгоды и ради какого честолюбия пошла она служить японцам? Но люди, которые судачили так о красавице Маленький Цветочек, имели на то причину.

Дело в том, что ее заметили в Гуанчжоу. Зачем же еще могла юная вдова перебраться из маленького города в большой, бросив вдруг родных и свой дом, как не для того, чтобы продаться японцам?

* * *

Действительно, в Гуанчжоу юная вдова сняла роскошный дом и стала принимать в нем друзей — исключительно одних японцев. Ее разгульная жизнь, открытый разврат и доступность удивляли всех. Рассказывали, что даже

японские генералы и офицеры, которым она щедро дарила свою любовь, проникались тайным презрением и к ней, и ко всему Китаю.

Шло время, и вот однажды она получила приглашение к генералу Монсо. Узнав, что именитый генерал желает провести с ней ночь, красавица Маленький Цветочек была вне себя от радости. Она пела и плясала.

Да, наконец-то она добилась своего. Наконец этой ночью она покинет сей опостылевший мир и уйдет туда, где уже давно ее ждет он — ее муж... Но прежде, чем навеки закроются ее глаза, она увидит, как от ее руки умрет этот зверь — генерал Монсо.

К вечеру она принарядилась, напудрилась, подкрасилась, за поясом спрятала маленький дамский пистолет и стала ждать.

За ней явился низкорослый японский солдат и повел к резиденции генерала.

По дороге она, криво улыбаясь, развязно здоровалась со знакомыми. Она была бодрой и веселой, словно бесстрашный воин, заслышавший призывный сигнал боевой трубы.

Но возле ворот генеральской резиденции ее ожидала негаданная и... полная неудача. В одну минуту все ее заботливо взлелеянные планы, все хитрости рассеялись как струйка дыма: солдат, стоявший на часах у ворот, грубо и бесцеремонно обыскал женщину. Он отобрал у нее даже то, с помощью чего едва ли можно покорябать кожу,— зеркальце, серебряный гребень, а уж пистолет он и подавно не оставил ей.

Красавица Маленький Цветочек была в отчаянии, но постаралась совладать с собой:

— Господин солдат, я китаянка, но я безгранично предана великой Японии. Без оружия мне никак нельзя. Посудите сами: среди моих соотечественников слишком много таких, кто хотел бы расправиться со мной.

Солдат в ответ решительно покачал головой:

— Любому китайцу настрого запрещен вход в эти ворота, если у него есть при себе хоть какой-нибудь твердый предмет. А о своей безопасности не беспокойтесь: здесь вы под надежной охраной японской армии.

Молодая женщина тяжело вздохнула — было ясно, что у нее прямо из рук уплывала редкая возможность.

* * *

Эту фразу спесивого японского генерала красавица Маленький Цветочек запомнила до конца своих дней:

— Когда потомок великих микадо, забывая на несколько минут о своем величии, снисходит до тебя, презренного существа — китайской женщины, ты должна помнить, что тебе выпала редкая, неповторимая удача.

Изрекая сию тираду пренебрежительным тоном, генерал по-прежнему сохранял холодно-равнодушное выражение лица. Кроме этой фразы генерал не произнес ничего. Она оставалась в его покоях полчаса, но так и не дождалась больше ни единого слова. Обида и горькие слезы душили ее. Но она должна была отдаться этому ненавистному человеку.

К вечеру, вернувшись домой, молодая женщина дала волю слезам, проклиная вражескую нечисть.

Спустя неделю к ней опять явился солдат с приказом от генерала. Принарядившись и подкрасившись, она вышла и сказала японскому солдату:

— Вы должны обеспечить мою безопасность вплоть до возвращения домой. На этот раз я не взяла с собой никакого оружия.

Солдат кивнул головой:

— Вам нечего опасаться. Всюду, где появляется японская армия, воцаряются спокойствие и порядок. К тому же заверяю вас, если даже судьба уготовила вам близкий конец, долг японца — вступить в спор с судьбой и отстаивать вас... Разумеется, до тех пор, пока генерал нуждается в ваших услугах.

В каждом слове японского солдата сквозило презрение. Красавица Маленький Цветочек не стала продолжать беседу, она молча последовала за солдатом.

У входа в генеральскую резиденцию ее опять обыскали, но на этот раз ничего не нашли. Часовой кивнул головой, ткнул пальцем в щеку и похвалил:

— Эта милашка куда покладистей всего китайского правительства...

Красавица Маленький Цветочек прикусила губку. Как и в прежнее посещение, сопровождавший ее солдат остановился возле приемной и постучал. Потом, встав навытяжку, ждал, пока откроют. Дверь распахнулась. Адъютант генерала провел женщину к дверям кабинета. Постучал и тоже подождал. Услышав генеральский голос,

адъютант открыл дверь и жестом приказал женщине войти.

Генерал сидел за письменным столом, напряженно вглядываясь в разложенную перед ним карту. Красавица Маленький Цветочек склонилась в приветственном поклоне. Генерал не пожелал этого заметить.

Она стояла и ждала, скрывая свое волнение и глядя на генерала серьезно и почтительно — так, как верующие смотрят на статую всемогущего божества.

Минут через пять генерал соизволил поднять голову, он отодвинул стул, выпрямился. Лицо его, как и в первый раз, хранило равнодушно-холодное выражение. Он поманил пальцем женщину и вразвалку направился в свои покои.

Красавица Маленький Цветочек с вежливым выражением лица покорно засеменила вслед за ним. Войдя в спальню, генерал оглядел ее и выжидающе выпятил губу.

Поняв его без слов, женщина разделась, положила сумочку у изголовья и томно протянула руки, чтобы обнять его превосходительство.

И на этот раз потомок великих микадо не удостоил женщину ни единым словом. Зачем тратить слова на эту «машину» для любви? Он молча накинулся на нее, превратившись из живого божества в демона сладострастия.

Красавица Маленький Цветочек, выждав, когда утомленный генерал откинулся на изголовье, протянула руку к сумочке, открыла ее, вынула шелковый платок и стала заботливо вытирать пот с генеральского лба и щек.

Когда она, как бы нечаянно, поднесла платок к носу его превосходительства, тот сразу обмяк и впал в забытье. В одно мгновенье красавица Маленький Цветочек вытащила из своего чулка лезвие и вонзила его в ненавистное горло... «За нашу поруганную родину!» — громко воскликнула она. В то же мгновенье раздался выстрел. Красавица Маленький Цветочек схватилась за грудь, рухнула на постель. Сердце ее перестало биться.

1939

ПЕРЕПОЛОХ

Еще вдали я заметил возле виллы моего шефа-француза его роскошный «форд». Подойдя ближе, услышал, что со второго этажа доносится громкий взволнованный хозяйский баритон.

Четыре года я работал его личным секретарем, но никогда еще в этом доме не случалось ничего подобного. Посудите сами, мог ли я сохранить в таких обстоятельствах благодушное спокойствие? Ведь мой хозяин был курильщиком опиума, даже отъявленным курильщиком, а потому в будние дни никогда не пробуждался раньше восьми [1]. Умывшись и облачившись в брюки и сорочку, он промывал желудок стаканом кофе с молоком и взбадривал себя легкой порцией опиума. Никак не раньше девяти часов он появлялся наконец в своем рабочем кабинете. Но сегодня, видно, стряслось нечто такое, что совершенно нарушило заведенные в доме порядки.

Я поторопился в кабинет, на свое рабочее место, потому что шеф имел обыкновение, собираясь в отлучку, давать мне массу необходимых распоряжений.

В томительном ожидании прошло немало времени. Я подошел к письменному столу шефа, чтобы посмотреть, нет ли там какой срочной телеграммы или депеши — это могло бы прояснить ситуацию. Ничего особенного я не обнаружил. По дому все так же разносился взволнованный баритон шефа, и было слышно, как в верхних комнатах бегает переполошившаяся прислуга.

Я приоткрыл дверь и кликнул слугу, но никто не отозвался. По счастью, мимо очертя голову несся мальчишка, служивший на побегушках.

— Эй, что там стряслось? — крикнул я ему. Но бой, не останавливаясь, промчался мимо, лишь с отчаянием бросив:

— Ой, беда! И не говорите...

Я успел заметить у него на щеке красный след от пощечины. Поразительно! Видно, стоит все же выяснить, из-за чего поднялся такой переполох. Не прекращавшаяся наверху сумятица повергла меня в трепет. И тут я услышал на веранде срывающийся голос хозяйского шофера. Я кинулся к окну и рывком распахнул его.

— Объясните, пожалуйста, что все-таки стряслось?

— Собираются ехать в больницу. Если б вы знали, почтенный, как нам всем досталось от хозяина! — сказал шофер с горечью и досадой, отвернулся и со всех ног помчался к кухне.

---

[1] Во Вьетнаме принято укладываться спать вскоре после наступления темноты, часов в восемь вечера, а вставать не позже пяти утра.

Хм, собираются ехать в больницу? Уж не приключилась ли какая беда с маленьким Жаном, любимцем хозяина? Вполне возможно. Нерадивая нянька небось недосмотрела, и малыш вывалился из окна второго этажа! Или, может, бедняжка подцепил лихорадку? Но почему тогда не вызвали «скорую помощь» по телефону? Очень жаль малыша, если с ним и в самом деле приключилась беда. Он, право же, славный, воспитанный мальчик. Не далее как вчера он прибежал в кабинет, стал ко мне ластиться, уцепился пухлыми ручонками о край стола, поднялся на цыпочки и с любопытством рассматривал все, что лежало сверху. Этого малыша нельзя было не любить. Я взял его на руки, посадил к себе на колени, а он засыпал меня своими милыми наивными вопросами, над которыми мы вместе с хозяином от души смеялись. А теперь... неужели...

Я только собрался подняться в детскую, чтобы справиться о здоровье Жана, а заодно и спросить хозяина, не могу ли я быть чем-нибудь полезен, как вдруг увидел мальчугана: он за руку тащил няньку в сторону заднего двора. Жан был, как всегда, жизнерадостен и вполне здоров.

Я помахал ему рукой и окликнул няню. Показав на верхние комнаты, я в недоумении развел руками, как бы спрашивая, что там происходит. Она заулыбалась, кивнула головой и коротко ответила:

— Роды!

Я напряг свой ум и стал размышлять. Чудеса, да и только! Кто же это рожает в семье хозяина?

— А у кого? — снова крикнул я.

— Сейчас повезут в больницу, — сказала она, наверно не расслышав.

Больше я ни о чем не успел спросить — малыш увлек няню на задний двор. Я по-прежнему недоумевал. Роды? Кто же рожает? Неужели супруга хозяина? Но, насколько мне помнится, она еще только на пятом месяце. Сам хозяин так мне сказал. Может, начались преждевременные роды? Какое несчастье! Да, это настоящее горе для моего хозяина. Не удивительно, что он закатил пощечину бою. Бедный хозяин, видно, вне себя от горя. Я служу здесь уже четыре года, и хозяин неизменно добр ко мне, я его просто обожаю. Так что мне не пристало оставаться равнодушным к горю его семьи. К тому же супруга хозяина — женщина добрейшей души и очень справедливая.

Хотя она жена крупного предпринимателя, француза, она никогда не чурается домашней работы, которой пристало заниматься только женам простолюдинов. Мне не раз доводилось наблюдать, как госпожа сама готовит обед, а в свободные минуты даже помогает слугам стирать. И ни разу я не слыхал, чтобы прислуга на нее жаловалась.

Между тем наверху по-прежнему громыхал сердитый голос хозяина. Я все колебался, будет ли уместно мое появление наверху. Но надо же в конце концов выяснить, что происходит. Тем временем к воротам подкатила коляска, и из нее выскочил слуга с бутылью и огромным свертком в руках. Он поспешно расплатился с рикшей и со всех ног кинулся в дом. На мой недоуменный вопрос он выпалил три слова: «Спирт, бинты, вата». И исчез в дверях.

Действительно, и спирт, и бинты, и вата вполне могут пригодиться при родах. Я стал прохаживаться по кабинету, потом в волнении закурил, раздумывая над тем, как лучше поступить в такой ситуации. Шум и беготня в верхней комнате усиливались.

Вдруг я остановился как вкопанный. Сначала я был поражен тем, что услышал, но в следующую же минуту мои тревоги улеглись, ибо до меня донесся нежный мелодичный голос госпожи:

— Жан! Иди сюда скорее, маленький, поцелуй папу. Папа скоро уезжает.

Вот как! Папа маленького Жана скоро уезжает? Стало быть, с хозяином все в порядке, просто он изволит куда-то ехать. Хм... Но не может же быть, в самом деле, чтоб хозяин собственной персоной собирался рожать?

Я с нетерпением ожидал, когда снова появится слуга. А тем временем лихорадочно перебирал в уме всех, кто в этом доме мог бы родить. Никто не годился для этой роли. Тысяча вопросов роилась в моем возбужденном мозгу. В конце концов я решил, что все эти мальчишки на побегушках, шоферы, няни и слуги сами ровным счетом ничего не смыслят в происходящем и болтают, что в голову придет.

Но почему все-таки в доме царит этакий переполох? Уж не случилось ли чего-нибудь с самим хозяином? Он всегда был спокойным и сдержанным человеком, а сегодня тигром бросается на всех и истошно кричит.

— Эй, где там дядюшка Нам? — донеслось сверху.— Хозяин спрашивает: заправили вы машину?

— Да, все в порядке,— доложил шофер.

Потом началась какая-то невообразимая возня на лестничной площадке. Я вытянул шею и выглянул за дверь, но никого не обнаружил. Шум тоже как будто прекратился. Но не успел я вернуться в кабинет, как опять услышал голоса:

— Ну-ка, посторонись, не видишь, что я тороплюсь! Смотри, схлопочешь вторую пощечину от хозяина.

— Ладно, обезьянья образина! Будто ты один сейчас торопишься...

Я снова приоткрыл дверь, но на лестничной площадке было пусто. Между тем прислуга укладывала на сиденье автомашины какие-то свертки. Я решил не отходить от окна,— может, удастся все же что-нибудь выяснить.

По лестнице осторожно спустился мальчик-рассыльный с тремя запечатанными бутылями непонятного назначения и с маленькой коробочкой в руках, все это он оставил в машине и вновь кинулся в дом. Тут я сделал ему знак рукой, собираясь все как следует выспросить. Но раздался хозяйский окрик, и мальчик, вздрогнув, ответил: «Слушаю, месье!» — и мигом взлетел наверх.

Затем появился шофер, он принялся озабоченно хлопотать возле машины, закрыл все окна и, тыча в каждый предмет пальцем, пересчитал бутыли, коробки и свертки. Покончив с этим, шофер уселся за руль и стал ждать, готовый по первому приказу рвануть машину с места. В этот момент возле дома снова появился слуга.

— Куда вы опять ездили, почтенный? — спросил я его.

— В аптеку. Я уже купил вату, бинты и спирт. Казалось, все, что надо, уже есть, но хозяин меня изругал, сказал, что вата плохая, и велел купить новую. Заботливый человек, просто на удивление!

С этими словами слуга заговорщически подмигнул шоферу и отошел в сторону, после чего я уже не посмел его тревожить, хотя вопросы так и вертелись у меня на языке. Я догадался, кто-то очень важный сейчас проследует мимо — то ли сам господин, то ли госпожа хозяйка.

Я не ошибся; мадам подбежала к автомобилю, заглянула внутрь кабины, проверила сверточки, коробочки, бутылки, потом подняла глаза к окнам второго этажа и позвала мужа. Сама мадам стояла в ожидании, придерживая открытую дверцу автомобиля.

Я хотел было спуститься вниз и поговорить с хозяйкой, но, заметив на ее лице выражение беспокойства и тревоги, отказался от своего намерения.

Между тем раздались медлительные шаги по лестнице — кто-то, осторожно ступая, спускался вниз со второго этажа. Все, кто был во дворе, выжидающе обернулись в сторону дверей.

Конечно, я не ошибся: это был хозяин, я слишком хорошо знал его поступь. Ну вот, больше не придется никого расспрашивать, потому что через минуту я буду точно знать, какое чрезвычайное событие повергло в смятение весь дом.

Мой бедный шеф, с растрепанной шевелюрой, в небрежно повязанном галстуке, спустился во двор. Он ступал тихо-тихо, со всеми предосторожностями, внимательно глядя себе под ноги. Лицо его выражало безысходную печаль, бескрайнее горе.

Голова его склонилась к какому-то бесценному грузу, который он бережно нес, прижимая к груди. Он шествовал по двору, нежно бормоча слова утешения.

Стараясь не потревожить своей ноши, господин опустился на сиденье, а мадам захлопнула дверцу машины.

Автомобиль тронулся. Все смотрели вслед и облегченно улыбались. Лица сияли сознанием успешно выполненной важной миссии.

У меня на душе тоже стало легче, потому что я наконец разгадал загадку, которая казалась мне неразрешимой. Все было чрезвычайно просто.

Представьте себе, мой хозяин с самой зари изнурял себя тяжкими заботами, нагнал страху на прислугу, всполошил весь дом так, что можно было подумать — вот-вот грянет землетрясение или небо рухнет на землю,— и все это, оказывается, только из-за того, что любимой его кошечке Мими пришел срок окотиться.

1939

АССИГНАЦИЯ В СТО ДОНГОВ

Дама наконец выбрала товар себе по вкусу. «Заверните!» — приказала она и, открыв сумочку, собралась достать деньги. Но куда же могла деться сотенная ассигнация? Вот носовой платок, вот маленький календарик, вот расписание автобусов, пудреница, помада. Она тщательно встряхнула платок, перелистала календарь. Деньги исчезли. В маленьком отделении искать бесполезно — там она держала только мелочь, которая всегда должна быть под рукой. К тому же это отделение очень легко открывается,

а такая предусмотрительная женщина, как героиня нашего рассказа, просто не могла положить туда крупную ассигнацию.

Переборов волнение, госпожа попыталась собраться с мыслями.

Ну, разумеется, она взяла с собой эту сотенную бумажку. В самом деле, не могла же она, намереваясь купить шелк на летнее платье, выйти из дому без денег! Зачем же тогда, как не за деньгами, понадобилось ей входить в кабинет мужа?

Она вынула из ящика стола пачку сотенных ассигнаций и выбрала самую новенькую. Да, да. Муж еще посоветовал ей взять деньги помельче, но она не послушалась. Не любит она возиться с мелочью! Но, может быть, по рассеянности она положила ассигнацию обратно, как это случилось с ней однажды? Нет, нет! Она прекрасно помнит, что тщательно сложила бумажку и сунула ее в сумочку, под платок. Когда рикша вез ее вдоль озера Возвращенного Меча, она раскрывала сумку, чтобы посмотреться в зеркальце, и видела, что ассигнация лежит на месте. Итак, совершенно точно: деньги она взяла.

Вдруг госпожа вся так и похолодела. Она припомнила, что по дороге вынимала из сумочки платок, чтобы утереть пот со лба. Наверное, в этот самый момент она и выронила сотенную. Да, конечно! Иначе куда же исчезла эта сотня? В магазине она не открывала сумочку и не выпускала ее из рук. Здесь ассигнация выпасть никак не могла.

Хозяин стоял неподалеку, выжидательно посматривая на покупательницу. Та наконец проговорила с досадой:

— Простите... Я потеряла сто донгов. Ничего не поделаешь. Придется зайти за покупками в следующий раз.

Хозяин, который хорошо знал эту даму, любезно предложил:

— Прошу вас, возьмите ваши покупки, а деньги занесете потом.

Однако он с удивлением услышал, что покупательница бормочет, словно помешанная:

— Да, да! Так оно и было.

— Поищите еще раз в сумочке,— счел своим долгом посоветовать хозяин.— Если вы потеряли деньги, то, уж во всяком случае, не в моем магазине.

Покупательница опять принялась рыться в сумочке.

— Я уверена, что бумажка выпала, когда я ехала в коляске рикши,— проговорила она.

В который раз переворошив содержимое сумки и ничего не найдя, она в удрученном состоянии вышла на улицу.

Теперь дама не сомневалась, что именно в тот момент, когда доставала носовой платок, ассигнация и выпала из сумочки. Другого объяснения быть не могло. Да, но куда же все-таки упала эта проклятая сотня? В коляску или на мостовую? Если на мостовую, тогда пиши пропало — не найдешь! Если же в коляску, то еще остается слабая надежда отыскать деньги. Но как опознать рикшу, который ее вез? К сожалению, рикши не научились еще бегать задом наперед и обычно видны седоку со спины. А со спины все рикши похожи друг на друга, попробуй-ка узнай, который из них вез!

Дама остановилась, напрягая память. Где же она вынимала платок? Если поспешить, есть еще ничтожный шанс оказаться на этом месте раньше, чем ассигнация попадется на глаза какому-нибудь бесчестному проходимцу. Кажется, рикша вез ее тогда мимо почты.

Устремив взгляд вперед, госпожа бросилась к зданию почты. Там она сошла на мостовую, внимательно поглядывая по сторонам. Дойдя до резиденции градоправителя, она пошла обратно, осматривая все вокруг еще тщательней, чем в первый раз.

Только теперь она осознала, что с того времени, как она проезжала, мимо этого места успели пройти сотни и тысячи прохожих. Бедная женщина тяжело вздохнула: надежды больше не оставалось.

Пот струился по ее лицу, платье прилипло к спине. Настроение было испорчено вконец. И, пожалуй, ей было почти безразлично, как она сейчас выглядит со стороны. Стоя в тени огромного дерева, она с отчаянием смотрела туда, где, как ей казалось, должна лежать ассигнация. С досады дама прикусила губу.

Разумеется, сто донгов для нее — пустяк. Но деньги уплыли без всякой пользы! Ей было не жаль проиграть в карты даже тысячу донгов — ведь в игре всегда есть шанс отыграться. На худой конец, она согласилась бы пожертвовать эту сотню рабочим своей фабрики,— тогда бы она могла прослыть благодетельницей. Но потерять деньги на улице по собственной рассеянности и не иметь возможности сорвать на ком-нибудь досаду—это уж слишком. Пусть сто донгов для нее не деньги. Муж ее очень богат и ежедневно получает немалые доходы. Возьми гос-

пожа у него без спросу несколько сотенных — он и не заметил бы.

Да если бы госпожа, например, заглянула на свою собственную фабрику и перевела фабричные часы на пять минут назад, всего-навсего на пять минут, этого было бы достаточно, чтобы полностью восполнить утрату! Но согласитесь, ведь и вы, будь вы хоть банкир или хозяин угольных копей, ежегодно получающий миллионные доходы,— и вы, потеряв сотню донгов, стали бы с озабоченным видом разыскивать их. Что уж тут говорить о нашей даме, которая была всего лишь женой владельца текстильной фабрики. Как ей было не расстроиться?

Она шла посреди мостовой, ничего не видя вокруг. Вновь и вновь в ее памяти всплывали подробности печального происшествия, начиная с того момента, когда она коснулась пачки с ассигнациями в кабинете мужа, и кончая той горестной минутой, когда обнаружила пропажу.

Неожиданно лицо дамы озарилось надеждой. А вдруг эта сотенная бумажка завалилась где-нибудь в коляске рикши? Ведь ассигнация была сложена в восьмеро — это маленький, но плотный комок бумаги. Отнести его ветром не могло.

Но как разыскать рикшу? Шуточное ли дело? Хорошо еще, если это человек честный или простак,— тогда, пожалуй, он вернет деньги. Но если это мошенник — плакали денежки! Действительно, какая несуразица: рассчитывать на честность рикши! Скажите, у кого из бедняков нет воровских замашек? Припомнив, как ведет дела ее муж, госпожа еще больше укрепилась в самых худших подозрениях в отношении бедняков. Ведь даже фабриканты и заводчики, у которых горы денег, и те не отличаются особой честностью. Уж коли святые готовы ради денег идти на дурные поступки, что уж тут говорить о простых смертных, а тем более о нищих!

Как ей хотелось, чтобы рикша, который вез ее сегодня, имел такие же возвышенные идеалы, как министр господин Фам, как сиятельный сановник Хо или господин Нгуен, редактор газеты. Ах, если бы этот рикша умел читать! Тогда он смог бы прочесть в газете, как его собрат, рикша из центрального Вьетнама, получил от императорского двора серебряную медаль в награду за то, что возвратил седоку забытый им портфель, набитый ассигнациями.

Кто знает, может быть, ее рикша, снедаемый честолюбием, уже явился в полицию, чтобы обменять стодонговую бумажку на почетную медаль? Однако госпожа опасалась, что он окажется хитрее, чем ранее перечисленные высокообразованные и почтенные господа, и предпочтет блеску медали звонкую монету. И все же ей казалось, что среди людей, а в особенности у нее на родине, еще не скоро переведутся честолюбцы.

И вот, надеясь больше на людское тщеславие, чем на человеческую совесть, госпожа фабрикантша направилась в полицию.

Вдруг она остановилась, глаза ее блеснули. Ей вдруг припомнилась деталь, для полиции в высшей степени важная,— номер рикши!

Раньше, будучи в расстроенных чувствах, она упустила эту подробность. Но теперь... Она даже вспомнила имя его хозяина. Дело было вот как. Проезжая по Шелковой улице, она заметила на ногах у одной женщины красивые туфли, затем посмотрела на собственные ноги и залюбовалась ярким педикюром, алым пламенем сверкавшим на ногтях. В этот момент солнечный луч упал на табличку с номером; госпожа зажмурилась, потом опять открыла глаза, и провидение остановило ее взгляд на табличке. Она никогда не имела привычки запоминать цифры. Но этот номер точнехонько совпадал с номером ее дома — пятьдесят шесть, а инициал — с первой буквой имени их домохозяина — Л. Итак, значит, «Л-56».

Наконец найдена нить, потянув за которую можно легко обнаружить потерянную ассигнацию!

— Да, это путеводная нить, путеводная нить! — повторяла дама с воодушевлением.

А тем временем рикша «Л-56» тащил свою коляску по Конопляной улице. В его профессии много схожего с карточной игрой: все зависит от случая. Каждую минуту рикша с надеждой ожидает, не окликнет ли его кто-нибудь. Поэтому он всегда спешит. И лишь набрав нужную сумму, которую надлежит сдать хозяину, спокойно возвращается домой. Вот он идет, таща за собой коляску, но мысли его далеко в будущем. Настоящее мрачно, но перспективы кажутся ему радужными. Кто знает, может быть, вот на той улице он найдет человека, который нуждается в его услугах. Каждый раз, когда вы видите торопливо шагающего рикшу, знайте, что он тоскует по седоку.

Рикша «Л-56» шел со всей поспешностью, на какую был способен. С утра у него было только три седока, и он заработал всего полтора хао. Вот почему он мечтал о том, чтобы палящие лучи солнца стали еще более жгучими — тогда, конечно, будет тяжелее тащить коляску, но зато легче найти седока.

Вот он повернул с улицы Конопляной на улицу Корзинщиков и вскоре оказался на Кантонской. Тут наконец он услышал окрик — его зовут! Рикша встрепенулся. Но его звал не седок, а сыщики.

Четверо сыщиков разом набросились на беднягу. Подошла дама.

— Это он! Это он! — повторяла она.

Рикша был ошеломлен, он не мог понять, в чем дело.

— Сегодня в девять часов утра ты возил эту госпожу на улицу Монетного Двора? — спросил один из сыщиков.

— Да.

— Потом у тебя были пассажиры?

— Да, после я отвез одного господина на Хлопковую улицу.

— А ты помнишь, где он живет?

— Да.

— Так вот слушай. Когда эта госпожа ехала утром в твоей коляске, она вынула из сумочки носовой платок и при этом выронила бумажку в сто донгов. Ты ее подобрал?

Рикша совсем опешил. А дама принялась увещевать его:

— Если ты подобрал, возврати мне. В награду я дам тебе донг.

— Не отдашь — сядешь в тюрьму,— добавил сыщик.

Рикша не на шутку перепугался.

— Я не видел никаких денег,— с жаром заговорил он.— Поищите получше, госпожа. Может быть, вы по рассеянности где-нибудь их забыли. Вы напрасно меня подозреваете.

Сыщик ухмыльнулся.

— Каждый раз одна и та же песня! Может быть, госпожа и бывает рассеянной, но если ты подобрал деньги — от тюрьмы тебе не уйти!

Дама же, со своей стороны, еще не теряла надежду уговорить рикшу.

— Отдай мне деньги, и я вознагражу тебя, а от правительства ты получишь медаль за честность.

Сыщик понимающе качал головой.

— От этих подлецов добром ничего не добьешься. Ты взял? Нет? Тогда пойдем с нами.

— Господин, умоляю вас, я ни в чем не виноват. Может быть, деньги подобрал тот самый пассажир с Хлопковой улицы. А я ничего не знаю.

— Перестань молоть вздор. Я вот сейчас обыщу тебя, и, если ничего не найду, ты покажешь нам дом того человека. А если и у него деньги не обнаружатся, придется доставить тебя в участок.

— Пожалуйста, обыскивайте,— с готовностью ответил рикша.

Сыщики приступили к делу. Они обшарили все, заглянув даже в такие потайные карманы, о существовании которых надсмотрщики, обыскивающие рикш, частенько и не подозревают.

Дама с надеждой следила за обыском. Она верила в ловкость слуг закона и свою счастливую звезду и была убеждена, что все бедняки — воры.

Обыскав рикшу, сыщики перешли к коляске. Здесь им не пришлось тратить время на поиски. Стоило только приподнять подушку — и они увидели свернутую сотенную ассигнацию. Она лежала под сиденьем, словно застенчиво прячась от любопытных взоров.

Рикша не мог удержаться от возгласа изумления, а госпожа — от крика радости.

— Что это? — грозно вопросил главный сыщик.

— Но, господа, я ведь ничего не знал,— дрожащим голосом говорил рикша.— Если бы я хотел украсть, то давно уже взял бы ее оттуда. Ведь госпожа сама уронила деньги. Я ничего плохого не сделал.

— Не крути нам мозги! Мерзавец!

Щелкнули наручники. Рикшу «Л-56» ожидал полицейский участок, а затем — тюрьма.

1939

ВЕРНОПОДДАННЫЙ

В те времена, когда французы еще чувствовали себя хозяевами в стране, был некий Маи, который подлостями и угодничаньем добился того, что из мальчишки, приставленного к вентилятору в казарме французских солдат, стал важной персоной — губернатором провинции. Без сомнения, такого высокого положения он достиг путем

беспардонной лжи и чудовищных предательств. И за каждую услугу, оказанную хозяевам-французам, негодяй получал от них по ордену. Всего у него набралось семь орденов, и осияли они его грудь металлическим блеском. Среди этих знаков позора, отмечавших его верную службу, выделялся орден Почетного легиона, которым Маи особенно кичился. Он не уставал повторять, что сей орден — самая высокая награда, какую только может получить от правительства чиновник-аннамит, да и то при условии, если он занимает пост не ниже губернаторского. Орден Почетного легиона достался Маи за услуги, оказанные им при расправе над коммунистами в Тхайнгуене.

В разговорах со своими сослуживцами Маи любил посетовать, что не вовремя родился. «Появись я этак лет на сорок раньше или позже,— говорил он,— натворил бы я дел почище, чем сам почтенный и сиятельный Хоанг Као Кхай». «Почтенный и сиятельный» Хоанг Као Кхай, как всем известно, был одним из самых гнусных предателей родины, и французы в награду за предательство сделали его наместником Северного Вьетнама, а император пожаловал ему высший титул в стране.

В 1930 году, после Енбайского восстания [1], Маи довелось услышать об одном происшествии, которое произошло в Коаме. В этой деревне укрылись повстанцы, и французским летчикам было приказано разбомбить ее. Однако Коам был резиденцией губернатора провинции в отставке, вьетнамца. Боясь, как бы бомба не угодила и в его дом, он облачился в парадные одежды придворного вельможи, нацепил ордена и вышел во двор. Как только самолеты стали снижаться и кружить над деревней, бывший губернатор положил на ладонь орден Почетного легиона и поднял кверху, чтобы господа французские офицеры могли видеть его с самолета.

Маи очень понравилась эта уловка бывшего губернатора. И поэтому, когда после Августовского восстания 1945 года родственники Маи посоветовали ему сжечь парадные одежды и уничтожить ордена, он их и слушать не хотел. Желая все это сохранить в назидание потомкам, как знак памяти о своей блестящей карьере, Маи спрятал на чердаке и парадный халат, и все свои регалии.

---

[1] Е н б а й с к о е в о с с т а н и е — восстание вьетнамских солдат гарнизона Енбая, которым руководила партия националистов (Куокзанданг).

Началась война Сопротивления. Французское командование, в целях поднятия боевого духа своих солдат, время от времени отпускало их в деревни, расположенные неподалеку от казарм. Там солдаты грабили крестьян и насиловали женщин.

Что же касается солдат марионеточной армии, то они покупали право на участие в грабеже за специальные билеты достоинством в двадцать, пятьдесят или сто донгов. Солдаты платили деньги и отправлялись в деревню на промысел. И там, в зависимости от того, кто сколько заплатил за билет, солдаты делили награбленное добро и женщин. Иногда случалось, что кто-нибудь из этих мерзавцев возвращался ни с чем, тогда он начинал поносить всех подряд, не щадя своих начальников, а потом, невзирая на приказы, врывался в дома мирных жителей, мародерствовал и бесчинствовал.

Деревня, где жил Маи, также оказалась вовлеченной в военные действия. По округе рыскали вражеские солдаты, опустошая все на своем пути, и местные жители чувствовали себя не лучше, чем рыба, распластанная на кухонной доске.

Партизаны превратили вершины высоких баньянов в сторожевые вышки и по ночам, сменяя друг друга, вели наблюдение. Те, кто не был в дозоре, сидели по хижинам, но всегда держали наготове гранаты, копья и пики.

Большинство жителей не решалось оставаться в деревне на ночь. Едва наступали сумерки, они уходили в убежище, расположенное километрах в пяти от деревни. Все отлично понимали, что, когда нагрянут французы — а они имели обыкновение появляться с рассветом,— бежать будет поздно.

Однажды утром ветер донес издалека звуки пулеметных очередей. Это означало, что французы начали передвижение. Деревня всполошилась. Крестьяне торопились уложить свои пожитки в корзины на коромыслах и уйти подальше от опасности. Все жители поспешно переправлялись на противоположный берег реки. Кто не успел сесть в лодку, бросался вплавь. Каждый считал: лучше утонуть, чем умереть от руки врага.

Один Маи сохранял спокойствие: он уже все обдумал и решил заранее. «Я последую примеру того хитроумного губернатора из Коама»,— сказал он себе и строго-настрого запретил детям и внукам бежать вместе с крестьянами.

— Я с вами,— значит, вам нечего бояться,— гордо заявил он.

А сам водрузил на голову расшитую золотом шапку, облачился в парадный халат и надел старинные остроносые туфли. И конечно, нацепил на грудь все свои ордена. Жене он приказал одеться как подобает супруге чиновного господина и держать при себе заветную шкатулку. Закончив все эти приготовления, он встал у ворот, подобострастно сложив руки, готовый почтительно приветствовать карателей. Когда же появились французские солдаты, он согнул спину и долго стоял так, склонившись в нижайшем поклоне.

Командир отряда, в шортах и рубашке с короткими рукавами, с фиолетово-сизым лицом, покрытым рыжеватой щетиной, заметив этого ископаемого субъекта, вырядившегося в диковинные одежды, сморщился и, с изумлением подняв брови, уставился на Маи. Потом приказал обыскать это пугало — нет ли у него оружия.

Маи заговорил с офицером по-французски. Потом кликнул жену и велел ей принести заветную шкатулку. С превеликой гордостью он принялся показывать офицеру свои грамоты и многочисленные фотографии, на которых он красовался рядом с генерал-губернатором Индокитая, губернаторами и резидентами провинций и другими важными особами.

Вскоре они с офицером вошли в дом, где были приготовлены вино и закуски. Тут же Маи обратился к французу с просьбой оказать ему особую милость:

— Я всегда оставался преданнейшим слугой правительства протектората и тридцать лет служил ему верой и правдой. Эти награды, эти грамоты — разве они не говорят о моих заслугах? Веря в гуманность французской армии, я надеюсь, что господа офицеры отнесутся ко мне иначе, чем к жалким простолюдинам. Я не стал скрываться вместе с крестьянами и своим домочадцам запретил трогаться с места, ибо ваш приход для меня — великая радость. Вы видите — я нарядился в парадную одежду, чтобы приветствовать вас и ваш отряд. Если в следующий раз, господин офицер, вы будете в нашей деревне, прошу вас заходить прямо ко мне в дом, здесь все к вашим услугам.

Офицер, который успел опрокинуть уже два стакана вина, кивнул головой и одобрительно хмыкнул.

— Ну что ж, неплохо...— Было не очень понятно, к чему относится это «неплохо», может быть, к качеству вина. Впрочем, офицер тут же добавил:— Если все будет в порядке, мы оставим вас в покое. Коль жители вашей деревни не будут оказывать сопротивление, мы их не тронем.

— Я вас прекрасно понял. Великое счастье, что вы, господин офицер, столь гуманны. Но одно обстоятельство меня тревожит. А вдруг другой офицер окажется непохожим на вас? Я осмелюсь попросить, чтобы вы написали приказ, запрещающий солдатам вторгаться в мой дом, и отметить в нем, что я всегда был и остаюсь преданным слугой Франции.

Офицер кивнул и тут же, не откладывая, вынул авторучку и бумагу. Кончив писать, он протянул листок Маи.

— Теперь вы можете быть совершенно спокойны: отныне ни один солдат не войдет в ваш дом и вам не станут докучать просьбами и требованиями. Это — приказ,— он указал на листок и поднял вверх указательный палец,— а приказ в армии — священная вещь... Да-да! Наша армия весьма дисциплинированна! Но вы, почтенный, со своей стороны должны убедить партизан, чтобы они сдали оружие. Слышите?

Маи с благоговением обеими руками принял бумагу и в знак переполнявшей его благодарности склонился в три погибели. Он смотрел на листок, оставленный французом, как на амулет, который убережет его от любой беды.

А офицер с солдатами тем временем отправились рыскать по деревне. Вскоре из крестьянских дворов стали выгонять свиней и кур, из домов тащить посуду и огромные, неизвестно чем наполненные корзины; в небо поднялся дым от подожженных хижин.

Маи, который вышел проводить французский отряд, увидел разоренную деревню, подумал с гордостью, что его-то дом остался цел, и похвалил себя за ловкость и осмотрительность.

Спустя месяц в деревню пришел новый французский отряд. Крестьяне снова скрылись. Только Маи хранил невозмутимость. Он опять облачился в широкие парадные одежды, на его груди сияли ордена. Как и в прошлый раз, бывший губернатор вышел навстречу французам и встал у ворот. Солдаты подходили, но, прочитав бумагу, которую Маи держал в руках, шли дальше, ворча по поводу «огра-

ничения законных прав армии». Как и тогда, Маи зазвал командира отряда к себе, угостил его вином,— словом, всячески старался выказать ему свою собачью преданность.

Когда захватчики, разграбив крестьянские дворы, покинули наконец деревню, Маи с довольной улыбкой сказал жене и детям:

— Видели? Ну разве не глупцы наши крестьяне? Говорил я им: зачем вам куда-то убегать, приходите ко мне, несите свои пожитки. Что может быть безопаснее моего дома? Я считаю, что сражаться с нашими благодетелями французами и скрываться от них равносильно самоубийству. Ведь всем деревням, в которых есть партизаны, не поздоровится!

Преисполненный важности Маи уговаривал крестьян снести все ценные вещи в его дом и в случае тревоги искать убежище у него.

— Я скажу,— обещал он,— что вы мои родственники и слуги. И сами будете в безопасности, и сохраните свое имущество. Сдавайте оружие, выходите из партизанского отряда! — увещевал он односельчан.— Я один буду защитой для всей деревни!

Через несколько дней в деревню снова пришел французский отряд. Многие крестьяне, по обыкновению, убежали за реку, но немало было и таких, кто решил укрыться в доме Маи.

Маи сидел в своем нарядном парчовом халате. Приказ о неприкосновенности его жилища, предусмотрительно помещенный в рамку под стекло, чтоб не истрепался, висел на воротах. Увидев, что солдаты направляются к его дому, Маи поклонился, снял с гвоздя и обеими руками поднял над головой свою спасительную грамоту. Один из солдат прочел ее, пожал плечами, презрительно скривил губы и, выхватив ее из рук Маи, швырнул на землю. Он кивнул головой остальным, и все разом кинулись в дом Маи. Теперь им не надо было тратить время на поиски — все ценное, что только было у крестьян, оказалось собранным в одном месте. Здесь же было много молодых женщин.

Прежде всего солдаты вытолкали Маи во двор. А потом взялись за дело. Одни тащили из дома все, что попадало им под руки, другие насиловали женщин. Вторая жена, дочь и невестка Маи тоже не избежали бесчестья.

Солдаты были довольны добычей — и красивыми женщинами, и ценными вещами. Ведь в доме Маи было на

миллионы донгов добра: кровати красного дерева, шкафы, отделанные слоновой костью, бронзовые алтари, бокалы чеканного серебра, женские украшения из золота и драгоценных камней — словом, все то, что Маи награбил за время службы губернатором в нескольких провинциях. Все это захватчики выносили из дома и сваливали в грузовики.

Маи застыл от ужаса. Придя в себя, он понял, что ему теперь ни минуты нельзя оставаться в деревне. Он кинулся разыскивать офицера.

Но тот, думая, что Маи прибежал жаловаться, не захотел с ним разговаривать и стал гнать его прочь.

— Я прошу вас, господин офицер, сделайте милость, возьмите меня с собою в Ханой,— взмолился Маи.— Ведь я не могу оставаться в деревне. Крестьяне отомстят мне за все, что случилось в моем доме, они больше не доверяют мне... Я очень прошу вас взять меня под защиту французской армии.

Офицер пожал плечами, повернулся и ушел. Маи поспешил за ним... Ничего от него не добившись, стал умолять солдат, чтобы ему разрешили уехать в машине. Наконец в отчаянии он самочинно залез в кузов грузовика, битком набитый награбленным в его доме добром. Там же сидели солдаты и захваченные ими женщины. Один из французов неодобрительно покосился на пышные одежды Маи и грубо выругался. Маи слышал и понял, но только плотнее прижался к борту машины.

Проехали несколько километров. Скоро солдатам опротивел вид этого старого чучела, и они вздумали его высадить. Маи кланялся, умолял оставить его в машине и изо всех сил цеплялся за борт. Один из солдат угрожающе взмахнул карабином, но и это не подействовало. Тогда другой, более решительный, оторвал руки Маи от борта, приподнял старика и вышвырнул его из кузова.

Грузовик умчался. Маи, скорчившись, остался лежать на дороге. Сквозь рваную одежду виднелось голое тело. Ветер катил по дороге его шитую золотом чиновничью шапку. Лицо, разбитое при падении, посерело и было залито кровью, волосы и борода покрылись дорожной пылью...

1955

ХЛЕБНОЕ ДЕРЕВО

За домом старого Лунга виднеется небольшой клочок земли — это огород, посреди которого растет огромное хлебное дерево. Тень от ветвей, увешанных крупными плодами, закрывает огород почти целиком. Нередко, увидев столь щедро плодоносящее дерево, прохожие останавливаются, восхищенно прищелкивают языками и говорят:

— Цены нет такому дереву! Должно, немалый доход от него хозяину.— И идут своей дорогой, так и не узнав, сколько горя и страданий принесло хлебное дерево семье Лунга.

Лет шестьдесят тому назад на этом огороде трудился дед Лунга. Земли было маловато, но дед сажал овощи, приноравливаясь к сезону,—не зря гласит пословица: каждому овощу свое время. В течение года удавалось собрать несколько урожаев, и семья сводила концы с концами.

Однажды — в тот год Лунгу исполнилось девять лет — родственники из деревни Вонг подарили деду саженец — маленькое хлебное деревце. Дед принес его домой, посадил за домом, огородил и сказал своим детям и внукам:

— Это дерево дает удивительно сладкие и душистые плоды. Самому мне их, правда, не довелось отведать, но так говорят сведущие люди. Вряд ли мне суждено дожить до того дня, когда дерево принесет первый урожай, но я молю небо, чтобы оно послало мне смерть летом, и тогда в годовщину моей смерти вы сможете возложить на алтарь предков спелые плоды нашего хлебного дерева...

Шло время, деревце постепенно росло. А потом пришел срок, и помер дед, посадивший хлебное дерево, помер, как хотелось ему, летом.

С каждым годом дерево становилось выше и толще, а в семье отца Лунга рождалось все больше детей, и жилось им все труднее,— задолго до нового урожая приходилось занимать рис у соседей, чтобы не помереть с голоду...

И жил в той же деревне помещик по имени Тон — жив он и по сей день,— большой любитель плодов хлебного дерева. У него в саду тоже росло одно такое, только плоды его горчили и были невкусными. И сколько он ни пытался получить с хлебного дерева плоды знаменитого сорта,

каким славится деревня Вонг, ничего из этой затеи не получалось. А Тон только и мечтал, чтобы самому лакомиться душистыми фруктами да угощать своих знакомых — чиновных особ и помещиков.

Ну хорошо, коли хочется чего-либо, так возьми и купи. Да, но купить — значит истратить деньги, а господа помещики не любят раскошеливаться, они привыкли получать все даром. А если подарков не несут, значит, приходится действовать силой или обманом. Только, как назло, в деревне Вонг у помещика Тона не было ни арендаторов, ни должников, а то уж он непременно потребовал бы отдать ему хлебное дерево...

Однажды тяжело заболела мать Лунга. И не было у больной другого желания, как только съесть чего-нибудь сладкого. Но в доме, на беду, совсем не оказалось денег, и пришлось отцу Лунга отправиться к помещику и просить взаймы немного меду. Тон вынес ему целую чашку меда, да еще прибавил две мерки риса.

— Если больная чего-нибудь попросит,— сказал он назидательно,— не нужно ей отказывать; так она скорее поправится.

И правда, скоро матери Лунга стало лучше, а потом Тон явился за долгом. Однако отец Лунга не мог с ним рассчитаться. Ничего не сказал помещик, только, уходя, взглянул на хлебное дерево и спросил:

— Люди говорят, что твое дерево из деревни Вонг?

— Верно говорят,— ответил отец Лунга.

Через полмесяца помещик явился снова. Но и на этот раз у отца Лунга не оказалось денег.

— Не беспокойся,— сказал помещик,— мы это дело уладим. Ты уступишь мне хлебное дерево.

Мать Лунга не заподозрила в этих словах никакого подвоха, наоборот, ей показалось, что наконец-то появилась счастливая возможность расплатиться с помещиком.

— Соглашайся,— сказала она мужу.— Отдадим дерево господину Тону. В годовщину смерти твоего отца господин будет давать нам один плод, чтобы могли мы совершить обряд поминовения, и воля покойного не будет нарушена. А из нашей семьи никто к плодам не притронется...

Помещик не теряя времени тут же заставил отца подписать бумагу, в которой говорилось, что отныне это дерево принадлежит господину Тону.

* * *

Когда хлебное дерево впервые дало урожай, отец Лунга пришел к помещику и попросил один плод, чтобы почтить память деда,— ничего не поделаешь, если в твоем огороде растет чужое дерево...

— Ты прав,— елейным голосом ответил Тон.— Человек, посадивший дерево, должен первым отведать его плодов. Хорошо, я разрешаю — сорви один. Тольке не режь его, после совершения обряда вернешь мне.

В тот год, когда хлебное дерево дало первые плоды, овощи на огороде уродились совсем никудышные. Долго думали хозяева, в чем дело, и наконец поняли.

— Видно, не растет здесь ничего, потому что хлебное дерево закрывает солнце. Как ни поливай, как ни удобряй — все без толку.— Отец Лунга тяжело вздохнул.— А когда дерево станет еще больше, тень от него закроет весь огород, а корни истощат всю землю. Разве будет что-нибудь расти на таком огороде?

В следующем году, полагаясь на уговор с помещиком, отец Лунга, не испрашивая нового разрешения, сорвал спелый плод и положил его на алтарь предков. Однако, узнав об этом, господин Тон, ставший к тому времени помощником начальника тонга, пришел в бешенство,— как это без его позволения крестьянин осмелился самовольно распорядиться его собственностью?!

Вооружившись палкой, господин Тон направился к дому ослушника. Нет, он не стал сразу его бить. Он разразился проклятиями и долго тыкал палкой в табличку с именами умерших предков, кричал, что его обворовали, потом в припадке ярости смахнул с алтаря все приношения и только тогда набросился на несчастного. Он привязал виновного к хлебному дереву, заставил встать коленями на половинки только что разрезанного плода и начал бить, приговаривая:

— С этой минуты я поручаю тебе сторожить мое хлебное дерево. И если пропадет хоть один плод, я сдеру шкуру с тебя, с твоей жены... Я покажу тебе, как воровать!

И ничего не могли поделать родители Лунга, ведь Тон был хозяином в деревне.

А хлебное дерево тем временем росло и росло. Оно уже заслонило от солнца весь огород, даже сорняки и те зачахли.

Мать Лунга иногда говорила:

— Может, нам продать огород?

Но разве найдешь покупателя на огород, в котором ничего нельзя посадить, разве найдешь глупца, который добровольно согласится сторожить чужое дерево да еще отвечать головой за каждый пропавший плод?

Все труднее жилось семье Лунга, и как-то раз мать Лунга сказала мужу:

— Может, ты пойдешь к начальнику тонга (помещик к тому времени уже стал начальником тонга) и продашь ему наш огород?

И отец отправился к нему.

— Добрый господин,— почтительно обратился он к помещику,— много лет назад, когда была больна моя мать, вы дали нам в долг чашку меда и две мерки риса. А потом в уплату долга вы взяли хлебное дерево. Тогда оно было совсем маленькое, и я согласился его вам отдать. Уже двадцать лет, как дерево приносит плоды, и они принадлежат вам,— тут все по праву, и мне не на что пожаловаться. Только ваше дерево находится на моей земле. Вот потому я и прошу вас купить у меня эту землю, а то уж и так надо мною смеются: мол, хлебное дерево на огороде растет, а плодов ни разу и не попробовал.

Тон вынул изо рта трубку с опиумом и ответил:

— Твои слова не лишены смысла, но ведь и мне есть что возразить. Ты рассуждаешь так, будто на этом свете ты один умник.— Помолчав, он добавил поучающим тоном: — В деревне почти все плодоносящие деревья принадлежат мне. Но разве кто-нибудь жалуется? Разве кто-нибудь приходит и предлагает купить его клочок земли? Наоборот, все старательно ухаживают за моими деревьями, и не было случая, чтобы у меня пропал хоть один плод. Так что перестань болтать вздор и ступай.

Он велел слугам гнать крестьянина в шею.

Лет через пять умерли отец и мать Лунга.

У Лунга тоже была большая семья, и жилось ей еще труднее. Лунг смотрел на хлебное дерево как на своего кровного врага. Ему казалось, что именно в нем — причина всех бедствий, именно из-за него на протяжении двух поколений ссорились между собой мужья и жены, отцы и сыновья. Навязчивый дурманящий запах спелых плодов хлебного дерева постоянно напоминал Лунгу о голоде и несчастьях. Если самый младший из детей Лунга, только-только начавший говорить, лепетал: «Это наше хлебное дерево!», Лунг приходил в бешенство. Дед, отец

и мать Лунга, как и он сам, долгие годы ухаживали за хлебным деревом, но никто из них так и не узнал вкуса его плодов. И однажды Лунг не выдержал: когда маленький сынишка стал жалобно просить, чтобы ему дали попробовать хоть кусочек, он в отчаянии схватил большой нож и с силой ударил несколько раз по стволу проклятого дерева. На стволе остались глубокие зарубки.

Кто-то донес об этом Тону. Разъяренный помещик приказал слугам привязать Лунга к бамбуковому столбу возле хлебного дерева и стал избивать несчастного бедняка. Тело крестьянина покрылось кровавыми рубцами.

Жена Лунга в это время возвращалась с поля. Увидев, как истязают мужа, она бросилась к нему, но Тон ударил женщину так, что та со стоном упала на землю.

После этого Лунг занемог, и прошло немало времени, прежде чем он оправился. Однако несчастья на этом не кончились. Вскоре стряслась новая беда: однажды ночью поднялся тайфун и сломал большую ветвь хлебного дерева, и упала она прямо на крышу хижины, где жила семья Лунга. Лачуга зашаталась и рухнула. Лунг и его ребятишки остались невредимы, но жене перебило ногу. С тех пор несчастная женщина ходила на костылях.

Но вот совсем недавно все вдруг переменилось. В деревню прибыли уполномоченные по проведению аграрной реформы, и старому Лунгу вернули его хлебное дерево.

Это случилось, как раз когда душистые плоды уже налились спелым соком. Лунг сорвал самый большой плод, разрезал его и положил на алтарь предков. На глаза старика навернулись слезы. В этот день семья Лунга в торжественном молчании принялась за трапезу.

Все были счастливы не только потому, что впервые в жизни отведали прекрасных душистых плодов хлебного дерева, но и потому, что получили наконец право есть плоды, которые столько лет их семья выращивала для помещика на своем огороде.

Только старый Лунг едва притронулся к еде. Когда поднялись из-за стола, он взял большое блюдо и положил на него десятка два самых лучших кусков.

— Оставим это до вечера,— сказал он.— Когда закончится собрание, я приглашу в наш дом уполномоченных и угощу. Вот тогда-то я почувствую настоящий вкус этих плодов, тогда я буду действительно счастлив.

1955

ПУСТЬ ПЕЧАЛЯТСЯ НАШИ ВРАГИ

Конечно, я и до этого случая прекрасно понимал, что с самых первых моих шагов участия в Сопротивлении американским оккупантам рискую многим и ставлю на карту свою жизнь. Но почему-то в глубине души был твердо уверен, что мне не суждено погибнуть от руки врага. Ведь я стою за правое дело. А справедливость притягивает людские сердца, все больше приобщая их к справедливому делу. Единство — великая сила, с ее помощью можно одолеть любые происки врага, с ней не страшит и самое хитроумное современное оружие. Потому-то, встречаясь лицом к лицу с врагом, чувствуя дыхание смерти, я прежде всего думаю о правоте нашего дела. И тогда на смену минутному страху приходит хладнокровие. Я беру себя в руки и нахожу выход из опасной ситуации.

Хочу вам рассказать об одном происшествии, которое случилось в прошлом году, когда меня направили в Милуонг на подпольную работу. Поселился я в доме тетушки Шау. Мужа у нее убили враги. Сына она еще в прошлом году проводила в Армию Освобождения Южного Вьетнама. Дома, кроме нее, оставалась только маленькая дочка, которой не было и десяти лет. Тетушка Шау по-матерински заботилась обо мне, делая все, чтобы вражеские солдаты меня не обнаружили. Сын ее, перед тем как уйти в армию, вырыл под домом укрытие, в нем можно было, если понадобится, и спрятаться. Укрытие я осмотрел, кое-где подправил. И мне уже доводилось разок-другой им воспользоваться.

В тот день было поминовение отца тетушки Шау, и она вместе с дочкой отправилась к брату в соседнюю деревню. Вышла из дому, когда еще только начинало светать, а вернуться обещала к вечеру.

Через четверть часа после ее ухода вдалеке послышались выстрелы, а вскоре прибежала и сама тетушка Шау. Она испуганно сообщила, что к деревне подходят враги. Чтобы успокоить ее, я улыбнулся:

— Вот чудаки-то: рыщут-ищут вьетконговцев [1], а грохочут и шумят, будто хотят этих вьетконговцев заранее об опасности предупредить.

---

[1] Вьетконговцы (*букв.:* вьетнамские коммунисты) — так враги называли вьетнамских патриотов, боровшихся за освобождение страны.

Я сказал, чтобы она не беспокоилась и шла себе к родственникам.

Спрятав свои бумаги, я собрался было податься куда-нибудь подальше в поля. Но потом подумал, что сейчас очень легко наткнуться на какого-нибудь доносчика или просто напороться на засаду. И потому решил спуститься в укрытие. Понятно, что враг теперь тоже научился отыскивать тайники. Но ему еще далеко до нашего мастерства в подпольной работе. Потому укрытие, вырытое в земле, считается самым надежным для подпольщика. С гранатой в кармане, приготовив на всякий случай нож, я спустился под землю и закрыл за собой крышку люка. Устроился поудобней и стал ждать.

Вскоре я услышал тяжелые шаги и громкие голоса — кто-то приближался к дому. Это, конечно, были солдаты марионеточной армии. Я напряженно вслушивался: куда они повернут? Сомневаться не приходилось, они остановились точнехонько возле дома тетушки Шау.

Раздался громкий голос, в его интонациях без труда можно было уловить сипловатый крестьянский говор провинции Садек.

— Вольно! Отдохнем немного да пойдем с обыском по домам. Командиры поисковых групп, ко мне! — После паузы я услышал: — Вот, взгляните на план. Красным карандашом обозначены зоны действий первой, второй и третьей групп.

Я, конечно, догадывался, что операции прочесывания в одиночку или вдвоем не проводят. Но целых три поисковых группы! Может, это было сказано на жаргоне? Прислушиваясь к голосу начальника отряда, я решил, что он парень молодой, немногим старше двадцати. Наверное, росточку небольшого, а характером крут. Дело принимало скверный оборот.

Между тем опять раздался начальственный голос:

— Третья группа производит обыск здесь, но непосредственно этот дом я беру на себя, проверю его лично. Опасное дело — как раз по мне, а вам — что полегче. Наверняка в этом доме полным-полно мин да ловушек. Коли у человека нет опыта обращаться с ними, пиши пропало. Эти сволочи вьетконговцы — мастера устраивать разные пакости. Но мы, солдаты республиканской армии, должны противопоставить им мужество. Итак, мужество плюс осмотрительность и дисциплина. Поняли?

— Так точно! — раздались нестройные голоса.

— Напоминаю, заслуги вам всем зачтутся. Сегодняшняя облава — дело наилегчайшее. Ведь как обычно бывает? Ищешь, будто с завязанными глазами, мучение, да и только. А сегодня — все ясно: господин Нам Тхёй донес, где и кого искать.

Вот оно что! Нам Тхёй донес! Начальник отряда нечаянно выдал наводчика. Этого Нам Тхёя я знал. В прошлом месяце его арестовывали наши—подозревали в шпионаже. Но Нам Тхёй так отчаянно плакал, умолял, кричал, будто его зазря оклеветали, что наши решили: эдакого труса в тайные агенты не возьмут, да и веских доказательств у нас не было. Сделали ему должное внушение и отпустили восвояси. Кто бы мог подумать, что этот подлец продолжает творить свои грязные дела?! Ну, ничего, теперь-то ему от расплаты не уйти!

— Если вам, солдаты,— помолчав, продолжал начальник,— удастся поймать вьетконговца, помните мой приказ: не бить его, подлеца, не стрелять, брать живым. Понятно? Напоминаю еще раз: если попадется малый небольшого роста, толстый, широкий в плечах, с темноватой кожей, на лбу — шрам, немедленно надеть ему наручники.

Я вздрогнул. Ведь это мои приметы! Все совпадает: небольшого роста, толстый, широкий в плечах, темноватая кожа и шрам на лбу. Значит, мерзавец Нам Тхёй навел их на меня и даже приметы описал!

— Итак,— начальственный голос зазвучал с особой твердостью,— запомнили? Немедленно надеть наручники. И не слушать его болтовни: что он ни скажет, пропускать мимо ушей. Это опасный преступник. Он главарь здешней банды, которая подстрекает народ на всякие беспорядки. Ни в коем случае не слушать его разговоров! Он начнет убеждать вас, чтобы вы его отпустили, а вы его — ко мне прямиком. Понятно? Я ему покажу, что значит иметь дело с офицером республиканской армии. Понятно? Таких, как я, в нашей республиканской армии все больше. Слышали?

«Видно, этот офицеришка — отъявленный стервец,— подумал я.— Да еще смеет говорить, что таких, как он, много. Как вам это нравится? Не думает же он всерьез, что становится больше сволочей, готовых продать себя за доллары и служить пушечным мясом для марионеток и американцев».

Тем временем во дворе раздалась команда:

— Приступайте! Поисковым группам занять свои объекты. О результатах доложите мне потом здесь же. Желаю успеха!

— Рады стараться!

«Желаю успеха! Мужество! Рады стараться!» Я с сожалением подумал, что эти подонки говорят по-вьетнамски и извращают истинный смысл хороших простых слов.

Нестройный топот ботинок постепенно стал удаляться. Наступила тишина. Я напряженно ждал, что последует затем. Но кругом все оставалось спокойно.

Видимо, офицер что-то задумал. Конечно, Нам Тхёй донес лишь приблизительно о моем местонахождении: точно указать, где я скрываюсь, он не мог. Тем более откуда ему знать о тайнике в доме матушки Шау? Или офицеришка хочет обмануть мою бдительность, или он сперва вынюхивает, нет ли в доме мин и ловушек, а потом уж попытается взять меня живым наверняка.

Не выйдет. Не тешь себя такой надеждой, подлец. Я борюсь за правое дело и, будь спокоен, на твой обман не поддамся.

Вдруг в доме послышались громкие шаги. Не очень-то он осторожен, этот офицер. Зачем ему понадобилось сейчас вломиться в дом? Слышно, как он расхаживает по дому, неторопливо этак, вразвалочку, будто на прогулке. Вот зашел в соседнюю комнату, а сейчас приблизился к люку моего тайника. Остановился.

Сердце мое яростно стучало в груди. Но я овладел собой. На цыпочках подошел к люку. «Если ты обнаружишь люк, ну что ж, я готов! — пронеслось у меня в голове.— Ты приподнимешь люк, я спрячусь с другой стороны. Ты поднимешь пальбу, но твои пули пойдут туда, где меня нет. Я не дамся. Попробуй-ка сунуть в люк дуло автомата — я вырву его у тебя. А если попытаешься достать меня рукой — вот мой нож! Ты останешься без единого пальца на руке».

Но офицер, словно слепой, не замечал люка. Стало слышно, как его шаги удалялись.

«Ну и болван,— подумал я.— И еще признается, что таких остолопов у них в армии становится с каждым днем все больше».

Шаги удалились, а затем приблизились опять. Я насторожился и изготовился. Но... шаги опять удалились. Я немного успокоился. Однако шаги опять зазвучали рядом. Я опять сжался в комок.

Должно быть, этот офицер — коварный и гнусный садист. Право же, его не поймешь! Я придумывал сотни уловок, чтобы действовать точно, когда наступит решающий момент.

Издалека донесся топот ботинок. Мой мучитель оставил меня и вышел во двор.

— Господин лейтенант, разрешите доложить,— раздался чей-то голос,— третья группа тщательно прочесала участок. Никаких подозрительных лиц не задержано.

Минуту спустя я опять услышал:

— Господин лейтенант, вторая группа вернулась с задания. Ничего подозрительного не обнаружено.

А за ним послышался третий голос:

— Господин лейтенант, первая группа прибыла.

— И вы тоже никого не задержали? — сердито спросил лейтенант.

— Так точно, никого.

— Как прикажете оценить вашу работу, лодыри? — раздался голос лейтенанта.— Ведь быть не может, чтобы Нам Тхёй сделал ложный донос. Это верный человек. А вот стоит ли доверять вам?

— Если не верите, господин лейтенант,— ответил ему чей-то обиженный голос,— давайте еще раз обследуем участок вместе с вами.

Но лейтенант был очень рассержен и продолжал распекать нерадивых подчиненных:

— От вас проку никакого! Сорвали всю операцию. Как я покажусь на глаза начальству? Что доложу? Сейчас идти с повторным обыском — пустое дело: вьетконговцы уже успели улизнуть к чертовой матери. Не станут же они вас, болванов, дожидаться.

Ответом было молчание. Там, наверху, это молчание казалось тяжелым. Здесь же, в моем подполье, у меня с души камень свалился. Пусть марионетки срывают зло друг на друге, пусть поносят друг друга — мне это только в радость.

— Ладно. Построиться и приготовиться к возвращению в часть. Завтра с утра пораньше проводим операцию в деревне Тхиньдо.

Несмотря на всю опасность моего положения, я чуть было не рассмеялся. Этот остолоп во всеуслышание выдает военную тайну. Я сейчас же сообщу нашим в Тхиньдо эту новость.

Отряд двинулся в обратный путь. Прошло четверть

часа, полчаса. Вокруг стояла полная тишина. Я осторожно приподнял крышку люка и вылез из тайника. Наконец-то я мог вздохнуть свободно!

Вдруг на крышке люка я заметил листок бумаги, на котором было нацарапано несколько строк:

«В следующий раз не пользуйтесь этим тайником. Он раскрыт. Кроме того, запомните, что крышку люка надо маскировать тщательнее».

Я был поражен. Я читал и перечитывал записку. На лбу выступил пот.

Выходит, и в марионеточной армии есть люди, сочувствующие правому делу. Наверное, этот лейтенант с характерным крестьянским говором провинции Садек недолго теперь будет служить в рядах сайгонского воинства. И таких, как он, много. Не это ли он имел в виду, когда говорил, что с каждым днем их становится больше?

1969

В ПУТИ

В сторону Сайгона по шоссе бойко катилось маршрутное такси. Все пассажиры с откровенной неприязнью косились на человека, который сосредоточенно курил, не давая покоя ни себе, ни соседям. Он нервно швырял за окно недокуренную сигарету и тут же доставал новую. С ожесточением стряхивал пепел. И с таким же ожесточением чиркал спичками. Он явно был не в духе. В машине стоял сизый дым. Пепел сыпался на соседей. Один раз головка спички вспыхнула и, неожиданно подпрыгнув, отскочила куда-то в сторону. То ли это получилось нечаянно, то ли курильщик хотел выказать свое полное презрение к спутникам.

На вид ему было лет пятьдесят. Кряжистый, плотный. Без седины. Одет по-старинному: черный со стоячим воротником халат и легкие штаны. Глаза скрыты за дымчатыми очками. Холеное лицо и чуть темноватая кожа, лоснящаяся, будто смазанная кремом. На небритых щеках пробивается черная щетина. Не обращая ни на кого внимания, он развалился на сиденье, подбоченясь и закинув ногу на ногу. Он один занимал в тесной «маршрутке» почти два места.

Временами пассажир застывал без движения, запрокинув голову; казалось, он дремлет. Но это было не так. По-

рой тяжелый вздох вырывался из его груди. Похоже, он держал себя так не только потому, что был не в духе,— он решал для себя какой-то жизненно важный вопрос.

Полковник Дон из не существующей больше сайгонской армии, служивший сбежавшему проходимцу Нгуен Ван Тхиеу[1], обдумывал, как жить дальше. Но при этом вид у него был весьма надменный. Это и понятно: ведь когда мерзавец Тхиеу улизнул на Тайвань, у полковника Дона шевельнулась было надежда занять президентское кресло.

Но едва длинноносые господа американцы поспешили унести ноги в свои родные Соединенные Штаты, полковник Дон загоревал. И окончательно впал в отчаяние, узнав о безоговорочной капитуляции. Однако еще страшнее и еще тоскливее стало на душе у полковника, когда он прочитал призыв революционных властей: все, кто служил в сайгонской армии или бывшей сайгонской администрации, должны явиться с повинной. Дон струсил не на шутку. Что его ждет? Арест, тюрьма, «промывание мозгов»? Это крах. Полный и окончательный. Все летит к чертовой бабушке: и власть, и деньги, и красивая жизнь. Ничего не останется от трех роскошных особняков (а один из них — в отличном месте у моря, в Вунгтау!), от двух шикарных автомобилей. Кончились хмельные пиры, диковинные яства. Ни слуг тебе больше, ни служаночек!

Но нет, он не дурак! Дон решил на время затаиться, потом начать борьбу. Борьбу до конца!

Он ведь не один, у него есть друзья. Надо повидаться с ними. Срок явки с повинной еще не кончился. Еще есть время что-нибудь предпринять. Дон скрывался уже больше недели. А сегодня условился встретиться со своими единомышленниками в местечке Говэп, известном у них под кодовым названием «пункт Н». Вот почему он трясся сейчас в «маршрутке», надев самую затрапезную одежонку. Нынче трудно было признать в этом человеке богача и недавнего вершителя судеб.

А «маршрутка» все так же бойко бежала по шоссе. Сияло жаркое солнце. И вдруг налетел шквал, нагоняя с востока черные тучи. Того и гляди хлынет ливень. Води-

---

[1] Нгуен Ван Тхиеу — президент марионеточного сайгонского режима, был смещен с этого поста за 48 часов до безоговорочной капитуляции, объявленной 30 апреля 1975 г.

тель сбавил скорость, а потом и вовсе остановился. Пассажиры увидели, как к машине подошли двое бойцов Народной армии.

— Сколько возьмете за проезд до Сайгона? — спросил один из них. Водитель назвал цену. Бойцы немного посовещались, затем старший достал кошелек, пересчитал деньги и протянул второму, а тот, в свою очередь, вынул какой-то сверток из ранца и передал старшему. Потом молодой протиснулся в машину.

Боец поздоровался с пассажирами и несмело огляделся, ища места. Девушка лет двадцати потеснилась, чтобы он мог сесть рядом. Никто не понял, посмотрел ли Дон на вошедшего или нет — на носу у полковника все так же красовались дымчатые очки. Он не подумал подвинуться, и презрительная мина по-прежнему не сходила с его лица.

Мотор затарахтел, машина тронулась.

Пожилая женщина, видя, что боец все еще стоит в нерешительности, указала на краешек сиденья, который освободила девушка.

— Садись, не то тряхнет машину, долго ли до беды.

Боец смущенно опустился рядом с девушкой. Пожилая пассажирка, приметив это, улыбнулась.

— А скажи-ка, почему твой приятель не сел в машину? Ведь вы же вдвоем были.

— У нас, тетушка, на двоих денег не хватило.

— Ну и что ж? Поторговались бы с шофером, небось уступил бы.

— Ничего. Тот товарищ — мой командир, он отдал мне свои деньги, чтобы хоть одному хватило на дорогу до Сайгона. А командир пройдет немного пешком, пока его не подберет попутная машина.

— Вот оно что!— удивленно протянула женщина.— Но разве ты не видишь, какой страшенный ливень собирается?

— Командира от ливня плащ убережет, я ведь ему свой плащ отдал.

Пассажирка засмеялась.

— Я смотрю, все-то у вас общее.

— У меня на ноге рана еще не совсем зажила,— как бы оправдываясь, сказал боец,— а тут ливень собирается, вот командир и приказал, чтобы я ехал сейчас. Он же сядет на попутную потом, ближе к Сайгону.

— Вот как вы друг о друге заботитесь! — восхищенно произнесла словоохотливая пассажирка.

— Вы ведь и понятия не имеете, как раньше здесь было заведено.— Девушка-соседка повернулась к бойцу.— Раньше сайгонский солдат и не подумал бы платить. Помашет рукой — машина тут же должна остановиться. Даже если битком набита. Нет мест — кого-нибудь высадят, а солдатня поедет.

Боец усмехнулся. Пожилая пассажирка спросила:

— Ты небось недавно с Севера, о таких порядках и не слыхивал. Родом-то ты из каких краев?

— Я, тетушка, из провинции Хайхынг.

— И давно тебя в солдаты забрили?

— Меня не забрили, я в армию добровольцем пошел.

— То есть как это добровольцем?

— Ну, пришел и попросил сам, чтобы меня приняли на военную службу. Дело в том, что у меня два старших брата уже в армии, поэтому мне полагалось освобождение от службы. Но когда один брат погиб, я пришел проситься добровольцем, чтобы отомстить. Комитет общины стал возражать. Но мы с отцом прямо в уезд поехали. И там разрешили.

— Чудно как-то.— Пожилая пассажирка с уважением посмотрела на бойца.— А отец с матерью живы?

— Да, дома пока все в порядке.

— Кто же они у тебя, чем занимаются?

— Крестьяне они.

— А братья, сестры дома остались?

— Есть у меня еще старшая сестра, в сельскохозяйственном кооперативе работает и в отряд самообороны вступила.

— Вот так-то.— Пассажирка растроганно оглядела всех сидящих в машине.— Слово дяди Хо людей добру учит. Смотрите, какие славные, какие добрые ребята выросли!

— Это вам не солдатня господина Тхиеу. Те как один — наглецы, грубияны, простого человека ни во что не ставили, тыкали всем — и старому и малому. Здесь их у нас никто терпеть не мог,— покачала головой девушка.

— Словом, прохудились, продырявились их порядки насквозь, сверху донизу! — решительно проговорила пожилая пассажирка.

Полковник Дон прислушался к разговору, но не подал виду, что заинтересован, а сидел все так же, запрокинув голову, попыхивая сигаретой. Он всячески старался пока-

зать, что ему нет дела до этой болтовни. Однако было ясно, что он слушает, и слушает внимательно.

Хлынул дождь, забарабанил по крыше. Пассажиры примолкли. Боец минуту всматривался в окошко, потом полез в ранец, вынул книгу и стал читать.

— Что это за чтиво у тебя, забавное небось? — опять поинтересовалась пожилая женщина.

— Повесть одного французского писателя.

— Французского? — Пассажирка изумилась.— А я-то думала, что вы французов ненавидите.

— Мы ненавидим не французов, а французских колонизаторов,— улыбнулся боец.— Французскую культуру мы уважаем.

Пожилая пассажирка, словно не расслышав бойца, спросила опять:

— Ты, видно, силен в грамоте-то?

— Десять классов окончил.

— Вот оно как! — Женщина раскрыла рот.— Еще два класса кончить осталось — и в университет пойдешь?

— На Севере, мамаша, не так, как здесь,— вставила слово девушка.— Кончил десять классов — поступай в университет либо в институт.

— Милый,— не унималась женщина,— вот и шел бы учиться дальше, в люди бы выбился. Все лучше, чем в солдатах маяться. Ах да, ты же ведь доброволец...— вдруг осеклась она.

— Я, тетушка, даже вступительные экзамены в институт сдал,— весело сказал боец.— Комиссия определила: послать меня учиться за границу. Но я решил сначала пойти в армию, отслужить свой срок, а учиться и после не поздно будет.

Пассажирка вздохнула.

— Если у вас все такие, то не мудрено, что Север над Югом победу одержал.

— Тетушка, да не Север победу над Югом одержал,— вслед за бойцом засмеялись и девушка, и другие пассажиры.— Это наш народ побил американских империалистов, разгромил захватчиков.

Услышав эту фразу, Дон обернулся и пристально посмотрел на бойца. Полковник вынул изо рта сигарету, но на сей раз не швырнул ее небрежным жестом, а осторожно просунул руку в окно и только потом выпустил окурок из пальцев. Он весь как-то подобрался, снял руку с бедра, уселся прямо. И больше не курил. С него как-то разом

слетела вся его спесь. Дон вздыхал, на лбу выступил пот, который он то и дело утирал платком. Полковник напряженно думал.

Тем временем небо прояснилось, «маршрутка» въехала в город и остановилась. Боец простился с попутчиками и зашагал своей дорогой. Полковник Дон долго смотрел ему вслед. Потом и он выбрался из машины. Взмахом руки подозвал такси. Затарахтел мотор, но Дон не поехал в сторону Говэпа. Такси поворачивало то влево, то вправо и наконец затормозило возле неприметного с виду дома. Здесь помещался военно-административный комитет. Было как раз время приема посетителей.

Посреди зала стоял стол. Молодой человек, почти мальчик, сидел за столом и что-то сосредоточенно писал. В зале Дон увидел много знакомых — своих бывших сослуживцев. Сдержанные улыбки. Рукопожатия. Дона пропустили вперед как старшего по чину. Переговаривались тихо, двигались бесшумно. Молодой человек принимал офицеров, явившихся с повинной.

1975

СОДЕРЖАНИЕ

НГО ТАТ ТО

* *Н. Никулин.* Вступительная статья 7

Роман

* Состязание в императорском дворце 13

НГУЕН КОНГ ХОАН

Избранные рассказы

Н. Никулин. Вступительная статья 213
Плата за собачьи зубы 220
Ничтожество 225
Истинный благодетель 229
Поделом ему 233
Ворюга 237
Люди-рысаки 242
Женитьба в долг 250
Куда исчез бумажник 254
Как у начальника тонга пропали туфли 260
Счастливчик 265
Смех с того света 269
Женщина — создание слабое 274
Светлый пример 279
Жена, покорись мужу 285
Я — редактор газеты 291
Сумасшедший 300
Печальное известие 305
Заколдованная монета 312
В своем доме госпожа 316

Подруги 322
* История моего самоубийства *(Монолог читателя)* 328
Девушка с шахты 335
Воронье 341
В поезде 348
Автомобильная катастрофа 353
* Красавица Маленький Цветочек 359
Переполох 364
Ассигнация в сто донгов 369
Верноподданный 375
Хлебное дерево 382
* Пусть печалятся наши враги 387
В пути 392

Н 38 **Нго Тат То.** Состязание в императорском дворце: Роман; Нгуен Конг Хоан. Избранные рассказы: Пер. с вьет. и вступит. статьи Н. Никулина.— М.: Худож. лит., 1982. 399 с. (Б-ка вьет. лит.)

В настоящем томе Библиотеки представлены роман Нго Тат То (1892—1954) и рассказы Нгуен Конг Хоана (1903—1977) — старейших писателей Вьетнама, оказавших огромное влияние на становление реалистической литературы в своей стране. Исторический роман Нго Тат То «Состязание в императорском дворце» повествует о борьбе передовой общественной мысли против конфуцианской схоластики и за право человека на свободу мысли и творчества. Роман публикуется впервые.

Рассказы Нгуен Конг Хоана обличают пороки правящей верхушки колониального Вьетнама.

Н $\frac{4703000000\text{-}309}{028(01)\text{-}82}$ 178-82 И(Вьет)

НГО ТАТ ТО

Состязание в императорском дворце

НГУЕН КОНГ ХОАН

Избранные рассказы

★

Редактор
М. Пастер

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технический редактор
Л. Синицына

Корректор
Н. Усольцева

ИБ № 2546

Сдано в набор 13.01.82. Подписано в печать 17.09.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21+1 вкл.=21,05. Усл. кр.-отт. 21,47. Уч.-изд. л. 22,19+ +1 вкл.=22,22. Тираж 50 000 экз. Заказ № 230. Изд. № VIII-844. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Тульская типография Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Тула, проспект Ленина, 109

НГО ТАТ ТО ◆ НГУЕН КОНГ ХОАН